Міністерство освіти і науки України Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара Кафедра історіографії, джерелознавства та архівознавства

ІСТОРІОГРАФІЧНІ ТА ДЖЕРЕЛОЗНАВЧІ ПРОБЛЕМИ ІСТОРІЇ УКРАЇНИ

ПРОФЕСІЙНА ЕТИКА ІСТОРИКА У МІЖДИСЦИПЛІНАРНОМУ ПРОСТОРІ

Міжвузівський збірник наукових праць Об'єднаний випуск 2013–2014 pp.

Дніпропетровськ 2014

УДК 174:94 ББК 63.3п5 I-90

> Друкується за рішенням вченої ради Дніпропетровського національного університету ім. Олеся Гончара від 19 грудня 2013 р. (протокол № 6)

Редакційна колегія:

д-р іст. наук, проф. О. І. Журба (відп. ред.); д-р іст. наук, проф А. Г. Болебрух; д-р іст. наук, проф. Ю. А. Святець; д-р іст. наук І. С. Стороженко; д-р іст. наук, проф. В. В. Ващенко; д-р іст. наук, проф. С. І. Маловичко; д-р іст. наук, проф. С. І. Маловичко; д-р іст. наук, проф. С. І. Посохов; канд. іст. наук, доц. В. І. Воронов (заст. відп. ред.); канд. іст. наук, доц. М. А. Руднєв, канд. іст. наук, доц. Т. В. Портнова (відп. секр.); канд. іст. наук, доц. Л. Ю. Жеребцова; ст. викл. Є. А. Чернов

Репензенти:

д-р іст. наук, проф. В. О. Василенко; д-р іст. наук, проф. О. В. Михайлюк; д-р іст. наук, проф. В. В. Стецкевич

1-90 Історіографічні та джерелознавчі проблеми історії України. Професійна етика історика у міждисциплінарному просторі : [міжвуз. зб. наук. праць] / ред. кол. : О. І. Журба (відп. ред.) [та ін.]. — Д. : ЛІРА, 2014. — 384 с.

Об'єднаний випуск 2013-2014 рр.

Вміщені статті науковців Дніпропетровська, Києва, Харкова, Москви, Ставрополя та Сиктивкара, підготовлені за результатами Шостих наукових читань, присвячених пам'яті професора М. П. Ковальського та науково-дослідної роботи викладачів, наукових співробітників, аспірантів і студентів кафедри історіографії, джерелознавства та архівознавства та історичного факультету Дніпропетровського національного університету ім. О. Гончара в цілому.

У центрі уваги збірника проблеми дослідження професійної етики історика в умовах міждисциплінарності, які можуть зацікавити істориків, наукознавців, культурологів, історіографів та джерелознавців – усіх, для кого проблеми етики ϵ значимим фактором у професійній творчості.

УДК 174:94 ББК 63.3п5

ISSN 2409-0743

© Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара, 2014 © Автори статей, 2014

Від редколегії

Репрезентуючи черговий (26-й) випуск нашого міжвузівського наукового збірника, здається за доцільне звернути увагу на нові періодизаційні ознаки в історії його видання: перший етап – при безпосередній участі професора Миколи Павловича Ковальського як «рушія», головного редактора, автора, другий - коли функцію організатора і натхненника стала виконувати вже пам'ять про нього. Як і у двох попередніх , у цьому збірнику центральне, системоутворююче місце посідали статті за матеріалами Наукових читань, присвячених пам'яті професора М. П. Ковальського, що відбулися у Дніпропетровському національному університету ім. Олеся Гончара 18-19 жовтня 2013 р. Разом з тим, на формування тематики впливала і плідна взаємодія з кафедрою історіографії, джерелознавства та археології Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна, що в даному випадку проявилося у реалізації спільного проекту щодо вивчення етичної складової на просторах історичного пізнання

Згідно з домовленостями з нашими харківськими колегами, цей проект реалізовувався в два етапи. Перший — харківський, у формах XII Астахівських читань, які відбулись восени 2012 р. і відповідного збірника наукових статей і, другий — дніпропетровський: Наукові читання, присвячені пам'яті М. П. Ковальського та видання, якого стосується ця передмова.

¹ Історіографічні та джерелознавчі проблеми історії України. Теорія. Методика. Практика : [міжвуз. зб. наук. праць] / ред. кол.: А. Г. Болебрух (відп. ред.) [та ін.]. – Д. : Вид-во Дніпропетр. нац. ун-ту, 2009. – 336 с. (Об'єднаний випуск 2009–2010 рр.); Історіографічні та джерелознавчі проблеми історії України. Книга в історії і культурі: [міжвуз. зб. наук. праць] / ред. кол.: А. Г. Болебрух (відп. ред.) [та ін.]. – Д.: Вид-во Дніпропетр. нац. ун-ту, 2012. – 356 с. (Об'єднаний випуск 2011–2012 рр.).

Щодо змісту збірника зауважимо, що разом зі статтями, створеними за матеріалами дніпропетровської конференції, назва якої відбилася на обкладинці, знайшлось місце і розвідкам, запропонованим редколегії для розвитку тематики авторами, виступи яких не увійшли до програми конференції. У зв'язку з тим, що у редакційному портфелі накопичились, на наш погляд, цікаві матеріали дискусійно/рецензійно/оглядового характеру, то вони, нерідко близькі до проблематики нашого збірника, сформували спеціальний розділ. І якщо уведення рецензійного блоку не може розглядатись як редакційне know how, то двомовна публікація (російською та англійською) колективної статті, яка відкриває збірник, може розглядатись як певний експеримент у нашій редакційній практиці. Мотивацією до цього була не лише «спрага» до експерементаторства, але й створення умов для ознайомлення більш широкого читацького загалу з основною проблематикою проекту.

У цілому ж структурування збірника обумовлене ідеологією, закладеною у розробку задуму Наукових читань пам'яті М. П. Ковальського. Саме для розуміння цього до структури збірника були включені додатки. До них разом з необхідним у такому виданні списком скорочень, увійшли інформаційний лист щодо організації конференції та програма самих Наукових читань.

Ідейні позиції авторів цього переднього слова щодо проблем, пов'язаних із стратегією видання значною мірою означені у названій статті. Тому його загальну характеристику завершимо сухою мовою статистики.

На запрошення взяти участь у нашому збірнику відгукнулися 29 дослідників, серед яких 16 дніпропетровців, 5 харків'ян, 4 москвича, 2 киян, по одному досліднику з Сиктивкара і Ставрополя. Всі вони працюють у 11 установах України і Росії. Серед них 5 дніпропетровських наукових осередків — Дніпропетровський національний університет ім. Олеся Гончара, Національний гірничий університет, Національна металургійна академія України, Дніпропетровський державний аграрний університет, Дніпропетровський національний історичний музей ім. Д. І. Яворницького, два московських — Національний дослідницький університет «Высшая школа экономики» та Московський державний обласний гуманітарний інститут. Окрім того, наші автори представляють Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна, Київський національний університет ім. Та-

раса Шевченка, а також Сиктивкарський державний університет та Північнокавказський федеральный університет (Ставрополь).

Редколегія збірника наукових праць, присвяченого проблемам професійної етики історика у міждисциплінарному просторі, цілком усвідомлює не лише актуальність, але й усю складність, безмежність і неозорість заявленої проблематики. Водночас, вважаємо принципово важливим підкреслити те, що своєрідним автореферативним підсумком досвіду, набутим за харківсько-дніпропетровським проектом може стати висновок, що в сучасному науково-історичному пізнанні «етичне», не зважаючи на постмодерний скепсис, міцно і наскрізно переплелося із методологічним...

* * *

Редакційна колегія висловлює щиру вдячність і глибоку подяку випускнику історичного факультету 1992 р., багаторічному другу кафедри історіографії, джерелознавства та архівознавства Олександру Борисовичу Городецькому за розуміння і безкорисливу підтримку наших проектів.

Історик у професійно-етичному вимірі

УДК 930:174

О. И. Журба, Т. В. Портнова, Е. А. Чернов

Днепропетровский национальный университет им. Олеся Гончара

ЭТОС ИСТОРИКА В ИДЕАЛАХ И УСЛОВИЯХ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ

Представлені основні ракурси дослідження проблем професійної етики історика у міждисциплінарному просторі, які обговорюються на сторінках даного збірника. Підкреслено, що «етичне» може бути ефективним індикатором у процесі професійного диференціювання/інтегрування. З історикоцентричних позицій пропонується розглядати проблему в двох мегаблоках як «внутрішню» (в системі науково-історичного пізнання), так і «зовнішню» міждисциплінарність. Один із дискусійних просторів визначений як «специфічна етична складова окремих історичних дисциплін». Зазначено, що здатність/потреба до глибокої рефлексії, звернута до самого себе, має бути етичним імперативом зрілого історичного мислення.

Ключові слова: професійна етика історика, етос історика, «зовнішня» міждисциплінарність, «внутрішня» міждисциплінарність, історичне пізнання, історіографія.

Представлены основные ракурсы исследования проблем профессиональной этики историка в междисциплинарном пространстве, которые обсуждаются на страницах данного сборника. Подчеркнуто, что «этическое» может быть эффективным индикатором в процессе профессионального дифференцирования/интегрирования. С историкоцентричных позиций предлагается рассматривать проблему в двух мегаблоках: как внутреннюю (в системе научноисторического познания), так и «внешнюю» междисциплинарность. Одно из

[©] Журба О. И., Портнова Т. В., Чернов Е. А., 2014.

дискуссионных полей определяется как «специфическая этическая составляющая отдельных исторических дисциплин». Отмечено, что способность/потребность к глубокой рефлексии, обращенная к самому себе, должна быть этическим императивом зрелого исторического мышления.

Ключевые слова: профессиональная этика историка, этос историка, «внешняя» междисциплинарность, «внутренняя» междисцтиплинарность, историческое познание, историография.

The article focuses on the main perspectives in research of the problems of historians professional ethics in the space of interdisciplinary, which are discussed on the pages of this collection of articles. It is stressed that «ethical» can be an effective indicator in the process of professional differentiation/integration. It is offered to handle the problem from history-centered position in two megablocks: as inner (in the system of scientific historical cognition) on the one hand, and «outside» interdisciplinarity on the other. «Specific ethical component of separate historical disciplines» is defined as one of important problems to discuss. It is noted that ability/necessity of deep self-reflection must be the ethical imperative of ripe historical thinking.

Key words: professional ethics of the historian, ethos of historian, «outside» interdisciplinarity, «inner» interdusciplinarity, historical cognition, historiography.

Уважаемые коллеги, позвольте еще раз поблагодарить и выразить признательность за участие в конференции. Это тем более значимо, что у организаторов были достаточно большие сомнения, насколько предлагаемая тема найдет отклик у коллег по цеху. Сомнения эти были вызваны тем, что на предшествующем этапе реализации нашего совместного с харьковскими коллегами проекта изучения современного состояния исторического познания/знания под этическим углом зрения, представленного на «Астаховских чтениях» 2012 г., особое внимание фокусировалось на проблематике противоречия между социально и научно-ориентированным историческим знанием [3].

Казалось бы, именно эту проблематику актуально было бы поставить в качестве центральной и на Чтениях памяти Н. П. Ковальского. Относительно имени Николая Павловича у нас не было никаких сомнений морально-этического характера, что для конференции, посвященной его памяти, осмысление деятельности историков в этическом измерении отвечает его образу. Но то, через какую проблематику нам удалось бы углубить рассмотренный и проанализированный на харьковской конференции спектр вопросов,

было и остается предметом наших сомнений. И не без длительных дискуссий, в том числе и с нашими харьковскими коллегами, решено было выйти на заявленную тему.

Таким образом, решая одну из сложнейших этических проблем – проблему выбора, – мы руководствовались представлением, что понятие «междисциплинарность» обладает мощным индикативным потенциалом по постановке и раскрытию сущности профессионально-этических проблем в современной науке вообще, а в профессии историка, – особенно. Если это рассуждение справедливо, то предикат «индикативный» приобретает важное смысловое значение, в том числе и в глобализированном смысле, так как этическое, по нашему убеждению, является эффективным индикатором в процессе профессионального дифференцирования/ интегрирования, тем самым одновременно выполняя макро/микро маркировочные функции.

И в этом отношении есть основания полагать, что мы на наших Чтениях продолжим реализовывать стратегию, предложенную в свое время С. И. Посоховым, — организации харьковскоднепропетровских историографических конференций таким образом, чтобы с различных позиций осмысливался феномен исторического познания/знания, при котором историография выступала бы и предметом, и инструментом.

После определения «междисциплинарности» как понятия, выполняющего индикативную функцию в профессионально-этической проблематике, перед нами возникла потребность хотя бы в самом пунктирном виде обозначить аналитическую структуру проблематизации этой темы. Участники конференции имели возможность беглого ознакомления с ней в информационном письме Оргкомитета Чтений¹.

С историкоцентричных позиций проблему междисциплинарности в профессионально-этическом отношении было предложено рассматривать в двух мегаблоках, условно обозначенных как «внутренняя» (в системе научно-исторического познания) и «внешняя». Таким образом, сам термин «дисциплина» рассматривается нами как многоуровневый. Иначе говоря, история как мегадисциплина со сво-

 $^{^{1}\,}$ См. приложение 1 к настоящему сборнику.

ими дисциплинарными областями (внутренняя междисциплинарность), а все остальные - неисторические науки - как внешние (по отношению к истории) дисциплины. При этом мы исходили из следующего образа дисциплинарности: дисциплина в когнитивной сфере функционирует в качестве таковой, если ей присущи устоявшиеся предметное поле, методологический/методический арсенал и институциональность, которые обладают потенциалом формирования специфических этических/субэтических пространств, интегрируемых в рамках мегапространств – историческая наука/наука в целом. Более того, не претендуя на оригинальность, подчеркнем все же, что исходим из представления, что там, где этизации не фиксируются, не просматриваются – имеем дело с фантомной дисциплинарностью. Именно поэтому исследование науки под профессиональноэтическим углом зрения имеет и эпистемологическое значение, выполняя тем самым верификационные функции в отношении дисциплинарного статуса.

Предложенный ракурс «внутреннего» и «внешнего», конечно же, предполагает, что в полидисциплинарной структуре «внутреннего» есть свои соответствующие разграничители такого же типа. Однако, вместе с тем, эта полидисциплинарность – в мегадисциплинарной системе — «историческая наука». Кстати, можно предполагать, что анализ под таким углом зрения может быть эпистемологически плодотворен при выявлении признаков (в том числе и этических) выхода той или иной дисциплины за пределы «мегадисциплинарного пространства» (супермегадисциплинарного — науки). Такой результат даже теоретически возможен только в том случае, если аналитика исходит из определенных образов научного/исторического, тем самым, вольно или невольно, придавая ему оценочно-этическую функцию, причем в достаточно жестком императивном варианте.

Такого рода рассуждения способствовали формированию одного из дискуссионных полей: «специфическая этическая составляющая отдельных исторических дисциплин», как в самом общем виде, так и в конкретных дисциплинарных вариантах. Попутно заметим, что из тематики докладов и сообщений на конференции видно, что прослеживается готовность коллег к участию в такого рода дискуссии. Вместе с тем симптоматично, что некоторые предложенные на обсуждение вопросы оказались за пределами внимания. Это, с одной стороны, мы можем поставить в вину организаторам (самим себе),

с другой, это, действительно, может быть диагностическим признаком не по отношению к нашим организационным способностям, а по состоянию отдельных дисциплинарных областей исторической науки. В частности, не скроем, что мы очень надеялись на большую открытость «вещеведов» от истории (археологов, этнологов, этнографов, музейщиков) по вопросу «слова и вещи». Некоторой неожиданностью для замышляющих Чтения оказалось отсутствие реакции на актуальную проблему «теоретиков и эмпириков». Возможное объяснение связано с тем, что «теоретическое» и «эмпирическое» в сознании историков не имеет формального дисциплинарного статуса. Хотя, несомненно (тем более в этическом измерении), в научноисторическом пространстве размежевание на этом уровне является очевидным фактом науки, причем зачастую оно происходит без учета бахтинских предупреждений/рекомендаций «без драк на меже».

Не без удовлетворения, как принято говорить в отчетных докладах, воспринимается нами реакции участников Чтений на проблематику о междисциплинарных, межнаучных экспансиях. По крайней мере, учитывая состав участников и темы докладов, у нас есть все основания считать, что мы вышли на мегамеждисциплинарный уровень¹.

Именно в контексте рефлексий по поводу замысла Чтений и импульсов на него в виде заявленных тем и сформировалось представление о возможно наиболее уместной теме коллективного доклада от организаторов. Характерно, что постановка некоторых тем включает в название термин «этос». И с нашей точки зрения, это не только дань кажущемуся популярным словечку, но и осознание его понятийного потенциала при осмыслении феномена науки.

Введенное в оборот Р. Мертоном в 1942 г. понятие «этос науки», вошедшее в лексикон науковедения, социологии науки и, если угодно, культурологии науки, вместе с тем не имеет точного унифицированного дефинитивного выражения. В специальном солидном сборнике, посвященном проблемам этоса в науке от имени редакции утверждается: «Тема этоса науки поднимает целую серию взаимно перекликающихся вопросов. Насколько своевременно и современно обращение к теме этоса? Какие причины определяют её актуаль-

¹ См. приложение 2.

ность? Какое приращение смысла дает этот поворот рассмотрения к ставшему уже традиционным исследованию научного познания в социальном или культурном контексте? Может ли этос науки стать той «единицей» измерения, которая даст возможность зафиксировать явно выраженные в производстве современного научного познания как интеграционные, так и дезинтеграционные тенденции и в то же время представить механизм самоорганизации современного научного познания в целом?» [1, с. 8]. Нам импонирует стиль цитированного фрагмента, в котором вопрос нанизывается на вопрос. И все же, мы не рискнули построить основную часть нашего доклада в таком же стиле. Памятуя, что мы все же историки, а не философы, обратим внимание на то, что значимым для историков является тот факт, что термин «этос науки» появляется именно в 1942 г., в катаклитических условиях, в ощущении распада и уничтожения ценностного мира, в котором наука и воспринималась как одна из высших ценностей. Именно поэтому понятие «этос науки» в мертоновской экспликации при всем стремлении самого ученого-мыслителя оставаться верным идеалам научной рациональности, призвано было выполнять и перед «жизненным миром» и особенно перед «миром науки» фактически религиозно-церковную функцию. Напомним, что именно в это время из лагеря, представляющего ценностный мир либерального Запада, исходят жестко-нормативные трактаты Ф. Хайека, К. Поппера и, в некотором смысле примыкающие к ним, ставшие классическими для историков, «Апология истории» М. Блока, «Идея истории» Р. Коллингвуда. Поэтому работа Р. Мертона под характерным названием «Нормативная структура науки» вполне вписывается в этот ряд по своим идейно-этическим посылам и предполагаемой функциональной роли. Хронотопная зависимость высказанных им идей рельефно проявляется в дальнейшей их судьбе. В условиях стабилизации послевоенного мира «нормативная структура науки» скорее находит себе адептов в околототалитарных кругах и критиков из либерального лагеря. И хотя эта критика может быть объяснена и с историко-научных позиций как результат имманентной логики развития науки, вовсе не следует недооценивать и идейно-этическое неприятие со стороны критиков жесткой норматизации сферы, предполагающей свободное научное творчество. Поэтому само понятие «этос науки» могло и было поставлено под сомнение.

Применительно к непосредственно интересующей нас проблеме не этоса науки вообще, а этоса историка или этоса исторической науки, прежде всего, необходимо задаться вопросом: присущ ли самому предметному полю истории как познания потенциал этосотворения?

Для нас этот вопрос является, несомненно, риторическим, хотя бы потому, что ранее нами было заявлено об отсутствии признаков этизации как проявления фантомной дисциплинарности, которая, при даже самом скептическом отношении к истории как к познавательной области, никак не может быть на неё распространена. Однако, признание этосотворящего потенциала не означает ещё признания историка вообще как существующей реальности. Иначе говоря, это признание не означает, что все «идентифицированные» историки, интегрированные в специфическое профессиональноэтическое пространство, являются носителями и выразителями общих ценностных идеалов. Отсюда постановка вопроса об этосе историка представляется актуальной именно здесь и сейчас для тех из нас, кто воспринимает сложившуюся ситуацию вокруг нашей познавательной деятельности, науки и образования в целом, как «ситуацию 1942 года». И в той степени, в какой самих себя к таковым и относим, полагаем уместными размышления в терминах «этоса науки». Если конкретизировать «образ 1942 года», то речь идет об ощущении, присущем разным срезам профессии историка – признаков «исчезновения профессии». Конечно же, сравнительно просто искать внешние причины в стилистике: «враги сожгли родную хату...». Такой подход, при всей его очевидной неплодотворности, по нашим наблюдениям доминирует при попытках с морально-этических позиций диагностировать причины кризисов подобного рода. Характерно, что и в научных сообществах этот объяснительный стиль не вызывает особых возражений. Складывается впечатление, что когда речь заходит о проблемах этического характера, например, в исторической науке, то обсуждающие их историки склонны придавать забвению и рефлексивную природу самого исторического знания, и способность-потребность к глубокой рефлексии, обращенной на самое себя, которая должна быть свойственна развитому историческому мышлению.

На наш взгляд, если признаки «исчезновения профессии» не являются эксклюзивным ощущением излишне впечатлительных

людей, то у них (признаков) есть значительные и значимые имманентные составляющие двух взаимосвязанных типов: когнитивного и социально-этического. Логика развития научного знания приводит, с одной стороны, к ветвящейся мультидисциплинарности, с другой, — к необходимости междисциплинарности. Вне зависимости от ответа на вопрос: возможна ли история как наука, как область познавательной деятельности? — она (история) в ходе своего функционирования воспроизводит все основные атрибуты, свойственные признанным областям научной деятельности — собственную мультидисциплинарность, проявляющуюся и на исследовательском, и на образовательном уровнях. В ходе формирования исторических дисциплин, как и в других науках, проявляется тенденция приобретения ими самодостаточного автономного статуса.

Представителям старшего поколения должна быть памятна острая и длительная терминологическая дискуссия, развернувшаяся в 60-80-е гг. минувшего столетия, о корректности использования термина «вспомогательные исторические дисциплины», в которой противники его (термина) с этико-эстетических позиций утверждали необходимость замены на «специальные исторические дисциплины» (при этом оставаясь «глухими» к аргументам от истории исторического познания). Сторонники СИДа явно демонстрировали в этом конкретном случае, что под крышей советской исторической науки сформировался особый «сидовский» субэтос. По нашим наблюдениям, таких примеров из истории исторической науки немало. В цеху историков проявляются два противоположных отношения к оценке внутридисциплинарной автономизации. Одни воспринимают её как «сопутствующее зло», которое, как и всякое зло, - желательно минимизировать; другие, - принципиальные дисциплинарные автономисты. Объективности ради отметим, что в этом же цеху в количественном отношении преобладают «неозабоченные» этой проблематикой.

Между тем, логика самого познавательного процесса детерминирует ситуацию, в которой предметное поле деятельности определяет специфику методов, методик, техник и, как следствие этого, морально-этическую императивность, формирующуюся и транслирующуюся через микроцеховые коммуникации и составляющие профессионально-исторического образования. Конечно, эти императивы не обязательно предполагают возникновение «точек

бифуркации» с общепрофессиональной этикой историка, но и не исключает их возможность. Если же перейти от теоретизирования по этому вопросу к эмпирике внутрицеховых наблюдений, то за примерами, как принято говорить, далеко ходить не надо. Историческое познание/знание в современном его состоянии, на наш взгляд, крайне далеко от соответствия гегелевской «диалектической гармонии» в единстве и борьбе противоположностей; а в пору описывать это состояние в терминах «антагонистических противоречий». Конечно, нас можно упрекнуть в гиперболизации. Мы принимаем этот упрек, так как сознательно прибегаем к гиперболе, функция которой и есть в речевых формах подчеркнуть и обозначить важность той или иной мысли.

Вместе с тем, проблема, заявленная в названии нашего текста, в контексте поставленного нами гиперболического диагноза, и позволяет акцентировать внимание на необходимости серьезных дискуссий об этосе историка в условиях вызовов, обозначенных нами в терминах «исчезновение профессии». Эту угрозу, конечно, вряд ли возможно преодолеть только лишь средствами жесткой этической норматизации *a-la* Р. Мертон 1942 года. Но еще более сомнительным является игнорирование коррозийных процессов в профессиональной этике историка, объясняемых не только «общим упадком нравов», но и логикой «прогресса развития истории как науки», в результате которой историк оказывается в условиях межумочной дисциплинарности при утверждении идеалов междисциплинарности. Если этот идеал в этих условиях начнет действовать как реальная морально-этическая установка, то он не приведет к снижению уровня этической коррозийности, так как живой историк живет не в дихотомическом пространстве (жизненный мир – мир науки) [2, с. 570-573], а сама сфера его деятельности, пусть даже с именем науки, представляет собой полноценный «жизненный мир» со всем его многообразием, в том числе, проявляющемся и на моральноэтическом уровне (например, в зависимости от топоса жизни). Для современного историка одной из определяющих жизненное пространство является дисциплинарность, с которой он себя соотносит (обще- и узко-дисциплинарная идентичность). При этом сама предметная область для подлинно живущего в ней историка приобретает черты субъекта взаимоотношений, требующего для морального человека, чтобы к ней (предметной области) относились не как к средству, а как к цели. Эту мистификацию предмета не следует рассматривать, как результат спекуляций авторов этого доклада. Нам представляется, что это вполне эмпирическое наблюдение, не имеющее пока научно-статистического подтверждения.

Упомянутым коррозийным процессам может способствовать то, что следование принципу междисциплинарности ставит историка в сомнительную с этической точки зрения позицию. Например, когда проявление междисциплинарности в научной практике признается в качестве заслуги в виде использования результатов других областей знания. Но в научном отношении, в рамках этических идеалов науки, пользование результатами в отрыве от глубокого осознания процесса их получения является сомнительно научным делом. Тем более, то, что мы называем междисциплинарностью, есть неотъемлемая составляющая любого, даже самого элементарного результата научно-исследовательского процесса, в т.ч. в истории.

Другое дело, когда исследователь, решая частные задачи в своей области знаний, прибегает к поиску и селекции методов, методик, техник, разработанных в ином дисциплинарном или мегадисциплинарном пространстве. Здесь, с позиций внешнеэтического оценивания, в случае корректности работы историк приближается к реализации идеалов междисциплинарности. Однако на внутреннем, личностном «этическом суде» с позиций дисциплины, он, этот «высоколобый интеллектуал», способствует размытию, разрушению дисциплинарной области и, в определенной степени, коррозии своей профессии. Хотя, оправданием для него может служить то, что он способствует процессу интеграции дифференцированного научного знания, приближая науку к её первичным вопросам. Но тогда, жанры «плача» и «страданий» по исчезающим научным профессиям должны быть вытеснены «хвалебными одами» и «торжественными гимнами».

На этом уместно было бы поставить многоточие с многочисленными вопросительными знаками. Но никуда не деться от проклятых вопросов, среди которых набивший оскомину «что делать?» исходит не только от предполагаемых слушателей но и от самих авторов... Это «проклятие» могло бы быть снято, если бы в наших силах было дать ответ на поставленные вопросы. Но сам факт созыва конференции является лучшим свидетельством неспособности осуществить это снятие самостоятельными силами. На-

деемся, что коллективный разум заинтересованных участников конференции будет способствовать продвижению в этом направлении. И в качестве провоцирующего дискуссию лозунга выдвигаем, перефразируя известный тезис Михаила Бойцова: «Вперед к этосу историка!?», выражая при этом надежду, что на этом пути нам удастся осуществить реконструкцию, или предложить конструкцию этоса историка на Научных чтениях, посвященных памяти незабвенного Николая Павловича Ковальського.

Библиографические ссылки

- 1. Введение. Наука в эпоху перемен (тема этоса) // Философия науки. – Вып. 11: Этос науки на рубеже веков. – М., 2005.
- 2. *Касавин И. Т.* Наука и жизненный мир / И. Т. Касавин // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009.
- 3. Харківський історіографічний збірник / голов. ред. С. І. Посохов. Х., 2012. Вип. 11.

O. I. Zhurba, T. V. Portnova, Ye. A. Chernov

Dniepropetrovsk National University named after Oles Honchar

THE ETHOS OF HISTORIAN IN IDEALS AND CONDITIONS OF INTERDISCIPLINARITY¹

Dear colleagues, let us thank you once again for participating in the conference. We especially appreciate this, because as conference organizers we had rather serious doubts whether the offered topic of discussion will come home to the representatives of historians corporation. On the previous stage of our joint project with Kharkiv colleagues – in study of modern state of historical knowledge/cognition from the standpoint

[©] Zhurba O., Portnova T., Chernov Ye., 2014.

¹ Авторский перевод статьи с русского Т. В. Портновой.

of ethics, presented in «Astakhovkie cheniia» 2012 – special attention was focused upon the problems of contradiction between the socially-oriented and scientifically-oriented historical knowledge [3]. It would seem, exactly these problems should be chosen as central on Readings in memory of N. P. Kovalskyi. As for Nikolai Pavlovich, we had no moral and ethical doubts, that for the conference, devoted to his memory, ethical aspects of historian's work fit perfectly well. But it was and still remains doubtful, what concrete topics and questions could succeed to deepen the spectrum of questions, raised and discussed at Kharkiv conference. And after protracted discussions, with our Kharkiv colleagues as well, we decided to offer the declared theme.

Solving one of the hardest ethical problems – the problem of choice – we followed the idea, that the concept «interdisciplinarity» has powerful indicative potential in formulation and disclosure of the very essence of professional-ethical problems in modern science in general, and in profession of historian particularly. If it is true, then the predicate «indicative» becomes especially important, in global dimension as well, because ethical, as we are convicted, is an effective indicator in the process of professional differentiation/integration and simultaneously functions as instrument of macro/micro marking.

In this respect, we dare say, in our Readings we follow the strategy, offered earlier by S. I. Posokhov – to comprehend the phenomenon of historical cognition/knowledge at Kharkiv-Dnepropetrovsk historiographical conferences from different points of view, when historiography steps out both like subject and instrument.

By defining «interdisciplinarity» as the concept, indicative in questions of professional ethics, we need to designate, at least roughly, the analytical structure of the topic's problematization. The participants of the conference had the possibility to read its brief description in the Informational letter of the Conference Chair².

It was offered to examine the problem of interdisciplinarity, from history-centered point of view, in its relation to professional ethics in two mega blocks, conventionally marked as «inner» (in system of scientific historical knowledge) and «outside». Hereby the very term «discipline» we see as multi-level. This is to say, we take history as mega-discipline

² See appendix 1 to this collected articles.

with its disciplinary fields (inner interdisciplinarity), and all the other – non-historical sciences – as outside (regarding history) disciplines. We followed the next understanding of disciplinatiry: the discipline functions in sphere of knowledge as discipline, if it has well-established subject field, its own methodology and institutional structures –and they together have the potential to form specific ethical/sub-ethical spaces, integrated to mega-space – historical sciences/science in general. What is more, we want to stress, without pretending to be original, that in spheres where ethical norms are not formed and can't be found we deal with phantom disciplinarity. Therefore study of science from the perspective of professional ethics also has epistemological meaning, because it verifies its disciplinary status.

Offering to talk about «inner» and «outside», we admit that polydisciplinary structure of «inner» includes its own delimiters of the similar type. This polydiciplinarity – in mega-disciplinary system – is «historical science». We suppose, that analysis from this perspective can be fruitful in epistemological sense – in revealing signs (including ethical) that the discipline is going out of «mega-disciplinary space» (super-disciplinary – of science). This result is possible, even theoretically, only when analytics is based upon certain images of scientific/historical, eo ipso judging it, whether intentionally or not, from ethical point of view, and in rather tough imperative variant.

Such reasoning contributed to the formulation of one the of problem to discuss: «specific ethical component of certain historical disciplines», both in general, and in concrete disciplinary variants. It is worth mentioning, that reports and papers, sent to the conference, demonstrate willingness of our colleagues to participate in such discussion. At the same time it is revealing, that some questions, offered for the discussion, remained disregarded. On the one hand, we can blame the organizers of the conference (ourselves), on the other, it really can be seen as diagnostic character not only of our organizational talents, it also diagnoses the state of certain disciplinary fields of historical science. Particularly, there is no need to make a secret that we hoped for more active participation of «specialists on things in history» (archaeologists, ethnologists, social anthropologists, museum specialists) in discussion of question about «words and things». Unexpectedly for organizers, there was no reaction to urgent problem of «theoreticians and empiricists». It can be explained by the fact, that «theoretical» and «empirical» for historians has no formal disciplinary status. Though, beyond all doubt, delimitation at this level in space of historical science is an evident fact, and quite often Bakhtin's warnings/recommendations «to avoid fighting at the boundary» are not taken into consideration.

With great satisfaction, as it is accepted to say in summary reports, we welcome the reaction of the Readings' participants on the problems of interdisciplinary, inter-science expansions. At least, considering the composition of the conference and topics of the reports, we got every reason to think, that we have reached inter-mega-disciplinary level¹.

The reflections on concept of the Readings and on topics, claimed by its participants, produced the idea of the possibly appropriate topic for organizers collective report. It is significant that names of some reports include term «ethos». And we think, it is not only an attempt to follow the fashion on apparent popular word, but recognition of its conceptual potential in comprehension of phenomenon of science.

The term «ethos of science», put into circulation by Robert K. Merton in 1942, entered the lexicon of science study, sociology of science and, if you will, culturology of science, but at the same time it is not strictly defined and unified. In special reputable collection of articles, dedicated to ethos of science, the editorial board writes: «The topic of ethos of science raises number of interrelated problems. To what extend is it timely and modern to turn to this theme? Why is it topical? What new senses do this turn give to already traditional studies of scientific cognition in social or cultural context? Can «ethos of science» become that «unit of measure» that will enable to fix explicit tendencies in production of modern scientific knowledge, both integrative and disintegrative, and to represent mechanisms of self-organization of modern scientific cognition in general?» [1, c. 8]. The style of the cited fragment, in which one question strings to another, is very appealing. But still we didn't venture to write the main part of our report in the same way.

Bearing in mind, that we are historians, and not philosophers, lets focus our attention on significant for historians fact, that the term «ethos of science» appeared exactly in 1942, in time of cataclysm and impression that the world of values (among which science was considered to be one of the greatest) was collapsing and destroyed. That is why the

¹ See appendix 2.

term «ethos of science» in Merton's explication, despite the desire of its author, scientist and thinker, to adhere ideals of science rationality, had to bear/fulfill religious and church function before «world of life» and especially «world of science». It will be recalled that just at the same time from the camp, which represented the world of values of liberal West, inflexibly normative treatises of F. Hayek, K. Popper, and in a sense related to them, classical now for historians «Apologie pour l'histoire ou Métier d'historien» («The Historian's Craft») by Marc Bloch and «The Idea of History» by R. Collingwood originated. The work of Merton with characteristic title «The Normative Structure of Science» in its ethical claims and supposed functional role fits quite well with them.

The fate of ideas always depends on chronology and place. In stabilized postwar world «normative structure of science» most likely found followers in near-totalitarian circles, and critics – in liberal camp. And though liberal criticism can be explained – from perspective of history of science – as the result of immanent logics of the development of science, we also shouldn't underestimate critics' ethical rejection of setting strict norms in sphere, presupposed to be space of free scientific creative work. Therefore the very term «ethos of science» could be and was put into question.

Turning from general ethos of science to particular ethos of historian and historical science, first of all we should raise the question: whether the very subject field of history as sphere of cognition has the potential to produce ethos?

For us this question is, beyond all doubt, rhetorical, because earlier we declared, that absence of features of ethization manifest phantom disciplinarity, which even people with very skeptical attitude to history as cognitive sphere can't ascribe to it. But acknowledgement the ethoscreating potential doesn't necessary mean the acknowledgement of ethos of historian in general as reality. Otherwise, it doesn't mean, that all «identified» historians, integrated into specific field of professional ethics, bear and express common ethical ideals. Hence, statement of question about the ethos of historian we consider topical exactly here and now for those of us, who take modern situation in our field of knowledge, science and education in general, as «situation of 1942». When we use the phrase «situation of 1942», we speak about feeling, present in different spheres of historian's profession – signs that «profession disappears». Surely, it is rather easy just to find external reasons in style of: «enemies destroyed

our home». Such an approach, despite all its visible unproductively, dominates, as we can observe, in attempts to diagnose the reasons of such crises from perspective of ethics. It is significant, that academic world in general accepts such explanations without special objections. The impression is, that when the question of ethical problems in, for example, historical science is raised, historians who discuss it tend to forget both the reflexive nature of the very historical knowledge and ability/need of deep self-reflection, which must be characteristic for developed historical thinking.

If signs, that «profession disappears», are not only exclusive impressions of too sensitive people, then they (those signs) include considerable and important ingredients of two interconnected types: cognitive and ethical. Logics of scientific knowledge development leads to branchy multidisciplinary on one hand, on the other – to the necessity of interdisciplinarity. Regardless of the reply at the question: whether history is possible as science, as field of cognition? – it (historical science) reproduces in its development all basic attributes, characteristic for recognized fields of science – including its own multidiciplinarity, both on research and educational level. As other sciences, when historical disciplines are forming, they tend to obtain self-sufficient autonomous status.

Scientists of older generation must recall acute and long terminological discussion, held in 1960–80, whether it is correct to use the term «auxiliary historical disciplines». Opponents of this term promoted – from ethical positions – the necessity to replace it with «special historical disciplines» (while remaining «deaf» to the arguments from history of historical knowledge). Supporters of the definition «special historical sciences» evidently showed, that under the roof of Soviet historical science separate sub-ethos of «SHD» was formed. Historical science knows many other similar examples.

Historians demonstrate two opposite attitudes to inside-disciplinary autonomization. Some take it as «attendant evil», which, like any evil, should be minimized; the others support autonomy of disciplines of principle. To be objective, it is worth mentioning, that the majority in corporation of historians are not preoccupied by such problems at all.

Meanwhile, the logics of the cognition process itself creates situation, when the subject of research defines special methods and techniques and, as consequence, ethical imperative, formed and passed on through micro-corporational communications and professional education of historians. Surely, those imperatives do not necessarily create «points of bifurcation» with general professional ethics of historian, yet they can do that. It is easy to find examples. Historical cognition/knowledge in its modern state, as we think, is far from Hegel's «dialectical harmony» in unity and struggle of opposites, its state can be described in terms of «antagonistic opposites». Someone can reproach us with hyperbolization. We admit this reproach, we consciously use hyperbola, because its function is to stress and underline the importance of certain idea.

At the same time, the problem, stated in the title of our article, in the context of our hyperbolized diagnosis, allows to stress the necessity of serious discussions on ethos of historian in conditions of challenges, which we defined as «disappearance of the profession». Surely we can't escape the threat only by means of strict ethical norming a-la Merton of 1942. But it is still more arguable that we can ignore corrosive processes in professional ethics of historian, caused not only by «general moral decay», but also by very logics of historical science development, when recognition of interdisciplinarity as ideal norm puts historian into conditions of not-fixed uncertain disciplinarity. If this ideal starts to function as real ethical aim, it will not bring down the level of ethics corrosion, because real historian doesn't live in dichotomic space (world of life - world of science) [2, c. 570–573], and the very field of his activity, even named science, is the full-grown «world of life» in all its variety, on the level of ethics as well (for example, in dependency upon certain topos of life). Disciplinary membership (general and narrowdisciplinary) is one of the defining in life of modern historian. In so doing the very disciplinary field becomes – for historian, who really lives in it – subject of interrelations, demanding from moral person to be treated not as means, but as aim. This mystification of subject should not be taken as result of speculations of the authors. This is quite empirical observation, still waiting for scientific statistical verification.

Corrosion processes mentioned are also stimulated by the fact, that historian, trying to follow the principle of interdisciplinarity, is put into dubious position from the point of view of ethics. For example, when display of interdisciplinary approaches (as the use of results of other fields of knowledge) in scientific practice is especially appreciated. But according to ethical ideals of science, usage of results without deep awareness of how they were received is hardly a scientific deed. The

more so, because practices which we call interdisciplinarity are integral component of every, even elementary, result of scientific-research process, including history.

Situation is different when scholar, while solving quotient tasks in his particular sphere of knowledge, finds and selects methods and techniques, developed in another disciplinary or mega-disciplinary field. In such a case, judging from outside, historian, if he works correctly, approaches to realization of interdisciplinary ideals. But on inner, personal «ethical trial», from perspective of his discipline, he, that «highbrow intellectual», contributes to blurring, destruction of disciplinary field and, to a certain extent, corrosion of his own profession. Though he can find an excuse in a fact, that he promotes the process of integration of differentiated scientific knowledge, approximating science to its primary (inicial) questions. But then genres of «lament» and «sufferings» on scientific professions, which disappear, should be displaced by «songs of praise» and «ceremonial hymns».

Hereon it is appropriate to put ellipsis with multiple question marks. But it is impossible to escape accursed problems, one of which – question «what should be done?» comes not only from supposed audience but also from the authors of the report... This «curse» could be removed, if only we were able to answer the questions raised. But the very fact, that the conference was called, is the best evidence that the curse can't be taken away without assistance. We hope that collective mind of interested conference participants will contribute to search of solution. And as the slogan to provoke discussion we bring forward, using a periphrasis, the famous thesis of Mikhail Boicov: «Forward to ethos of historian!?» and hope, that in this journey we will manage to reconstruct, or offer some construction, of historian ethos at Scientific readings, devoted to memory of unforgettable Nikolai Pavlovich Kovalskyi.

References

- 1. Vvedenie. Nauka v epohu peremen (tema etosa) // Filosofiia nauki. Vyp. 11: Etos nauki na rubezhe vekov. M., 2005.
- 2. *Kasavin I. T.* Nauka i zhiznennyi mir / I. T. Kasavin // Encyklopediia epistrmologii i filosofii nauki. M., 2009.
- 3. Kharkuvskyi istoriografichnyi zbirnyk / golov. red. S. I. Posokhov. Kh., 2012. Vyp. 11.

УДК 930.1(477) (092) «19/20»

С. І. Світленко

Дніпропетровський національний університет ім. Олеся Гончара

ЕТИЧНИЙ ІДЕАЛ ДЖЕРЕЛОЗНАВЦЯ У НАУКОВО-ПЕДАГОГІЧНОМУ ДОРОБКУ ПРОФЕСОРА М. П. КОВАЛЬСЬКОГО

Визначається етичне предметне поле дослідника, внутрішні та зовнішні чинники формування його етичного ідеалу, розкриваються прикмети ідеального образу джерелознавця в науково-педагогічному доробку М. П. Ковальського.

Ключові слова: етичне предметне поле, внутрішні та зовнішні фактори формування етичного ідеалу дослідника, М. П. Ковальський.

Определяется этическое предметное поле исследователя, внутренние и внешние факторы формирования его этического идеала, раскрываются черты идеального образа источниковеда в научно-педагогическом наследии Н. П. Ковальского.

Ключевые слова: этическое предметное поле, внутренние и внешние факторы формирования этического идеала исследователя, Н. П. Ковальский.

In the article the ethical subject field of the researcher, which includes such definitions as attitude, relations, communication, connections, ties, is defined. The importance of identification and detailed study of the researcher's ethical ideal is stressed. Special attention is paid to such aspects of ethical ideal, as pre-conditions and factors, which specified its formation, basic stages of development, evolution, and finally, consequences of its realization or failure. The internal and external factors, which form the ethical ideal of specialist in source study, are considered. It is put on purpose to deepen the picture of the ethical ideal of specialist in source study on the example of known Ukrainian scholar, specialist in source study, professor M. P. Koval'skyi, – founder of Dniepropetrovsk scientific school of source study. Such qualities of ideal specialist in source study, as fundamental knowledge of special historical disciplines, proficiency in theory and methods of source study, attention to previous home and foreign scientific tradition, profound knowledge of archival funds and collections, archeographical publications, great general erudition and adhesion to ethical principles of researcher, are defined.

Key words: ethical subject field, ethical ideal of the researcher, the ideal image of specialist in source study, M. P. Koval'skyi.

[©] Світленко С. І., 2014.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Етика належить до галузі філософських наук. Однак філософія тісно пов'язана з історією, з об'єктом — суб'єктом історичного пізнання — істориком. А тому етико-історичний міждисциплінарний підхід має право на існування, хоча в історіографії використовується не часто. Натомість етичне в професії будь-якого історика, в тому числі джерелознавця, посідає далеко не останнє місце. Адже діяльність гуманітаріяджерелознавця, як й історика-теоретика, історика-прикладника, історіографа, передбачає постійне «вторгнення» в етичне предметне поле, до якого доцільно віднести такі дефініції, як спілкування, зв'язки, стосунки, що достатньо розкриті у спеціальній літературі [3].

Постановка проблеми. Всі ці дефініції набувають етичного змісту і можуть поєднуватися в єдиній дослідницькій моделі категорією етичного ідеалу, в якому віддзеркалюється морально-бажане, що утверджується у свідомості дослідника єдністю світоглядної мети і засобів. Виявлення й ретельне дослідження етичного ідеалу дослідника, його втілення в життя на практиці представляє помітний пізнавальний інтерес, тому що дозволяє чіткіше зрозуміти етичні принципи, методи діяльності вченого, а відтак краще пізнати його особистість та інтелектуальне коло спілкування, професійний і життєвий вибір.

Ведучи мову про етичний ідеал, не можна обминати такі аспекти, як передумови та чинники, які зумовили його формування, основні етапи становлення, еволюцію, нарешті, наслідки його реалізації або нереалізованості. Безсумнівно, етичний ідеал дослідникаджерелознавця формується під впливом багатьох факторів, серед яких можемо виокремити внутрішні, особистісні, які постають із родинно-сімейних традицій, особливостей виховання особистості у дитинстві, юності, молодості, його кола людських і професійних контактів в учнівському, студентському, професійному університетському колективах. Не менш важливими є зовнішні етичні чинники, зумовлені загальною обстановкою в освіті, науці, культурі, соціумі, політикумі, державі та у міжнародних відносинах у цілому. Адже кожна епоха висуває власну шкалу етичних відносин, зв'язків і на це не можна не зважати. Втім, в етиці є вічне, яке об'єднує різні епохи.

Виходячи з вищезазначеного, чи можна розглядати етичний ідеал як категорію статичну, яка не еволюціонує, не розвивається? І чи є у джерелознавства як науки єдиний ідеал, чи коректніше вести мову про їх множинність, оскільки у кожного дослідника-джерелознавця, послідовників різних наукових напрямів, шкіл можуть бути етичноідеальні особливості, відмінності?

Мета статті полягає в поглибленні уявлень про етичний ідеал джерелознавця на прикладі постаті відомого українського вченогоджерелознавця, професора М. П. Ковальського – фундатора дніпропетровської наукової школи джерелознавців.

Виклад основного матеріалу. У власних роздумах про творчий і життєвий шлях Микола Павлович подав якості «ідеального (а, може, ідеалізованого) образу джерелознавця». Серед них знаний учений виокремив, насамперед, «фундаментальні знання, професіоналізм циклу спеціальних історичних дисциплін, особливо палеографії, текстології, філігранології, неографії, сфрагістики, геральдики, хронології, генеалогії та ін.» [1, с. 25].

І це була не лише декларація. Адже сам професор завжди вирізнявся досконалим знанням предмету, структурної матерії джерела з усіма джерельними елементами («атомами», «молекулами») та складними взаємозв'язками між ними, що давало можливість мати чітке уявлення про сутність та особливості того чи іншого джерельного комплексу. Це професійне знання М. П. Ковальський завжди вичерпно, емоційно-переконливо й дохідливо доводив до студентів. Не випадково лекції професора залишали глибоке враження у слухачів і формували фахівців власним позитивним прикладом. Так створювалося професійно здорове силове поле, в якому утворювалися численні лінії цілком нормальних, толерантних морально-етичних горизонтальних і вертикальних стосунків, контактів, зв'язків, спілкування в цеху істориків, джерелознавців, історіографів тощо. На цій основі формувалося й розвивалося професійне ставлення до предмету.

По-друге, за М. П. Ковальським, ідеальний образ джерелознавця передбачав володіння теорією й методикою джерелознавчих досліджень на основі використання класифікації, типології, систематизації, прийомів аналізу й синтезу різних типів, видів, родів джерел, вибір прийомів: генетичного, клаузульно-формулярного, історикопорівняльного, кількісних методів та ін. [1, с. 25]. Як бачимо, етич-

ний ідеал джерелознавця в розумінні професора М. П. Ковальського охоплював комплексне (теоретичне – методичне) володіння предметом

Не менш важливим, таким, що вписувалося в ідеальний образ джерелознавця, було знання попередньої вітчизняної й зарубіжної традиції вивчення предмету з її «здобутками та прогалинами, втратами», тобто «історіографії джерелознавства», та «вдосконалення джерелознавчих методів» [1, с. 25]. Це свідчило, що М. П. Ковальський цінував традиції, які утверджували певні дослідницькі цінності, а водночас був прихильником інновацій. Дотримання цих елементів гарантувало спадкоємність, наступність і поступ у процесі пізнання джерельних комплексів, а відтак історичного минулого в цілому.

Професор М. П. Ковальський був знавцем архівних фондів, колекцій та збірок, що зберігалися в Україні, Росії, Польщі, і це знання випливало з його ідеального образу дослідника-джерелознавця [1, с. 25]. Саме архівна евристика дослідника убезпечувала його від компіляцій, гарантувала оригінальність джерелознавчого бачення. «По суті, він, - зазначав Я. Д. Ісаєвич, - охопив надзвичайно широке коло питань з різних галузей історії і соціально-економічної, і політичної, і культурної. І все це, повторюю, побудовано на нових джерелах, які впроваджувалися до наукового обігу» [1, с. 57]. Зазначене підтверджував і А. В. Санцевич, який писав: «Варто відзначити широкий діапазон наукових інтересів ученого, його нестримне прагнення до нового у науці» [1, с. 66]. Водночас Микола Павлович приділяв велике значення осягненню «системи і комплексу публікацій джерел» [1, с. 26]. Тим самим він шанобливо ставився до праці своїх попередників, а це дозволяло не витрачати час на «відкриття велосипеду», а скоріше йти новими шляхами в археографії та джерелознавстві. Водночас «шанобливе ставлення до історіографічної традиції» не заперечувало «певний критицизм до тих, хто виконує публікації на низькому рівні», а також принциповість «до профанів та профанації науки, вульгарної публіцистики, творення міфологем та стереотипів, вульгаризаторів, плагіаторів» [1, с. 26].

Усі ці тези високого морально-етичного порядку не втратили актуальності і в наш час, коли деякі профани від науки не гребують прямими крадіжками відкриттів, ідей, концепцій, аби скоріше отримати такий омріяний науковий ступінь, а з ним і посаду в освітній

або науковій установі. Нічого спільного з етикою та мораллю в науковій корпорації така горе-діяльність не має. І проти її проявів рішуче виступав М. П. Ковальський, який був зразком чесних і принципових стосунків серед джерелознавців.

Широта і глибина розуміння історичного процесу була притаманна професору не тільки через знання власне джерельних комплексів, а й завдяки його загальній ерудиції, що базувалася на знаннях й інших галузей знань. Серед них у власному ідеальному образі джерелознавця М. П. Ковальський виділяв літературу, мистецтво, культуру. Ця теза не була для нього суто теоретичною. Так, наприклад, упродовж 1959—1963 рр. він працював науковим співробітником і завідувачем відділу етнографії Українського державного музею етнографії та художніх промислів АН УРСР (Львів) [2, с. 17].

Свій інтерес до культурної спадщини вчений-джерелознавець проніс через усе життя. Прикметно, що працюючи на кафедрі історіографії та джерелознавства Дніпропетровського державного університету, Микола Павлович не шкодував зусиль, щоб організувати і на високому організаційному та змістовному рівні проводити архівно-музейну практику в провідних культурних центрах Радянського Союзу — Москві, Ленінграді, Києві, Харкові, Львові тощо. Це давало можливість долучити студентів-істориків до великої культурної спадщини України та Росії, а відтак виховати справжніх професіоналів. Характерно, що вчений з інтересом працював і у царині художньої літератури. Свідченням цього став його твір «Гальшка: Історична повість» (1990) [2, с. 57].

На думку М. П. Ковальського, ідеальний джерелознавець мав бути носієм таких якостей, як «добропорядність, працьовитість, кмітливість, постійна напруга мозку, певний фанатизм, цілеспрямованість, тренування у самовдосконаленні». З цим, у розумінні вченого, мало поєднуватися «уважне й шанобливе ставлення до джерел, застосування різних прийомів для встановлення автентичності, вірогідності, репрезентативності джерел» [1, с. 26].

Усі зазначені риси ідеального дослідника повною мірою стосуються самого Миколи Павловича, який належав до самовідданих працелюбів, фанатично відданих своїй справі — джерелознавству. В його творчій діяльності органічно сходилося публічне й приватне в ім'я послідовного служіння високій історичній освіті та науці, що витісняло в його життєвому просторі відпочинок, дозвілля, звичайні радощі пересічних громадян. На цій основі були побудовані основні особистісні лінії життєвих відносин, зв'язків, спілкування, стосунків М. П. Ковальського, його етичний ідеал життя. Як справедливо відмічав академік Я. Д. Ісаєвич, «свій високий авторитет він здобував не тільки високим рівнем наукових праць, але й людськими якостями: доброзичливістю, гуманним ставленням до колег і молоді, справедливістю, прагненням завжди прийти на допомогу» [1, с. 57].

Висновки. Етичний ідеал М. П. Ковальського, основним змістом якого було дотримання професійної компетентності, глибокої ерудиції, шанобливого і водночає критичного ставлення до попередників, сумлінності і навіть жертовності в ім'я розвитку джерелознавчих досліджень, не міг не привернути увагу учнів вченого, які досить швидко ставали його однодумцями. Микола Павлович щедро ділився своїми думками зі студентами, аспірантами. І цей відкритий творчий діалог дав чудовий результат. За третину століття під керівництвом професора М. П. Ковальського сформувався й утвердився новий джерелознавчий науковий напрям джерелознавства історії України періодів зрілого Середньовіччя і раннього Модерну, на основі якого постала оригінальна дніпропетровська наукова школа джерелознавства.

Бібліографічні посилання

- 1. ДІАЗ / за ред. О. І. Журби. Д., 1997. Вип. 1: На пошану професора Миколи Павловича Ковальського.
- 2. Микола Павлович Ковальський: матеріали до біобібліографії / за ред. І. Пасічника. Острог, 2002.
 - 3. *Мовчан В. С.* Етика: навч. посібник / В. С. Мовчан. К., 2007.

УДК 930.1 (477) (092) «19/20»

Г. К. Швилько

Національний гірничий університет України (Дніпропетровськ)

ПРОФЕСОР М. П. КОВАЛЬСЬКИЙ ЯК НАУКОВИЙ КЕРІВНИК: ЕТИЧНА СКЛАДОВА

Представлені ключові етичні компоненти в роботі з молодими дослідниками видатного історика, професора М. П. Ковальського (1929—2006). Засновник і визнаний лідер відомої дніпропетровської джерелознавчої школи підготував 28 кандидатів наук, майже половина з яких згодом захистили докторські дисертації. Формування навичок дослідницької роботи, сумлінного ставлення до наукової діяльності як до найвищої моральної цінності, уважного індивідуального ставлення до особистості учнів у поєднанні із захоплюючим особистим прикладом, — все це становило фундаментальні засади науково-педагогічної діяльності професора. В статті використовуються особисті матеріали вченого (листи, спогади, інтерв'ю), ювілейні і посмертні публікації, власні спостереження від спілкуванні і співпраці з М. П. Ковальським.

Ключові слова: етика історика, М. П. Ковальський, дніпропетровська школа джерелознавства, підготовка аспірантів, наукове співтовариство.

Представлены ключевые этические компоненты в работе с молодыми исследователями видающегося историка, профессора Н. П. Ковальского (1929—2006). Основатель и признанный лидер известной днепропетровской источниковедческой школы подготовил 28 кандидатов наук, почти половина которых позднее защитили докторские диссертации. Формирование навыков исследовательской работы, добросовестного отношения к научной деятельности как к наивысшей моральной ценности, внимательного индивидуального отношения к личности учеников в соединении с захватывающим личным примером, — все это составляло фундаментальные основы научно-педагогической деятельности профессора. В статье используются личные материалы ученого (письма, воспоминания, интервью), юбилейные и посмертные публикации, собственные наблюдения от общения и сотрудничества с Н. П. Ковальским.

Ключевые слова: этика историка, Н. П. Ковальский, днепропетровская школа источниковедения, подготовка аспирантов, научное сообщество.

[©] Швидько Г. К., 2014.

The article reveals key ethical components in the work and communication of outstanding historian, professor M. P. Kovalskyi (1929–2006) with young scholars. Founder and recognized leader of the known Dniepropetrovsk school of source studies trained 28 candidates of science, almost half of whom later defended doctoral thesis. Formation of research skills, of faithful attitude to scientific work as the highest moral value, attentive individual attitude to the personality of students, combined with spectacular personal example, – all this formed the fundamentals of research and teaching activity of the professor. The author uses personal materials of the scientist (his letters, memoirs, interviews), anniversary and posthumous publications, and also gives her own observations of communication and cooperation with M. P Kovalskyi.

Key words: ethics of historian, M. P. Kovalskyi, Dniepropetrovsk school of source studies, preparation of graduate students, the scientific community.

З часу відходу у вічність визначного вченого і педагога Миколи Павловича Ковальського (1929–2006) вже сплинуло сім років. Цієї відстані достатньо для всебічного вивчення його життя і творчості, глибокого осмислення його наукового доробку, визначення місця в українській історіографії не лише як автора багатьох опублікованих праць з властивою їм науковою новизною і введенням до наукового обігу комплексів наукових джерел, але й як лідера наукової школи, котрий зробив значний внесок у підготовку науково-педагогічних кадрів кандидатів та докторів наук.

Усвідомлення значимості постаті М. П. Ковальського відбулося ще за життя вченого, в тому числі через видання присвячених йому збірників праць і проведення щорічних наукових читань, присвячених його пам'яті, у Дніпропетровську та Острозі. Власне, маємо нетиповий ні для радянської, ні для сучасної історичної науки випадок прижиттєвого визнання провідної ролі вченого в розробку наукового напряму, а також підтвердження такого визнання після його смерті, коли змінилися наукові пріоритети і суспільно-політичні умови розвитку історичних досліджень. Не заглиблюючись у з'ясування причин цього феномену, пошлемося на кілька солідних видань, зміст яких може певною мірою дати відповідь на питання: чим пояснити таку усталеність загальної оцінки творчості М. П. Ковальського? [2, 4, 7, 8].

В даній статті поставлена мета з'ясувати лише один аспект діяльності М. П. Ковальського — його наукове керівництво молодими дослідниками, методи формування в них дослідницьких навичок і виховання якостей, що відносяться до поняття «етики вченого».

Для досягнення поставленої мети використовуємо в якості джерел інформації, по-перше, судження самого вченого з цього приводу, по-друге, опубліковані в різних прижиттєвих ювілейних і посмертних виданнях спогади його учнів і колег, по-третє, власні спостереження і оцінки, оскільки відносимося до числа перших учнів і послідовників (у всякому разі так вважаємо) професора М. П. Ковальського.

Інтерес до даної теми пояснюється унікальністю факту виникнення наукової школи джерелознавства та історіографії України на початку 1970-х рр., коли ця дослідницька нива була найбільш занедбаною. Зауважимо, що вперше визначення «наукова школа Ковальського» прозвучало з вуст провідних московських істориків — академіка І. Д. Ковальченка, професора О. В. Чистякової та ін. А в опублікованому вигляді це вперше зафіксовано вже на початку XXI ст. в працях авторитетних істориків — академіка Я. Д. Ісаєвича та професора Я. Й. Грицака.

Хоча поняття «наукова школа» не вимірюється кількісними параметрами, все ж звернемося спочатку до них. Підсумок «кадрової спадщини» Миколи Павловича доволі красномовний — 28 його аспірантів захистили кандидатські дисертації, з цього числа 13 вихованців сьогодні є докторами історичних наук, а дванадцять його учнів згодом стали завідувачами кафедр у вищих навчальних закладах та завідувачами відділів в академічних установах (до цього числа не включено відомого вченого, професора С. І. Світленка, декана історичного факультету ДНУ, у якого М. П. Ковальський був науковим консультантом тільки по докторській дисертації).

Всі кандидатські дисертації були присвячені актуальним проблемам джерелознавства та історіографії та конкретної історії, переважно України. За хронологією більшість дисертаційних праць охоплює історію України XV—XVIII ст. Проте кілька дисертаційних досліджень виходять як за територіальні межі України, так і за вказані хронологічні рамки. Наприклад, перший аспірант М. П. Ковальського В. К. Якунін розробляв тему «Боротьба М. П. Покровського проти дворянсько-буржуазної і дрібнобуржуазної історіографії», а один із останніх аспірантів В. В. Дячок — «Джерела про Устима Кармалюка та опришківство на Поділлі (1813–1835 рр.)». Це свідчить про широту ерудиції наукового керівника, без чого не можна чітко визначити об'єкт, предмет та завдання наукової праці, передбачи-

ти можливі шляхи наукового пошуку, обсяги джерельної бази, проблемні питання тощо. Власне, це значною мірою впливало на якість кінцевого продукту, мірилом якої були успішні захисти дисертацій.

За місцем захисту кандидатських дисертацій розклад показників такий: 20 з них захищено у спеціалізований вченій раді Дніпропетровського державного (тепер національного) університету, 3 – в Інституті української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського НАНУ, 1 – в Інституті історії АН УРСР, 1 – в Київському державному університеті, 1 – в Московському державному історикоархівному інституті, 1 – в Університеті дружби народів ім. П. Лумумби, 1 – в Запорізькому державному (нині національному) університеті. Науковий керівник не боявся і не соромився відправляти своїх вихованців на прискіпливий суд знаних науковців як рідного університету, так і столичних інституцій, де були провідні фахівці з проблематики дисертацій.

Підступи до розкриття заявленої теми бачмо у з'ясуванні питань, по-перше, про формування керівником у своїх аспірантів ставлення до своєї професії науковця і педагога, по-друге, про виховання в них шанобливого пістету до старших, авторитетних, мудріших через життєвий досвід учених, до попередників на досліджуваній ниві, колег свого покоління та до тих, хто тільки-но почав іти вслід. В обох випадках нам видається, що визначальним чинником є сила особистого прикладу вченого, а не спеціальні настанови, хоча й без них іноді не можна обійтися. Та навіть деякі зауваження до рукопису вже є настановами (наприклад, майже всі початкуючі дослідники у вступі до статті намагаються переконати читача, що у залучених ними до огляду працях істориків нічого не зроблено з даної теми, тоді як сам текст рясніє цитатами і посиланнями на ті праці). Отже, про силу прикладу. Дозволимо собі згадати тут відомий латинський афоризм: «Verba movent, excempla tragunt» («слова хвилюють, а приклади – захоплюють»). Проте зауважимо, що за всього того не може бути абсолютного виховного ефекту стосовно всіх аспірантів. На це впливає характер кожної молодої людини, обставини її подальшого наукового шляху, середовище, до якого вона потрапляє, політичні уподобання тощо. Але це спостереження загалом не може зашкодити виявленню загальних ознак «виховного процесу» Вчителя по відношенню до його учнів. Кінець-кінців, хлібороб сіє зерно, а чи зійде воно, чи визріє у колос не завжди від нього залежить.

При актуалізації питання етичної складової було зазначено факт визнання «наукової школи М. П. Ковальського». А тому логічно спершу звернутися до питання про ставлення самого «лідера школи» до такого визначення і визнання в науковому світі істориків (у всіх дослідженнях у дефініції «наукова школа» обов'язковим є елемент наявності її лідера — талановитого і плідного вченого, педагога, організатора та ін.).

Професор М. П. Ковальський у 1995 р., відповідаючи на поставлене йому питання: «в чому полягає основа успішного функціонування зв'язки «учитель – учень» в історичній науці?», відповів, що для нього ключовою є взаємна довіра, чи точніше, віра в успіх справи, досягнення поставленої мети. Далі – зовсім несподівано: «У мене ніколи не було проблеми пошуку учнів та послідовників. Хоч чим далі живу, чим більше позаду дисертантів, остаточно не знаю як визначити, що таке науковий напрямок, що таке наукова школа» [2, с. 27]. Він просто самовіддано працював, не думаючи ні про «школу», ні про своє лідерство.

Гадаємо, деякі пояснення суті питання про етичну складову зв'язки «учитель — учень», криються у судженні М. П. Ковальського про спільність творчої праці учителя і учня, взаємну повагу і збагачення ідеями: «Поряд зі мною і разом зі мною пройшла велика плеяда людей, головно наукової творчої молоді, якими я маю всі підстави гордитись... ми взаємно збагачувалися ідеями, спільною, часто колективною роботою, то були реальні і корисні для науки співавтори, ми робили спільну працю, їх щире, сердечне ставлення до себе автор відчуває на великих віддалях, і те, що вони були і ϵ , напевне, найбільший життєвий і творчий успіх і велика моральна радість для автора» [3, с. 14].

Однак колектив «спільної творчої праці» не виникає випадково. Переважна більшість наукових вихованців М. П. Ковальського — це його колишні студенти. Отже, він розпочинав формувати молодого дослідника задовго до написання тим дисертації, прищеплював йому не тільки навички архівного пошуку, аналізу історичного джерела, наукової етики в оцінці зробленого попередниками, але й любов до наукової творчості, прагнення до розширення власної ерудиції, повагу до заслужених авторитетів в історичній науці. Зауважимо суттєвий факт: під керівництвом професора завжди працювало значно більше студентів, ніж могло потрапити до числа аспірантів, че-

рез обмежену квоту місць до аспірантури. Спочатку ця робота зі студентами відбувалася в рамках студентського наукового гуртка (ця форма роботи після тривалої перерви набула контрольованого поширення з кінця 1960-х рр.), а з часом це були ті, хто виконував під його керівництвом курсові та дипломні роботи. Незважаючи на різні перспективи цих студентів щодо їх аспірантства Микола Павлович однаково педагогічно, уважно і терпляче (адже не всі однаково швидко сприймали науку творчості) ставився до всіх, не вважаючи когось зайвим тягарем.

Студенти готували на засідання наукового гуртка, керованого тоді ще доцентом М. П. Ковальським, та на студентські наукові конференції доповіді й повідомлення, які не раз були прочитані науковим керівником. Ця робота вимагала від нього значних затрат часу. Адже треба було не просто прочитати, а й зробити зауваження, дати поради як їх виправити, підказати де і яку літературу взяти, на що звернути увагу, попрацювати із студентом над логікою та стилем викладання написаної доповіді або статті. Помноживши все це на кількість студентських «опусів» (одне з улюблених слів М. П.), можна уявити собі, який то був колосальний труд Вчителя.

Рівне, уважне ставлення Миколи Павловича до студентів не виключало того, що він намагався підтримати того, в кому запримітив дослідницький талант. Для ілюстрації цього наведу приклад, знайдений нами у спогадах нині доцента Віктора Івановича Воронова. Він пише, що вже на перших зустрічах у студентській аудиторії Микола Павлович «буквально зачарував майже всіх своїх студентів власною ерудованістю, широкою обізнаністю і знанням сутності і специфіки професії історика, водночає привабив своєю простотою, доступністю у спілкуванні, людяністю і якимось неповторним, притаманним тільки йому шармом... він, напевно як ніхто інший, у наших студентських уявленнях повністю відповідав образу справжнього професора вищого навального закладу». Цього захопленого студента незабаром призвали до лав радянської армії. Одним із перших викладачів факультету, хто про це довідався, був професор М. П. Ковальський, який допоміг хлопцю організувати дострокову здачу іспитів першої для нього сесії. А коли студент зайшов попрощатися перед від'їздом, Микола Павлович дав йому свою домашню адресу й попросив не переривати зв'язку з факультетом і писати листи з армії йому особисто. Далі словами В. І. Воронова: «Не знаю і майже не пам'ятаю, як я, власне, наважився написати першого листа Миколі Павловичу, і яким же значний був мій подив, коли досить скоро я отримав від нього відповідь! Після цього наше листування продовжувалося всі два роки моєї служби... Мені ж, напевно, можна точно пишатися тим фактом, що я був одним з небагатьох, якщо не єдиним солдатом строкової служби, з яким листувався професор Микола Павлович Ковальський» [1, с. 93–95].

Зрозуміло, що після повернення на навчання у Віктора Івановича не було сумнівів у тому, під чиїм науковим керівництвом він буде виконувати курсові і дипломну роботу. Таким був шлях до аспірантури одного з вихованців М. П. Ковальського. Таким був вплив особистості вчителя на молодого дослідника.

Ступінь авторитету і впливу М. П. Ковальського на студентів, особливо тих, хто працював під його керівництвом, був дуже високим. Оскільки автор цих рядків відноситься до перших його учнів, «гуртківців», то доведеться згадати як ми мимоволі наслідували «шефа». Найбільш захоплені науковою роботою гуртківці були постійними відвідувачами обласної, міської та університетської бібліотек, тягали з собою набиті книгами і картками портфелі, читали і конспектували книги чи статті за будь якої нагоди — на різних зборах, на безплідних лекціях з деяких предметів, на канікулах відправлялися працювати в центральні історичні архіви та бібліотеки (Москва, Київ, Львів). Це були люди заражені вірусом одержимості в науковому пошуку. Це був такий собі романтичний період становлення майбутніх науковців.

Досягнення успіху у вигляді захищеної дисертації залежить також від правильного вибору наукової теми. Зрозуміло, що вона має бути актуальною, визначатися науковою новизною тощо. Тут йдеться про інше. Яким чином витворювалася тема дисертації, знаходимо відповідь у спогадах учнів Миколи Павловича. У кожному разі — це окремі цікаві сюжети, але можна вивести спільну ознаку методики роботи керівника з майбутнім аспірантом (бо ставали аспірантами Миколи Павловича ті, хто вже раніше визначився з науковою проблематикою своєї дослідницької праці, на відміну від аспірантів, наприклад, «кафедр суспільних наук», які отримували (!) теми від призначеного їм після зарахування до аспірантури наукового керівника).

Це був спільний процес пошуку теми «двома сторонами», одна з яких частіше всього має тільки інтерес до знань, а друга має знання, але ще не виявила, зацікавленість у якій проблематиці має даний студент, яким періодом хотів би займатися, які здібності має до наукових занять, в якій галузі історії хотів би працювати — джерелознавстві, історіографії чи конкретної історії. Істинний дослідник, крім усього іншого, повинен бути «закоханим» у свою тему. Спочатку могла бути обрана лише проблематика, а після якогось часу роботи студента над літературою і джерелами із неї вилучалася перспективна для дослідження тема. Микола Павлович не нав'язував студенту/аспіранту тему дослідження, а намагався зацікавити нею, викликати бажання своїм майбутнім дослідженням заповнити наукову лакуну.

Видається цікавим приклад вибору теми дисертації майбутньому аспіранту, який не був студентом М. П. Ковальського, а познайомившись з ним навесні 1970 р., вступив до аспірантури восени того ж року. В дуже скороченому вигляді, за спогадами Юрія Васильовича Назаренка, який вступав до заочної аспірантури, маючи вже 20 років стажу роботи, це відбувалося так. Після знайомства і пропозиції Миколі Павловичу завідувача кафедри професора Дмитра Павловича Пойди взяти на себе керівництво аспірантом, співбесідники вийшли з навчального корпусу на проспект Карла Маркса. Незабаром завідувач пішов додому, а М. П. Ковальський та Ю. В. Назаренко довго ходили з кінця в кінець проспекту і розмовляли. Із спогадів: «Н. П. Ковальского интересовало все! Он спросил: «Юрий Васильевич, в анкете я обратил внимание на Ваш пестрый послужной список. За 20 лет (1951–1970) Вы сменили немало мест приложения своих сил. Чем это вызвано? И все это в Запорожье!». Співрозмовник пояснив, що працював на різних посадах в системі шкільної освіти, нині ж працює на кафедрі філософії та наукового комунізму машинобудівельного інституту, має дві вищі освіти – філологічну та історичну. «Николай Павлович спросил меня: «Зачем Вам понадобилось два высших образования?». Кандидат в аспіранти відповів, що в області не було жодного вузу з історичним факультетом, а далеко він не міг їздити на навчання через матеріальні перешкоди, але пізніше здійснив свою мрію, вступивши на історичний факультет Київського університету. «Николай Павлович также спросил, на какие темы диссертации нацеливал меня технический вуз ... Мои коллеги по кафедре и технари с инженерных факультетов сошлись на теме для меня по гражданской истории: «Вклад работников машиностроительной промышленности Украины в научно-технический прогресс в годы семилетки (1959–1965)». Він почав працювати над цією темою, але зрозумів, що без інженерних знань із цієї затії нічого путнього не буде. Натомість, його зі шкільного віку цікавила тема Визвольної війни українського народу середини XVII ст. та постать Б. Хмельницького. Юрій Васильович розказував, які книги з цієї теми він читав у дитинстві і пізніше, які фільми дивився, в КДУ це була тема його курсових та дипломної роботи. «В общем, следствием нашей продолжительной беседы было решение Николая Павловича согласиться стать моим научным руководителем» [6, с. 85–88]. Тема історіографії Визвольної війни стала дисертаційним дослідженням Ю. В. Назаренка.

Кожен із наукових вихованців Миколи Павловича, звичайно, має свою історію роботи під керівництвом Вчителя, свого становлення як науковця. Ці «історії», з одного боку, свідчать про індивідуальний підхід керівника до професійної підготовки кожного свого учня, а з іншого — про наявність спільної методики роботи з початківцями, принципів, що є наріжним каменем становлення і діяльності науковця.

На роздуми, напрями пошуку, вирішення наукового завдання впливали не тільки дані Миколою Павловичем орієнтири пошуку необхідного матеріалу, але навіть його добродушно-іронічні коментарі, несподівані запитання з досліджуваної проблематики, заперечення якогось твердження з наведенням відповідних аргументів, висловлена думка стосовно якогось питання, однак яку він ніколи не нав'язував аспіранту. Суворо не регламентуючи процес роботи над дисертацією, тим не менше, він створював таку творчу ауру навколо себе, що кожен з аспірантів сам прагнув демонструвати результати своєї роботи через участь у наукових конференціях, поїздки до архівів та бібліотек, публікації статей тощо.

Однією з виразних ознак методики роботи М. П. Ковальського з аспірантами було заохочення встановлення ними наукових контактів з провідними вченими, які займалися відповідною їх інтересам проблематикою, спілкування з цими вченими, що, на його думку, повинно було, з одного боку, збагачувати знаннями молодого дослідника, а з іншого – постійно тримати його «в тонусі», аби він працю-

вав над підвищенням власної кваліфікації, розширенням діапазону різних знань, аби бути цікавим співрозмовником ученого, а не лише його слухачем. Зауважимо важливу деталь: при цьому ніколи не ставилася мета використати таке знайомство і спілкування для полегшення захисту дисертації (якщо вже йшла мова про захист, то тут, радше, йшлося про його рівень — чіткість викладу змісту дисертації, вичерпні відповіді на запитання, аргументована дискусія з опонентами за їх зауваженнями). Для наукового керівника це було б навіть принизливо. А він своїми вихованцями пишався як продуктом своєї праці — від пошуку здібних до науково-педагогічної діяльності студентів до набуття ними під його керівництвом здатності податись в самостійне наукове життя.

3 цього боку суттєве значення для нас (маємо на увазі «перше покоління» аспірантів Миколи Павловича) стало спілкування з такими корифеями в галузі джерелознавства та історіографії, як московські вчені академік Іван Дмитрович Ковальченко, доктори історичних наук Сігурд Оттович Шмідт, Володимир Аронович Дунаєвський, Олена Вікторівна Чистякова, Лев Микитович Пушкарьов, Анна Леонідівна Хорошкевич, професор-джерелознавець з Ростована-Дону Олександр Павлович Пронштейн, київські провідні науковці В'ячеслав Ілліч Стрельський, Марк Якимович Варшавчик, Віталій Григорович Сарбей, Федір Павлович Шевченко, Анатолій Васильович Санцевич. Усіх їх М. П. Ковальський дуже високо шанував як авторитетних учених і особистостей, а вони, в свою чергу, ставилися до нього з особливою повагою і теплом, не по-столичному зверхньо, а як до вченого першорядного в історичний науці, хоч докторську дисертацію він захистив у Московському університеті лише восени 1984 р. Ця обставина на аспірантів мала значний вплив, від керівника й нам передавався той пієтет і повага до корифеїв історичної науки. З іншого боку, їх ставлення до нашого «шефа» не могло не впливати на аспірантське почуття гордості від належності до кола його учнів. Чи це все стосується поняття «етика вченого»? Думаю, що абсолютно так. Без фальші, без користі, щиро і одночасно повчально.

Науковим і моральним авторитетом для своїх вихованців професор залишався і після захисту нами кандидатських дисертацій. А він вважав потрібним також, за необхідністю, щось порадити, підказати, зробити зауваження. Дещо з того збереглося в пам'яті, а дещо

і в писаному вигляді. Знову звернемося до опублікованих спогадів і матеріалів, присвячених Миколі Павловичу Ковальському. У збірнику 2007 р. вміщено 23 його листи до Юрія Андрійовича Мицика, сьогодні доктора історичних наук, професора, а тоді ще аспіранта – доцента. В них знаходимо чимало елементів наставництва. Наведемо один лише приклад, котрий нам видається досить красномовним у розрізі досліджуваної теми. У листі від 30 квітня 1979 р. до Ю. А. Мицика, який тоді перебував на науковому стажуванні у Польщі, Микола Павлович спочатку торкається питання про тему докторської дисертації свого вихованця, котрий ніяк не міг вибрати з-поміж двох напрямів: досліджувати далі українські літописи, чи зайнятися джерелами з історії Визвольної війн середини XVII ст. Ось як пише стосовно цього «шеф»: «Трудно сразу же определить тему работы, которая мыслится как докторская. И тема, и рамки, и объемы выкристаллизовываются в процессе разыскания источников, ибо все украинское источниковедение – целина сплошная. Я все же думаю, что зря Вы отказываетесь от летописей: надо только идти по пути не только расширения источников, а их углубленного анализа...

В общем, Вы все мечетесь, что естественно и по молодости, и по обилию материалов». В цьому ж листі Вчитель робить молодому науковцю зауваження вже іншого характеру «Сборник «Анализ...» было издавать очень трудно, но он вышел быстро и при больших усилиях технических. Зря Вы неоднократно «читаете мораль» и Плохию, и Князькову... Хлопцы (Плохий и Князьков) написали хорошие статьи. И зря Вы высокомерно даете им «оценочки» – как «аспирантские», вспоминаете прошлое, личное... Еще нам всем до вершин далеко, не надо так обращаться с молодежью, я не за их зазнайство, но и без подчеркивания превосходства, не надо сбивать на путь боязни, там где это ненужно...Тем более подчеркивать свое превосходство». Зазначимо, що сьогодні доктор історичних наук, професор С. М. Плохій працює в Гарварді (США), а доцент С. П. Князьков у Запорізькому університеті. У примітках до листа, з якого наведено витяг, професор Ю. А. Мицик пише: «Цей фрагмент листа Миколи Павловича засвідчує зайвий раз той факт, що мій науковий керівник був дуже вимогливим до мене не тільки в науковому плані, але і в житейському, прагнув виправити недоліки мого характеру (і як мені здається у певних напрямках небезуспішно)» [5, с. 56–57].

Сам же Микола Павлович Ковальський не теоретизував з приводу етики вченого. А на поставлене йому питання «в чому ж основа успішного функціонування зв'язки «учитель — учень» в історичній науці?» (мається на увазі не взагалі, а стосовно його персонально) він відповів: «Про систему «вчитель — учень» в науці у мене є сакраментальна теза, яку я висловив на захисті дисертацій двох моїх аспірантів декілька років тому: Вони повірили в мене, а я повірив у них». Цим сказано все».

Таким він був учителем. Такою була його етика вченого.

Бібліографічні посилання

- 1. Воронов В. І. Мій образ професора М.П. Ковальського / В. І. Воронов // Микола Павлович Ковальський. Ad gloriam... ad honores... ad memorandum. Д., 2007.
- 2. ДІАЗ / За ред. О. І. Журби. Д., 1997. Вип. 1: На пошану професора Миколи Павловича Ковальського.
- 3. *Ковальський М. П.* Історик і історіографія / М. П. Ковальський // ДІАЗ. Д., 1997. Вип. 1.
- 4. Микола Павлович Ковальський. Ad gloriam... ad honores... ad memorandum / За ред. Г. К. Швидько. Д., 2007.
- 5. *Мицик Ю. А.* 3 листів М. П. Ковальського / Ю. А. Мицик // Микола Павлович Ковальський. Ad gloriam... ad honores... ad memorandum. Д., 2007.
- 6. *Назаренко Ю. В.* Эпизоды из воспоминаний об учителе и друге / Ю. В. Назаренко // Микола Павлович Ковальський. Ad gloriam... ad honores... ad memorandum. Д., 2007.
- 7. Наукові записки. Серія «Історичні науки»: зб. праць на пошану професора М. П. Ковальського / гол. ред. Л. Винар та І. Пасічник; відп. ред. В. Трофимович. Острог, 2004.
- 8. Осягнення історії: зб. праць на пошану професора М. П. Ковальського / гол. ред. Л. Винар та І. Пасічник. Острог; Ньо-Йорк, 1999.

УДК 930.1(47) «1835-1837»

К. А. Ильина

Институт гуманитарных историко-теоретических исследований им. А. В. Полетаева
Национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики» (Москва)

КОРПОРАТИВНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ VS ЛОЯЛЬНОСТЬ

(случай научной аттестации С. П. Шевырева (1835–1837)1

Реконструйований перебіг наукової атестації ад'юнкта Московського університету С. П. Шевирьова. Аналіз процедури дозволяє показати, яким чином здійснювалися вибори стратегії наукової кар'єри і формувалася політична лояльність учених в Росії. Дослідження грунтується на комплексі джерел (автобіографічні довідки, університетське і міністерське діловодство, документи особистого походження) з фондів центральних та регіональних архівосховищ Росії.

Ключові слова: Російська імперія, перша половина XIX ст., історія університетів, вчені ступені, Московський університет, Міністерство народної просвіти, С. П. Шевирьов,

Реконструирован ход научной аттестации адъюнкта Московского университета С. П. Шевырева. Анализ процедуры позволяет показать, каким образом осуществлялись выборы стратегии научной карьеры и формировалась политическая лояльность ученого сословия в России. Исследование основывается на комплексе источников (автобиографические справки, университетское и министерское делопроизводство, документы личного происхождения), извлеченном из фондов центральных и региональных архивохранилищ России.

Ключевые слова: Российская империя, первая половина XIX в., история университетов, ученые степени, Московский университет, Министерство народного просвещения, С. П. Шевырев.

[©] Ильина К. А., 2014.

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Практики аттестации и присвоения ученых степеней в европейских университетах Нового времени», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 г.

The university statute of 1804 introduced academic degrees and described the stages of their achievement. The Guidelines for the awarding of academic degrees of 1819 complemented it and specified the order of the academic attestation. At the end of the 1820s – the beginning of the 1830s Karl Liven and Sergey Uvarov, ministers of public education, initiated a large-scale personnel reform. The part of the reform was the state regulation of the obtaining a doctorate. Ministerial officials invented and tested several scenarios of the academic attestation aimed to simplify of obtaining degree for the selected categories of applicants.

Academic attestation functioned as a corporate filter opening the way for state and academic careers. Its internal dynamics was influenced by competition within the corporation as well as the formed hierarchies and power relations between scientists and officials of the Ministry. In order to succeed the applicant had to balance those changeable factors.

The analysis of the adjoint of Moscow University Stepan Shevyrev's obtaining a degree demonstrated a strong pressure and intervention of the officials. The bureaucracy of the Ministry and personally Uvarov, the Minister of Public Education, intervened in these procedures at all levels including writing petitions, developing the content of dissertation, establishing the time-schedule for obtaining a degree. The political authorities had seized the right of academic expertise and had been exercising it since then. Why?

Uvarov created a centralized system, which promoted a new ideology of public education in the frame of Nicholas I Police State. He admitted that university instructors were needed as «an instrument of government». They were seen as active promoters and supporters of the new ideology. Historians, lawyers and writers perfectly fitted for that purpose. The minister was empowered to grant a doctorate and professorship to the candidates, so they felt obliged to the ministry in general and minister personally. Showing through the letters of his subordinates amiability and support to Shevyryov, Uvarov shaped Shevyryov's gratitude and sense of duty. The decree about obtaining a doctoral degree without examinations on the basis of written dissertation only (initiated by Uvarov) enhanced those feelings.

Tactics of the «manual control» were very effective. Being obliged to the minister, Shevyrev in his jubilee «History of Moscow University» expressed his personal gratitude to Uvarov acknowledging him as the creator of the ideal educational system.

Key words: Russian Empire, first half of the 19th century, University History, academic degrees, Ministry of Public Education, Moscow University, Stepan Shevyrev.

Основание университетов в России государством изначально поставило университария в ситуацию выбора между произведенными и поддерживаемыми корпорацией ценностями локального порядка, потенциально конфликтного и не ориентированного на институты власти (корпоративной солидарностью), и верностью, привержен-

ностью нормам, провозглашенным государством (политической лояльностью). В процессе маневрирования между ними формировались «правила игры», профессиональные этические нормы, способы аргументации и интерпретации, универсальные, уникальные и индивидуальные наборы смыслов и другие составляющие профессиональной культуры.

Одной из повседневных ситуаций университетской культуры, в которых можно анализировать соотношение корпоративной солидарности и лояльности является научная аттестация — процедура корпоративного фильтра, в случае успеха дающая соискателю права на государственные чины и научные роли. Внутренняя ее динамика определялась конкурентной борьбой внутри корпорации, сложившимися иерархиями и властными отношениями между учеными и чиновниками министерства. Для успеха претенденту нужно было балансировать в переменчивой игре этих факторов.

Университетский устав 1804 г. вводил степени и описывал этапы их достижения. Положение о присуждении ученых степеней 1819 г. дополнило его и уточнило порядок аттестации. Право проводить научную аттестацию и присуждать ученые степени получили факультеты университетов. Кандидаты утверждались в степени предписанием попечителя, а магистры и доктора — министра народного просвещения. Ситуация изменилась после введения устава 1835 г., когда, сохраняя в целом прошлый порядок, было предписано проводить диспут в общем собрании совета университета.

Кроме уставных, существовали и альтернативные варианты обретения степени. В конце 1820-х — начале 1830-х гг. министры К. А. Ливен и С. С. Уваров приступили к реализации масштабной кадровой реформы, которая включала государственное регулирование процесса подготовки профессоров-докторов наук. Министерские чиновники придумали и опробовали несколько сценариев защит, суть которых была в упрощении процедуры аттестации для избранных категорий соискателей. К ним относились воспитанники Дерптского профессорского института, для которых был предусмотрен упрощенный вариант экзамена и возможность претендовать на степень доктора, минуя магистра. Особая программа подготовки и проверки знаний была у студентов законоведения, которых готовили для занятия профессорских должностей во II Отделении Собствен-

ной Его Императорского Величества канцелярии под руководством М. М. Сперанского.

Устав 1835 г. требовал для занятия кафедры обязательной степени доктора наук. Поскольку в университетах были молодые, способные, но не имеющие степени преподаватели, которых Уваров желал видеть профессорами, то в середине 1830-х гг. для них также был разработан сценарий «ускоренных» защит.

В данной статье на примере защиты С. П. Шевырева я намерена показать, каким образом осуществлялись выборы стратегии научной карьеры и формировалась политическая лояльность ученого сословия в России. Траектория его движения по ученой лестнице и защиты докторской диссертации восстанавливалась мною на основе данных из нескольких источников: автобиографического (очерки о себе, опубликованные Шевыревым в «Истории императорского Московского университета» и «Биографическом словаре профессоров и преподавателей императорского Московского университета» [1, с. 614–615; 25, с. 490–491]); университеткого и министерского делопроизводства, разбросанного по нескольким архивохранилищам; а также документов личного происхождения.

Рассказывая о защите Шевырева, исследователи, как правило, анализируют лишь определенную часть имеющихся источников: кроме сведений о себе, опубликованных Шевыревым, в научный оборот введены документы из 733 фонда (Департамент народного просвещения) Российского государственного исторического архива (РГИА) [16; 3, с. 236], из 404 фонда (Д. П. Голохвастов) и 17 (С. С. Уваров) Отдела письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ) [12, с. 16–20]. Все это – материалы, связанные с министром народного просвещения С. С. Уваровым и его перепиской с попечителем Московского учебного округа С. Г. Строгановым. Их письма посвящены обсуждению проблемы присуждения Шевыреву докторской степени.

Вне сферы внимания остался обширный комплекс делопроизводственных документов из фондов 418 (Московский императорский университет) и 459 (Канцелярия попечителя Московского учебного округа) Центра хранения документов до 1917 г. Центрального государственного архива Москвы (ЦХД до 1917 г. ЦГА Москвы), а также переписка С. П. Шевырева с издателем «Журнала Министерства народного просвещения» К. С. Сербиновичем

и сотрудником редакции Я. М. Неверовым. Эти письма хранятся в личных фондах Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (С. П. Шевырев) и РГИА (К. С. Сербинович)¹. Письма Шевырева к Неверову, предоставленные для издания А. В. Станкевичем, были опубликованы в «Русском архиве» П. И. Бартеневым в 1909 г. [13]. Сопоставление свидетельств официальной и частной переписок дает возможность выявить зоны умолчания и латентные интересы сторон.

* * *

С. П. Шевырев (1806–1864), не имевший ученых степеней выпускник Благородного пансиона при Московском университете, в 1833 г. претендовал на должность адъюнкта. Действовавший тогда устав 1804 г. предписывал совету отдавать предпочтение кандидатам из молодых «природных россиян». Обязательным условием для соискателя было убедить ученый совет в своих талантах, предоставив «печатные и рукописные сочинения» и прочитав публичные лекции [1, с. 611]. Имея рекомендации от Уварова, Шевырев, по постановлению совета, написал и опубликовал в Ученых записках Московского университета исследование «Данте и его век», за что и получил должность адъюнкта.

В Словаре историю обретения докторской степени он изложил, не вдаваясь в подробности: «Вновь введенный Высочайший устав [российских университетов 1835 г. – К. И.] требованием, чтобы каждый профессор имел непременно ученую степень, лишал Шевырева возможности получить звание профессора, потому что он не имел никакой степени, совершив свое образование в таком училище, которое степеней не давало. До введения устава он был выбран единогласно членами совета в ординарные профессоры; но не смотря на неоднократные представления г. попечителя, не мог быть утвержден в этом звании г. министром, потому что сила нового устава уже начинала действовать.

¹ Спасибо Алексею Вдовину за предоставление информации о существовании этой переписки [9; 10; 14].

Так как многие из адъюнктов во всех университетах России находились в подобном положении, то принято было общею мерою требовать от них, чтобы они в течение года представили диссертации на степень доктора и явились бы на ученое состязание. Вследствие этого Шевырев представил в факультет сочинение: *Теория поэзии в историческом ее развитии у древних и новых народов*. Оно было одобрено и напечатано. В январе 1837 г. он защищал положения своей диссертации; 7-го марта утвержден доктором философии и мая 26-го экстраординарным профессором» [1, с. 614–615].

Данная автобиографическая справка дает возможность судить исключительно о распределении ролей в научной аттестации Шевырева и ее подготовке и, может быть, еще о политической лояльности автора. При этом внутренние причины всех этих сложностей, также как и динамика процесса аттестации, заретушированы.

Прелюдия научной аттестации

Предыстория, а точнее конфликт, сделавший необходимым для Шевырева прохождение аттестации, задокументирован в напряженной переписке между попечителем Московского учебного округа С. Г. Строгановым и министром народного просвещения С. С. Уваровым.

Все началось с того, что в середине июня 1835 г. в связи с увольнением профессора Н. И. Надеждина в Московском университете освободилась кафедра теории изящных искусств и археологии. Для чтения этих предметов на заседании 24 июня отделение назначило адъюнкта Шевырева [21, л. 33–33 об.]. Профессора большого совета в заседании 17 июля, вслед за коллегами, решили, что Шевырев достоин звания ординарного профессора и просили попечителя разрешить баллотирование (голосование) [24, л. 1–2]. Стоит отметить, что в практике университетов, руководствовавшихся уставом 1804 г., такая процедура назначения была типичной. На основании заслуг или выслуги лет были избраны многие профессора александровской эпохи. Разрешение попечителя последовало 28 августа [24, л. 3].

На проведенном советом университета 11 сентября голосовании Шевырев двенадцатью голосами против двух был избран ординарным профессором. В связи с этим попечителю была направлена просьба об утверждении в должности с приложением форму-

лярного списка чиновника. На письме есть резолюция Строганова: «Пред[ставить] г. министру на утверждение. Приб[авить], что хотя по новому уставу и не предполагается возводить на кафедры молодых ученых, не получивших степень доктора, в уважение отличных качеств г. Шевырева и пользу им приносимую университету и известного в литературе, я покор[нейше] прошу до введения нового устава утверд[ить] мое представление» [24, л. 4].

Однако этот текст не вошел в официальное представление от 25 сентября [24, л. 5; 16, л. 10]. Почему? Ответ, вероятно, следует искать в том, что обычной практикой для чиновников просвещения было ведение служебной переписки на нескольких уровнях: официальном (с использованием бланков и проставлением входящих и исходящих номеров) и частном, «келейном». В этих двух регистрах шла коммуникация министров с попечителями округов, а у тех, в свою очередь, с начальством вверенных университетов. Основной функцией такой переписки было обсуждение вопросов управления и выработка стратегии действий «с минимальными потерями» в кризисных ситуациях. По идее, все «неправильные» инициативы с мест должны были отвергаться на этом скрытом от посторонних глаз уровне, превращая официальную служебную переписку (место которой впоследствии было в ведомственном архиве) в показатель четкой работы и «процветания» системы народного просвещения. Тем не менее, информация о конфликтах на официальный уровень все же просачивалась.

Отдельные фрагменты частной переписки между Уваровым и Строгановым, которая хранится в фонде 17 (С. С. Уваров) ОПИ ГИМ, ввел в научный оборот Ф. А. Петров. Другой используемый им фонд — 404 (Д. П. Голохвастов) состоит из официальных писем. Жаль, что, реконструируя биографию Шевырева, Петров не учитывал назначение и язык (цитируемые им неофициальные письма Строганова Уварову написаны на французском языке) используемых им источников. Это привело исследователя к путанице в датах¹.

¹ Так, Ф. А. Петров пишет о письме С. С. Уварова от 19 сентября 1835 г., сообщающем об отказе в утверждении Шевырева профессором и ответ на него С. Г. Строганова, содержащем повторную просьбу [12, с. 16]. В действительности официальное представление попечителя округа датировано 25 сентября 1835 г.

Оба уровня служебной переписки исключали участие в решении судьбы соискателя самого Шевырева. Его мысли, сомнения, эмоции и переживания, связанные с подготовкой и защитой диссертации сведены к дилемме «ему сказали — он написал». Иной информационный пласт позволяет выявить личная переписка Шевырева с Я. М. Неверовым и К. С. Сербиновичем. Она касалась вопросов, связанных с изданием статей и литературных произведений ученого. Однако в августе-декабре 1835 г. обе эти переписки приобрели напряженность и свелись исключительно к обсуждению сначала требований нового устава к профессорам и соответствия им молодого адъюнкта, а затем — к необходимости прохождения докторского экзамена и защиты диссертации Шевыревым.

Во второй половине августа 1835 г. Шевырев сообщил Неверову, что в Москве с нетерпением ждут приезда попечителя С. Г. Строганова и его разъяснений о нюансах в новом уставе. Там же он писал о том, что среди профессоров царит «состояние неизвестности», порождающее нелепые толки и сплетни относительно образования факультетов и нового «распределения наук» по кафедрам. Адъюнкт боялся остаться за штатом: «Теперь минута решительная для университета и для каждого из нас; по крайней мере, для меня это: to be or not to be. [...] судя по программе [словесного факультета], мне приходится: not to be. Перспектива неприятная после двух лет труда, подкрепленного надеждами, которые рушатся. Это не помешает, однако, мне издать свой курс - и продолжать его книгами для публики, если мне не будет места в университете. А может быть, вышед из университета, я соберусь в два года на экзамен докторский. Кто хочет работать, в России без дела не будет: делатели мы не богаты» [7, л. 102–102 об.].

При отсутствии места в университете, Шевырев полагал лишь возможной отдаленной перспективой аттестацию на степень доктора. Первое место занимала наука, которой он был готов преданно служить и вне стен университета. В ответном письме Неверов успокаивал Шевырева, разъяснял ему позицию министерства и уверял в благожелательном отношении министра: «Вы удержите кафедру словесности, адъюнктскую, а чрез год должен открыться конкурс на ординарную кафедру [...]. Правда, что по новому уставу только доктора могут занимать ординарные кафедры — но есть исключения. На

днях утвержден в Дерпт один профессор¹, не имеющий звания доктора. [...] Я же замечу только, что при отличном мнении, какое имеет о вас министр и все высшее начальство вам труднее будет оставить университет, нежели удержаться в нем. Вам знают цену и не уступят вас без боя» $[9, \pi. 55-55 \text{ of.}]$.

Получив в начале сентября возможность изучить текст нового устава, Шевырев пришел в ужас от понимания невозможности формального получения им ни звания профессора, ни степени доктора. Как выпускник университетского пансиона он не имел даже степени студента, и поэтому, в соответствии с уставом, должен был пройти всю лестницу ученых степеней. «Из такого затруднения, – заключал он, – может меня вывести теперь только воля Сергея Семеновича [Уварова]. Но если этого не последует [...] мне придется покинуть университет, не имея надежды быть в нем профессором» [13, с. 87].

12 сентября Неверов сообщил Шевыреву неутешительные новости, поделился советами и мнениями чиновников министерства: «Я советовался с Сербиновчем о том, что вам предпринять теперь, ибо к несчастию Уваров не утвердил представление университета об утверждении вас в профессорском звании, не утвердил потому, что это показалось ему нарушением нового устава, только что вышедшего. Сербинович ничего не мог сказать мне решительно; Комовский² – также, но я настоятельно просил, чтобы они переговорили об этом с князем (директором Департамента)³, как бы от себя, что Сербинович и исполнил. Князь думает, чтобы не терпя далее времени должны подать просьбу министру о дозволении вам держать экзамен прямо на доктора. Он уверен, что вам в этом не откажут в уважение занимаемого вами места и литературных трудов ваших [...].

¹ Имеется в виду М. П. Розберг (1804–1874), который 6 июля 1835 г. был приглашен исправляющим должность ординарного профессора русского языка и словесности в Дерптский университет.

² Комовский В. Д. (1803–1881) – историк, литератор, правитель дел Главного цензурного управления.

 $^{^3}$ Имеется в виду П. А. Ширинский-Шихматов (1790—1853), который с 1833 по 1844 гг. занимал должность директора Департамента народного просвещения [17, с. 302].

Князь думает⁴, что не будет никаких препятствий держать прямо на доктора, а это слово думаю значит много, ибо просьба и дело будут у него в руках, как у директора, следовательно главного производителя всех дел по министерству» [9, л. 16–16 об.].

Выражая сочувствие своему респонденту, Неверов ошибался, полагая, что министр не утвердил представление университета. Уваров отказал московскому попечителю. Демонстрируя заинтересованность и заботу, Неверов продолжал делать Шевыреву комплименты по поводу его профессиональных качеств, в очередной раз показывая, что министр, директор департамента и прочие чиновники министерства ценят московского адъюнкта и не оставят его в беде.

Настойчивая рекомендация написать прошение о допуске к экзаменам на степень демонстрирует ключевую («запускающую») роль этого документа в процедуре научной аттестации. Кроме того, здесь и в последующих письмах Неверова информативна сама графика письма: подчеркивание определенных слов, заострение на них внимания респондента. В данном случае «думает» — означает больше, чем просто думает. Здесь и настойчивый совет, и программа действий.

Письмо Неверова, пришедшее в Москву в воскресенье 15 сентября, стало для Шевырева шоком и крушением надежд на университетскую карьеру. Ученый, четвертый день принимавший поздравления с профессорством от коллег и знакомых, пытался осмыслить масштабы катастрофы: «Тут должно быть какое-то недоразумение. Совет только в среду, 11-го числа, избрал меня; а Вы мне пишете от 12-го. Что-нибудь да не так; это похоже на кошмар. Так как во всем этом производстве дела я не принимал решительно никакого участия и сидел спокойно, готовый к новым трудам в своем кабинете: то я и не знаю, как, где, что делалось. Знаю только, что факультет представил меня на место Надеждина как достойного [...]; совет одобрил мнение факультета; потом я уже не знаю, как было» [13, с. 89–90].

Выплеснув на респондента эмоции, Шевырев успокоился и принял следующий план действий, повторяющий в более радикальной форме уже высказанные им ранее положения: «Просьбы о позво-

⁴ Здесь и далее подчеркнутые слова таким образом выделены и в рукописи.

лении держать экзамен на доктора я подавать не буду, ибо не вправе просить незаконного. Экзамен на доктора также держать не буду, потому что мне надо будет заниматься такими науками, которыми я никогда не занимался [...] Я в этом случае фаталист: могу быть полезен и не на кафедре: полезной службы много у нас в Отечестве» [13, с. 90]. Отказываясь от претензий на докторскую степень, адъюнкт обозначил собственную гордость с некоторой долей самоуверенности и в то же время продемонстрировал нежелание отвлекаться от своего предмета занятий ради статусных бонусов.

Видимо, в столице ожидали от него иной реакции. Инициативу убеждения Шевырева взял на себя начальник Неверова - К. С. Сербинович. Его письмо, в котором впервые упоминается «защитная» проблема Шевырева, было написано 19 сентября 1835 г. по поручению Уварова. Таким образом, в один день из столицы отправилось два письма: одно - полу-служебное на французском языке, от Уварова Строганову, содержащее отказ, второе - приватное от Сербиновича Шевыреву, с разъяснениями и наставлениями того же Уварова ученому. Сербинович, подчеркивая расположение к Шевыреву министра, писал: «Сергий Семенович никак не находит возможным [...] нарушать новый, только что изданный устав, который уже должен быть в полном действии во всем том, что касается самых штатов; однако ж входя в положение тех преподавателей, которых, подобно вам, застал устав без степеней, он признает, что вы, равно как и прочие в одной с вами категории состоящие преподаватели Москов[ского] университета, могли бы, изъяснив ваше положение, просить вместе г. попечителя об исходатайствовании вам позволения держать экзамен прямо на степень доктора, и если попечитель сделает об вас представление, то и Сергий Семенович не затруднится войти о том с докладом к государю» [10, л. 4–4 об.].

В ответ 24 сентября Шевырев отправил в Санкт-Петербург объемное письмо, посвященное его переживаниям. Обширность послания адъюнкт объяснял тем, что раз уж министр заинтересовался его делами, то он считает нужным «объяснить [...] все обстоятельства» дела. Местами повторяя, почти дословно, свое недавнее письмо Неверову, Шевырев сообщал важный факт: «Есть общий слух между моими товарищами и знакомыми, что избрание совершилось согласно с волею министра» [14, л. 5]. Поэтому, получив известие о неутверждении, «никто не вникнет в причины; никто не вспомнит,

что я не доктор; все знают, что новый устав вводится только с нового года: будут знать только одно, что я не утвержден, а это объяснят тем, что начальство не благоволит ко мне» [14, л. 5 об.].

Описав репутационные потери, которые он понес в сложившейся ситуации, Шевырев объяснял, почему экзамен на степень доктора ему неудобен. На первое место он предусмотрительно поставил пользу университета, поскольку для подготовки к экзамену он должен забросить преподавание и оставить свои занятия по двум кафедрам. Кроме того, «готовясь к испытанию, я должен буду возобновить занятие предметами, которыми я давно или даже никогда не занимался – и вместо того чтобы идти далее и развивать вперед свою науку, убивать время на то, что мне бесполезно. Полтора года или скоро два года преподавания в университете и 4 тома курса, мною написанного, смею сказать, стоят докторского испытания. И если бы это время или даже половину его я употребил на приготовление к экзамену, то конечно выдержал бы его по-здешнему блестящим образом» [14, л. 6–6 об.].

К обиде за неоцененные, по его мнению, начальством труды примешивался и страх быть отвергнутым корпорацией, страх показать себя невеждой, страх человека уже признанного потерять научную и преподавательскую репутацию среди коллег. Он противопоставлял себя и профессорское сообщество, демонизировал коллег: «Согласитесь, что если всякому трудно держать испытание, то мне еще труднее: ибо я предстану пред своих товарищей, а в товариществе всегда есть и соперничество, особливо в нашем деле. Я должен готовиться для десяти человек, и каждый из этих десяти может приготовиться сам к тому, чтобы меня испытывать не изо всей науки, а из части, ему более известной, которую еще протвердит он накануне. Вы видите из этого, что мне мало и году будет на приготовление» [14, л. 6 об.].

Письмо Шевырева выдает его неуверенность в отношении коллег, еще недавно проголосовавших за его профессуру. И в то же время здесь есть стремление быть частью университетской элиты, а значит обладать тем статусом и тем объемом прав, которым обладают профессора. В соответствии с кодексом служения науке в письмо врывается самоотверженная любовь к своему предмету, нежелание бросать любимое дело из-за бюрократических препон. «Да и с какою целью буду я посвящать время наукам посторонним, когда имею

свою?» – резко спрашивал он Сербиновича и тем самым министра, потому что рано или поздно это письмо должно было оказаться в руках Уварова, и продолжал: «От воли г. министра зависит оставить меня при моей науке, если она не бесполезна: ибо г. министру предоставлено право делать изменения в предметах, уничтожать и сокращать согласно с местными обстоятельствами. Что же касается до истории всеобщей, то я не приму ее на себя: ибо не люблю и не смогу менять предмет. [...] Я еще не успел обработать историю всеобщей словесности – и этого предмета не покину, ибо нахожу, что и русская словесность с своею историею без всеобщей объяснена и направлена быть не может» [14, л. 6 об.—7].

Официальный ответ Уварова от 11 октября на представление Строганова был получен попечителем 22 октября 1835 г. Это было «программное» письмо, в котором министр терпеливо и подробно разъяснил нюансы устава относительно принципа классификации наук и «разделения кафедр». Там же он говорил о необходимости следования штатному расписанию при определении профессоров и адъюнктов. Завершается отношение повторным требованием защиты Шевыревым докторской диссертации и туманным обещанием упростить этот процесс, допустив его «к испытанию прямо на высшую степень, о чем и будет в свое время представлено на Высочайшее утверждение» [24, л. 29–29 об.].

В конце октября из столицы, с интервалом в десять дней, отправились письма к Шевыреву от Сербиновича и Неверова. Сербинович рассказывал о частном представлении Строганова, которое повлекло отказ Уварова ранее представления совета университета, и заверял в расположении министра. Также он намекнул респонденту, что в столице ожидают возвращения императора, и оно должно дать ход многим делам «может быть, в том числе, и тому, которое касается экзамена преподавателей» [10, л. 6–6 об.].

А Строганов, меж тем, с завидным упорством приготовил третье ходатайство за Шевырева. В письме от 5 ноября 1835 г. он снова обращал внимание министра на «отличные способности и успехи» адъюнкта и предлагал при определении Шевырева профессором воспользоваться «действием прежнего устава» [24, л. 6 об.]. Далее попечитель, видимо, переговоривший с ученым и бывший в курсе его настроений и дальнейших планов, перешел к угрозам: «Я полагаю, что он, сознавая доказанные самым делом свои достоинства, даро-

вания и способности, не согласится подвергнуть себя испытанию и оставит университет, избрав поприщем службы другое ведомство, где он может быть столько же полезен как и в университете и которая, может быть, предоставит ему более случаев отличиться и выгод, нежели служба ученая, принятая им единственно из любви к науке и внимания начальства учебного ведомства» [24, л. 7–7 об.]. В конце Строганов просил для Шевырева должности если не ординарного, то хотя бы экстраординарного профессора.

Однако в своем ответе 17 ноября 1835 г. Уваров был непреклонен. Он считал профессорство Шевырева возможным только после защиты, предлагая ученому «прямо выдержать испытание хотя в С[анкт]-Петербургском университете, по правилам, кои вновь изданы быть имеют. Впрочем, — добавлял министр, — должен я присовокупить, что слишком уважаю образ мыслей г. Шевырева, чтобы допустить, что звание докторское, почитаемое везде за высшее украшение ученой жизни, могло противоречить сознанию собственного достоинства и дарования, в чем конечно и Ваше Сиятельство со мною согласны будете» [24, л. 8 об.].

Через неделю (25 ноября) по указанию Уварова Сербинович вновь написал Шевыреву. Министр был раздражен очередным представлением Строганова и предупреждал Шевырева о своем официальном отказе, однако дал знать о намерении «удержать его на службе при университете»: «Сергий Семенович советует вам избрать время для приезда сюда в Петербург, где вы без сомнения получите требуемую степень без дальнейших затруднений и без малейших неприятностей» [10, л. 8–8 об.].

Через день к Шевыреву отправилось письмо Неверова, также транслирующего желания и намеки министра: «Сербинович поручил мне засвидетельствовать вам его почтение и намекнуть вам, чтобы вы постарались побывать поскорее в Петербурге. Этот намек делается по приказанию Уварова. Обещают, что с приездом Вашим сюда решатся все препятствия к утверждению вас в профессорском звании и министр надеется произвести вас в доктора без всяких экзаменов (я слово в слово передаю то, что говорил Сербинович)» [9, л. 65–65 об.].

¹ Слово надписано вместо ранее зачеркнутого – «избранная».

Таким образом, министр предложил (и не единожды, а трижды!) организовать испытание Шевырева на степень доктора. Даже одно предложение можно было рассматривать как приказ. Также министр настаивал на проведении экзаменов не в Москве, а в Санкт-Петербургском университете, который Уваров рассматривал как «надежный» и «свой». В столичном университете на протяжении 1834 и 1835 гг. уже прошли успешно испытания на степень докторов (не магистров!) законоведения студентов М. М. Сперанского, обучавшихся по специальной программе [15]. И поэтому испытание Шевырева сразу на докторскую степень не вызвало бы ненужных вопросов.

Однако еще до получения последних двух писем Шевырев решился на иное. Судя по всему, Строганов, получивший письмо Уварова 24 ноября, рассказал ученому о предложении министра и потребовал реакции.

30 ноября 1835 г. Шевырев направил отношение [24, л. 9–10 об.] Строганову. В письме сквозила обида и вместе с тем смирение перед волей начальства: «Если двухлетние мои занятия по двум кафедрам, на меня возложенным, и сочинения, мною напечатанные прежде и печатаемые теперь, не могут быть вменены мне в испытание: то из этого я должен заключить, что высшее начальство находит меня еще недостаточно зрелым для звания профессора, требует новых от меня ручательств и призывает меня к учению» [24, л. 9].

Демонстрируя готовность пройти испытания, Шевырев просил Строганова об одном — определить способ проверки. И тут же оговаривал, практически в ультимативной форме, свои условия: «Если я должен быть испытан из всех предметов, входящих в отделение словесных наук, то я сочту это моею несчастною судьбою и заранее отказываюсь от подобного испытания: ибо, сосредоточившись в одном предмете, я уже потерял и охоту и возможность заниматься всеми. Если же испытание это ограничится только главным предметом моих занятий и окружающими его науками, то я рад приготовиться к подобному испытанию, потому что для себя извлеку из него большую пользу» [24, л. 9 об.—10].

К прошению прилагалась составленная Шевыревым «полная программа» [24, л. 11–11 об.] собственного испытания, включающая «теорию словесных наук вообще в историческом виде», «историю словесности новых народов Западной Европы», «историю русской

словесности в связи с русскою историею», «теорию русского языка в связи с грамматикою словенскою», «историю греческой словесности», «историю римской словесности», «историю искусства древнего и нового в эстетическом отношении». Шевырев планировал сдавать экзамен на русском языке (за исключением латинской словесности).

З декабря 1835 г. Строганов отравил Уварову частное письмопредупреждение: «Вы получите по почте мой официальный ответ по поводу экзамена Шевырева и той программы, по которой, как я думаю, будет проводиться этот экзамен. Я надеюсь, что Вы это одобрите; [...] Шевырев просит разрешения держать свой экзамен в Москве. Вы поступите великодушно, если разрешите ему это» [12, с. 19]. На следующий день Строганов отправил Уварову официальное письмо, в котором изложил «отзыв [Шевырева] о готовности [...] подвергнуться испытанию» [24, л. 12–13; 16, л. 74–74 об.].

Итак, адъюнкт готов был проявить лояльность власти, только на своих условиях. Он сам составил программу аттестации, наотрез отказываясь проходить испытание на других условиях. Воспротивился он Уварову и в выборе места экзамена.

В письме от 7 декабря 1835 г. Шевырев, сообщая Сербиновичу о своем решении «покориться необходимости и приготовить себя к экзамену» [14, л. 8], упоминал свой «ответ» попечителю и свои требования, а также то, что, зная о предложении министра пройти экзамены на степень в Петербурге, для испытания он выбрал Московский университет, так как «избрание всякого другого места показало бы [...] недостаток или доверия, или уважения к месту, в котором я служу» [14, л. 8 об.]. Открытым для Шевырева оставался вопрос, должен ли он ехать в Петербург.

Ответ вскоре пришел от Неверова, которому, видимо, этот вопрос был адресован ранее. Вместе с тем, Неверов, со слов Сербиновича, раскрывал респонденту мотивы действий Уварова, когда тот приглашал Шевырева сдавать докторский экзамен в столичный университет. Чиновник уверял: «Уварову очень хочется сохранить вас для университета и при том не нарушить нового устава. Для этого он дал наставление, словесное, здешним профессорам, чтобы они производили экзамены для чиновников, уже занимающихся преподаванием и известных с хорошей стороны начальству, как можно легче, избегая всяких требований, только <u>рго forma</u>, чтобы не отнять у преподавателей время на приготовление к экзамену, которое они

с большею пользою употребят, продолжая исполнять свои должности» [9, л. 3].

Через неделю (17 декабря) Неверов по поручению Сербиновича писал Шевыреву о том, что тот получил последнее письмо Шевырева и «показывал его министру. Министр вполне соглашается с вами в причинах, по коим вы предпочитаете держать экзамен в Москве, а не в С[анкт-]Петербурге; к этому он прибавил то только, что предлагая вам приехать сюда, он ничего не имел более в виду как облегчение и сокращение экзамена, но так как вы вполне уверены что не встретите в Москве никаких неприятностей – то для него еще приятнее будет узнать о доверенности вашей к товарищам и о добром согласии с ними» [9, л. 21].

Однако все эти интриги министерских чиновников относительно облегчения докторского экзамена и возможного давления на экзаменаторов, видимо, являлись «запасным вариантом». Параллельно с этим Уваров продвигал указ об упрощенной процедуре защиты на степень доктора для состоящих при университетах экстраординарных профессоров и адъюнктов, который и был подписан императором 31 декабря [22, л. 2]. Указ предписывал желающим получить степень доктора наук адъюнктам и профессорам лицеев за год написать диссертацию и защитить ее. В результате постановление 1835 г. создало «зеленый» коридор для тех, кто не успел стать профессором по старому уставу. Этим указом, кроме Шевырева воспользовался историк и археограф Н. Г. Устрялов [18] и занимающие профессорские кафедры адъюнкты А. В. Никитенко [6], Ф. Л. Морошкин [4] и Н. Е. Зернов [2], имевшие степень магистра.

Научная аттестация С. П. Шевырева

В ЦХД до 1917 г. ЦГА Москвы документы о защите Шевырева хранятся в двух фондах: университета и попечителя. Университетские документы представлены журналами (протоколами) первого отделения философского факультета за 1835–1837 гг. [21; 22; 23], в котором проходила большая часть процедуры, подшитыми к ним выписками из протоколов совета университета, а также протоколом совета от 9 марта 1837 г., описывающим диспут [20, л. 14–14 об.]. Необходимо отметить, что часть журналов за интересующий нас период почему-то не была подшита в книгу и таким образом не сохранилась. И все же имеющаяся информация позволяет прочертить

линию событий данной научной аттестации (состоящей из подготовки и защиты диссертации) и реконструировать её недостающие моменты. К сожалению, она не позволяет воссоздать личные переживания соискателя.

Указ императора, упрощающий получение докторской степени, был зачитан на заседании первого отделения философского факультета 10 января 1836 г. Декан М. Т. Каченовский объявил, чтобы те члены отделения, «которых эти слова особенно касаются», уже представили темы своих диссертаций «для предварительного одобрения» [22, л. 2–2 об.]. В связи с этим адъюнкт Шевырев просил отделение освободить его на полгода от преподавания, так как он «должен заняться приготовлением диссертации на степень доктора». Коллеги согласились [22, л. 1 об.].

В свою очередь, 13 января Неверов, почему-то не знавший об императорском указе, сообщил Шевыреву последние столичные сплетни: «Я слышал от здешнего профессора Никитенка, что экзамен вам — и всем преподавателям держущим на доктора будет состоять из одной только диссертации; думаю, точно также поступят и в Москве» [9, л. 24–24 об.].

В середине лета Шевырев между делом сообщил о работе над диссертацией [13, с. 91], на что Неверов поинтересовался подробностями [9, л. 50 об.]. И Шевырев сорвался. Он подробно описал количество свалившихся на него дел и курсов. «И при всем этом должен я написать диссертацию, — писал он. — Другого средства мне не остается, как взять отпуск, запереться в комнату и навалять ее в 28 дней. Это я сделаю в ноябре месяце» [13, с. 85].

10 октября 1836 г. на рассмотрение отделения Шевырев предложил две темы («Историческое исследование о развитии русского языка в отношении к славяно-церковному, в периоде словесности до Петра Великого, основанное на изучении некоторых древних памятников» и «Исследование о развитии теории поэзии у древних и новых народов»), оговорив право последующего выбора одной из них [22, л. 127]. Об этом было представлено в совет университета [22, л. 110 об.—111], который 4 ноября утвердил обе темы, предложенные соискателем [22, л. 139]. 25 ноября постановление совета было записано в протоколе отделения [22, л. 138], и в тот же день Шевырев представил в отделение диссертацию «Историческое

исследование о развитии теории поэзии у древних и новых народов» [22, л. 138 об.].

Далее следует лакуна в протоколах отделения, но журнал от 24 февраля 1837 г. свидетельствует, что в этот день члены отделения рассматривали уже отпечатанное в типографии Н. С. Степанова и прочтенное коллегами сочинение соискателя¹. Диссертация была одобрена, и отделение постановило представить её в совет университета «для назначения дня диспута» [23, л. 12].

9 марта 1837 г. состоялась защита Шевырева², а через неделю, 16 марта совет университета за подписью проректора университета X. Г. Бунге направил помощнику попечителя Московского учебного округа подробный отчет [19, л. 1–2 об.] с приложением текста диссертации и формулярного списка соискателя, в основной своей части представляющий кальку с протокола защиты [20, л. 14–14 об.].

Отчет начинался с объемного предисловия, содержащего подробный пересказ указа императора от 31 декабря 1835 г. о сокращенном регламенте защит и перечисление объявленных соискателем тем будущей диссертации.

Далее указывался инициирующий диспут документ — отношение первого отделения философского факультета от 24 февраля, в котором сообщалось несколько важных моментов: во-первых, что сочинение одобрено отделением и отпечатано «с дозволения Московского цензурного комитета» [19, л. 1 об.], во-вторых, что сочинение было представлено в отделение 24 ноября, что было важно в свете устанавливаемого указом годичного срока. Так как на заседании совета 24 февраля профессора всех остальных факультетов и отделений университета согласились с заключением профессоров первого отделения философского факультета, то публичная защита была назначена на «12 часов утра» 9 марта 1837 г., о чем было также напечатано в «Московских ведомостях» [19, л. 1 об.—2].

¹ Диссертация Шевырева выдержала три издания (1836, 1887, 2011) [26; 27; 28].

² Здесь важно отметить, что Ф. А. Петров в своей книге о Шевыреве приводит совершенно другие даты защиты (январь и 7 марта 1837 г. вместо 9 марта и 7 апреля). При этом он, видимо, опирается на автобиографическую справку Шевырева в «Словаре», где тот ошибочно (намеренно или нет) указывает именно эти даты. См.: [12, с. 20; 1, с. 615].

Ниже профессора подробно описали сам диспут, на котором присутствовали попечитель учебного округа и его помощник, профессора, адъюнкты и студенты университета, а также «многие знатнейшие особы столицы и другие посетители». По прибытии московского военного генерал-губернатора Д. В. Голицына, Шевырев «в краткой речи изложил цель своего сочинения и прочел из оного главные положения. Затем ординарные профессоры Давыдов, Павлов, Погодин, экстраординарный Крюков и некоторые посторонние лица делали ему возражения, которые г. Шевырев опровергал с полным успехом и достоинством, и в объяснениях своих доказал как обширные знания в науках словесных, так и отличную способность излагать свои мысли с ясностью и убеждением, что постоянно обращало на него внимание университета по званию преподавателя теории русского слова и истории иностранной словесности. Заседание закончилось в 3 ½ часа пополудни» [19, л. 2-2 об.]. О ходе защиты попечитель донес министру 20 марта 1837 г. [19, л. 3-4 об.], который 7 апреля 1837 г. утвердил Шевырева в степени [19, л. 5; 8, л. 1].

Письмом от 31 марта Неверов поздравлял Шевырева с блистательной защитой. «Вы пристыдили своею диссертациею здешних новых докторов, – писал чиновник, – они представили на диспут не книгу ученую, а статью, и как защищали? кукольная комедия!» [9, л. 44]. Автор письма, судя по всему, имел в виду две защиты: Н. Г. Устрялова и А. В. Никитенко. Объем диссертации Устрялова – 84 страницы, Никитенко – 40 [18; 6]. Они, действительно, выглядят статьями по сравнению с объемным, в 382 страницы, сочинением Шевырева. Что касается комментария о самом диспуте, то о защите Устрялова в таком же ключе отзывался в своем дневнике Никитенко, который также подробно описал и собственный диспут, состоявщийся 13 февраля 1837 г. [5].

Итак, научная аттестация в первой трети XIX в., не смотря на регламентационную непостоянность, была, в большинстве случаев, делом профессоров, реже попечителей. Пожалуй, единственным случаем, когда министерство вмешалось, было присуждение степеней Дерптским университетом в 1817 г. (после чего университеты были временно лишены привилегии присуждать ученые степени). Если ранее решение о научной аттестации и сроках ее проведения принималось профессорами и соискателем, то случай Шевырева явно продемонстрировал сильное давление и вмешательство чиновников

министерства и лично министра Уварова в эту процедуру на всех уровнях, начиная от прошения и заканчивая содержанием диссертации и сроков ее написания. Таким образом, политическая власть узурпировала право научной экспертизы, которым будет пользоваться и позже. Зачем это было нужно?

Уваров создавал в рамках николаевского полицейского государства централизованную систему, продвигал новую идеологию просвещения. Он сам признавался, что для этого ему нужны преподаватели как «орудие правительства», которые могли бы пропагандировать новые идеи и аргументировать их. Для этого хорошо подходили историки, юристы и литераторы. Во власти министра было дать этим людям степень доктора и статус профессора, чтобы они чувствовали себя обязанными министерству и лично ему. Так, демонстрируя Шевыреву через письма своих подчиненных собственную благожелательность и поддержку, Уваров формировал у адъюнкта чувства признательности и долга. Инициирование указа о сведении аттестации к защите диссертации должно было только упрочить их.

Тактика «ручного управления» принесла свои плоды. Обязанный лично министру, историк Н. Г. Устрялов стал искренним пропагандистом идеологии «православия, самодержавия, народности», исполнял заказы Уварова по рецензированию исторических диссертаций на щекотливые темы (например, Н. И. Костомарова). А историк литературы С. П. Шевырев в написанной им юбилейной «Истории Московского университета» продемонстрировал личную благодарность Уварову, воздав ему хвалу как создателю идеальной системы просвещения [11].

Библиографические ссылки

- 1. Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета за истекающее столетие со дня учреждения января 12-го 1755 года по день столетнего юбилея января 12-го 1855 года, составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году, и расположенный по азбучному порядку. Ч. 2. М., 1855.
- 2. Зернов Н. Е. Рассуждение об интеграции уравнений с частными дифференциалами, сочиненное Н. Зерновым / Н. Е. Зернов. М., 1837.

- 3. *Костина Т. В.* Пересмотр кадрового состава русских университетов в 1835-1837 годы / Т. В. Костина // Уроки истории уроки истории. СПб., 2012.
- 4. Морошкин Φ . Л. О владении по началам российского законодательства: Рассуждение экстраорд. проф. Федора Морошкина для получения степ. д-ра прав / Φ . Л. Морошкин. М., 1837.
- 5. *Никитенко А. В.* Записки и дневник / А. В. Никитенко. Т. 1. М., 2005. URL: http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0030.shtml (дата обращения: 3 марта 2014 г.).
- 6. *Никитенко А. В.* О творящей силе в поэзии или о поэтическом гение / Соч. экстраорд. проф. С.-Петерб. ун-та Александра Никитенко / А. В. Никитенко. СПб., 1836.
- 7. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 372 (Я. М. Неверов). Ед. хр. 13 «Письма бытового, делового, общественно-политического, литературного и искусствоведческого характера к Неверову», 1824 1983.
- 8. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее OP PHБ). Ф. 850 (С. П. Шевырев). Ед. хр. 2. «Уваров Сергей Семенович. Предписание его на имя помощника попечителя Московского учебного округа об утверждении С. П. Шевырева в степени доктора философии», 1837.-1 л.
- 9. ОР РНБ. Ф. 850. Ед. хр. 394. «Неверов Януарий Михайлович, писатель и педагог. Письма (42) Степану Петровичу Шевыреву». СПб., Ставрополь. 1833-1854.-74 л.
- 10. ОР РНБ. Ф. 850. Ед. хр. 506 «Сербинович К. С., писатель. Письма (23, из них 3 официальные) С. П. Шевыреву». Петербург, 1834–1855. 38 л.
- 11. *Парсамов В. С.* «История императорского Московского университета» С. П. Шевырева: исторический нарратив в политическом контексте: препринт WP6/2013/04 / В. С. Парсамов. М., 2013.
- 12. *Петров* Φ . *А*. С. П. Шевырев первый профессор истории российской словесности в Московском университете / Φ . А. Петров. М., 1999.
- 13. Письма С. П. Шевырева к Я. М. Неверову // Из бумаг Я. М. Неверова. Письма к нему лиц неизвестных и С. П. Шевырева / сообщ. А. В. Станкевич // Русский архив. 1909. N 5.
- 14. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1661 К. С. Сербинович. Оп. 1. Д. 1656 «Письма Шевырева Степана Петровича Сербиновичу К. С.», 1834-1855.-55 л.
- 15. РГИА. Ф. 733. Оп. 22. Д. 61 «Об испытании в Санкт-Петербургском университете студентов законоведения, обучавшихся в Берлинском университете», 1833-1845.-116 л.
- 16. РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Д. 185 «Дело о пересмотре состава профессоров и преподавателей ун-та, в связи с введением нового устава,

- о новом распределении кафедр и увольнении профессоров, оставшихся за штатом (со сведениями о прохождении ими службы)», 1835–1837.
- 17. Русский биографический словарь. Т.: Шебанов Шютц. СПб., 1911.
- 18. *Устрялов Н. Г.* О системе прагматической русской истории: Рассуждение, напис. на степ. д-ра философии Николаем Устряловым, С.-Петерб. ун-та по каф. рус. истории э. о. проф., Воен. акад. и Гл. пед. инта адъюнктом... / Н. Г. Устрялов. СПб., 1836.
- 19. Центр хранения документов до 1917 г. Центрального государственного архива Москвы (далее ЦХД до 1917 г. ЦГА Москвы). Ф. 418. Оп. 2. Д. 136 «Об утверждении адъюнкта Шевырева в степени доктора философии», 1837.
- 20. ЦХД до 1917 г. ЦГА Москвы. Ф 418. Оп. 477. Д. 23 «Переписка совета императорского Московского университета с отделением словесных наук по учебным вопросам», 1835. 232 л.
- 21. ЦХД до 1917 г. ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 477. Д. 24 Переписка Совета императорского Московского университет с первым отделением философского факультета по учебным вопросам, 1836. 142 л.
- 22. ЦХД до 1917 г. ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 477. Д. 25 «Переписка совета императорского Московского университета с первым отделением философского факультета по учебным вопросам», 1837. 122 л.
- 23. ЦХД до 1917 г. ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 5. Д. 174 «Об избрании г. о[рдинарным] п[рофессором] Погодиным и другими преподавателями тем для диссертаций на доктора», 1836-1838.
- 24. ЦХД до 1917 г. ЦГА Москвы. Ф. 459. Оп. 1. Д. 4791 «Представление об утверждении в звании ординарных профессоров: а) Е. Ейнбродт и адъюнктов: б) Шевырева и в) Иовского», 1833–1835.
- 25. Шевырев С. П. История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею: 1755-1855 / С. П. Шевырев. М., 1855.
- 26. *Шевырев С. П.* Теория поэзии в историческом развитии у древних и новых народов: Соч., писан. на степ. д-ра Филос. фак. 1 Отд-ния, адъюнктом Моск. ун-та Степаном Шевыревым. М.: Тип. Н. Степанова, 1836.
- 27. *Шевырев С. П.* Теория поэзии в историческом развитии у древних и новых народов: Соч., писан. на степ. д-ра Филос. фак. 1 Отд-ния, адъюнктом Моск. ун-та Степаном Шевыревым / С. П. Шевырев. 2-е изд. СПб., 1887.
- 28. Шевырев С. П. Теория поэзии в историческом развитии у древних и новых народов / С. П. Шевырев. 3-е изд. М., 2011.

УДК 930.1(47) «19»

Т. А. Булыгина

Северокавказский федеральный университет (Ставрополь)

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ В. О. КЛЮЧЕВСКОГО И НАУЧНЫЙ СТИЛЬ ИСТОРИКА

Підняті питання співвідношення наукового та індивідуального стилю історика, теоретико-методологічних підстав навчальних текстів В. Й. Ключевського і механізму роботи ученого-історики над джерелами, його дослідницької лабораторії. Йдеться також про уявлення В. Й. Ключевського про історичну пам'ять та історичну свідомість в контексті вимог історичної науки.

Ключові слова: науковий стиль, методологія історії, джерелознавство, історична свідомість, історична пам'ять, загальна історія, місцева історія, полідисциплінарність.

Подняты вопросы соотношения научного и индивидуального стиля историка, теоретико-методологических оснований учебных текстов В. О. Ключевского и механизма работы ученого-историка над источниками, его исследовательской лаборатории. Речь идет также о представлениях В. О. Ключевского об исторической памяти и историческом сознании в контексте требований исторической науки.

Ключевые слова: научный стиль, методология истории, источниковедение, историческое сознание, историческая память, всеобщая история, местная история, полидисциплинарность.

In this article questions of a ratio of scientific and individual style of the historian, the methodological bases of V. O. Klyuchevsky educational texts and the mechanism of his work with sources, his research laboratory are studied. The V. O. Klyuchevsky's views on historical memory and historical consciousness in the context of requirements of historical science are also described. In particular, such ideas of Klyuchevsky, as dialogue nature of relationship of the researcher and the author of the source, inadmissibility of modernization of the source and vice versa, need of empathy («vzhivaniye» in historian's words) to the studied period, are allocated.

In the article combination of literary talent and conceptual innovation of the researcher, his idea of world and national history as local history are also considered. The author also analyzes literary forms of statement in the training course

[©] Булыгина Т. А., 2014.

of Klyuchevsky, in which ideas about the nature of historical process, peculiarities of social life in Russia, of historical science and mission of the professional historian are expressed.

The author describes the features of methods, used by Klyuchevsky in source study analysis. The attention is paid to the idea of Klyuchevsky about distinctions in work with sources of history of the West and Russia, because of the peculiarities of social life of their people and specifics in formation of this or that type of sources.

Finally, in the article the socio-cultural importance of educational texts of Klyuchevsky and their influence on public consciousness are analyzed.

Key words: scientific style, history methodology, source study, historical consciousness, historical memory, general history, local history, multidisciplinarity.

Сегодня, когда речь идет о новых исследовательских парадигмах историков, связанных с феноменологией «понимающей» истории, с междисциплинарностью исследуемого объекта, с возрастанием этического фактора в историописании того или иного автора, остается неизменным такой критерий профессионализма историка, как его источниковедческая подготовленность. Вместе с тем радикально изменились взгляды на исторический источник как объект исторического изучения. Мы согласны с мнением М. Ф. Румянцевой, что сегодня сохраняет активность позиция сторонников просветительской традиции, когда источник — лишь сосуд для извлечения прямой информации.

В то же время все громче звучит голос приверженцев феноменологической концепции источниковедения в условиях глобального мира и культурной ситуации постмодерна, когда социальная история становится острым оружием «самоидентификации наций в цивилизационных пространствах». В этой познавательной и социокультурной ситуации анализ текстов классиков историографии конца XIX — начала XX в., к которым принадлежит В. О. Ключевский, помогает понять не только неповторимость стиля ученого, но и рассмотреть отблески будущих споров и озарений.

В рамках дискуссий, проводимых Фондом «Либеральная Миссия», 23 июня 2011 г. была проведена дискуссия «Устарела ли история по Ключевскому?». В её ходе именно историки заявили, что историк – не более чем популяризатор. Любопытно, что этому возражал президент Фонда экономист Е. Г. Ясин, который предложил ученым написать такой же увлекательный для чтения курс, но с современными подходами. Он предостерег от пренебрежительно-

го отношения к популяризаторской миссии историка: «Потому что она очень важна. В противном случае наше общество не научится мыслить исторически, не научится видеть в современности следы истории, не научится извлекать из нее уроки» [4].

На наш взгляд, самое важное в наследии В. О. Ключевского состоит в редком умении сочетать индивидуальный литературноартистический стиль с производством новых научных смыслов. Вначале о стиле. Как определяют современные словари, научный стиль является частью литературного языка, который отличают ряд особенностей. Историки языка утверждают, что классические каноны научного стиля в России даже в начале XX в. не сложились в самостоятельную языковую систему. С этой позиции стиль В. О. Ключевского вполне соответствовал времени, но имел неповторимое личное своеобразие, то, что Ф. И. Шаляпин называл «огромным историческим воображением». По его мнению, историк способен был на «гениальное отображение ушедшей жизни».

Одновременно за яркими образами Ключевского-рассказчика просматривалось его научное мировоззрение, ярко сформулированное и от этого еще более запоминающееся. К примеру, при характеристике источников он исходил из того, что исследовательпрофессионал, изучая источник, вступает в диалог с автором источника, что является базовым положением в современном источниковедении. Мало того, он уже тогда считал, что для профессионального историка важно не только услышать собеседника из далекого прошлого, но понять, о чем этот собеседник молчит: «Торжество исторической критики - из того, что говорят люди известного времени, подслушивать то, о чем они умалчивают» [3, с. 349].

Задачи научения Ключевский решал, исходя из теоретических и методологических оснований собственных взглядов и одновременно стремился максимально донести их до студентов, доводя стиль изложения до высокохудожественной прозы. Эта задача включала в себя и стремление привить навыки научной работы. Поэтому историк большое место отводил методам и методике работы с историческим материалом, исследовательскому инструментарию практикующего историка, особенно при анализе источников. Учебный материал перерастал в диалог о методологии исторической науки и историософии.

Примером этому может служить специальный курс В. О. Ключевского по источниковедению. С первых страниц лекции он строит свой текст на таких понятиях, как историческая память и историческое сознание (сознание прошедшего). Он разделяет запоминание истории и изучение истории. Ключевский говорил: «Тесная сфера исторического сознания. Тот народ знает свою историю, где ход и смысл родного прошедшего есть достояние общего народного сознания и где это сознание прошлого есть привычный акт мышления» [1, с. 5]. Знаток прошлого — это не всегда историк. Для ученого «все минувшее — только слагаемые той суммы, которую мы называем настоящим, а будущее — только ряд неизбежных следствий настоящего» [1, с. 6].

Повествуя о работе с источниками или об исторической критике источников В. О. Ключевский помещает этот рассказ в контекст своих историософских представлений об историческом процессе России как ветви всеобщей истории. Это позволяет исследователю проанализировать специфику источников местной истории, подразумевая источники различных национальных историй. При этом он выделил главное отличие источников западной и российской истории. В первом случае источники отмечены индивидуальностью, тогда как источники древней и средневековой России – литературные «писания без писателей» [1, с. 9].

Как известно, ключевым в методологических подходах историка является его понимание сути и функций источника. Надо отметить, что В. О. Ключевский не рассматривал источник как фрагмент прошлой реальности, но лишь как памятник этого прошлого, который только отражает «угасшую жизнь отдельных лиц и целых обществ». Поэтому, по мнению ученого, и нужна критика этих памятников – вещественных и письменных. Он различал критику филологическую и фактическую. Однако, что наиболее существенно для сегодняшних подходов источниковедения – это его вывод о необходимости учета особенностей источников местной или национальной истории [1, с. 7–8]. Принципиальный отказ от универсализма в источниковедческом анализе прослеживается и в современных методах источниковедческой компаративистики.

Однако В. О. Ключевский не декларирует это положение, а практически доказывает, сравнивая источники древней и средневековой Европы и Руси. Благодаря этому он выделяет отличие древне-

русских источников – их безличие, лексическое своеобразие сочетания народного и церковнославянских языков, плохое знание древней терминологии, своеобразие видов древнерусских источников.

При этом он высказывает крамольную с точки зрения господствовавшего тогда позитивизма мысль, что эти методы при изучении источников разных народов могут быть различными, т. к. история формирования корпусов источников местной истории различна и зависит от своеобразия социальной истории того или иного народа. Например, своеобразие формирования основных признаков российской цивилизации, среди которых одно из главных мест занимает язык, требует при изучении истории Древней Руси особой тщательности филологической критики, направленной на правильное чтение древнерусских рукописей и на изучение языка этих памятников [1, c. 13].

Таким образом, именно своеобразие самих источников и контекста их создания, а не только неумелость современных исследователей, порождает особенности работы с памятниками прошлого. Ученый на конкретных примерах показывал механизм воздействия политического, социокультурного, хозяйственного контекста на характер источников. Так, изучение русских житий как исторических источников он сопровождает описанием церковного богослужения, которое и влияло на специфику жития. [1, с. 70]. Говоря об источниках XVI в., историк обращает внимание на усложнение русского общества, что рождает официальные документы, отражавшие «не известные юридические моменты, а целый государственный порядок» [1, с. 80-81].

Сегодня, когда в российской историографии набирают обороты исследования в рамках культурно-интеллектуальной истории, «новой локальной истории», истории повседневности, микроистории, исторической антропологии, своевременно звучит антипозитивистское замечание Ключевского, который фактический материал историка не сводил к «происшествиям». Он считал, что «идеи, взгляды, чувства, впечатления людей известного времени – те же факты, и очень важные» [4, с. 124].

Столь скрупулезное отношение В. О. Ключевского к источникам породило его предостережение от толкования терминологии источников с позиции современного понимания, что непременно ведет к модернизации прошлой реальности и уводит от погружения исследователя в историю. Для этого вживания в эпоху историк предлагал обратиться к исторической лингвистике, археологии, нумизматике, дипломатике как инструментам источниковеда.

В своих лекциях В. О. Ключевский выступал как прекрасный рассказчик, художник слова, но он рисовал художественные образы истории, исходя не только из знания предмета, но и из собственной концепции. Он действовал согласно одному из его многочисленных и столь любимых афоризмов: «Чем меньше слов, тем больше филологии, потому что любить слово, значит не злоупотреблять им» [3, с. 398]. К примеру, ученый упоминает «волнистый поток человеческой жизни». Это не только яркий стилистический образ, это метафоричное определение объемности и многообразия истории, как её понимал В. О. Ключевский. Не менее метафоричное понимание им русского «авось» — наклонность дразнить счастье, играть в удачу [2, с. 315] приближает нас к одной из характеристик российской ментальности. В данном случае яркая запоминающаяся стилевая форма обогащает наши социокультурные представления о российском историческом процессе.

Историк опирался на основную методологическую проблему любого практикующего исследователя, осознает он это или нет, проблему понимания исторического процесса, которую он ставил по-своему. Одной из важных черт позиции В. О. Ключевского было умение критически взглянуть на российскую историю, что стилистически выражалась в ироничности его нарратива. Он мог смотреть на историю страны, «местную историю», как характеризовал ученый историю России в потоке всеобщей истории [1, с. 8-9] с критическим прищуром. Одновременно это не был скептицизм только «ума холодных наблюдений». В. О. Ключевский был ярко субъективен, неравнодушен к судьбе России и её людей. Поэтому его тексты – это и плод «сердца горестных замет». Его обращение к студентам и читателям было направлено в будущее, его устные и письменные тексты были ответственным словом исследователя-историка. Он был ученым-популяризатором собственного видения истории, а не заемных концепций.

Говоря об органическом единстве стиля и содержания курса лекций В. О. Ключевского по истории России, сосредоточиться только на оценке текста с позиций увлекательности, значит обойти его феноменальность как культурного явления. Речь идет о влия-

нии В. О. Ключевского на историческое сознание российского общества. Из профессиональных историков, несмотря на прошлые и современные прямые государственные заказы, ни в советское время, ни в наши дни никто не был «властителем дум», кроме Н. М. Карамзина и В. О. Ключевского.

Библиографические ссылки

- 1. Ключевский В. О. Источниковедение. Источники русской истории / В. О. Ключевский. Сочинения: в 9 тт. – М., 1989. – Т. 7.
- 2. Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 1. / В. О. Ключевский. Сочинения: в 9 тт. – М., 1987. – Т. 1.
- 3. Ключевский. В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории / В. О. Ключевский. – М., 1968.
- 4. Ключевский. В. О. Отзыв об исследовании С. Ф. Платонова / В. О. Ключевский Сочинения: в 9 тт. – М., 1989. – Т. 7.
 - 5. Фонд «Либеральная Миссия». Дискуссии. http://www.liberal.ru/

УДК 930.1 (477.63)(092) «18»

Е. С. Грищенко

Днепропетровский национальный университет им. Олеся Гончара

ШТРИХИ К ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМУ ОБРАЗУ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОГО ПУБЛИЦИСТА СЕРЕДИНЫ XIX века Н. Б. ГЕРСЕВАНОВА

(этические проблемы героя и его исследователя)

На прикладі практичного використання теорії «історіографічного образу» піднімаються методологічні та етичні проблеми, що повстають перед істориком-конкретчиком в історіографічному дослідженні. Спираючись на історію суспільного сприйняття робіт катеринославського дворянина М. Б. Герсєванова, зроблена спроба реконструкції «життя» публіцистичної спадщини особистості, яку не відносять до «першорядних» в історії російської суспільної думки.

Ключові слова: М. Б. Герсєванов, «історіографічний образ», дворянство, Катеринославська губернія.

На примере прикладного использования теории «историографического образа» затронуты методологические и этические проблемы, встающие перед историком-конкретчиком в историографических исследованиях. Основываясь на истории общественного восприятия работ екатеринославского дворянина Н. Б. Герсеванова, сделана попытка реконструкции «жизни» публицистического наследия личности, не относящейся к числу «первостатейных» в истории российской общественной мысли.

Ключевые слова: Н. Б. Герсеванов, «историографический образ», дворянство, Екатеринославская губерния.

The article deals with methodological and ethical problems, which come up in context of practical use of the «historiographical image» theory.

On the materials of public perception of Yekaterinoslav nobleman N.B. Gersevanov's publications an attempt is made to reconstruct the historiographical «life» of journalistic heritage of not so well known person.

Gersevanov was known in the middle of XIX^{h} century for well-founded but not popular ideas about abolition of serfdom, Jewish question and assessment of Hogol's literary work. He was supported by the great number of nobles in the South of Russian

[©] Грищенко Е. С., 2014.

Empire, who didn't have a craving for writing, but in historiographical tradition for many years he became just an example of conservative nobleman of average prosperity. The author of the article tries to revise stereotypical simplified image of N. Gersevanov as publicist, who sympathized with «Black Hundred» ideas, hated Hogol and advocated serfdom for mercantilist reasons. She also reveals the reasons, why such image was supported and translated in historiography. Considering the variety of themes, to which Gersevanov appealed, originality of his positions and finally commending his practical contribution in development of the Yekaterinoslav province and Southern region of the Russian Empire in general, «historiographical image» of this nobleman is thoroughly changing. Significant question is how was it possible for such an extraordinary person to be forgotten.

Key words: N. B. Gersevanov, «historiographical image», noblemen, Yekaterinoslav province.

Методологический арсенал Историка растет с каждым днем, каждый волен выбирать себе набор наиболее импонирующих ему и соответствующих направлению исследования методов, менять их, дополнять. Но существуют некоторые базисы, за формированием которых обычно стоит то, что называют Школой. «Историографический образ» - один из тех методов, приемов, знакомство с которым является чуть ли обязательным для учеников днепропетровской историографической школы. Разработке этой категории была посвящена основательная статья Е. А. Чернова и С. П. Болдыря [5, с. 91-102], обобщившая и теоретические размышления, и результаты конкретных дипломных и диссертационных исследований, выполненных в конце 1980 - начале 1990-х гг. на историческом факультете Днепропетровского государственного университета [28]. Плодотворно работает этот подход и в монографических исследованиях [37]. Однако важно учесть, что его применение ставит перед исследователем ряд не только методологических, но и этических проблем. Точнее сказать, методологические проблемы приобретают этическую окраску, как в плоскости внутридисциплинарного взаимодействия: историк-конкретчик – историограф – источниковед, так и по линии отношений: исследователь и его предшественники. Когда же в качестве объекта изучения избирается конкретная персоналия, «круг общения» расширяется, и к этому добавляется проблема отношения к человеку другой эпохи, по-разному решаемая историками.

В данной статье предпринимается попытка прикладного использования теории «историографического образа» применительно к изучению личности и творчества деятеля «второго», может быть и «третьего» плана, российского боевого офицера, военного историка, экономического писателя, оригинального публициста Н. Б. Герсеванова. Кроме сугубо информационных задач (выявление кто, когда, что, как и почему сказал о нем), такой подход позволяет решать и задачи более адекватного восприятия хода развития, общественной мысли и места в этом потоке избранного для изучения персонажа [25, с. 98], что достигается путем формирования единого информационного массива, состоящего из двух блоков, традиционно определяемых как источники и литература.

Наш герой пока еще нуждается в представлении. Николай Борисович Герсеванов, сын екатеринославского губернского предводителя дворянства Бориса Егоровича Герсеванова, родился в 1809 г. Образование получил в Ришельевском лицее в Одессе, в 16 лет вступил в военную службу в кавалерию. В 1834–1836 гг. он завершил образование в Военной Академии, а затем принимал участие в войне на Кавказе (1844 г.), Венгерской компании (1848–1849 гг.), осаде Силистрии во время военных действий против турок на Дунае (1854 г.), Крымской войне. Несмотря на штабную должность, за участие во всех этих походах он неоднократно награждался за отличие и храбрость¹, в 1855 г. получил чин генерал-майора, а в 1860 г. вышел в отставку. В том же году Герсеванов был избран Новомосковским уездным предводителем дворянства. Пребывая в этой должности до 1866 г., Николай Борисович принял деятельное участие в реализации крестьянской реформы в уезде и губернии, а также в первый раз попал в число гласных только созданного Екатеринославского губернского земства. В 1868 г. его избрали главой Екатеринославского губернского земства, а позже его почетным членом.

¹ Орден св. Владимира 3-й и 4-й ступени с бантом, св. Анны 2-й степени, св. Георгия 4-й степени, св. Станислава 1-й степени, св. Леопольда, золотая сабля с надписью «за храбрость», бриллиантовый перстень с императорским вензелем, серебряные медали за Венгерский поход и защиту Севастополя, бронзовая медаль в память войны 1853–1856 гг. Последняя награда не упоминалась первыми биографами, но она указана в «Памятной книжке Екатеринославской губернии на 1860 год» (Екатеринослав, 1860. — С. 43), где Н. Герсеванов фигурирует как новоизбранный предводитель дворянства Новомосковского уезда.

Николай Герсеванов был человеком разносторонних интересов и познаний, образованным, одаренным и деятельным. Он состоял членом Общества сельского хозяйства Южной России и Одесского общества истории и древностей, много путешествовал и много размышлял, активно представляя их результаты на суд читателей. Составление полной библиографии Николая Борисовича еще продолжается, но уже сейчас можно утверждать, что его перу принадлежит не менее 100 статей, заметок и брошюр. Тематический разброс произведений поражает. Первая статья, опубликованная в 1838 г. молодым офицером, была посвящена истории Спасо-Евфимиевского монастыря в Суздале, одна же из последних – постройке железной дороги на юге России. А кроме того были еще и такие: «Из путевых впечатлений туриста. Кельнский собор», «Нужна ли в России большая армия», «О живых изгородях из боярышника», «О народном характере евреев», «О применении маневров к охоте или о военной охоте», «Об истреблении еврашков (сусликов)», «Проект торговли льдом», «Водопроводы в Херсоне и Екатеринославе», «Поле мертвых близ Севастополя» и многие другие^{2*}.

Скончался Николай Борисович в своем имении 4 июля 1871 г. Его посмертная судьба в литературе совсем не уникальна – забвение, иногда ассоциация лишь с несколькими произведениями, не все из которых он, вероятно, считал главнейшими в своем творчестве.

² Герсеванов Н. Б. Описание Спасо-Евфимьевского монастыря / Владимирские губернские ведомости. 1838. № 37; Он же. Из путевых впечатлений туриста. Кёльнский собор // Отечественные записки. - 1847. -Т. LV. - С. 35-42; *Он же*. Нужна ли в России большая армия // Северная пчела. – 1859. – № 132. – С. 349–350; Он же. О живых изгородях из боярышника // Земледельческая газета. – 1843. – № 45. – 4 июня. – С. 357–359; Он же. О литературной деятельности Сенковского // Северная пчела. -1858. – № 190; Он же. О применении маневров к охоте или о военной охоте. -СПб., 1859; Он же. Об истреблении еврашков (сусликов) // Земледельческая газета. – 1843. – № 39. – 14 мая. – С. 305–307; Он же. Проект торговли льдом. - Одесса, 1856; Он же. Водопроводы в Херсоне и Екатеринославе // Одесский вестник. – 1869. – № 224; Он же. Поле мертвых близ Севастополя // Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. - СПб., 1874. - Вып. 5. - С. 419-422.

При жизни Герсеванов, безусловно, был сильным раздражителем для общественной мысли. Из всей многообразной профессиональной, хозяйственной и общественной деятельности такое представление о Николае Борисовиче составлено преимущественно благодаря его позиции по еврейскому вопросу, отношению к «нашему все» — Н. Гоголю — и взглядам на Крестьянскую реформу. Поэтому, начиная с современников, критики Герсеванова, демонстрируя богатую образность русского языка, называли его «пасквилянтом» [43, с. 13], «отчаянным плантатором», «тщеславным генералом» [21, с. 382], «черносотенным публицистом 60-х годов» [16, с. 13], автором «одного из безобразнейших нападений последнего времени (на евреев — E. Γ .)» [40, с. 47] и «блестящих перлов крепостничества», «клеветы на великого писателя (Гоголя — E. Γ .) и написанной чуть не с пеной у рта» [24, с. 151, 148], «произведения бурсацкой грамоты» [22, с. 56] etc.

Броские, однако преимущественно однообразные, разрозненные и разбросанные высказывания не позволяют на данном этапе нашего исследования «собрать» комплексный «прижизненный» и «мемориальный» («некрологический») образы. Однако точно установлено, что практически всегда о Герсеванове упоминали или как о юдофобе, или как о гоголененавистнике, или как о консерваторекрепостнике. Лишь Н. Лернер обратился к двум последним ипостасям одновременно, да и то в статье «Из истории освобождения крестьян» [24] для пущей наглядности, мол, что можно ожидать от человека, который не ценит Гоголя! Отчасти это можно объяснить отсутствием предметного интереса к личности Герсеванова. В литературе его вспоминают, но редко и коротко.

К еврейскому вопросу внимание Николая Борисовича в 1858 г. привлек Н. Пирогов своей статьей в «Одесском вестнике» «Еврейская Талмуд-Тора» [36]. Ответ Герсеванова «О еврейской школе Г. Пирогова» не пропустила цензура. Но это не заставило промолчать вовсе. В результате в период с 1859 по 1866 гг. вышло несколько герсевановских статей и целая брошюра «О народном характере евреев» [12]. В этих работах автор рассуждал о глубокой культурной пропасти между русским и еврейским народами, преодоление которой – дело важное, сложное, нужное, но требующее взаимного стремления. Евреи, по мнению Николая Борисовича, такого стремления не проявляли, жили в замкнутых сообществах и с недоверием,

а то и враждебностью относились к иноверцам. Русским же, стоило подумать о своих интересах и безопасности, ибо по простодушию и добросердечности они легко могли быть обсчитанными и обманутыми. В 1863 г. в Государственном совете обсуждался вопрос о разрешении евреям селиться на всей территории империи, по случаю чего, в оглавлении № 1 «Библиотеки для чтения» появился раздел «Евреи и г. Герсеванов» [4]. Раздел получился кратким, в нем сообщалась новость о возможности наделения евреев гражданскими правами, и делался вывод: «Бедный г. Герсеванов!» [4. с. 185]. Николай Борисович ответил, разумеется, не признавая себя бедным [10].

«Библиотека» неспроста уделила внимание этому вопросу, поскольку к этому времени за Герсевановым уже закрепилась слава юдофоба, прежде всего, благодаря его объемной работе «О народном характере евреев». По мнению самого Николая Борисовича, она осталась незамеченной, в том смысле, что не оказала того влияния, на которое рассчитывал автор. В основу этой работы были положены две статьи в «Северной пчеле» под тем же названием. Именно они вызвали жаркую полемику на страницах «Московских ведомостей» [13, 34, 35] между нашем героем и одной из звезд русской адвокатуры А. Я. Пассовером, в ходе которой Герсеванову, по его словам, «крепко досталось» и в конце концов, он был проклят [10, с. 4].

Занимательным в этой связи представляется наблюдение известного библиографа В. И. Межова. В 1859 г. в «Библиографическом указателе книг и статей, вышедших в России», он, радуясь, что Герсеванов разбит Пассовером «в пух и прах», прибавил о статье Николая Борисовича следующее замечание: «Доказав, что характер евреев заключает в себе собрание самых отвратительных недостатков и пороков, он оканчивает свою статью следующими словами: «Открыть евреям, народу умному, предприимчивому и высокоразвитому, доступ внутрь России, где народ добр и доверчив, значит подготовить Великороссийским губерниям незавидную будущность» [3, c. 39].

Работы Герсеванова приятно читать, он излагал свои мысли четко, ясно и, ощущая потребность в обосновании каждого слова, часто привлекал свои обширные исторические знания. В отличие от большинства своих оппонентов, Николай Борисович не переходил на личности и сохранял спокойствие духа, по крайней мере, при изложении мыслей на бумаге. Пожалуй, единственное произведение, при чтении которого не сложно заметить, что автор выходил из себя, потом видимо откладывал перо, отходил от стола отдохнуть, снова возвращался и с каждым словом все больше заводился — «Гоголь пред судом обличительной литературы» (1861 г.) [9]. Это самая большая из изданных работ Герсеванова. Но, несмотря на оригинальность и глубину, она еще не вполне проанализирована специалистами.

Почитатели таланта Гоголя увидели в этом произведении только нападки на любимого автора, и, разумеется, невзлюбили некоего Герсеванова. Но если бы, они увидели слегка прикрытый смысл, они невзлюбили бы его еще больше. Как кажется, Николая Борисовича расстроил не Гоголь сам по себе, как писатель, коих много, а то, что он смог угадать, что же нужно обществу, чего от него хотят. Вот это и ужаснуло нашего генерала – площадная, грязная сатира, сальность, жестокость, а точнее немилосердность: «Сначала думали мы, что Гоголь писал для лакеев, кухарок и кучеров; но познакомившись ближе с духом того времени, сознаемся, что ошиблись; он писал для большинства русской публики» [9, с. 115]. Не менее интересно и другое его наблюдение: «Он (Гоголь – E. Γ .) угодил в одно и тоже время разным нужным для него лицам и публике, - успех неслыханный. Казалось, угодить одной из трех властей, значило – навлечь неудовольствие остальных двух. Но наш хитрец благополучно плавал между Сциллою и двумя Харибдами» [9, с. 116].

Наиболее подробный разбор герсевановской критики сделал в «Основе» биограф Гоголя П. А. Кулиш, занимавшийся изданием шеститомного собрания сочинений и переписки писателя. На пяти журнальных страницах Пантелеймон Александрович в легкой ироничной манере рассуждал об авторе, которого не понял: «Если бы мы не видели в труде г. Герсеванова нравственного уродства, мы бы спросили у него: неужели иметь способность любви значит быть таким, каким опасалась мать, чтобы не сделался Гоголь вне её кроткого надзора?» [22, с. 55]. Кажется, у прочитавшего «Гоголя пред судом обличительной литературы» подобного рода вопросы не должны были бы возникнуть. Скорее всего, это могли быть вопросы другого рода. Судя по ссылкам на работу Герсеванова, Кулиш не дошел и до середины текста, все цитаты из которого вырваны из контекста. Герсеванов осознавал жесткость некоторых своих положений, но пытался обосновать их. В бесконтекстной же интерпретации Кулиша, многие из них выглядят просто чудовищными. Лаконичным, но не менее резким был несколько позднее еще один гоголевед В. А. Десницкий. В 1936 г. он маркировал Герсеванова не иначе как черносотенным публицистом 1860-х гг. [16, с. 13]. Как видно, Николай Борисович мало кому сумел угодить. Этих неизвестных еще предстоит отыскивать.

Отмену крепостного права генерал-майор Герсеванов встретил в отставке. Вероятно, именно его позиция по данному вопросу привела к необходимости оставить службу «по домашним обстоятельствам». На этом поприще Николай Борисович стал известен, прежде всего, благодаря брошюре «О социализме редакционных комиссий. Письмо к председателю их, генералу Ростовцеву, помещика Екатеринославской губернии» [32]. Еще в октябре 1859 г. он написал записку «Замечания на журналы комиссий по крестьянскому вопросу №17-32», которую разослал шефу жандармов князю В. А. Долгорукову, председателю Редакционных комиссий Я. И. Ростовцеву и новороссийскому генерал-губернатору А. Г. Строганову. Коротко суть замечаний сводилась к тому, что важные реформы нельзя испортить поспешностью и непродуманностью. В данном случае излишним было бы приписывать этой мысли уникальность, но она все равно не была услышана.

Не смотря на это, порцию критики Герсеванов таки получил. Например, екатеринославский помещик Н. Краевский писал Г. Данилевскому: «Одно из писем Ваших с юга, где Вы так ловко щелкнули Герсеванова, вызвало в сердце моем тысячу благодарностей: Вы вообразить себе не можете, сколько он портит во мне крови на мировых съездах и какую систематическую войну веду я с этим отчаянным плантатором, которому сочувственным хором вторят почти все, достойные такого предводителя новомосковские дворяне» [21, c. 383].

Н. О. Лернер, публикуя в 1905 г. свою статью «К истории освобождения крестьян», тоже остался недоволен позицией Герсеванова. Николай Осипович считал её весьма характерной для «крепостников»: «Записка Герсеванова является характерным образчиком крепостнического вопля, порожденного глухим, трусливым страхом, даже известным, так сказать, местным преступлением нравственного чувства, не дававшим постигнуть всю безнравственность подобных жалоб и предостережений» [24, с. 150].

В 1897-1898 гг. автор серии статей «На заре крестьянской свободы», который спрятался за криптонимом «R», несколько раз вспоминал Николая Борисовича, причем его характеристики очень разнились от статьи к статье. Так, в ноябре 1897 г. автор демонстрировал явное раздражение по причине того, что «помощник начальника дивизии Н. Б. Гер-нов» (Герсеванов – E. Γ .) в письме к А. Г. Т-му (Тройницкому $- E. \Gamma.$), высказывался о необходимости основания нового консервативного журнала и предлагал свою помощь в этом деле [1, с. 229]. В марте же 1898 г. Герсеванов был определен в другую компанию: «Вот, например, как формулировались в то время подобного рода взгляды под пером более развитых и образованных помещиков, каким нельзя не признать генерала Г-ва»; «уверенность в благодушные желания государя и в полный застой и неприязнь к предполагаемой мере в бюрократии существовала тогда и в среде лучших помещиков и в более передовых людях администрации» [2, c. 468–469; 484].

Однако стереотип негативного отношения к деятелям губернских комитетов по крестьянскому делу в целом и к Екатеринославскому комитету в частности, заложенный писаниями либеральной бюрократии, воспринимавшей дворянство как темную массу, только и думающую о «обаятельности комфорта крепостного права» [18, с. 743-744], закрепился на «мемориальной» стадии и был целиком воспринят советской исторической наукой, что и определило специфику научно-критического этапа формирования историографического образа и периода реформ, и отдельных его представителей. Даже тогда, когда в немногочисленных работах изучалась дореформенная социально-экономическая ситуация или ход Крестьянской реформы на Екатеринославщине, это делалось в соответствии с алгоритмом, заданным историографическими нормативами, направлявшими местную специфику в русло концепций разложения феодально-крепостнической системы, первой революционной ситуации, классовой борьбы. При таком подходе не могло быть и речи о выяснении мотиваций «крепостнических позиций» екатеринославского дворянства. Тем же, кто выражал интересы дворянства, практически отказывалось в праве быть вписанными даже в скрижали местной истории.

Н. Герсеванов также оказался среди «антигероев» или «героев недостатков», если воспользоваться выражением Н. Гоголя из его

письма от 24 ноября 1849 г. к харьковскому помещику К. И. Маркову, упрекавшего писателя в изображении в «Мертвых душах» не русского человека в его повседневном труде и быте, а личностей исключительных. Такой же образ зафиксировали и советские специалисты по социально-экономической истории Южной Украины и истории общественной мысли XIX в. Так, С. Я. Боровой на основе своеобразного анализа писаний именно Герсеванова, представил позиции «дворянства Новороссии» и сделал обобщающие выводы относительно крепостнических взглядов «крупных землевладельцев Степной Украины», якобы не считавших ликвидацию крепостного права «законодательным актом, хозяйственные и социальные предпосылки которого давно созрели» [6, с. 295]. «Ярым крепостником», который «в страхе перед нависшей угрозой отмены крепостного права ... не скупится на гневные слова в адрес членов Редакционных комиссий и их председателя Я. Ростовцева» называл Герсеванова известный советский знаток общественной мысли первой половины ХІХ в. Н. Г. Сладкевич [39, с. 18]. С. С. Дмитриев считал Герсеванова ярким представителем «помещичье-крепостнического направления в публицистике конца 1850-х годов» [17, с. 42]. Итак, в историографический образ из «прижизненного» и «мемориального» перешла лишь репутация откровенного крепостника, хотя скрупулезно герсевановские взгляды и не анализировались.

Интересно, что более скромный след Николая Борисовича остался в историографии тех сфер, где им был сделан большой практический вклад – военной и хозяйственной. Относительно военной истории важно обратить внимание на два основных труда Герсеванова: «Военно-статистическое обозрение Таврической губернии» [8] и «Несколько слов о действиях русских войск в Крыму в 1854 и 1855 гг.» [11]. Достоинства первого так велики, что Николай Борисович сам считал возможным на них указать [10, с. 5]. Второе же произведение вызвало живую реакцию и, как следствие, переписку среди участников Крымской войны. В печати, однако, она выразилась лишь в небольшой дискуссии с генералом С. П. Бутурлиным в «Одесском вестнике» [7; 14]. Очевидно, корпоративная замкнутость военного сословия не позволила распространиться дебатам вширь, хотя и в этом вопросе мнение Герсеванова не было близко большинству. Автор брошюры был не доволен тем, что князя А. С. Меншикова обвиняли в недальновидности и в том, что он не смог предвидеть десант союзников на полуостров. Как лицо, состоящее при князе, и «фанатик справедливости», Николай Борисович решился выступить в его поддержку, но, увы, не нашел сочувствия в этом даже у самого главнокомандующего: «Так вы для меня хлопочете? сказал Меншиков. В таком случае, прошу вас — в особенное для меня одолжение и раз навсегда — не писать никогда и ничего в мою защиту. Этим-то именно вы и сделаете то, что мне будет приятно!» [33, с. 198–199].

Истина оказалась дороже просьбы бывшего начальника. Стремление к ней и готовность сделать все, что в его силах для лучшего исхода любого дела – последовательная позиция Герсеванова. Проявлялась она, например, в отношении к своим крестьянам и в желании побороть их пьянство. Для достижения цели Николай Борисович ввел соответствующие условия для вступающих в брак крепостных. Так, молодой человек должен был для начала иметь пару бычков, а затем «со временем, когда люди привыкнут к этому нововведению, лет через пять или десять, ...эта обязанность увеличится; брак не будет дозволяться, пока жених не приобретет пары рабочих волов и исправного воза, чтобы в собственном экипаже отвезти молодую в церковь, и пока невеста не выучится ткать холста; кроме того, на женихе не должно быть никаких долгов, ни подушных, ни в сельский магазин». В результате от этого нововведения Герсеванов ожидал «большой пользы», поскольку «молодые крестьяне, стремившиеся рано жениться и не видевшие ни какого к тому препятствия, вместо того, чтобы в свое время гулять и пить, будут трудиться, оплачивать подати, с тем, чтобы приобрести маленькое состояние, упрочить будущность семейства, и мало-помалу, не имея досуга посещать шинка, привыкнуть к деятельной трудолюбивой жизни» [15, с. 269].

Эта и многие другие заметки Герсеванова в «Земледельчес-кой газете», «Записках императорского общества сельского хозяйства Южной России», «Журнале Министерства государственных имуществ», «Сборнике статистических сведений о России» и др. издавались и перепечатывались многократно, что подтверждает актуальность и значимость этих работ. Но публика, которой они были адресованы – чаще всего провинциальные помещики – не часто бралась за перо для широких высказываний. Это было скорее исключением, чем правилом. Потому о хозяйственном авторитете Николая Борисовича можем судить не столько по прямым, сколько по косвенным свидетельствам: неоднократное избрание на выборные

должности от дворянства (уездного и губернского); в процессе отмены крепостного права крестьяне не боялись обратиться к нему за помощью и защитой (sic!); на основе официальных статистических сведений констатируем стабильный рост населения его поместья – д. Николаевки (ныне это поселок городского типа в Днепропетровской области с населением около 1300 человек).

В небольшой литературе, посвященной нашему герою, не очень четко, все же вырисовывается и другой образ. Уже на «мемориальной стадии» появились две самые большие в то время специальные работы о Герсеванове – некролог, автором которого стал близко знавший его Н. Мурзакевич [30] и статья в Русском биографическом словаре Н. Чулкова [42], где даны и многочисленные позитивные характеристики. Но, принимая во внимание специфику жанров этих сочинений, все же важно отметить присущую им нейтральность суждений и фактографическую насыщенность. К сожалению, в литературе это иногда приводит к разноречивым выводам. Так, историки, особенно не разбираясь, увидели в тексте Н. Мурзакевича лишь: «освобождение крестьян и их надел землею Герсеванову были не по душе» [30, с. 361].

Принимая все это во внимание, важно не потерять «настоящего» Герсеванова. К счастью, сделать это возможно. Прежде всего, стоит обратиться к его трудам. Замечание очевидное, но практически проигнорированное пишущими о екатеринославском генерале. Сам Николай Борисович так оценивал общественное мнение о себе: «Пишет он (Герсеванов – E. Γ .) не популярности ради, а по убеждению, из патриотизма, которого не разделяет бюрократия. Конечно, неприятно служить предметом насмешек и ожесточенных нападок; но не такова ли участь передовых людей» [10, с. 5].

В недавней историографии научно-критический этап развития образа Герсеванова связан, прежде всего, с исследованиями днепропетровских историков И. Кочергина, В. Лазебник, Т. Литвиновой [19; 20; 23; 25; 26; 27]. Личность Николая Борисовича стала объектом интереса в контексте его деятельности в Екатеринославской губернии в период отмены крепостного права и проведения земской реформы. Но историографическая инерция все же дает о себе знать. Некоторые исследователи все еще грешат страстью к навешиванию ярлыков разной степени критичности. Другие же, например, Т. Литвинова, предостерегают от опасности видеть конечную цель исследований в «укладывании» конкретной персоналии в «прокрустово ложе» схематично воспринимаемых понятий «консерватор», «крепостник», «либерал», «прогрессист» и т.д. Залог качественной работы — уважение к объекту изучения, немаловажной составляющей чего является признание права каждого на свою «правду».

Попутно замечу, что в современной российской историографии, в первую очередь в работах И. Христофорова, М. Долбилова, Т. Рудаковой, А. Долгих и др., наблюдается стремление посмотреть на «героев недостатков», на деятелей российских реформ «консервативного лагеря» не под углом зрения противодействия, а с точки зрения позитивного действия. Это привело не только к смещению акцентов, но и к расширению персонологического ряда, точнее, включения в «поколение реформаторов» [38, с. 9] и «олигархов», и «аристократов-коституционалистов», и «крепостников». Но, разумеется, имя Герсеванова там практически не встречается. Если и встречается, например, среди активных авторов газеты «Весть», то с ошибками в отчестве: вместо Николай Борисович - Николай Иванович [41, с. 160; 403], что говорит о поверхностном знакомстве с этим персонажем даже тех историков, которые специально занимаются «аристократами». Это еще раз подтверждает: за нас нашу историю никто не напишет.

Характерной особенностью современного историографического этапа является расширение, точнее, актуализация уже введенной в оборот источниковой базы. Так, в антологиях «Москва-Петербург: Рго et contra» и «Гоголь: Рго et contra» перепечатаны статья Герсеванова «Петербург и Москва. (Взгляд и нечто)» [29] и отрывок из «Гоголя пред судом обличительной литературы» [31] соответственно. Их автор теперь предстает в новых для историографии ипостасях — военного, политика, художественного критика, путешественника, толкового хозяина, что несколько уравновешивает фигуру и дает надежду на создание более рельефного и адекватного образа путем прочтения всего комплекса текстов Герсеванова в контексте общественно-политических баталий его времени. Но стоит помнить и о некоторых предосторожностях: важно не «осовременить» объект изучения и не отказать ему в праве на ошибку.

Библиографические ссылки

- 1. R. На заре крестьянской свободы // Русская старина. 1897. Hoябрь.
- 2. R. На заре крестьянской свободы // Русская старина. 1898. -Март.
- 3. Библиографический указатель книг и статей, вышедших в 1859 году, в России. По части географии, топографии, этнографии и статистики / В. И. Межов. - СПб., 1861.
- 4. Библиотека для чтения. Журнал словесности, наук и политики. 1863. – Январь.
- 5. Болдырь С. П. Историографический образ: опыт расширения методологического арсенала науки истории исторического познания / С. П. Болдырь, Е. А. Чернов // XI3. – 1997. – Вип. 2.
- 6. Боровой С. Я. К вопросу о применении наемного труда в помещичьих хозяйствах Степной Украины в предреформенный период / С. Я. Боровой // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1965 г. – М., 1970.
- 7. Бутурлин С. П. О брошюре генерал-майора Герсеванова «Несколько слов о действиях русских войска в Крыму в 1854 и 1855 гг.» / С. П. Бутурлин // Одесский вестник. – 1867. – № 167.
- 8. Герсеванов Н. Б. Военно-статистическое обозрение Таврической губернии / Н. Б. Герсеванов. - СПб., 1849.
- 9. Герсеванов Н. Б. Гоголь пред судом обличительной литературы / Н. Б. Герсеванов. – О., 1861.
- 10. Герсеванов Н. Б. Заметка о польско-еврейском вопросе / Н. Б. Герсеванов // Весть. – 1863. – № 3.
- 11. Герсеванов Н. Б. Несколько слов о действиях русских войск в Крыму в 1854 и 1855 годах / Н. Б. Герсеванов. – Париж, 1867.
- 12. Герсеванов Н. Б. О народном характере евреев / Н. Б. Герсеванов. - О., 1860.
- 13. Герсеванов Н. Б. Ответ г. Пассоверу / Н. Б. Герсеванов // Московские ведомости. – 1859. – № 219.
- 14. Герсеванов Н. Б. Ответ генералу Бутурлину / Н. Б. Герсеванов. O., 1870.
- 15. Герсеванов Н. Б. Попытки к уменьшению пьянства между крестьянами / Н. Б. Герсеванов // Земледельческая газета. – 1846. – № 33.
- 16. Десницкий В. А. Задачи изучения жизни и творчества Гоголя / В. А. Десницкий // В. А. Десницкий. На литературные темы. – Л-д., 1936. – Кн. 2.

- 17. Дмитриев С. С. Архив редакции «Сельского благоустройства» (1858–1859 гг.) / С. С. Дмитриев // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. М., 1941. Вып. Х.
- 18. Записки сенатора Я. А. Соловьева о крестьянском деле / Я. А. Соловьев // Русская старина. 1881. Апрель.
- 19. *Кочергін І. О.* До питання про єдність дворянської верстви (На прикладі Катеринославського дворянства) / І. О. Кочергін // Гуманітарний журнал. -2011. N = 1-2.
- 20. *Кочергін І. О.* Земське самоврядування Катеринославщини (персонологічний вимір) / І. О. Кочергін. Д., 2011.
- 21. *Краевский Н*. Письма к Г. П. Данилевскому / Н. Краевский // КС. 1905. Т. 80.
- 22. *Кулиш П. А.* Гоголь пред судом обличительной литературы Н. Герсеванова // Основа. Южно-русский литературно-ученый вестник. 1862. Январь.
- 23. Лазебник В. Великое и трудное дело предлежит вам / В. Лазебник // Новый город. 2009. № 2.
- 24. $\mathit{Лернер}\ H$. К истории освобождения крестьян / Н. Лернер // Русская старина. 1905. Январь.
- 25. *Литвинова Т. Ф.* «Поміщицька правда». Дворянство Лівобережної України та селянське питання наприкінці XVIII— в першій половині XIX ст. (ідеологічний аспект) / Т. Ф. Литвинова. Д., 2011.
- 26. Литвинова Т. Ф. Публіцистичне спрямування інтелектуальної спадщини Миколи Гєрсєванова / Т. Ф. Литвинова // Історія і культура Придніпров'я: Невідомі та маловідомі сторінки: Науковий щорічник. Д., 2010.
- 27. *Литвинова Т. Ф.* Чи був Микола Герсеванов захисником кріпосного права? / Т. Ф. Литвинова // Наддніпрянська Україна: історичні процеси, події, постаті. Д., 2008. Вип. 6.
- 28. Литвинова T. Ф. Общественная мысль Украины второй половины XVIII— первой половины XIX вв.: Григорий и Василий Полетики: дисс. ... канд. ист. наук. Д., 1993.
- 29. Москва Петербург: pro et contra: Диалог культур в истории национального самосознания. СПб., 2000.
- 30. *Мурзакевич Н. Н.* Н.Б. Герсеванов. Некролог / Н. Н. Мурзакевич // Записки Одесского общества истории и древностей. 1872.
- 31. Н. В. Гоголь: pro et contra: личность и творчество Н. В. Гоголя в оценке русских писателей, критиков, философов, исследователей: антология. СПб., 2009.
- 32. О социализме редакционных комиссий. Письмо к председателю их, генералу Ростовцеву, помещика Екатеринославской губернии / Н. Б. Герсеванов. Берлин, 1860.

- 33. Панаев А. А. Князь Александр Сергеевич Меншиков: 1853–1869 / А. А. Панаев. – СПб., 1877.
- 34. Пассовер А. Я. Русские евреи / А. Я. Пассовер // Московские ведомости. – 1859. – № 90.
- 35. Пассовер А. Я. Ответ на ответ г. Герсеванова / А. Я. Пассовер // Московские ведомости. – 1859. – № 219.
- 36. Пирогов Н. И. Еврейская Талмуд-Тора / Н. И. Пирогов // Одесский вестник. – 1858. – № 26.
- 37. Посохов С. И. Образи університетів Російської імперії другої половини XIX – початку XX століття в публіцистиці та історіографії. / С. И. Посохов. – Х., 2006.
- 38. Рудакова Т. В. К вопросу о формировании реформаторов 60-х гг. XIX века в России / Т. В. Рудакова // Общественное сознание в кризисные и переходные эпохи. – М., 1996.
- 39. Сладкевич Н. Г. Борьба общественных течений в русской публицистике конца 50-х – начала 60-х годов XIX века / Н. Г. Сладкевич. – Л-д., 1979.
- 40. Современная хроника России // Отечественные записки. -1861. - T. 135.
- 41. Христофоров И. А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850 – середина 1870-х гг.) / И. А. Христофоров. – М., 2002.
- 42. Чулков Н. Герсеванов Николай Борисович / Н. Чулков // Русский биографический словарь. - М., 1916. - Т. 6.
- 43. Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя / В. И. Шенрок. – М., 1892. – Т. 1.

УДК 930. 170 «19/20»

А. А. Лихапкий

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

СООБЩЕСТВО «ОДИССЕЕВ»

(этос профессионального историка в альманахе «Одиссей»)

У даній статті автор намагався розглянути еволюцію професійного етоса дослідників — авторів статей у альманасі «Одиссей». Головна задача дослідження — за допомогою ретельного аналізу текстів статей та «его-історій» самих істориків зрозуміти особливості їхніх поглядів на мораль. Головна мета статті — розкласти специфічний етос істориків на його складові. Автор показує, що етичні стандарти, притаманні даній спільноті, були багато у чому подібними поглядам на мораль у пізньорадянської інтелігенції. Прикметно, що Одіссей, головний герой гомерівського епосу, дав альманаху не лише ім'я, але і образ ідеального героя, який бореться зі своїми ворогами за допомогою гострого розуму. Етос був тим чинником, що сприяв об'єднанню авторів у єдиний колектив та опосередковано впливав на вибір тематики.

Ключові слова: Одіссей, альманах, «его-історія», спільнота, дослідники, етичні погляди, діалог, істина, особистість, свобода.

В данной статье автор пытается рассмотреть эволюцию профессионального этоса исследователей — авторов статей в альманахе «Одиссей». Главная задача данной работы — посредством тщательного анализа текстов статей и «эго-историй» самих историков понять особенности их воззрений на мораль. Главная цель статьи — разложить специфический этос ученых на их составляющие. Автор показывает, что этические стандарты, присущие данному сообществу, были во многом сходными с воззрениями на мораль позднесоветской интеллигенции. Интересно, что Одиссей, главный герой гомеровского эпоса, дал альманаху не только имя, но и образ идеального героя, который борется со своими врагами посредством своего острого ума. Этос был тем фактором, что способствовал сплочению авторов в единый коллектив и косвенно влиял на их выбор тематики.

Ключевые слова: Одиссей, альманах, «эго-история», сообщество, исследователи, этические воззрения, диалог, истина, личность, свобода.

[©]Лихацкий А. А., 2014.

In the article the author tries to overview evolution of professional ethos of scholars, who were closely connected with almanac «Odysseus». The main assignment was to understand main ethical features of these researches through careful analyses of tests of their articles and «ego-histories». The main goal of this article — to disintegrate this ethos and to define parts of which it was constructed of.

Ethical standards, which were inherent in this community, were very close to ethos of so-called «intelligencia» of the late USSR. In the article it is shown what ethical values were inherent to authors of «Odysseus»` texts: verity, freedom, personality. Orientation on Europe was also very peculiar to this community. Interesting, that «Odysseus» not only gave title to the almanac. Ulysses, the main hero of Homer's epic poem, embodied the ethical ideal for almanac's researchers. Ulysses was the hero, who archived victories thanks to his own mind, and that attracted almanac's authors. Texts of articles, what had been published in almanac «Odysseus» from late 1980's to early 2000's, show that the ethos of historians mostly remained constant. The only changes after 1993 were the disappearance of pronounced orientation on Europe and vanishing of such value as «Verity», due to spreading of M. M. Bakhtin ideas and «new intellectual history». This original ethos was the reason that fused separated authors of almanac's articles into network community, that was also sealed with personal relations. Ethos of constant authors of articles in Odysseus also indirectly influenced their choice of position in discussions and themes of the articles.

Key words: «Odysseus», almanac, «ego-histoire», community, scholars, ethos, ethical views, dialogue, verity, personality, freedom.

Историческая наука является пространством диалога. Диалоги ведутся между различными действующими лицами научного процесса постоянно, и являются в определенной мере движущей силой его развития. С этой точки зрения становится ясной та важная роль, что играют периодические издания в жизни практически всех гуманитарных наук, в качестве своеобразных форумов, где исследователи обмениваются своими мнениями.

Если задаться вопросом о том, какое периодическое издание в период 1990-х гг. сыграло наиболее важную роль в построении «диалогов» между историками, наиболее вероятным ответом будет – альманах «Одиссей. Человек в истории». Об этом свидетельствует количество публикаций [16, 26, 29], посвященных ему, и тот факт, что «Одиссей» был первым изданием нового типа — ориентированным на междисциплинарность и активное восприятие новых исторических методов и приемов исследования. Впоследствии данный альманах стал образцом для многих появлявшихся после 1991 г.

новых исторических изданий, таких как «Диалог со временем», «Казус» и т. д.

Исходя из этих соображений, я и ограничил предмет рассмотрения именно этим изданием с 1989 г. (времени его появления) до начала 2000-х гг., когда издание стало постепенно терять прежнюю популярность, что выражалось, в том числе, и в катастрофически упавших тиражах¹.

Говорить об этике сообщества ученых — авторов статей альманаха «Одиссей» непросто. Непросто, прежде всего, потому, что хотя на его страницах не раз печатались представители разных гуманитарных дисциплин, но в целом и общем это издание оставалось «территорией историков». Усложняет задачу то, что это были, как правило, исследователи довольно известные, сформировавшиеся, настоящие профессионалы. Поэтому практически все авторы старались придать написанным им текстам «объективный вид», отстраниться от событий прошлого и занять позицию наблюдателя. Поэтому, в их работах, посвященных конкретным историческим сюжетам, личность и этос самого ученого оставались в тени, проявляясь изредка и совершенно случайным образом.

Авторы текстов, появлявшихся на страницах альманаха, старались изучать прошлое, не перекраивая его под свои собственные представления. «Переписывание истории», «приспособление к политической конъюнктуре» [4, с. 5] в глазах данного сообщества историков являлось тяжким грехом. В то же время, не стоит считать авторов альманаха приверженцами старого принципа, согласно которому историю надлежит писать «Wie es eigentlich gewesen sein», скорее они занимали срединную позицию – не впадая ни в крайности релятивизма, ни в позитивистские заблуждения своих предшественников.

С этой точки зрения статьи, посвященные конкретным исследовательским сюжетам — не лучший источник для реконструкции специфического этоса историка-профессионала. Намного большее значение тут имеют работы несколько иного плана: автобиографии, или «Ego-histoire», которые печатались в альманахе регулярно и

¹ С 20 000 в 1989 г. до 850 в 2001 г.

материалы дискуссий, которые проводились в Институте всеобщей истории РАН.

В стремлении создать свои собственные автобиографии, российские исследователи ориентировались на вышедший в 1987 г. под редакцией Пьера Нора [37] сборник автобиографических статей, написанных различными известными французскими историками. Специфический жанр, в котором он был составлен, предполагал следующее:

- Избавление от иллюзий объективности и деперсонализации. Исследователь, пишущий свою собственную «Ego-histoire», сам вовлечен в нее, это аналитический инструмент, который позволяет ему продемонстрировать базовые процедуры написания истории [38, p. 8].
- «Ego-histoire» никогда не зависит исключительно от индивида рассказы историка о себе всегда несут отпечаток его собственного гендера, расы, национальности, которые вносят в конструкцию нарратива существенные коррективы. Рассказ индивида о себе понимается не просто как исповедь, но как смесь личных и коллективных представлений [39, р. 727].
- Последнее и, пожалуй, самое важное для изучения этоса профессионального историка свойство «Ego-histoire» работы, написанные в данном жанре, позволяют соединить профессиональную практику историка с его психологическими установками, представлениями и, в конечном итоге, его этосом.

Следует отметить, что «Ego-histoire» российских историков, напечатанные в альманахе «Одиссей», отличались от иных вариантов рассказов ученых о себе – в частности традиционной немецкой интеллектуальной биографии Gelehrtenautobiographie. В том же самом номере за 1992 г., Ю. Л. Бессмертный специально отметил, что данные автобиографические очерки – наследование французскому примеру, о чем свидетельствует и употребление специфического термина, автором, которого был Пьер Нора (Ego-histoire) [4, с. 5].

Практика написания историком своего собственного «автопортрета» вполне соответствовала духу авторов статей альманаха, так как она была созвучна антропологическим методам исследования, ставшими в позднем СССР чрезвычайно популярными. Единственное отличие заключалось в том, что объект и субъект, вопрошающий и вопрошаемый были при этом слиты в единое целое.

Второй тип источников — дискуссии и дебаты между профессиональными историками. Чаще всего это были материалы ранее проведенных мероприятий (например, в выпуске за 1999 г. были напечатаны материалы конференции «Социальность, рожденная за пиршественным столом» [31, с. 6]). В пылу дискуссии исследователи часто отступали от присущего им нейтрального и сухого стиля речи, давая волю своим собственным взглядам и оценкам.

Третий тип источников, к которому следует обращаться – вступительные статьи, лишенные специфической научной терминологии, обращенные к самым широким читательским массам. Зачастую они принимали характер манифестов, посредством которых авторский коллектив выражал собственный взгляд на историю и происходящее в социуме.

Если задаться целью выявить основные черты этоса некоего обобщенного исследователя — автора и составителя альманаха «Одиссей», то следует отметить, что этико-моральный кодекс человека из среды группировавшейся вокруг альманаха имел много черт, сходных со стандартным набором этических представлений либеральной интеллигенции периода существования позднего СССР.

Для позднесоветской интеллигенции основной ценностью являлась свобода самовыражения, слова, свобода от внешних идеологических факторов и внутренней самоцензуры [33, с. 19]. Не были исключением в этом смысле и авторы «Одиссея». Уже в первом выпуске была опубликована статья Вяч. Вс. Иванова, посвященная антропологии и истории культуры. В ней известный лингвист рассуждал о взаимодействии индивида и общества, вводя дихотомию, на разных полюсах которой находились человек, полностью подавленный коллективом (неразвитый, нетворческий), и свободная личность грека в афинской республике времен Перикла, которая способна полностью раскрыть заложенный в ней потенциал [10, с. 14].

Приверженность свободе как главной ценности, определяющей внутренний мир человека, его моральный облик, выражает в том же номере альманаха и Д. Э. Харитонович, который переосмысляет марксистскую трактовку развития производственных отношений: отчужденным от средств производства античному рабу и пролетарию нового времени он противопоставляет свободного и независимого ремесленника эпохи Средневековья, который является «сам себе хозяином» [34, с. 79].

Декларируют приверженность свободе как основному условию профессионального развития исследователя практически все постоянные авторы альманаха. Более того, свобода научной деятельности занимала бесспорное первое место в списке этических ценностей — ради нее можно было всячески уклоняться от «общественной нагрузки», не вступать в комсомол и КПСС, чтобы дорожить теми её крохами, что имелись у интеллигенции времен СССР [9, с. 10].

Вторым важным паттерном, общим для сообщества исследователей, сгруппировавшегося вокруг альманаха «Одиссей» и либеральной интеллигенции конца 1980-х — начала 1990-х гг., стала проблема соотношения коллектива и индивида. Интеллигенция, как особая общественная группа, существующая в СССР, практически всегда противилась диктату коллектива над личностью, и категорически отрицала примат общественного над индивидуальным [33, с. 17]. Не были исключением в данном случае и постоянные авторы «Одиссея». Об этом свидетельствует обширный материал в выпуске за 1990 г., который полностью посвящен проблемам личности и индивида в истории. Во вступительной статье осуждается всякое употребление слов «личность» и «индивидуализм» в негативном контексте, что, по мнению авторов короткого вступительного текста, не более чем идеологические клише, которые необходимо изживать из научной жизни [11].

Личность в понимании историков того времени была чем-то благородным, чем-то безусловно прекрасным и морально чистым. Например, Д. В. Панченко прямо отмечает, что личность должна иметь некие этические принципы, которым призвана неукоснительно следовать, например: «ни при каких обстоятельствах не следует поступать несправедливо», «истина превыше всего», «жизнь, отданная борьбе за свободу, прекрасна» и т. д. [24, с. 18]. В результате личность совершенно теряет всякие реалистичные черты и становится неким «идеальным типом». Безусловно, не все высказывали такие радикальные мнения, но практически всегда в ответах на вопросы анкеты звучало утверждение, что личности присущ некий особый моральный аспект [19, с. 25]. Можно ли было считать личностью человека неморального, но достаточно яркого и харизматичного? Ответ на этот вопрос был однозначен: нет, это совершенно немыслимо. Индивид-чудовище не может быть личностью, это опасное и легкомысленное словоупотребление, поэтому стоит избегать таких выражений как «культ личности» в отношении таких диктаторов как Пол Пот или Иди Амин [25, с. 14].

Второе важное свойство личности, которое, собственно, и определяет возможность её существования — свобода и независимость. Свобода при этом рассматривается как неотъемлемое условие развития индивида, возможность самостоятельно избирать путь. Это подтверждается текстом Л. М. Баткина, в которой он, полемизируя с Э. Ю. Соловьевым, высказывает мысль о том, что личность стремится к абсолютной свободе — основной и важнейшей этической ценности [1, с. 72].

Если же говорить о типе идеальной личности, на которую желали походить постоянные авторы альманаха, то её репрезентировал герой гомеровского эпоса — Одиссей. Вступительная статья первого номера дает подробное описание «идеального героя», с которым они ассоциировали себя. Одиссей, по мнению составителей этого короткого текста — олицетворение величия души, невиданной энергии, интеллектуального героизма [22, с. 5].

В отличие от иных героев гомеровского эпоса, Одиссей всегда побеждал своих противников силой ума и интеллектом и, что самое важное – всегда стремился к новому, непознанному (важнейшая черта интеллектуалов, входивших в сообщество постоянных авторов издания; они намеренно подчеркивали, что единственная черта их объединяющая – интерес к новым подходам в гуманитарном знании [22, с. 7]). Именно эти достоинства гомеровского Одиссея вдохновляли авторов и составителей альманаха.

Как у мифического Одиссея, у его последователей в XX в. имелись серьезные противники, о которых они немало писали в своих Ego-histoire. Практически все автобиографические очерки, опубликованные в «Одиссее», конструировали простую дихотомию, на одном полюсе которой находились истинные ученые, дорожившие своей совестью и свободой (с ними, очевидно, ассоциировали себя и авторы текстов), и противостоящие им «сикофанты, подлецы и рвачи», «люди с острыми локтями» и «идеологически преданные недоучки» [9, с. 11], что захватывали практически все области науки. О том, как выстраивались такие дихотомии, ясное представление дает, очерк Л. М. Баткина «Начинающий медиевист из провинции — в гостях у Люблинских» [2]. Уже в самом начале автор дает резкую характеристику всем сотрудникам исторического факультета

Харьковского университета, который, по словам автора, представлял собой «анекдотический, дурно пахнущий зверинец» [2, с. 223]. Выделялись на этом фоне лишь некоторые фигуры, такие, как, например Л. П. Калуцкая — застенчивая, тихая и трудолюбивая [2, с. 223]. Подобные оппозиции выстраиваются Л. М. Баткиным и между четой Люблинских и их противниками — недоброжелателями и научными противниками, которые не обладали и толикой интеллектуальных способностей и талантов, которые были у учителей автора данного текста.

Обобщенно говоря, множественные враги, с которыми боролись в своих статьях исследователи — даже не конкретные люди, а ограничительные факторы, которые они символизировали. Практически никогда не говорилось об определенной научной школе, конкретном историке, но о «губительной изоляции» [13, с. 5], «жестких дисциплинарных рамках» [22, с. 6], «тоталитарном давлении» [36, с. 6], «унификации, стремлении вогнать историю в единые рамки»[7, с. 253]. В определенной мере, изначальная ориентация авторов альманаха на французскую nouvelle histoire и на немецкую социальную историю была обусловлена противостоянием с научными противниками, мешающими производству действительно научного знания, но способствующими поддержанию идеологических догм.

Еще один важнейший мировоззренческий паттерн, характерный для советской интеллигенции и постоянных авторов «Одиссея», особенно на первом этапе его существования в 1989–1991 гг. – ярко выраженный европоцентризм. Для данной общественной группы западничество, ассоциирование себя с воображаемым «Западом», было своеобразной формой протеста: невозможность отождествления себя с правящим сообществом толкало либеральную интеллигенцию к восприятию приходящих оттуда концептов, идей и теорий [33, с. 19].

Рассматривая оппозицию между условным «западом» и «востоком», следует отметить несколько важных черт, характеризующих представления о нем не только в массовой, но и в интеллектуальной среде. По мысли Эдварда Саида, «Восток» в европейском, в том числе и в русском, понимании есть некая воображаемая экзотическая территория, вместилище всего чудесного и отличного от того, что имеется в Европе [40, р. 19]. «Восток» в отношении Европы был идеальным и наиболее объемлющим образом «Другого», по отно-

шению к которому европейские народы по контрасту смогли сконструировать свою собственную идентичность, образ, идею и опыт [40, p. 19].

Ассоциирование себя с «Западом» предполагало совершенно особое, «ориентальное» отношение к своему давнему сопернику – «Востоку». Не стало исключением в этом отношении и сообщество сотрудников «Одиссея». Конечно, европоцентричные взгляды в ходе дискуссий проявлялись не так рельефно, но они были совершенно отчетливо видны.

Прежде всего, это проявлялось в рассуждениях о личности. В. И. Павлов в своих ответах на вопросы анкеты упомянул о противоречии между личностями прогрессистски и консервативно ориентированными. Прогрессивная личность способствует резкому поступательному движению вперед. Консервативно ориентированная может повернуть развитие общества вспять [23, с. 22]. По мнению автора, личностей последнего типа особенно много на Востоке, они всегда использовали «архаичные азиатские системы» в завоевании «передовых», в роли которых выступали европейские [23, с. 22]. В роли личности второго типа автор называет Чингисхана, в то же время как европейских завоевателей, таких как Наполеон, он относит к третьему типу, который совмещает в своей деятельности прогрессивные и традиционалистские черты. Естественно, автор говорит, что следует изучать, прежде всего, личности первого, прогрессивного типа, которым он, по понятным причинам, отдает предпочтение [23, с. 22].

Налицо традиционная «ориентальная» дихотомия между «Западом» и «Востоком». «Запад» обладает исключительно позитивными коннотациями — он прогрессивен, общество в нем поступательно развивается, в то время как его антипод архаичен и его линия поведения сопровождается немотивированными вспышками агрессии. Азия является в этой схеме чем-то совершенно неспособным к модернизации, развитию и прогрессу, неким «надвременным регионом», совершенно «иным» по отношению к Европе. В своих ответах автор отрицает возможность существования в Азии в новое и новейшее время личностей прогрессистского типа [23, с. 22].

Это было отнюдь не единичное мнение. Вторили ему также И. Л. Фадеева, отмечавшая антииндивидуалистские ценности и общественные установки на Востоке, которые «до сих пор не

преодолены» [32, с. 32], и Е. С. Штейнер, отмечавший отсутствие личности на Дальнем Востоке как таковой [35, с. 38]. Симптоматично также то, что при упоминании «индивидов-чудовищ» практически все примеры заимствовались из истории Азии: Пол Пот [25, с. 14], Чингисхан [23, с. 23], Тамерлан и Ксеркс [18, с. 54]. При этом спорные персонажи из истории Европы остались практически неназванными.

Несмотря на то, что авторы альманаха были детьми своего времени, тем не менее, они достаточно сильно выделялись из основной массы историков и исследователей своей эпохи. Прежде всего, следует отметить, что индивидуализирующий дискурс, в центре внимания которого стояла свободная личность, уживался на страницах издания с противоположным по заряду — основной темой которого становились народ, коллектив и огромные безмолвные массы людей.

Интересы многих исследователей вращались вокруг народного менталитета, культуры средневекового «безмолвствующего большинства». Например, А. Я. Гуревич в статье, вышедшей в 1991 г., журит Л. М. Баткина и С. С. Неретину за то, что они прислушиваются исключительно к мнению «толстолобых», адресованное ограниченному кругу им подобных [8, с. 80], оставляя за кадром представления абсолютного большинства средневекового населения.

Даже движение nouvelle histoire, олицетворяемое журналом «Анналы», во многом представлялось сообществу постоянных авторов альманаха движением, своеобразие которого проявлялось во внимании не только к индивидуальному, но и к массовому сознанию [13, с. 8]. Несмотря на внутреннюю неоднородность и сложность такого явления как nouvelle histoire, эта группа советских историков видела среди всего разнообразия лишь одну его грань. Вне зоны внимания при этом оставались, например, работы Пьера Шоню, ориентированные на квантитативные методы исследования, или работы Фернана Броделя, которого сложно заподозрить в невнимании к человеческому сознанию и менталитету. Этос исследователя, таким образом, серьезно влиял на процесс рецепции новых идей и концептов.

Этические представления историков – постоянных авторов альманаха не оставался неизменным на протяжении всего периода существования издания. Постепенно они подвергались существенным

изменениям. Особенно этот процесс стал заметен после 1994 г., когда после двухгодичного перерыва альманах начал выходить уже в постсоветской России.

Новой чертой этоса данного сообщества, стало то, что авторы альманаха начали подчеркивать важность и необходимость прислушивания и внимания ко всем возможным точкам зрения. Источниками формирования особого демократизма, который подталкивал к междисциплинарности и активному сотрудничеству с исследователями – иностранцами, были, с одной стороны, неприятие и враждебность к научному догматизму, и концепция диалога М. М. Бахтина с другой.

Роль первого фактора достаточно проста. Она исходила из неприятия давления, которое часто испытывали в своей научной карьере практически все авторы альманаха. Действия, которые совершали «подлецы, сикофанты и лжецы», о которых нередко писалось в автобиографических очерках, постепенно формировало воззрение, согласно которому безаппеляционность и категоричность суждений являются худшим врагом научного процесса [12, с. 8]. Искусственные барьеры и противоестественная изоляция советского гуманитария — неизбежное зло, порожденное догматизмом — объявлялись важнейшим препятствием на пути формирования новой науки.

Влияние же М. М. Бахтина на формирование особого этоса сообщества оказывается сложнее и неоднозначнее. Впервые концепцию диалога Бахтин сформировал в книге «Проблемы творчества Достоевского». Диалог до этого момента рассматривался как коммуникативное средство, как некий инструмент познания и коммуникации. Бахтин предложил несколько переосмыслить данную схему. Поэтому диалог представлен в его концепции не как средство, но как самоцель [3, с. 169]. Схема его у Достоевского, по мысли Бахтина, проста – это, прежде всего, противостояние «Я» и «Другого», взаимодействие между которыми происходит в диалоге [3, с. 169]. Второе важное свойство диалога в данной концепции и коренное отличие его от платоновского диалога - это его децентрализированность. В платоновском диалоге общение между участниками действа подчинено некой общей идее, оно монистично. Диалог же Бахтина представлен в виде пространства, где все участники находятся в равных условиях, приоритет в споре при этом не получает ни одна из сторон [3, с. 170], ни один из голосов не оказывается заглушен в споре. Это принципиально важный момент для формирования и эволюции этических взглядов исследователей из сообщества альманаха «Олиссей».

Проявляться интерес к идеям М. М. Бахтина стал относительно рано, но в полную силу он заявил о себе после 1992 г. Уже в обращении к читателям альманаха за 1989 г. отмечалось, что культурология, олицетворением которой в СССР был М. М. Бахтин, стремится обнаружить своеобразие чужой культуры, её уникальность [12, с. 8]. О принципиальной важности проблематики «свой» — «чужой» свидетельствовало появление выпуска, полностью этому посвященного [21]. Во вступительной статье уже при формулировке задач исследования была употреблена бахтинская терминология, введенная им в работе «Проблемы творчества Достоевского»: «свой», «чужой», «я» и «другой», «диалог». Взаимодействие между двумя противоположностями авторы понимают вполне в бахтинском духе: оно принимает форму диалога, и обе стороны, участвующие в нем, не имеют четкого разграничения между собой [14, с. 8].

Диалогизм Бахтина серьезно повлиял на представления исследователей об истине. Истина под влиянием его концепции также стала рассматриваться как сложная структура, составленная из множества частей, которые являют собой отдельные частные мнения. Это взгляд на нее был крайне далек от традиционного понимания. В текстах «Одиссея» особо подчеркивалось, что составители и авторы альманаха выступают за столкновение разных подходов к истории общества и культуры. Достаточно часто в альманахе проявлялся особый, «диалогичный» взгляд на истину, которая зачастую представлялась неким пересечением разных точек зрения [5, с. 19], которой вредили искусственные цеховые «перегородки», возводимые между различными науками [20, с. 27].

Характерный для первого периода развития альманаха европоцентризм, ориентация на европейские методы исследования, идеи, культуру подвергался все большей деформации. Это выражалось, прежде всего, в резком возрастании числа статей, не посвященых Европе как таковой. Здесь следует назвать работы С. И. Лучицкой [17], Е. И. Синицыной [27], Г. А. Ткаченко [30] и других. Постепенно появляется понимание того, что «чужой» – это не обязательно противник, завоеватель или носитель архаичного, но зеркало, всматривание в которое помогает лучше определить собственный образ.

В то же время состав основных ценностей не претерпел особых изменений — историки так же отдавали должное свободе и развитию личности. Правда, в отличие от первоначального этапа развития альманаха, этические взгляды историков проявлялись все реже и в более скрытых формах.

Этос историка-профессионала продолжал оказывать влияние и на рецепцию новых идей и методов исторической науки. Наиболее ярким примером подобного воздействия является то непростое отношение к новой интеллектуальной истории и постмодернизму в историографии, которое демонстрировали исследователи, делавшие доклады еще на семинаре по исторической психологии в конце 80-х гг. Исходя из собственных морально-этических воззрений, они полагали, что возможности подходов и методик исследований, использовавшихся в советской гуманитаристике, и идей Школы Анналов отнюдь еще не исчерпали своих возможностей.

Примером такого влияния может быть статья А. Я. Гуревича «Апории исторической науки: мнимые и подлинные» [6], иллюстрирующее его отношение к новациям в исторической науке. Она стала ответом на рассуждения Г. С. Кнабе, изложенные им в статье 1994 г. [15]. А. Я. Гуревич резко обозначает свое неприятие проникновению литературных приемов построения нарратива в исследовательскую практику историков, называя смешивание литературной и исторической прозы «недопустимым явлением» [6, с. 236]. На возможное замечание о том, что член редколлегии «Одиссея» Натали Земон-Девис в своей книге «Women on the Margins. Three Seventeenth Century Lifes» (1996) допускает вымышленный разговор с историческими персонажами, которых она описывает, А. Я. Гуревич отвечал, что данный раздел довольно четко отделен от остальных разделов книги [6, с. 236]. Тем самым Fiction и Science отделены друг от друга, и никак не смешиваются друг с другом. Историк, находящийся в постмодерном дискурсе, по мнению А. Я. Гуревича, не способен породить ничего кроме фикции и вымысла [6, с. 237].

Очевидно, что источником данных воззрений А. Я. Гуревича является его собственный этос профессионального историка, который противится смешиванию вымысла и реальности. Ответственный редактор, как он подчеркивал сам [9, с. 29], исходил из моральной недопустимости всякой субъективизации исторического процесса. Естественно, постмодерный дискурс с его

подчеркнутым вниманием к размыванию границ реальности и иллюзии оказывается непринятым по «морально-этическим соображениям».

Подводя итоги, можно заключить следующее:

- В 1989–1992 гг. характерными признаками профессионального этоса историка в сообществе постоянных авторов альманаха «Одиссей» были:
- сильное сходство с условным этосом позднесоветской интеллигенции;
- если попытаться составить своеобразный список основных этических ценностей, разделяемых всеми участниками сообщества, сформированного вокруг альманаха «Одиссей», то получится следующий список: свобода (как в абстрактном понимании, так и в конкретном свобода научного творчества), личность (вольная и обладающая твердыми моральными принципами), истина, народ, диалог и свободное взаимодействие между разными индивидами;
 - достаточно ярко выраженная европоцентричность;
- на станицах альманаха легко уживались противоречащие друг другу этические представления, высказывать которые мог один и тот же ученый;
- гомеровский Одиссей рассматривался не просто как герой греческого мифа, но как некий идеал личности, на которую стремились походить исследователи. Как и Одиссея у «Одиссеев» существовало множество врагов у данного сообщества историков это был всяческий преградительный фактор и граница.

В период после 1993 г. произошли некоторые изменения:

- постепенное исчезновение ярко выраженного европоцентризма. Общение с «Другим» принимает вид не иерархизированной схемы, но форму диалога;
- влияние концепции диалогизма Бахтина и «новой интеллектуальной истории», которые постепенно меняют представление об истине, как о чем-то важном и необходимом.

Таким образом, этос историка в альманахе «Одиссей» оказывается фактором, в косвенной мере определяющим тематику статей, дискуссий, подборку материалов в различных его выпусках. Этика исследователей определенным образом корректировала и модель рецепции, избранную тем или иным историком. Несмотря на изменения, которые претерпевал исследовательский этос

в течение 1990-х гг., он был фактором, определенным образом скрепляющим и цементирующим сообщество авторов альманаха.

Библиографические ссылки

- 1. *Баткин Л. М.* К спорам о логико-историческом определении индивидуальности / Л. М. Баткин // Одиссей. Человек в истории.1990. М., 1990.
- 2. $\it Баткин \ Л. \ M.$ Начинающий медиевист из провинции в гостях у Люблинских / Л. М. Баткин // Одиссей. Человек в истории. 1998. М., 1998.
- 3. *Бахтин М. М.* Проблемы творчества Достоевского / М. М. Бахтин К., 1994.
- 4. *Бессмертный Ю. Л.* К читателю / Ю. Л. Бессмертный // Одиссей. Человек в истории. 1992. М., 1994.
- 5. *Великовский С. И.* Культура как полагание смысла / С. И. Великовский // Одиссей. Человек в истории. 1989. М., 1989.
- 6. *Гуревич. А. Я.* Апории современной исторической науки: мнимые и подлинные / А. Я. Гуревич // Одиссей. Человек в истории. 1997. М., 1997.
- 7. *Гуревич. А. Я.* Вступительное слово / А. Я. Гуревич // Одиссей. Человек в истории. 1998. М., 1998.
- 8. *Гуревич А. Я.* Еще несколько замечаний к дискуссии о роли личности и индивидуальности в истории / А. Я. Гуревич // Одиссей. Человек в истории. 1990 М., 1990.
- 9. *Гуревич А. Я.* «Путь прямой как невский проспект», или исповедь историка / А. Я. Гуревич // Одиссей. Человек в истории. 1992. М., 1994.
- 10. *Иванов Вяч. Вс.* Культурная антропология и история культуры // Одиссей. Человек в истории. 1989. М., 1989.
- 11. Индивидуальность и личность в истории. // Одиссей. Человек в истории. 1990 М., 1990.
 - 12. К читателю // Одиссей. Человек в истории. 1989. М., 1989.
 - 13. К читателю // Одиссей. Человек в истории. 1991. М., 1991.
 - 14. К читателю // Одиссей. Человек в истории. 1993. М., 1994.
- 15. *Кнабе Г. С.* Общественно-историческое познание второй половины XX века, его тупики и возможности его преодоления / Г. С. Кнабе // Одиссей. Человек в истории. 1993. М., 1994.
- 16. *Кром М*. Историческая антропология: от теоретических дебатов к конкретным исследованиям / М. Кром // Научное сообщество историков России: 20 лет перемен / Под ред. Г. А. Бордюгова. М., 2011.
- 17. Лучицкая С. И. Иконография крестовых походов / С. И. Лучицкая // Одиссей. Человек в истории. 1993. М., 1994.

- 18. *Михайлов В. А.* Надо учиться обратному переводу / В. А. Михайлов // Одиссей. Человек в истории. 1990. М., 1990.
- 19. *Неретина С. С.* Через идею диалога культур / С. С. Неретина // Одиссей. Человек в истории. 1990 М., 1990.
- $20.\ \, Oболонский\ A.\ B.\$ Исторические перекрестки как объект альтернативной истории / A. B. Оболонский // Одиссей. Человек в истории. 2000.-M., 2000.
 - 21. Одиссей. Человек в истории. 1993. М., 1994.
- 22. Одиссею 10 лет // Одиссей. Человек в истории. 1998 М., 1998.
- 23. *Павлов В. И.* Предпочтение прогрессивному индивиду /В. И. Павлов // Одиссей. Человек в истории. 1990. М., 1990.
- 24. *Панченко Д. В.* Личности свойственно некое благородство / Д. В. Панченко // Одиссей. Человек в истории. 1990. М., 1990.
- 25. *Рашковский Б. Е.* Личность как облик и как самостоянье / Б. Е. Рашковский // Одиссей. Человек в истории. 1990. М., 1990.
- 26. Свешников А. В. Коммуникативные стратегии постсоветских исторических альманахов / А. В. Свешников, Б. Е. Степанов // Мир историка: историографический сборник. Вып. 4. Омск, 2008.
- 27. *Синицына Е. И.* Шекспир в тропическом лесу / Е. И. Синицына // Одиссей. Человек в истории. 1993. М., 1994.
- 28. *Соловьев* Э. Ю. От обязанности к призванию, от призвания к праву / Э. Ю. Соловьев // Одиссей. Человек в истории. 1990 М., 1990.
- 29. Степанов Б. Е. Тонкая красная нить: споры о личности и индивидуальности как зачин историографии 1990-х / Б. Е. Степанов // НЛО, 2007. № 83/84.
- 30. *Ткаченко Г. А.* Модель человека в культуре Китая (о традиционной китайской антропологии) / Г. А. Ткаченко // Одиссей. Человек в истории. 1999. М., 1999.
- 31. *Уваров Ю. П.* Вступительное слово / П. Ю. Уваров //Одиссей. Человек в истории. 1999. М., 1999.
- 32. Φ адеева И. Л. Только в Европе / И. Л. Фадеева // Одиссей. Человек в истории. 1990 М., 1990.
- 33. *Хапаева Д.* Время космополитизма. Очерки интеллектуальной истории / Д. Хапаева СПб., 2002.
- 34. *Харитонович Д. Э.* В единоборстве с Василиском: опыт историко-культурной интерпретации средневековых ремесленных рецептов / Д. Э. Харитонович // Одиссей. Человек в истории. 1989. М., 1989.
- 35. Штейнер Е. С. О личности, преимущественно в Китае и Японии, хотя, строго говоря, в Китае и Японии личности не было / Е. С. Штейнер // Одиссей. Человек в истории. 1990. М., 1990.

- 36. *Юрганов А. Л.* Вступительное слово / А. Л. Юрганов // Одиссей. Человек в истории. 2001.-M., 2001.
 - 37. Essais d'ego-histoire // Pierre Nora (ed.) Paris,1987.
- 38. *Passerini L*. Historians in Flux: The Concept, Task and Challenge of Ego-Histoire / L. Passerini, A. Geppert // Historein. 2001. №3. Vol. 3.
- 39. *Popkin Jeremy D.* Historians on the Autobiographical Frontier / Jeremy D. Popkin // American Historical Review. Vol. 104. 1999.
 - 40. Said E. Orientalism / E. Said London, 2003.

Етичні аспекти у системі науково-історичного пізнання

УДК 930:170

А. Г. Болебрух

Днепропетровский национальный университет им. Олеся Гончара

ОБЪЕКТИВНАЯ ТАЙНА И СУБЪЕКТИВНАЯ ИСТИНА

Висвітлюються особливі риси історичної гносеології під кутом зору пізнання реальної дійсності. Проаналізовані особливості інтелектуальної та методологічної ситуації у історичній науці останніх років, передусім наслідки постмодерністського виклику та релятивізація історичного знання. Для аналізу питання про пізнавальні межі та ступінь суб'єктивності знань про минуле автор пропонує користуватися концептами «об'єктивної таємниці» та «суб'єктивної істини».

Ключові слова: особливі риси, гносеологія, історія, реальна дійсність.

Раскрываются основные черты исторической гносеологии под углом зрения познания реальной действительности. Проанализированы особенности интеллектуальной и методологической ситуации в исторической науке последних лет, в первую очередь последствия постмодернистского вызова и релятивизация исторического знания. Для анализа вопроса о познавательных пределах и степени субъективности знаний о прошлом автор предлагает использовать концепты «объективной тайны» и «субъективной истины».

Ключевые слова: отличительные черты, гносеология, история, реальная действительность.

In the form of free essay the author elucidates specific features of historical gnoseology in its attitude to cognition of reality. He analyzes peculiarities of intellectual and methodological situation in historical science of modern time, paying

[©] Болебрух А. Г., 2014.

attention to influence of postmodernistic challenge and relativization of historical knowledge. The analyses of the texts of prominent Russian and Ukrainian textbooks on historiography for university students (N. Iakovenko. L. Zashkulniak, L. Repina) shows that idea about subjectivity, incompleteness and limitation of historical knowledge became generally accepted. Compared with previous academic tradition, it is the sign that historical science now survives period of transition.

Studying the question about cognition limits and level of historical knowledge subjectivity the author proposes to use the concepts of «objective mystery» and «subjective truth». Objective mystery is the obscure object of the outside world which people want to perceive, subjective truth is the part of objective mystery, discovered by scientists. Is it possible to get objective knowledge on materials, subjective in their nature, as historical sources are? Despite popular now doubts, the author gives positive reply. During the development of history as science special procedures of verification were formed: search and selection of sources, their critics, selection of consistent facts, procedures of interpretation. Hence, when the «objective mysteries» of the past remain studied only «subjectively» and partly, those «subjective truth» about the past are successive footsteps to absolute truth, unattainable for any science. And we don't need to diminish the importance of obtained knowledge and its usefulness.

Key words: specific features, gnoseology, history, reality.

Формулировка темы, предложенная мной, — не следствие новомодного эпатажа и примитивного оригинальничания, а желание предложить новый ракурс взгляда на некоторые проблемы современной историографии.

Два-три десятилетия ушло у нас на расставание с устаревшими канонами советской исторической науки, на параллельное присматривание к зарубежному опыту историописания, на подчас острые дискуссии с постмодернизмом и его многочисленными ответвлениями. За прошедшее время многое изменилось и в содержании критики трудов 60–90-х гг. ХХ в., и в понимании зарубежной историографии различных школ и направлений, и в значении постмодернистских трактовок познания прошлого.

Практическая методика исследования обогатилась рядом перспективных наблюдений в таких новых сферах исторического знания, как история повседневности, история идей, регионалистика, антропологический подход, развитие цивилизации, биографистика, гендерные исследования и др.

Несмотря на эти частные сдвиги, сама историческая наука до сих пор не восстановила свой авторитет в массовом сознании;

там бытует прочно засевшее мнение о неспособности истории выработать достоверное знание о том, что же на самом деле происходило давным-давно; мнение о том, что у каждого автора своя правда, собственное представление о событиях прошедшего, свои герои. Следствие такого положения вещей — значительное снижение социальной роли исторической науки.

Но и у профессионалов не все безоблачно. Будем самокритичными: ясно ли мы представляем себе специфику предмета истории среди других гуманитарных дисциплин, ее задачи и методы исследования, ее социальные функции, особенности исторической истины, исторических закономерностей и проч. В конце концов: а нужна ли нам история как самостоятельная наука, если кое-кто заявляет, что наукой она не является? Как всегда вопросов короб, а ответов горсть!

В последние годы ощущается поворот в сторону прагматической общественной роли исторической науки. Так, в монографии Л. П. Репиной «Историческая наука на рубеже XX—XXI вв.: социальные теории и историографическая практика» приведена цитата из интервью идеолога постмодернизма X. Уайта, отражающая крайне негативное отношение к исторической науке: «История никак не может считаться наукой в том же смысле, что химия или физика. Не каждый в ней нуждается, и, возможно, многим людям она наносит ущерб. Нельзя думать, что если история обслуживает, или может показаться, что обслуживает, наши потребности, то она нужна всем» [6, с. 15–16].

На той же странице, как бы в противовес X. Уайту, Л. П. Репина привела выдержку из недавней книги известного американского историка П. Стирнса «Для чего изучать историю?» (1998), «который дал следующий набор ответов: изучение истории помогает понимать людей, человеческий опыт и происхождение изменений в обществе, дает почву для размышлений по поводу морали и доставляет эстетическое наслаждение, создает условия для самоидентификации и делает нас гражданами, развивает способность анализировать и оценивать многообразные свидетельства и их различные интерпретации, расширяет эрудицию и кругозор». Суммируя эти частичные ответы, он выносит вердикт: «Предоставляя доступ к лаборатории человеческого опыта, знание истории является источником инноваций (выделено мной — A. E.)».

От себя Л. П. Репина делает такое заключение о предложенной американским коллегой трактовке социального предназначения истории: «Пожалуй, об общественной пользе исторической науки лучше и короче не скажешь. Однако ее потенциал может сегодня остаться невостребованным, если не будут вновь обретены утраченные узкоспециализированной научной историографией XX столетия эстетическая привлекательность, непосредственный контакт и общий язык с публикой, без чего восстановление интереса широкого потребителя к научной продукции профессиональных историков, в том числе и отечественных, представляется совершенно нереальным» [6, с. 15–16].

К сожалению, в некоторых обобщающих работах последних 10-15 лет не были преодолены последствия постмодернистских увлечений. Так, например, в начале 2000-х гг. появилось немалым тиражом (4000 экз.) учебное пособие «История исторического знания», авторы которого Л. П. Репина, В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова, вслед за Х. Уайтом, утверждали, что существует немало аргументов не считать историю «самостоятельной научной дисциплиной», а претензии историков выяснить «объективную правду» (в пособии именно так, в кавычках) безосновательны. И далее выдвигались следующие основания такого «безжалостного» вывода: «Пределы и возможности исторического знания очерчены и неполнотой сохранившихся свидетельств, и отсутствием гарантий того, что сохранившаяся в этих свидетельствах реальность является достоверным образом изучаемой эпохи, и наконец, интеллектуальным инструментарием исследователя. Историк всегда, вольно или невольно, оказывается субъективен в своем толковании прошлого и его воссоздании: исследователь интерпретирует его, опираясь на концептуальные и идеологические построения собственной эпохи, руководствуясь личными предпочтениями и субъективным выбором тех или иных интеллектуальных моделей. Так, историческое знание и предлагаемый им образ прошлого всегда субъективны, частичны в своей полноте и относительны в своей истинности (выделено мной. – A. E.)». После всего сказанного удивительно звучат следующие строки: «Признание собственной ограниченности вместе с тем не мешает историческому научному знанию быть рациональным, обладающим собственным методом, языком и социальной значимостью» [7, с. 4].

Прочитав эту декларацию, нужно немало поломать голову над тезисом о «рациональности» и «социальной значимости» таких знаний, которые отличаются, оказывается, субъективностью, «относительной истинностью» и созданы человеком, руководствующимся «личными предпочтениями и субъективным выбором тех или иных интеллектуальных моделей»!

Событием в украинской историографии стал выход в свет книги известного медиевиста Н. М. Яковенко «Вступ до історії» [8]. Оригинальная по форме и оценкам материала, охватывающего историю исторической мысли с античности до наших дней, книга оказалась противоречивой в подходах к главным вопросам методологии истории. Для того, чтобы приглушить противоречия, Н. М. Яковенко разбила историографию на два неравнозначных сегмента: 1) научно-популярный, учебный раздел, где допустима концепция/парадигма познаваемости прошлого и достоверность предлагаемого объема знаний; и 2) академическая, интеллектуальная история («високі теоретичні нагір'я»), в которой рациональнее придерживаться скептицизма относительно исторической истины и образа реального прошлого.

Более четко свою позицию заявил авторитетный украинский историограф Л. А. Зашкильняк в недавнем учебном пособии «Сучасна світова історіографія»: «Современная мировая историческая наука (историография) старается преодолеть разноплановые ограничения, которые принижают ее научный статус, и выйти на такие подходы к историописанию, которые бы открыли новые просторы для ориентации человека в современном мире» [3, с. 4].

Наиболее приемлемую и теоретически взвешенную оценку постмодернизма и его роли в дальнейшей судьбе мировой исторической науки дал Б. Г. Могильницкий. Признавая влияние постмодернизма на изучение прошлого, он писал, что оно «включает отказ от жестких априорных схем любого рода, претендовавших на обладание непогрешимой истиной, и связанного с этим строгого линейного детерминизма в объяснении исторического процесса и составляющих его явлений. Следствием стали раскованность мысли и воображения, обращение к любым исследовательским стратегиям, выработанным современной наукой, принципиальное многоязычие постмодернистской культуры и, в частности, исторической методологии, развитие диалогических форм исторического познания,

его эстетизация, обоснование понятия исторического дискурса как особой формы изображения прошлого, распространение микроисторических исследований и многое другое, составляющее в своей совокупности тот питательный бульон, из которого может вырасти новая парадигма истории, отвечающая современным научным и социальным реалиям, но никак не являющаяся по своей природе постмодернистской, а, напротив, отвергающая его основную интенцию» [5, с. 10–11].

Таким образом, нынешнее состояние исторической науки можно обозначить словами Л. Н. Толстого о пореформенной эпохе: «У нас все переворотилось и только начинает укладываться». Вообще говоря, развитие науки — процесс объективный, смена взглядов и концепций неизбежна и, более того, полезна, ибо свидетельствует об исследовательском здоровье. С. С. Аверинцев был убежден в том, что «всякое научное представление, поставленное под огонь требований верификации в новоевропейском смысле, — это представление, которое не просто фактически меняется, но обязано меняться. Оно ненаучно, если держится слишком долго» [1, с. 336].

Теперь о главном. В заголовке моего материала содержатся два словосочетания: «объективная тайна» и «субъективная истина». Что я имел в виду?

Объективная тайна — это условное обозначение сущности непознанного объекта в окружающем мире, а применительно к нашей дисциплине — это какая-то нерешенная или даже латентная проблема прошедших эпох. Как хорошо известно, каждое открытие непременно тянет за собой целую цепочку новых загадок. Это характерно и для естественных наук, и для гуманитарных. Данная закономерность, собственно, и открывает новые горизонты для научного познания, процесс которого бесконечен, как бесконечна сама вселенная. И в итоге выходит, что количество тайн едва ли не превышает объем познанных объектов и явлений.

Раскрытие тайн — это имманентное человеческое качество, сформировавшееся и развивающееся под воздействием общественной практической деятельности. Деятельность же людей продиктована насущными потребностями существования — от видов физического труда до всех вариантов интеллектуальных занятий.

Историческая наука как разновидность умственного труда постоянно выдвигает перед учеными одну тайну за другой, а исследо-

вательская деятельность заключается в познании неизвестного, что и составляет призвание историков.

Задачи исторической науки по выяснению достоверности многих исторических процессов, событий, деятельности выдающихся личностей в настоящее время значительно актуализировались, в связи с мощной волной фальсификаций, буквально захлестнувшей большинство периодов отечественной истории. Неправдивые сведения, порожденные политическими или идеологическими пристрастиями, дезориентируют общественное сознание, искажают картину прошлого, разрушают органическую связь поколений.

Второе словосочетание — *«субъективная истина»* означает ту часть раскрытой объективной тайны, таящей в себе одновременно и часть абсолютной истины, которая доступна для познания при современном уровне развития науки и ее методической оснащенности. Слово *«субъективная»* вовсе не имеет в виду авторский произвол в присвоении имени *«истина»* тем явлениям, которые кажутся достоверными ученому. Истина всегда должна быть доказательной и отражать реальные факты.

Возможно ли установить истину на основе материала, субъективного по своему происхождению? Этот распространенный вопрос нужно разбить на два компонента; первый – можно ли добыть действительные факты в имеющихся источниках? На первый вопрос ответ, безусловно, положительный, поскольку вся мировая историографическая практика свидетельствует об этом; кроме того, исследовательский инструментарий профессионалов-историков постоянно совершенствуется.

Что касается второго компонента скептического вопроса относительно исторической истины, то для того, чтобы его прояснить, нужно начать с объяснения специфики исторического познания. Эту специфику удачно отметил еще М. Блок: «Итак, мы ныне лучше подготовлены к мысли, что некая область познания, где не имеют силы Евклидовы доказательства или неизменные законы повторяемости, может, тем не менее, претендовать на звание научной. Мы теперь гораздо легче допускаем, что определенность, универсальность — это вопрос степени. Мы уже не чувствуем своим долгом навязывать всем объектам познания единообразную интеллектуальную модель, заимствованную из наук о природе, ибо даже этот шаблон уже не может быть применен вполне. Мы еще не слишком

хорошо знаем, чем станут в будущем науки о человеке. Но мы знаем: для того, чтобы существовать – продолжая, конечно, подчиняться основным законам разума – им не придется отказываться от своей оригинальности или ее стыдиться» [2, с. 15].

Справедливые слова М. Блока можно подкрепить античным наследием. Когда мы говорим об античности как начальной стадии европейского историописания, следует заметить, что ведущим способом интерпретации описываемых фактов являлось размышление. Причем опиралось оно не на скрупулезное рассмотрение причинноследственных связей (что характерно для современной историографии), а на личный жизненный опыт и мудрость, накопленную предшествующими поколениями. Источники разбирались только с точки зрения достоверности упоминаемых в них фактов. Приоритет же отдавался оценке изложенных фактов в ракурсе раздумий о современных общественных тенденциях.

Таким образом, в исторической науке на долгие столетия после античности закрепились две основные линии повествования, тесно между собой связанные, хотя и довольно самостоятельные: 1) отбор, обработка и описание фактов прошлого; 2) осмысление путей общественного развития и его исторических корней.

Хочу особо подчеркнуть, что и Геродот, и Фукидид, и другие древнегреческие историки всячески заботились — в рамках возможностей времени — о достоверности своих сочинений как условии общественного признания и точности выводов. Эта цель ставилась и последующими поколениями историков. Весьма своевременно и актуально на волне критики постмодернизма В. А. Муравьев в 1999 г. выступил на одной из научных конференций с докладом «Точное историческое знание: претензии поколений историков» с целью напомнить коллегам о главной задаче их науки.

Начальным этапом профессиональной работы историка является тщательный подбор всего комплекса сохранившихся источников по избранной проблеме, затем при помощи специальных процедур выясняется степень соответствия имеющихся в них сведений реальности интересующей ученого эпохи. После названных изысканий производится отбор тех фактов, которые дают непротиворечивое описание различных сторон общественной жизни. И только, выполнив предварительную подготовку, историк считает

себя вправе отыскивать смысл той эпохи и сопоставлять его со своей современностью.

Это несколько упрощенная модель деятельности ученогоисторика. Примерно таким образом работал В. О. Ключевский, что давало ему возможность увидеть в прошлом утраченные Россией возможности своего цивилизационного движения в историческом измерении. Приведу только один пример: в «Курсе русской истории», описывая попытки создания представительных учреждений в XV-XVIII вв., он, в частности, писал: «В XVII в. собор (земский – A. B.) разовьется в настоящее представительное собрание; но роковые условия русской жизни, для противодействия которым были созываемы земские соборы, затрут их и надолго заглушат мысль, пытавшуюся в них укрепиться, - мысль об установлении постоянного, законом нормированного притока здоровых общественных сил в состав правящего класса, ежеминутно стремящегося у нас превратиться в замкнутую от народа касту, в чужеядное растение, обвивающее народное тело» [4, т. 2, с. 395]. Как, надеюсь, понятно вам, что видный русский историк, ничуть не изменяя принципу историзма, принципу моральности профессии, талантливо отобразил своеобразие политической действительности XVII в., беды, как своей переломной эпохи, так и нашего неопределенного времени.

В итоге можно сказать, что «объективные» тайны истории, которые пробовали уразуметь наши предшественники-историки, остаются «субъективно» лишь частично изученными, да и то только применительно к своим историческим периодам. Но так называемые «субъективные» истины — это последовательные ступени по направлению к истине абсолютной, к сожалению, для человека недостижимой вне зависимости от того, какой сферой науки он бы не занимался. Тем не менее, не следует приуменьшать значимость достигнутого знания для нашей практической деятельности в текущей земной жизни.

Библиографические ссылки

- 1. *Аверинцев С. С.* Два рождения европейского рационализма и простейшие реальности литературы / С. С. Аверинцев // Человек в системе наук. М., 1989.
- 2. *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка / М. Блок. М., 1973.
- 3. Зашкільняк Л. О. Сучасна світова історіографія / Л. О. Зашкільняк. Л., 2007.
- 4. *Ключевский В. О.* Сочинения: в 8 т. / В. О. Ключевский. М., 1957–1959.
- 5. *Могильницкий Б. Г.* История на переломе. Некоторые тенденции развития современной исторической мысли / Б. Г. Могильницкий // Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории. М., 2004.
- 6. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX XXI веков: социальные теории и историографическая практика / Л. П. Репина. М., 2011.
- 7. *Репина Л. П.* История исторического знания / Л. П. Репина, В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова. М., 2004.
 - 8. *Яковенко Н. М.* Вступ до історії / Н. М. Яковенко. К., 2007.

УДК 930. 23

С. И. Посохов

Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИМАГОЛОГИИ

Розглядаються етичні проблеми, які виникають у процесі здійснення досліджень у галузі історичної імагології. «Імагологією» називають міждисциплінарний напрям, який склався в другій половині XX ст. (в основі слово «ітаде» — «образ»). В центрі уваги імагологів, перш за все, перебуває соціальна функція етнічних уявлень. Відзначено, що етнічні стереотипи зберігаються не тільки в суспільному середовищі, але і в науковій традиції. В статті йдеться про моральну відповідальність дослідників, які визначають алгоритм їхнього розуміння.

Ключові слова: історична імагологія, професійна етика, етнічні образи, етнічні стереотипи.

Рассматриваются этические проблемы, которые возникают в процессе исследований в области исторической имагологии. «Имагологией» стали называть междисциплинарное направление, которое сложилось во второй половине XX в. (в основе слово «image» — «образ»). В центре внимания имагологов, прежде всего, находится социальная функция этнических представлений. Отмечено, что этнические стереотипы сохраняются не только в общественной среде, но и в научной традиции. В статье речь идет о моральной ответственности исследователей, задающих алгоритм их понимания.

Ключевые слова: историческая имагология, профессиональная этика, этнические образы, этнические стереотипы.

The paper is devoted to ethical issues that arise in the course of research in historical imagology. «Imagology» became known as an interdisciplinary area of research that has developed in the second half of the 20th century (it is based on the word «image»). The social function of ethnic representations is the key focus area of imagology researchers. The interest in what was previously called «prejudged», «distorted» in relation to those submissions grows. It became clear that ethnic images are born in the interaction of complex processes, especially the processes of self-identification. For development of imagology the emergence of a number of social

[©] Посохов С. И., 2014.

theories that explain social interactions played an important role. Historians also contributed to the establishment of imagology. Gradually in the scientific community even the term «historical imagology» was established. At the beginning of the new millennium imagology researches stimulated both intensifying nationalism and national movements (including the former Soviet Union), as well as new scientific concepts. Recently, more and more researchers pay attention to a variety of communities, study problems of intragroup values, frontier social roles, processes of legitimization of innovations, dominant meanings of «open» and «closed» cultural systems, polarization of the cultural landscape, cultural space zoning and so on. It is noted that ethnic stereotypes persist not only in the social environment, but also in the scientific tradition. In addition, they are often supported and aired on the basis of political considerations. The article focuses on the moral responsibility of researchers defining their understanding of the algorithm. It is stated that significant part of the professional scientific community has not only become the executor of appropriate «public order», but also largely determines this order. All it actualizes the problem of professional ethics in the research of such issues.

Key words: historical imagology, professional ethics, ethnic images, ethnic stereotypes.

С обретением Украиной независимости наблюдалась отчетливая тенденция к тому, чтобы выстроить свой собственный «национальный исторический нарратив». Сегодня такой нарратив мы фактически уже имеем. Как это уже было неоднократно отмечено исследователями, украинские историки пошли по пути возрождения схемы М. С. Грушевского. Однако, как известно, эта схема была создана в период становления украинской нации [28], когда нужно было выделить собственно украинскую историю в процессе конструирования нации, противопоставив ее истории других национальных общностей. В современных условиях глобализации и мультикультурализма эта схема выглядит не только архаично, но и в ряде случаев служит прямым основанием для возрождения консервативных, а то и радикально-консервативных общественнополитических взглядов. Закрепившись в школьных учебниках, она закладывает определенные стереотипы на уровне массового сознания и, таким образом, определяет будущее. Об этом также написано немало. Причем, исследователи, прежде всего, обращают внимание на те сюжеты, которые связаны с упоминанием отдельных народов и их характеристиками. В частности, речь идет об этноцентризме: «Учебники предлагают этноцентричное видение истории, практически полностью пренебрегая принципами полиэтничности и поликонфессиональности, хотя это является приоритетом современной школьной дидактики открытых обществ» [22, с. 21]. И такие процессы характерны для всего постсоветского пространства. В 2009 г. российские ученые проанализировали 187 учебников из 12 стран бывшего Советского Союза и пришли к выводу, что за исключением Белоруссии и Армении, учебники дают искаженную националистическую картину прошлого [17].

Впрочем, следует отметить, что многие национальные историографии, а не только возникшие на постсоветском пространстве, базируются на принципе этнической эксклюзивности. В этом случае т. н. «другие» выполняют «вспомогательные функции» или превращаются во «враждебную силу», а тема конфликта становится системообразующей [11, с. 15–17]. На сегодняшний день даже есть специальный термин – «этническая мобилизация», который обозначает принцип осмысления прошлого, который особенно широко применялся и применяется на этапе борьбы за обретение той или иной общностью политических прав [7]. Однако, по большому счету, его господство во всемирном масштабе прошло, поскольку глобальные интеграционные процессы нивелируют значение старой национальной государственности. И даже если обосновывать его применение в современной Украине задачами государственного строительства, которые самой историей были поставлены недавно, не следует забывать, что украинское общество имеет сложную полиэтническую и поликультурную структуру, а межэтнические отношения всегда были и остаются важным фактором социального развития Украины. Все это заставляет внимательнее отнестись к исканиям в области имагологии и, прежде всего, к этическим проблемам, которые возникают в процессе осуществления такого рода исследований.

«Имагологией» стали называть междисциплинарное направление исследований, которое сложилось во второй половине XX в. (в основе лежит слово «image» – «образ») [9, с. 8–10]. В центр внимания имагологии была помещена социальная функция этнических представлений. Соответственно, проявляется интерес к тому, что ранее называлось «предвзятостями», «искажениями» применительно к таким представлениям. Стало ясно, что этнические образы рождены в ходе взаимодействия сложных процессов, прежде всего, процессов самоидентификации. Был сделан важный вывод о двойственном характере такого рода представлений (отражают не одну, а две ре-

альности или, точнее, два народа – и тот, чей образ формируется в сознании другого народа, и тот, в среде которого эти представления слагаются и получают распространение [9, с. 21]).

Свой вклад в становление имагологии внесли и историки. Постепенно в научном сообществе даже утвердился термин «историческая имагология» [27] и началось осознание специфических задач собственно исторических исследований в данной области. Впрочем, среди широкого круга украинских историков принципы и результаты имагологических исследований используются слабо. В их работах, по-прежнему, неявно преобладает примордиалистскобиологизаторское понимание этнических феноменов.

На становление и развитие имагологии существенно повлияли те исследования, которые были осуществлены во второй половине XX в. и посвящены изучению различных форм национальной и групповой идентификации. Среди тех работ, которые получили наибольший резонанс в научном сообществе (в т.ч. в современной Украине) следует назвать труды Эрика Хобсбаума и Бенедикта Андерсона. Данные авторы обратили внимание на субъективную сторону процесса конструирования наций. При этом было замечено, что национальные феномены имеют двойственный характер: в главном они конструируются «сверху», и все же их нельзя постигнуть вполне, если не подойти к ним «снизу», с точки зрения убеждений, предрассудков, надежд, потребностей, чаяний и интересов простого человека, которые вовсе не обязательно являются национальными, а тем более националистическими по своей природе [29, с. 20]. Согласно Б. Андерсону, нации - «воображенные политические сообщества», и «на самом деле, все сообщества крупнее первобытных деревень, объединенных контактом лицом-к-лицу (а, может быть, даже и они), - воображаемые» [1, с. 30-31]. Уже этот основной тезис обусловил внимание к механизмам солидарности/разъединения в обществе.

Для становления имагологии большое значение имело появление ряда социальных теорий, которые объясняли социальные взаимодействия. Особенно отметим этап господства структурнофункционального подхода к социальным явлениям и процессам. Такие понятия как «внутригрупповая солидарность», «социальный контроль», «социальная роль», «легитимизация» не только обозначили линию научных поисков, но и стали важными вехами на пути постижения механизмов саморепрезентации, саморегулирования и коммуникации сообществ.

Следствием принятой столпами прагматизма позиции стала чрезвычайно плюралистическая концепция общества: никакой единообразной организации социума не существует, а видов общественных объединений возможно столько, сколько в коммуникационном обороте вращается благ и ценностей, способных приумножаться в процессе взаимообогащающего обмена между людьми и становиться новыми точками социальной кристаллизации [12, с. 8].

Отмеченные теоретические построения и обозначенные новые предметные поля стимулировали конкретно-научные исследования. В частности, были актуализированы такие темы и аспекты, которые выводили на проблемы внутригрупповых ценностей, фронтирных социальных ролей, культа героев, легитимизации новаций, доминирующих смыслов, «открытых» и «закрытых» культурных систем, поляризации культурного ландшафта, районирования культурного пространства и др. В определенной мере такие поиски проявились и в области исторической имагологии. Примеры таких исследований можно обнаружить в 70–80-е гг. ХХ в. В частности, беспрецедентной по масштабу работой, стал так называемый «Вуппертальский проект» Льва Копелева [6].

На украинском пространстве такие исследования еще только начинаются (В. В. Кравченко [14], Е. В. Грицай, М. В. Николко [6] и др.). Среди прочего, это объясняется определенной историографической ситуацией, или, лучше сказать, «историографическим разрывом». Дело в том, что в советской историографии такого рода проблемы пребывали на обочине исследовательского интереса и обусловлено это было, прежде всего, господствующими тогда методологическими принципами. Как заметил Б. Андерсон, «национализм оказался для марксисткой теории неудобной *аномалией*, и по этой причине она его скорее избегала, нежели пыталась как-то с ним справиться» [1, с. 28]. Однако добавим, что имагологические исследования были также основательно дискредитированы расистскими теориями и идеологией нацизма. Например, тема «национального характера» была вновь озвучена в советской науке лишь на рубеже 1960-х —1970-х гг.

Сегодня активнее разрабатывают такую тематику российские ученые. На рубеже XX-XXI вв. в России из печати вышло немало работ, которые посвящены собственно этническим образам и стереотипам [2]. Многие из них знаменовали собой новый этап имагологических исследований на постсоветском пространстве, поскольку строились на методологических принципах антропологически ориентированной истории. И все же, они также не лишены недостатков, которые обусловлены отмеченным разрывом традиции и слабым усвоением опыта зарубежной историографии. По авторитетному замечанию Л. П. Репиной, в данных исследованиях «нередко не хватает глубины темпоральной перспективы, недостаточно разработан вопрос о том, от чего зависят и как происходят изменения этого образа в историческом времени, отсутствует социальногрупповая дифференциация тех или иных образов, не подвергается рефлексии противоречивость отдельных элементов этих образов и роль коллективных стереотипов, выступающих как своеобразные фильтры даже в ситуациях личного наблюдения и общения, недооценивается возможность любой тенденциозной интерпретации в зависимости от позиции автора изучаемого текста и ожиданий аудитории» [23, с. 14]. Однако Л. П. Репина не только критически оценила имеющиеся наработки отечественных авторов в области имагологии, но и наметила перспективы такого рода исследований, о чем будет идти речь ниже.

В начале нового тысячелетия имагологические исследования стимулировались как усилением национализма и национальных движений (в том числе и на постсоветском пространстве), так и новыми научными концепциями. Б. Андерсон отметил: «ООН почти ежегодно принимает в свой состав новых членов. А многие «старые нации», считавшиеся некогда полностью консолидированными, оказываются перед лицом вызова, бросаемого «дочерними» национализмами, которые, естественно, только и мечтают о том, чтобы в один прекрасный день избавиться от этого «дочернего» статуса. Реальность вполне ясна: «конец эпохи национализма», который так долго пророчили, еще очень и очень далеко. Быть нацией — это по сути самая универсальная легитимная ценность в политической жизни нашего времени» [1, с. 27]. И все же, заметим, что начало XXI в. ознаменовано не только такими процессами. Глобализация произвела своего рода переворот в наших представлениях о

национальных границах и межгосударственных соглашениях, миграции и путешествия стали обычным делом для многих, а средства массовой информации и особенно медиакоммуникации связали воедино гигантские пространства, превзойдя все то, что свершил «печатный капитализм»¹. Но что еще более важно, благодаря новым техническим возможностям с невероятной быстротой стали возникать совершенно немыслимые ранее новые «воображаемые сообщества». В этих условиях «старые национализмы» выглядят не только архаично, но и беспомощно в своих попытках отстаивать ценности ушедшего века. Эфемерность прежних «незыблемых основ» национального суверенитета теперь очевидна даже обывателю. И хотя в современных условиях даже такая «краевая категория» как «человечество» [20, с. 223] уже не видится чем-то слишком абстрактным, тем не менее, глубокая привязанность людей к «своему национальному» заставляет нас внимательнее отнестись к этому феномену.

Важно отметить, что проблема «своего»-«другого»-«чужого» в исследованиях рубежа XX и XXI вв. постепенно вышла на новые горизонты, в частности, существенно расширились ее хронологические и территориальные границы. Теперь не только изучаются образы народов-соседей или народов — «лидеров эпохи». Более того, в центре внимания оказались образы «другого» в культуре. Тем самым произошла «релятивизация категории национального» [8, с. 85]. Исследователей стали интересовать возникновение образов микрообщностей на ограниченном пространстве, процессы наследования образов, природа «двояких образов» и т.п. в динамичном социокультурном контексте.

Вместе с тем, освоение новых рубежей исследований не означает, что все задачи предшествующих этапов решены. Напротив, многие проблемы «из прошлого» имагологии стали еще более актуальными.

В данном случае остановимся на этических проблемах.

1. Применительно к имагологии можно спорить уже относительно основополагающих вопросов об объекте и предмете иссле-

¹ Б. Андерсон пишет: «...печатный капитализм открыл для быстро растущего числа людей возможность осознавать самих себя и связать себя с другими людьми принципиально новыми способами» [1, с. 59].

дований. Ведь собственно термин «образ нации» заставляет нас вернуться к вопросу о том, что такое «нация». По мнению Э. Хобсбаума, мы, как и прежде, «...не способны растолковать наблюдателю, как а priori отличить нацию от других человеческих сообществ и групп – подобно тому, как можем мы ему объяснить различие между мышью и ящерицей или между отдельными видами птиц. Если бы за нациями можно было наблюдать примерно так же, как и за птицами, занятие это не составило бы особого труда» [29, с. 11-12]. Система «мега- макро- микро- и суб-микрообшностей» настолько подвижна и границы между ними размыты, что порой можно сомневаться в наличии объекта исследования. Познавательный потенциал концепта «национальный характер» тем более многими исследователями ставится под сомнение. Еще сложнее обстоит дело применительно к историческим исследованиям. Как выявить общности прошлого и что положить в их основу? Можно ли говорить о «поляках», «русских», «украинцах» в XVII в.? Или лучше говорить о жителях Речи Посполитой, Московского государства и Малороссии? Или лучше в этом случае вести речь о католиках, православных, иудеях?

Не менее сложно определить и предмет исследования. Ведь отвечая на вопрос о целях и задачах имагологии, мы неизменно выходим на сложные и довольно болезненные общественные и научные проблемы. В частности, подвергаются сомнению цели такого рода исследований с точки зрения их социальных функций, их влияния на современный социум. Например, отмечается, что в последнее время наблюдается процесс «размывания» структуры этнической идентичности путем противопоставления «мы»-этнического «мы»неэтническому, из содержания понятия «нация» («национальность») исключается «этническое ядро» (а это чревато потерей этническими элитами этнической идентичности) [30, с. 295]. С другой стороны, можно услышать мнения о том, что в современном обществе наблюдается сближение между двумя ключевыми видами идентичности этнической и гражданской, и, соответственно, муссирование темы «национального характера» в этих условиях может превращаться в рычаг регулирования определенных общественных настроений, в частности, препятствующих формированию политической нации. Очевидно также, что, выявляя образы тех или иных общностей, исследователи вольно или невольно сами способствуют оформлению и закреплению некоторых этнических стереотипов. Не случайно Ю. Л. Бессмертный, критикуя А. Я. Гуревича, обвинял историю ментальностей именно в том, что та создает предпосылки для поддержания националистических коллективных стереотипов [25].

Конечно, такие сомнения не означают, что исследования в данной области следует прекратить, но они предупреждают о возможных опасностях и, соответственно, особой ответственности ученого, который их изучает. Это особенно актуально в современной ситуации повсеместного складывания полиэтнических общностей и усиления межэтнических контактов. На наших глазах иногда происходит стремительное движение по линий «свой»-«другой»-«чужой»-«враждебный». Общественные настроения очень изменчивы и «измерить» их «градус» чрезвычайно сложно. И это один из тех вопросов, который по-прежнему остается нерешенным: каким образом, с учетом «непреодолимой» устойчивости архетипов сознания, с одной стороны, образ «чужого» легко превращается в образ «врага», а с другой – как может происходить обратный процесс, и в целом – какова логика общественных и личностных отношений, при которых система противостояния или сотрудничества приобретает подвижность [23, с. 15]. Свою «роковую» роль в таких «сдвигах» могут сыграть и историки.

2. В значительной мере предмет имагологии связан с проблемой культурного наследования. Л. П. Репина прямо указывает на актуальность «исторического [курсив автора] изучения образов как части культурного наследия». Но можно ли причислить этнические образы к культурному наследию? Если «да», то мы должны согласиться с тем, что для русских и татар такие события как Куликовская битва или взятие Казани Иваном Грозным всегда будут наполнены различными смыслами и образами (в т.ч. этническими), что это наследие будет «полярно заряженным». Может проще вообще отказаться от этих образов, объявив их несущественными? Однако это лишь на первый взгляд легко сделать. Прежде всего, следует понимать, что от нашего решения не зависит их существование, они никуда не исчезнут, к тому же их нельзя безболезненно «ампутировать», так они вплетены в ткань культуры. Как отметил В. Вжозек, люди не могут воспринимать прошлое иначе, чем именно в свете категорий, данных им культурой, в границах которой они должны быть и думать [4, с. 23]. И, во-вторых, эти образы часто являют собой аккумулированный опыт, который не обязательно должен быть

позитивным. Опыт является ценным сам по себе, ибо, соединенный с целеполаганием, он позволяет и рефлексировать, и смотреть в будущее. Возможность понять «другого» и «чужого», возможность диалога между «своими» и «чужими» – одна из важнейших проблем в истории культуры [18, с. 5]. Но что же делать на практике? Признавая несостоятельными эссенциалистские представления о «национальном характере», Л. П. Репина предлагает вести речь об историчности национальных (этнопсихологических) стереотипах и об исторической динамике самого концепта «национальный характер» [23, с. 11]. Она же сформулировала следующие ключевые методологические принципы имагологической исследовательской программы: необходимость учета психологической составляющей процесса формирования этнических представлений как смеси правды и фантазии; принцип отражения в образе другого народа сущностных черт собственной коллективной психологии; принцип сочетания синхронического и диахронического подходов в историческом анализе коллективных представлений с императивом выявления происходящих в них изменений, а также дифференцированный подход к взаимоотражениям народов в разных социальных группах [23, с. 13]. В этой же программной статье Л. П. Репина сформулировала также ряд наблюдений и выводов, которые также могут стать методологическими ориентирами для исследователей: этнический стереотип формирует психологическую установку на эмоциональноценностное (чаще негативное) восприятие «чужого» и задает соответствующий алгоритм отбора и интерпретации фактов взаимоотношения; «другой» по национальной принадлежности может быть своим по культурно-нравственным приоритетам; оппозиция «своичужие» складывается на разных уровнях, в частности, в обыденной жизни она возникает на основе коммуникативных критериев, подразумевающих возможность установления общения (языка, внешности, одежды, манер поведения); есть время складывания стереотипов, их укоренения в культуре, и время их разрушения и формирования новых стереотипов взаимного восприятия. Данные методологические принципы тесно связаны с профессиональной этикой, ибо только она не позволяет взять верх односторонности.

3. Третья проблема – это «проблема границ». Говоря о границах «ментальных регионов», следует сразу заметить, что в отличие от государственных границ, они не представляют собой линий

на политической карте. По мнению А. И. Миллера, речь должна идти о довольно обширных переходных зонах, в которых разные культурные и политические влияния и традиции взаимодействуют между собой [15]. Ярким примером выявления и характеристики таких пространств стали исследования Ф. Броделя, который отошел от принципов традиционного метанарратива, осуществлявшегося в рамках тех или иных политических границ, а сосредоточил внимание на общностях, объединенных геодемографической средой – в частности, в его трудах таким макроисторическим пространством стало выступать Средиземноморье. Впрочем, как считает А. И. Миллер, перспективным направлением исследований является выделение также микрорегионов, которые позволяют увидеть разные, не обязательно национальные, но и региональные идентичности, понять механизмы взаимодействия в этнически разнородных регионах. В последнее время исследователи сконцентрировали свое внимание не на описании идентичностей, но на отношении индивидуумов к этим идентичностям, на изучении того, что люди думали о «своем» и «чужом» пространстве, как они видели те или иные географические ареалы, как конструировали территориальные целостности и какими смыслами их наделяли. К подобным исследованиям исторического пространства относятся работы по истории формирования геоисторических (геополитических) конструктов, таких, например, как «Индия», «Восточная Европа», «Балканы», «Кавказ», «Дикий Запад» и др. Но «формируя» пространства, исследователь часто сам находится в плену стереотипов, а то и политических программ. В частности, популярность приобрела книга Э. Саида «Ориентализм», в которой формируемый Западом дискурс Востока показан автором как инструмент доминации и подчинения [26]. Е. Н. Шапинская, солидаризуясь с таким взглядом, пишет: «Отсюда, например, отношение к «культуре Востока», которая выделяется в отдельный раздел учебных курсов, хотя абстрактному понятию «Восток» не присуща даже та доля обобщения, с которой можно говорить, к примеру, о странах Западной Европы» [31, с. 10]. В украинском варианте, можно найти примеры того, когда попытка «не там» провести «ментальную границу» вызывала не просто споры, но обвинения в предательстве национальных интересов.

Действительно, с историческим пространством в подобной интерпретации связано формирование символического универсума

системы культуры: мистические компоненты традиции, приметы «малой родины», дизайн места обитания и базовые основы национальной идентичности. Для некоторых людей последние являются незыблемыми. К этому же типу («чреватых скандалом») следует отнести и работы по культурной антропологии, в которых используются ставшие такими популярными на рубеже веков концепты, как «пограничье», «граница», «зона контакта», «срединность» и др. [24]. Важно отметить, что изучение проблем «фронтира», границ и переходных зон [18] в последнее время стало не только развитием концептуальных положений, высказанных ранее, но и обогатило имагологию методикой градации и иерахизации пространств. И эти проблемы очень интересны с научной точки зрения. В частности были поставлены новые исследовательские задачи: какие образцы политического, экономического и культурного взаимодействия и какие специфические социокультурные организационные формы возникали на пограничье, возможно ли сравнение форм культурных контактов и культурных границ и др. Стали выделять виды фронтира: географический, социальный, военный, религиозный и культурный [10, с. 47–48]. Объектом внимания стали пограничные сообщества и регионы [см., например: 14]. Тем самым нарабатываются варианты выявления и анализа зон взаимной аккультурации, специфики социополитической культуры и фронтирного менталитета. В результате становится понятно, что такие зоны весьма подвижны, частым явлением была и есть смешанная «географическая идентичность», когда причудливо уживаются различные лояльности. К слову, исследования Пограничья заставляют усомниться в выводе Б. Андерсона о том, что в традиционном обществе лояльности людей непременно были иерархическими и центростремительными [1, с. 58]. На Пограничье такая иерархия была весьма неустойчивой и, в зависимости от ситуативного сочетания факторов, легко изменялась; что же касается «центростремительности», то Пограничье скорее демонстрировало «самодостаточность», поскольку жизнь часто требовала безотлагательных действий и приучала к самостоятельности. К этому добавим, что региональная идентичность также может соединять различные по стадиальности признаки, например, домодерные и модерные. И такие гибридные идентичности не являются исключением, а скорее выступают в качестве типичного. Сосуществование на территории региона разных типов идентичности было возможным, в первую очередь, благодаря слабости каждого из них [14, с. 334]. Соответственно, требовать «чистоты идентичности» на пограничье, да еще и в исторической ретроспективе — задача абсурдная для исследователя. Но как ему в этом случае взаимодействовать с сообществом, нацеленным на однозначность? — Только обозначив тенденции и перспективы в развитии мировой культуры, т.е. выводя проблему из «местечковых» на глобальный горизонт и обозначив моральную ответственность за будущее «своего» сообщества.

Подводя итог, следует сказать, что формирование нового культурного пространства возможно при условии анализа/«проработки» имеющегося опыта на уровне общественного сознания. Соответственно, на наш взгляд, пришла пора привнести в современную тернарную культуру новую составляющую, которая бы базировалась на истории как союзе опыта и цели. Именно на этой основе возможна солидарность нового типа. Свою роль в этом процессе должны сыграть историки [21].

В полной мере это относится и к проблемам межэтнического взаимодействия. С. И. Муртузалиев отметил, что понятие «национальная идентичность» предполагает присутствие у нации триединого чувства: 1) чувства общности исторического прошлого, коллективной веры в общность судьбы нации, 2) чувства общности настоящего и 3) чувства общности будущего. По его мнению, распад СССР и советской системы повлекли за собой массовый «культурный шок» и потерю устойчивой социальной идентичности [16, с. 275]. Вакуум отчасти заполнился архаичными взглядами, теориями, оценками. Туманность будущего обусловила акцент на прошлом, в том числе на прошлых обидах. Социальный оптимизм уступил место эсхатологическим настроениям. В то время как у одних наблюдается стремление покинуть «проклятую землю», у других возникают желания оградить «свою» территорию от «чужаков». Но не только на постсоветском пространстве можно наблюдать такие процессы. Глобализация сопровождается локализацией, что даже породило такой термин как «глокализация». В глобализирующемся мире все шире открываются возможности для выбора «дополнительной» или даже «альтернативной» самоидентификации - возможности, в XIX в. крайне маловероятные [3]. Все это заставляет нас внимательнее отнестись к идейным исканиям в данной сфере, которые появились в последнее время и четче обозначить задачи и моральную ответственность исследователей, задающих алгоритм их понимания.

Новые исторические опоры, по мнению ряда историков, требуют принципиально новой «мифологии». Именно выстраивание смыслов (формирование «новых метафор»¹), которые позволяли бы гармонизировать человеческую общность и в узком, и в широком понимании этого слова, может уже сегодня называться основной функцией истории. О том, что метафоры не просто слова свидетельствует хотя бы такие историографические метафоры как «империалистическая война», утверждение которой в умах людей привело к тому, что солдаты враждующих армий стали покидать свои окопы, чтобы «брататься» друг с другом, и «неполноценные народы», которая через непродолжительное время позволила с необычайной жестокостью убивать себе подобных.

Конечно, на пути выработки таких метафор и построения на их основе новых культурных практик предстоит преодолеть еще немало трудностей. Этнические стереотипы сохраняются не только в общественной среде, но и в научной традиции. К тому же они часто поддерживаются и транслируются исходя из политической конъюнктуры. Л. Е. Горизонтов предложил такое понятие как «этноисториографические стереотипы» и заметил, что «комфортнее, как известно, следовать в русле стереотипа, нежели его дезавуировать» [5, с. 11]. Более того, значительная часть профессионального научного сообщества стала не только исполнителем соответствующего «государственного заказа», а и в значительной мере определяла этот заказ. Все это актуализирует проблему профессиональной этики, о чем уже не раз шел розговор в нашем кругу.

Библиографические ссылки

- 1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. М., 2001.
- 2. *Артемова Е. Ю.* Культура и быт России последней трети XVIII века в записках французских путешественников / Е. Ю. Артемова. М., 1990; *Оболенская С. В.* Образ немца в русской народной культуре

¹ По словам В. Вжосека, «новые метафоры» являются «локомотивами мировоззренческих ценностей» [4, с. 194].

- XVIII XIX вв. / С. В. Оболенская // Одиссей. Человек в истории. 1991. М., 1991; Шепетов К. П. Немцы глазами русских / К. П. Шепетов. М., 1995; Россия и Европа в XIX—XX вв.: проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996; Образ России: Россия и русские в восприятии Запада и Востока. СПб., 1998; Поляки и русские глазами друг друга. М., 2000; Чернышева О. В. Шведский характер в русском восприятии / О. В. Чернышева. М., 2000; Россия Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. М., 2002; Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России. Новгород, 2004.
- 3. *Бойцов М. А.* История закончилась. Забудьте. [Электронный ресурс] / М. А. Бойцов. http://www.kultura-portal.ru/tree_new/cultpaper/article.jsp?number=595&rubric_id=1000166
- 4. Вжосек В. Культура и историческая истина / В. Вжосек. М., 2012.
- 5. *Горизонтов Л. Е.* Этноисториографические стереотипы / Л. Е. Горизонтов // Образ іншого в сусідніх історіях: міфи, стереотипи, наукові інтерпретації: Матер. Міжнар. наук. конф. К., 2008.
- 6. *Грицай Е.* Украина: национальная идентичность в зеркале Другого / Н. Грицай, М. Николко. Вильнюс, 2009.
- 7. *Губогло М. Н.* Языки этнической мобилизации / М. Н. Губогло. М., 1998; *Ачкасов В. А.* «Мобилизационная этничность» / В. А. Ачкасов, С. А. Бабаев СПб., 2000; *Баранов А. В.* Мифы исторического сознания как конструкт этнической мобилизации на Юге России и Северном Кавказе / А. В. Баранов // Образ «Другого» в поликультурных обществах: матер. Междунар. науч. конф. Пятигорск-Ставрополь-М., 2011.
- 8. *Гудков Л. Д.* Евреи в России свои/чужие / Л. Д. Гудков, А. Г. Левинсон // Одиссей. Человек в истории. 1993. М., 1994.
- 9. *Ерофеев Н. А.* Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских 1825–1853 гг. / Н. А. Ерофеев М., 1982.
- 10. *Каппелер А*. Южный и восточный фронтир России в XVI– XVIII вв / А. Каппелер // Ab imperio. 2003. № 1.
- 11. *Касьянов Г. В.* Націоналізація історії та образа Іншого: Україна і пост-комуністичний простір / Г. В. Касьянов // Образ іншого в сусідніх історіях: міфи, стереотипи, наукові інтерпретації: матер. Міжнар. наук. конф. К., 2008.
- 12. *Ковалев А*. Книга Ирвинга Гофмана «Представление себя другим в повседневной жизни» и социологическая традиция / А. Ковалев // И. Гофман. Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000.
- 13. *Кожевникова А. М.* «Вуппертальский проект» Льва Копелева: научное и общественно-политическое значение / А. М. Кожевникова. Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. М., 2012.

- 14. *Кравченко В.* Харьков / Харків: столица Пограничья / В. Кравченко. Вильнюс, 2010.
- 15. Миллер А. И. Ментальные карты историка и связанные с ними опасности / А. И. Миллер. [Электронный ресурс]. URL: http://mion.sgu.ru/empires/docs/mental.doc
- 16. *Муртузалиев С. И.* Кавказцы в контексте формирования национальной идентичности россиян / С. И. Муртузалиев // Образ «Другого» в поликультурных обществах: матер. Междунар. науч. конф. Пятигорск; Ставрополь; М., 2011.
- 17. Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств / ред. А. А. Данилов, А. В. Филиппов. М, 2009.
- 18. От редакции. Границы империи: в поисках пределов применимости исторических метанарративов // Ab imperio. 2003. № 1 (и другие материалы в этом и последующих выпусках указанного издания).
- 19. От редколлегии // Одиссей. Человек в истории. 1993. Образ «другого» в культуре. М., 1994.
- 20. *Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история / Б. Ф. Поршнев. М., 1979.
- 21. *Посохов С. И.* «Своевременные размышления» о теориях памяти, типах культур и смыслах истории / С. И. Посохов // XI3. 2013. Вип. 12.
- 22. Пропозиції до концепції історичної освіти в Україні: Матеріали III Робочої наради з моніторингу шкільних підручників історії України (Київ, 18 жовтня 2008 р.) / Зведення та упор. пропозицій Н. Яковенко. К., 2009.
- 23. *Репина Л. П.* «Национальный характер» и «образ Другого» / Л. П. Репина // Диалог со временем. М., 2012. Вып. 39.
- 24. *Савельева И*. Пространственный поворот и глобальная история. [Электронный ресурс] / И. Савельева. http://gefter.ru/archive/4328
- 25. Савицкий Е. Е. Национализм последняя угроза демократии? Европейские исследования национализма и их постколониальная критика в 1980–1990-е гг. / Е. Е. Савицкий // Диалог со временем. М., 2012. Вып. 39.
- 26. *Caud* Э. Ориентализм: западные концепции Востока / Э. Саид. СПб, 2006.
- 27. Сенявский А. С. Историческая имагология и проблема формирования «образа врага» (на материалах российской истории ХХ в.) / А. С. Сенявский, Е. С. Сенявская // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2006. \mathbb{N} 2(6).
- 28. *Толочко А. П.* Киевская Русь и Малороссия в XIX веке / А. П. Толочко. К., 2012.

- 29. *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 г. / Э. Хобсбаум. СПб., 1998.
- 30. *Ходячих С. С.* «Angli» vs «Normanni»: проблемы и парадоксы англо-норманского взаимовосприятия / С. С. Ходячих // Диалог со временем. М., 2012. Вып. 39.
- 31. Шапинская E. H. Образ Другого в текстах культуры / E. H. Шапинская. M., 2012.

УДК 930.1

М. Ф. Румянцева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИИ: ДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ОСНОВАНИЯ И ЭТИЧЕСКИЙ ВЫБОР

Виокремлено два підходи до формування предметного поля джерелознавства історіографії, що розрізняються за своїми світоглядними та парадигмальними підставами і, відповідно, — за методологічними та етичними наслідками: (1) у дисциплінарних рамках історіографії при самостійній рефлексії джерел історіографічних досліджень, (2) як галузь джерелознавства, що має об'єктом специфічну групу видів історичних джерел — історіографічні джерела при збереженні універсального джерелознавчого підходу до їх вивчення.

Ключові слова: джерелознавство, історіографія, джерелознавство історіографії, історіографічне джерело, О. С. Лаппо-Данілевський, О. М. Медушевська, Науково-педагогічна школа джерелознавства.

Выделены два подхода в формировании предметного поля источниковедения историографии, различающиеся по своим мировоззренческим и парадигмальным основаниям и, соответственно, — по методологическим и этическим следствиям: (1) в дисциплинарных рамках историографии при само-

[©] Румянцева М. Ф., 2014.

стоятельной рефлексии источников историографических исследований, (2) как отрасль источниковедения, имеющая своим объектом специфическую группу видов исторических источников — историографические источники при сохранении универсального источниковедческого подхода к их изучению.

Ключевые слова: источниковедение, историография, источниковедение историографии, историографический источник, А. С. Лаппо-Данилевский, О. М. Медушевская, Научно-педагогическая школа источниковедения.

The paper identifies two approaches in the formation of subject fields of historiography's source studies, which differ according to their religion and paradigmatic grounds and, respectively, on the methodological and ethical consequences. First – inside the disciplinary framework of historiography, in which historiography's source studies is formed quite traditional way, by analogy with the so-called source studies (actually thematic review of sources) other specializations and research areas – source studies of military history, source studies agrarian history etc.

The starting point of the second approach serves as a source studies. This approach, developed by Scientific and pedagogical school of source studies website Istochnikovedenie.ru, realizing the idea of exacting scientific nature of historical knowledge and considering the historical source (including historiographic sources) as its empirical basis, aspires to rationality of the neoclassical type. Understanding the historical source as a result of a creative activity of a person/product of the culture leads to the following definition of the analyzed concept: historiographic sources is a group of types of historical sources, realizing the functions of presentation and positioning of historical knowledge, both scientific and socially oriented. In this case, the historiography's source studies as a branch of source studies, has as its object of a specific group of historical sources – historiographic sources while maintaining universal source studies themes of the approach for studying them.

The author examines the concept of historiographic source and shows the coherence of approaches to the definition of this concept to approaches to the definition of a historical source, links of these approaches with classical, non-classical and neoclassical models of science. The value of the species classification of historiographic sources, which allows to evaluate them not only in terms of goal-setting of the author, but in the context of a specific historiographical culture, is shown. A special analysis is given for the notion of «monography» as a kind of historiographic sources, coherent classical model of science.

Key words: source study, study of sources of historiography, historiographic source, A. S. Lappo-Danilevsky, O. M. Medushevskaya, Scientific and Pedagogical school of source study.

Проблематика источниковедения историографии в последние несколько лет занимает существенное место в исследованиях, осуществляемых в рамках Научно-педагогической школы источни-

коведения – сайт Источниковедение.ru [4; см., напр.: 8]. Методологическую основу этих исследований составляет феноменологическая источниковедческая концепция гуманитарного познания, восходящая в своих эпистемологических основах к концепции методологии истории А. С. Лаппо-Данилевского (1863–1919) [7] и на настоящий момент получившая свое теоретическое оформление в концепции когнитивной истории О. М. Медушевской (1922–2007) [9].

Предварим рассмотрение заявленной проблемы двумя замечаниями теоретического плана, характеризующими исследовательские установки Научно-педагогической школы источниковедения на данном этапе.

Первое. Нам представляется целесообразным рассматривать проблематику «истории истории» (то есть развития исторического знания вообще и исторической науки в частности) в контексте сменяющих друг друга типов рациональности и соответствующих моделей науки: классической — неклассической — постнеклассической и неоклассической (последние две сосуществуют параллельно, сформировавшись — постнеклассическая с последней трети XX в., неоклассическая — с рубежа первой — второй третей XX в.).

Второе. Осмысленная самоидентификация исследователя по отношению к модели науки и его отрефлексированный парадигмальный выбор имеют не только собственно эпистемологический, но и существенный этический смысл. Эта проблема была поставлена мною в одной из статей [14]. Цель настоящей работы — развить ранее сформулированные положения применительно к источниковедению историографии. Под источниковедением историографии мы понимаем предметное поле актуального исторического знания, востребующее метод источниковедения для изучения истории исторического знания в междисциплинарном пространстве интеллектуальной истории. Объектом источниковедения историографии является система видов историографических источников, а предметом — порождение и функционирование историографического источника в научном познании и иных социальный практиках¹.

¹ Это определение, равно как и приводимое ниже определение понятия «историографический источник» выработано нами совместно с С. И. Маловичко в ходе работы над учебным пособием «Источниковедение и информационные ресурсы истории» (в печати).

Рассмотрение заявленной проблемы предполагает, на мой взгляд, прояснение дисциплинарного статуса как историографии, так и источниковедения. Подробное рассмотрение этого вопроса далеко выходит за рамки настоящей статьи. Поэтому здесь лишь кратко обозначу исследовательскую гипотезу.

Конституализация двух субдисциплин исторической науки – историографии (истории истории) и источниковедения – фактически происходит на протяжении XX в. Но принципиально важно заметить – происходит разными способами.

Наверное, уже можно считать общепризнанным, что формирование *историографии* в качестве субдисциплины исторической науки в конце XIX в. явилось знаком перехода от классической к неклассической модели науки в историческом познании [см., напр.: 10, с. 23]. Но при этом все же можно предположить, что историография, при всей специфичности её предмета, формируется во многом по образцу других субдисциплин исторической науки, складывавшихся в рамках её классической модели, таких как военная история, аграрная история, история культуры и т. п., которые расширяли предметное пространство исторической науки, предлагавшей, по преимуществу, линейные модели историописания. При этом следует различать так называемую «проблемную историографию» (знакомство с трудами предшественников по исследуемой проблематике издавна входит в профессиональный этос историка) и историографию как субдисциплину исторической науки.

Пути дисциплинарного оформления *источниковедения* более причудливы: оно долго остается структурной частью методологии истории и оформляется как субдисциплина исторической науки (в качестве так называемой вспомогательной исторической дисциплины) только на рубеже 30–40-х гг. ХХ в. в специфических условиях существования советской исторической науки. В очередной раз подчеркну, что устойчивое мнение о том, что теорию источниковедения как научной дисциплины создал А. С. Лаппо-Данилевский и тем самым закрепил дисциплинарный статус источниковедения, на мой взгляд, является глубоко ошибочным. Теория источниковедения А. С. Лаппо-Данилевского – органичная составляющая его методологии истории, в чем легко убедиться, даже если просто обратить внимание на название труда, в котором системно представлена его эпистемологическая концепция – «Методология истории».

Не имея возможности в рамках настоящей статьи не только обосновать, но и сколь-либо полно раскрыть изложенный выше тезис о дисциплинарном оформлении историографии и источниковедения (предполагаю вернуться к её фундированию в самое ближайшее время), оставлю его на уровне гипотезы, важной для дальнейшего размышления над парадигмальными основаниями источниковедения историографии.

Можно с уверенностью констатировать, что к настоящему времени определились два подхода к источниковедению историографии, различающиеся по своим мировоззренческим и парадигмальным (при расширительном толковании понятия «парадигма») основаниям и, соответственно, — по методологическим и этическим следствиям.

Отправным пунктом одного из этих подходов (условно – исключительно для удобства изложения – назовем его первым) служит *историография*. Источниковедение историографии в этом случае формируется вполне традиционным образом, по аналогии с так называемым источниковедением (фактически тематическим обзором источников) других субдисциплин и исследовательских направлений – источниковедение военной истории, источниковедение аграрной истории, источниковедение истории театра и т.д. [см. напр.: 1, 11].

Соответственно, отправным пунктом второго подхода служит *источниковедение*. В этом случае источниковедение историографии рассматривается как отрасль источниковедения, имеющая своим объектом специфическую группу видов исторических источников – историографические источники при сохранении *универсального источниковедческого подхода* к их изучению.

Наиболее очевидным образом отмеченные различия проявляются в определении базового понятия источниковедения историографии – *историографический источник*. Естественно, что наблюдающиеся здесь различия когерентны различиям подходов в определении понятия *исторический источник*.

Нам уже неоднократно приходилось писать не только о концептуальных и парадигмальных, но и о мировоззренческих и этических различиях двух подходов к определению понятия исторический источник. Поэтому кратко отмечу лишь следующее. Первый тип определений, вошедший в историческую науку по преимуще-

ству в формулировке С. О. Шмидта (1922-2013): исторический источник - это все, откуда можно почерпнуть информацию об истории, – явно принадлежит к классической модели науки и нацеливает исследователя на «воссоздание» / ре-конструкцию «объективной исторической реальности». Второй тип определений восходит к концепции объекта исторического познания, разработанной в рамках русской версии неокантианства, в частности А. С. Лаппо-Данилевским («исторический источник есть реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением» [7, т. 2, с. 38]). В современной версии Научнопедагогической школы источниковедения определение звучит так: исторический источник – объективированный результат творческой деятельности человека / продукт культуры, используемый для изучения / понимания человека, общества, культуры как в исторической, так и в коэкзистенциальной составляющих. Очевидно, что исходное для нас определение А. С. Лаппо-Данилевского принадлежит к неклассической модели науки, а последняя формулировка позиционирует нашу источниковедческую концепцию в соотнесении с неоклассической моделью.

Аналогичным образом приверженцы первого типа определения исторического источника определяют историографический источник. Наиболее лаконичное и наиболее точно, практически дословно, соответствующее его же пониманию исторического источника, определение историографического источника дал С. О. Шмидт в статье 1976 г.: «историографическим источником можно назвать всякий источник познания историографических явлений (фактов)» [18, с. 185; см. также 16, 17]. Этот подход разделяли и другие авторитетные историки. Например, Л. Н. Пушкарев пишет, что «под историографическим источником следует подразумевать любой исторический источник, содержащий данные по истории исторической науки» [12, с. 102-103]; А. И. Зевелев замечает: «Историографическими источниками являются те исторические источники, которые определяются предметом историографии и несут информацию о процессах, проистекающих в исторической науке и в условиях её функционирования» [3, с. 120; 8].

Фактически вышеназванные авторы не предлагают ничего нового, а лишь распространяют уже устоявшийся подход к изучению исторических источников в рамках конкретной исследовательской

проблематики / формированию источниковой базы конкретного исторического исследования на исследования историографические. Устойчивость такого подхода к изучению исторических источников (независимо от их видовой принадлежности) демонстрирует как исследовательская, так и педагогическая практика. Стоит обратить специальное внимание на присутствующие в исследовательской практике типичные формулировки тем источниковедческих исследований, которые маркируют указанный подход к изучению исторического источника. Особенно отчетливо эта специфика проявляется в квалификационных работах. По-прежнему часто встречаются формулировки, которые выглядят следующим образом (для наглядности возьмем какой-нибудь классически известный исторический источник, например, мемуары С. Ю. Витте, и рассмотрим варианты): 1. *Что-то как источник по истории чего-то*: «Мемуары С. Ю. Витте как источник по истории российских финансов на рубеже XIX – XX вв.»; 2. или еще более ученический и еще более далекий от научного вариант: История чего-то по такому-то источнику (в таком-то источнике): «Финансы России на рубеже XIX-XX вв. по мемуарам С. Ю. Витте».

Такой подход на современном уровне состояния науки нельзя признать корректным, причем как с общеисторической точки зрения, так и со специальной источниковедческой. С общеисторической он в очередной раз отсылает нас к классическому типу рациональности, а с источниковедческой — жестко соответствует той концепции источниковедения, которая базируется на определении «источник — это всё...».

Понимание исторического источника как результата творческой деятельности человека / продукта культуры приводит к следующему определению анализируемого понятия: *историографические источники* — это группа видов исторических источников, реализующих функции презентации и позиционирования исторического знания, как научного, так и социально ориентированного.

Синтезировать эти два подхода попыталась В. П. Корзун, разделив историографические источники на две группы: основную – труды историков и вспомогательную – все прочие исторические источники, позволяющие изучать историографическую культуру, в том числе «атмосферу творчества, вехи жизни автора, его общественнополитические взгляды, ценностные ориентиры, особенности его натуры» [6, с. 22]. В прикладном плане, в рамках конкретного историографического исследования предложенный В. П. Корзун подход вполне оправдан: он, по крайней мере, позволяет выделить корпус собственно историографических источников — произведений историков. Но в теоретическом плане, на мой взгляд, не стоит смешивать источники разных видов, поскольку в этом случае историк рискует утратить парадигмальную определенность своей теоретикопознавательной позиции.

Лично мне близка установка непопулярного нынче классика: «для того, чтобы объединиться, надо сначала решительно размежеваться». А размежевание описанных подходов проходит по линии смены типов рациональности и моделей науки. Рассмотрение проблемы в такой системе координат — в силу имманентной взаимозависимости эпистемологии и этики — выведет нас на этическую составляющую анализируемых концепций источниковедения историографии.

Второй из рассматриваемых подходов к формированию предметного поля источниковедения историографии, разрабатываемый Научно-педагогической школой источниковедения (сайт Источниковедение.ru) реализуя идею строгой научности исторического знания и рассматривая исторический источник (в том числе и историографические источники) в качестве его эмпирического основания, вполне очевидным образом стремится, как уже было отмечено выше, к рациональности неоклассического типа.

А вот с определением первого подхода к конституализации источниковедения историографии в системе типов рациональности / моделей науки возникают сложности, на мой взгляд, не разрешимые с логической точки зрения, но вполне объяснимые с этических позиций. Мне уже многократно доводилось обосновывать мысль о том, что определение исторического источника, свойственное этому подходу, принадлежит классическому типу рациональности. Однако, как было уже отмечено, оформление историографии в качестве субдисциплины исторической науки происходит в связи со становлением ее неклассической модели. Воздействие специальных историографических штудий на исследовательскую практику исторического познания (в собственном смысле, то есть не специфически историографического) идет медленно и трудно. Позволю себе предложить такое гипотетическое объяснение этого феномена: дело в том, что часть

профессиональных историков, осуществляя научные исследования, по-прежнему склонна рассматривать труды предшественников как своего рода «стартовую площадку» для своей работы, что обычно фиксируется в дискурсивном штампе — названии одного из подразделов Введения к монографиям и особенно к квалификационным работам разного уровня: «достигнутый уровень изучения проблемы». При этом новизна собственного исследования определяется часто через два других столь же устойчивых дискурсивных клише: «восполнение пробелов», «заполнение лакун», оставленных предшествующей историографией [13]. Такая исследовательская позиция в современной науке может, по-видимому, интерпретироваться скорее как этическая, чем как эпистемологическая.

Рассмотрение историографических источников в общем источниковедческом контексте заставляет акцентировать внимание на их видовой природе. Важность изучения проблемы видовой классификации исторических источников вообще и историографических, в частности, обусловлена тем, что видовая система корпуса исторических источников презентирует систему культуры, а выявление видовой природы исторического источника позволяет не только интерпретировать его с точки зрения целеполагания автора, но и рассмотреть как феномен определенной культуры. Однако, приходится признать, что видовая классификация историографических источников не только не разработана, но, во-первых, часто просто игнорируется исследователями и, во-вторых, отчасти запутана информацией об издании, содержащейся в различных библиографических ресурсах (библиографических пособиях, каталогах, библиографической полоске в самом издании и т.п.), ориентированных на положения действующих стандартов СИБИД (Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу), формулирующих типологию издательской продукции [2].

Рассмотрим заявленную проблему применительно к такому привычному и распространенному до недавнего времени виду историографических источников, как монография. К тому же видовая характеристика этого историографического источника позволит нам наиболее наглядно продемонстрировать не только концептуальные, но и этические различия обозначенных подходов.

Не секрет, что существует склонность называть монографией любую «ученую» книгу. Но если попытаться разобраться, то

жанр монографии весьма жестко парадигмально определен. Еще Р. Дж. Коллингвуд (1889–1943), анализируя позитивистскую парадигму исторического познания, писал: «С энтузиазмом включившись в первую часть позитивистской программы, историки поставили задачу установить все факты, где это только можно. Результатом был громадный прирост конкретного исторического знания, основанного на беспрецедентном по своей точности и критичности исследовании источников <...> идеалом в исторической литературе стала монография» [5, с. 122–123]. И я склонна с ним согласиться. С. И. Маловичко (в вышеупомянутом учебном пособии «Источниковедение и информационные ресурсы истории») дает следующее определение монографии как историографического источника: «Научное сочинение по одному вопросу или разделу науки, в котором с наибольшей полнотой исследуется выбранная тема, проводится детальный и глубокий научный анализ интересующей историка проблемы; она характеризуется анализом предшествующей научной литературы по данному вопросу, новизной теоретического подхода, постановкой новой проблемы (формулировкой гипотезы) и её решением в результате проведенного исследования, обоснованием репрезентативности источниковой базы исследования, целостностью содержания, строгим соблюдением структуры научного текста, наличием разветвленного научно-справочного аппарата, который может включать примечания с библиографическими ссылками, вспомогательные указатели, списки сокращений и т.п.». На мой взгляд, отличительными признаками монографии являются претензия на всесторонность и полноту исследования заявленной темы и соответственно на исчерпанность, полноту или, как минимум, репрезентативность источниковой базы исследования. Именно обоснование репрезентативности источниковой базы может рассматриваться в качестве основной видообразующей характеристики монографии. При строгом подходе к определению видовых характеристик монографии очевидно, что этот вид историографических источников имманентен классической модели науки, поскольку претендует, как правило, на «окончательное» описание фрагмента так называемой «объективной исторической реальности». Оценку этой ситуации в исторической науке мы находим уже у А. Тойнби (1889–1975): «В наше время нередко встречаются учителя истории, которые, ... возможно не сознавая этого, решительно ограничивают понятие «оригинальное исследование» открытием или верификацией каких-либо фактов, прежде не установленных. ...Налицо явная тенденция недооценивать исторические работы, написанные одним человеком...» [15, с. 15].

С этической точки зрения очевидно, что в первом случае историк, оставаясь в границах рациональности классического типа, не ощущает моральной ответственности за позиционируемое в монографическом исследовании знание, поскольку претендует на описание так называемой объективной (то есть не зависящей от него) исторической реальности. И не менее очевидно, что историк, осознающий, что он в своей работе не позиционирует добытую им «истину» об «объективной исторической реальности», а предлагает свое видение проблемы, решая её с той или иной степенью доказанности или обоснованности, не может не ощущать моральной ответственности за предлагаемое социуму знание [14].

Библиографические ссылки

- 1. *Бескровный Л. Г.* Очерки по источниковедению военной истории России / Л. Г. Бескровный. М., 1957.
- 2. ГОСТ 7.60-2003. Издания. Основные виды, термины и определения.
- 3. Зевелев А. И. Историографическое исследование: методологические аспекты / А. И. Зевелев. М., 1987.
- 4. Источниковедение.ru [Электронный ресурс]: страница Науч.-пед. школы источниковедения / А. А. Бондаренко и др. ; Науч.-пед. школа источниковедения. Электрон. дан. [М.: Б. и.], сор 2010–2014. Режим доступа: http://ivid.ucoz.ru/.
- 5. *Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории. Автобиография: пер. с англ. / Р. Дж. Коллингвуд. М., 1980.
- 6. Корзун В. П. Образ исторической науки на рубеже XIX–XX вв.: анализ отечественных историографических концепций / В. П. Корзун. Екатеринбург; Омск, 2000.
- 7. $\it Лаппо-$ Данилевский $\it A.$ $\it C.$ Методология истории в 2 т. / $\it A.$ $\it C.$ Лаппо-Данилевский. $\it M.$, 2010.
- 8. *Маловичко С. И.* История как строгая наука vs социально ориентированное историописание / С. И. Маловичко, М. Ф. Румянцева. Орехово-Зуево, 2013.
- 9. *Медушевская О. М.* Теория и методология когнитивной истории / О. М. Медушевская. М., 2008.

- 10. Нора Π . Между памятью и историей: Проблематика мест памяти / Пьер Нора // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Реюмеж, М. Винок. СПб., 1999.
- 11. *Петровская И. Ф.* Источниковедение истории русского дореволюционного драматического театра / И. Ф. Петровская. М., 1971.
- 12. Пушкарев Л. Н. Определение, оптимизация и использование историографических источников / Л. Н. Пушкарев // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки: межвуз. сб. Калинин, 1980.
- 13. Румянцева М. Ф. Парадигмальные механизмы современного историографического исследования / М. Ф. Румянцева // XI3. 2010. Вып. 10.
- 14. *Румянцева М. Ф.* Парадигмальный выбор историка как этическая проблема / М. Ф. Румянцева // XI3. 2012. Вип. 11.
 - 15. Тойнби А. Дж. Постижение истории / А. Дж. Тойнби. М., 1991.
- 16. Шмидт С. О. Некоторые вопросы источниковедения историографии / С. О. Шмидт // Проблемы истории общественной мысли и историографии: к 75-летию акад. М. В. Нечкиной: сб. ст. М., 1976.
- 17. Шмидт C. O. O методике выявления и изучения материалов по истории советской исторической науки / C. O. Шмидт // Труды / Моск. гос. ист.-арх. ин-т. M., 1965. T. 22.
- 18. *Шмидт С. О.* Путь историка: избранные труды по источниковедению и историографии / С. О Шмидт. М., 1997.

УДК 930.1:174

С. И. Маловичко

Московский государственный областной гуманитарный институт

ЭТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Звернуто увагу на теоретико-пізнавальну ситуацію, що актуалізувала проблеми класифікації історіографічних джерел і підходів, що дозволяє прояснити різноманітність типів історичного знання. У центрі уваги фактори, що обумовили формування предметного простору джерелознавства історіографії, практики виявлення видів/типів історіописання, питання соціально орієнтованого історіописання, а також підходи до історіографічних джерел та їх класифікації.

Ключові слова: джерелознавство історіографії, класифікація історіографічних джерел, принцип визнання «чужой одушевленности», група видів історіографічних джерел наукової історії, група видів історіографічних джерел соціально орієнтованого історіописання.

Обращено внимание на теоретико-познавательную ситуацию, актуализовавшую проблему классификации историографических источников и на подходе, позволяющем прояснять многообразие типов исторического знания. В центре внимания факторы, обусловливающие формирование предметного поля источниковедения историографии, практики выявления видов/типов историописания, вопросы социально ориентированного историописании, а также подходы к историографическим источникам и их классификации.

Ключевые слова: источниковедение историографии, классификация историографических источников, принцип признания чужой одушевленности, группа видов историографических источников научной истории, группа видов историографических источников социально ориентированного историописания.

In the paper the attention is paid to theoretical situation, which actualized the problem of classification of historiographic sources, and to the approaches which allow to clear up variety of types of the presented historical knowledge. To resolve the problem the author consistently stops on questions about the factors causing

[©] Маловичко С. И., 2014.

formation of the subject field of source study of historiography, about experts who reveal kinds/types of historical writing and also on approaches to historiographic sources and their classification.

Implementation of the principle – considering the author's purpose of writing history – in the research practice allows to classify historiographical sources. According to the type of historical knowledge represented in historiographical sources they should be divided into two groups: 1) group of historiographical sources of scientific history; 2) group of socially oriented historiographical sources.

The author comes to conclusion that the approach of Scientific and pedagogical school of source studies (site Istochnikovedenie.ru), realized in subject field of source study of historiography and, in particular, in practice of classification of historiographic sources, provides the principle of recognition of the «Other» – the author of historical work of the past, and considers culture of the time when the texts were written. The main purpose in defining of different types of historical knowledge – scientific and socially oriented – is not to unmask different from scientific practices of history writing (and subsequently to «expel» them), but to reveal specificity of coexistence of different types of historical knowledge and to help to develop the criteria allowing to distinguish scientific research from socially oriented historical writing in historiographic research.

Key words: source study of historiography, classification of historiographic sources, principle of recognition of the «Other», group of historiographic sources of scientific history, group of socially oriented historiographic sources.

На международной конференции «Этическое» в процессе научной и преподавательской деятельности историка XIX—XXI вв.», проходившей в Харьковский национальном университете в 2012 г., я обратился к проблеме этического поворота в изучении «истории истории», и, в частности, постарался обосновать использование принципа признания чужой одушевленности при проведении видовой классификации историографических источников, позволяющей современному историографу занимать более этичную, чем ранее, позицию по отношению к «Другому» — автору изучаемой исторической работы [17].

В данной статье я более подробно остановлюсь на теоретикопознавательной ситуации, актуализировавшей проблему классификации историографических источников, и на подходе, позволяющем прояснять многообразие типов презентируемого исторического знания. Для реализации этой задачи я последовательно рассмотрю: 1) факторы, обусловливающие формирование предметного поля источниковедения историографии, 2) практики выявления видов и типов историописания и социально ориентированное историописание, 3) подходы к историографическим источникам и их классификации.

Факторы, обусловливающие формирование предметного поля источниковедения историографии. Современная ситуация характеризуется все большим размежеванием разных типов исторического знания: социально ориентированного и научного. Происходит актуализация неоклассической модели исторической науки, пытающейся преодолеть постмодернистскую эпистемологическую анархию, критикующей неупорядоченность исторического знания, стремящейся прояснить многообразие реальности, а на вызов постмодерна социальному статусу исторической науки отвечающей защитой профессиональной составляющей исторического знания [16, с. 256–339]. Неоклассическая модель науки ведет поиск строгих научных оснований профессиональной деятельности историков и рефлексирует о новых познавательных возможностях истории.

Отсутствие строгости в исторических исследованиях вызывает необходимость формирования критериев, позволяющих различать и классифицировать историографические практики. Сегодня присутствует смешение понятий, путаница в дисциплинах, направлениях и предметных полях исторической науки, а иногда даже в моделях исторического знания и функциях научной и популярной литературы.

С начала XXI в. историки обращают внимание на пересмотр параметров истории историографии [34, р. 46–47], на выработку критериев, способствующих различать логику создания исторических произведений [21, с. 35], на то, что история истории находится «в переходной точке между традиционным её восприятием и гораздо более трудной, но безусловно, более точной версией такой истории» [42], на своевременность формирования направления, способного исследовать профессиональную культуру историков [26, с. 209–210]. Конечно, научные основания истории истории может предоставить логический процесс верификации получаемых результатов исследования. Мне представляется, что такую функцию в междисциплинарном пространстве интеллектуальной истории вполне способно выполнять предметное поле источниковедения историографии. Внимание автора к данному предметному полю обусловлено теоретико-познавательной концепцией Научно-педагогической

школы источниковедения (сайт Источниковедение.ru) [13], научным принципом которой является – история как строгая наука.

Актуализируя внимание на разных типах исторического знания: научном и социально ориентированном, представители Научно-педагогической школы источниковедения нередко сталкиваются с другим толкованием понятия «социально ориентированное историописание», чем это делаем мы. Некоторые коллеги воспринимают его как практику популяризации истории или как «popular history» (последняя, как известно, пока еще не получила распространения в отечественной историографической практике). В связи с этим, я считаю важным прояснить понятие «социально ориентированное историописание», (которое при процедуре классификации историографических источников мы выделяем в отдельную группу видов историографических источников), но сначала акцентирую внимание на практике выявления некоторых видов историописания и на научной ситуации, повлиявшей на признание равноправия разных форм исторического знания.

Виды и типы историописания. Социально ориентированное историописание. Классическая европейская модель научной истории с начала своего возникновения выполняет поставленную еще эпохой Просвещения задачу рационализации человеческого знания, стараясь изгнать из него нерациональное (ненаучное) представление о прошлом и при помощи историографической критики дискредитировать стратегии ненаучного или практического к нему отношения. Как показывает практика, сегодня многие историки продолжают выполнять эту задачу. Они все еще сожалеют по поводу «безответственного» использования прошлого и «злоупотребления историей», правда, при этом подчеркивают, что раньше «злоупотребляли» историей не меньше, чем в настоящем [33, р. 159–173].

Философы и историки уже давно стали выделять виды исторического письма, связанные с воспитательными, идеологическими или политическими задачами: «прагматическая» [см.: 4, с. 61], «практическая» [см.: 9, т. 1, кн. 1, с. 15–16; 41, р. 15–16], «политическая» [см.: 39, р. IX–X] и другие истории. Они обращают внимание на важность классификации стилей/способов историописания, выделяя такие группы, как реконструкционизм, конструкционизм

и деконструкционизм [см.: 37, р. 20–28] или заменяя две первые группы одной – импозиционализмом [см.: 43, р. 533–535].

С начала XX в. ученые, обратившие внимание на практический и прагматический виды историописания, стали отмечать сложность установления диалога с ними. Так, Б. Кроче писал, что если в практике историописания доминирует практическое отношение к истории, то с практической историей полемизировать нельзя [14, с. 22]. Аналогичное мнение можно найти у М. Ферро полагавшего, что такую историю бесполезно и критиковать, - «она неподвластна критике» [28, с. 308]. А. Про добавлял, что «для исторической профессии важно, чтобы... история создавалась профессионалами», а не теми, кто ориентируется на «социальный заказ» [24, с. 91]. Однако если под «профессионалами» понимать только наличие диплома и научного звания, то сразу надо отметить, что они не избавляют от приверженности к «социальному заказу», так как выбор того или иного типа историописания, как мне уже приходилось отмечать, зависит не от профессиональной подготовки, а от цели акта историописания [18, c. 348].

Важно отметить, что в последнее время, говоря о природе истории, исследователи отмечают ее «двойственный» характер – с одной стороны, замечают рациональную процедуру исторического научного мышления (Wissenschaft), с другой, находят в истории черты, ориентирующие её на выполнение иных — ненаучных потребностей общества (Orientierungswissen) [35, р. 32]. Й. Рюзен называет вторую сторону истории «культурно ориентированной» [40, р. 4–5]. Однако, отмечая «двойственность» истории в целом, историки не спешат с проведением процедуры её разделения, не стремятся выявить свойства каждой из таких «сторон», а, в первую очередь, — той, которая представляется им не вполне научной. Поэтому современные исследователи продолжают традиционно считать только «научную» историю достойной существования и ставят задачу разоблачения «искажений и мифов» [см.: 7, с. 37–38].

Таким образом, разговор о разных видах истории и её «двойственности» ориентирует нас на выявление некоторых способов историописания, на возможность минимизации «ненаучной» стороны истории, но его участники не обращают внимания на то, что историописание может быть представлено разными типами, которые имеют равное право на существование.

С конца XX в. в рамках постнеклассической науки стало меняться отношение научного мышления к разнообразным вненаучным мыслительным образованиям. Философы признают, что научное мышление – лишь «один из способов познания реальности, существующий наряду с другими и в принципе не могущий вытеснить эти другие» [15, с. 60].

Изменение социокультурной и теоретико-познавательной ситуации заставляет и некоторых историков реагировать на вызов времени. По замечанию К. Лоренца, при господстве эмпиризма проблема присутствия политических, правовых и этических вопросов в истории, в целом, «вытеснялась» из круга разбираемых историками проблем, представлялась как «псевдопроблема». В начале XXI в, здравый смыл, как отмечает Лоренц, позволяет говорить: то, что некогда «вытеснялось» как неисторическое, возвращается для интерпретации историками [36, р. 33].

Таким образом, рефлексия о модификации взаимоотношения научного исторического познания и иных форм исторического знания, ориентированных на удовлетворение разнообразных потребностей индивидуума и социума, позволила нам актуализировать проблему сосуществования научной и социально ориентированной истории.

Естественно, что понятие «социально ориентированная история», - как недавно мы отметили с М. Ф. Румянцевой, - носит терминологический характер. Надо понимать, что любое знание как результат познавательной деятельности имеет социальную природу. Но речь идет не о социальной/социокультурной обусловленности процесса познания, а о том, что в культуре существует потребность – и потребность, частично удовлетворяемая, – в специальном конструировании ориентированного на удовлетворение потребностей социума исторического знания, не базирующегося на исторической науке (естественно, востребующего её фактологию, но особым образом). Это знание надо отличать, с одной стороны, от массового исторического сознания, сильно трансформировавшегося в период постмодернистского кризиса идентичности, и, с другой, от популяризации научного знания [19, с. 8-9]. Социально ориентированное историописание (в отличие от научной истории - стремящейся к получению нового знания, и в которой научная функция доминирует над социальной потребностью) имеет целью конструировать национальное, локальное, религиозное, конфессиональное и т. д. прошлое и выполняет практические задачи удовлетворения потребностей общества в нужном (соответственно той или иной ситуации) прошлом, а также контроля над социальной памятью.

Уточнив понятие «социально ориентированное историописание», я теперь перейду к объяснению разных подходов к историографическим источникам и их классификации.

Подходы к историографическим источникам и их классификации. Постановке проблемы классификации историографических источников во многом предшествовали многочисленные опыты систематизации произведений историков в работах по истории истории конца XVIII—XX вв. Сама же проблема была поставлена в советской историографии С. О. Шмидтом еще в 1965 г. [32, с. 3–49] В дальнейшем историк сформулировал понятие «источниковедение историографии» и отметил, что хотя главными историографическими источниками «признаются печатные труды историков», все же следует очертить более широкий круг «различных разновидностей историографических источников» [30, с. 119–129]. Исходя из такого подхода, С. О. Шмидт предложил и ёмкое определение историографического источника: «историографическим источником можно назвать всякий источник познания историографических явлений (фактов)» [29, с. 185].

Несмотря на то, что Н. Н. Масловым на рубеже 1970–1980 гг. было высказано замечание, что к историографическому источнику надо относить только «труд ученого-историка, воплощенный в статье, монографии, диссертации, рукописи, стенограмме или магнитофонной записи» [цит. по: 6, с. 120], в советской, а затем в российской и в украинской историографии взгляд на историографический источник, предложенный С. О. Шмидтом, стал самым распространенным. Об этом говорит то, что историки ограничивались лишь некоторыми уточнениями предложенного им определения. Так, Л. Н. Пушкарев и Е. Н. Городецкий подчеркивали, что «под историографическим источником следует подразумевать любой исторический источник, содержащий данные по истории исторической науки» или данные, «необходимые для понимания процесса развития исторической науки» [25, с. 102-103; 5, с. 120]. А. И. Зевелев указывал, что «историографическими источниками являются те исторические источники, которые определяются предметом историографии и несут информацию о процессах, проистекающих в исторической науке и в условиях её функционирования» [6, с. 120]. Украинские исследователи О. Б. Вовк и А. Н. Острянко несколько конкретизировали последнее уточнение, отмечая, что «к категории историографических источников можно отнести разнотипные исторические источники, содержащие информацию о творчестве и жизни известных историков, о возникновении и развитии исторического образования и науки, о характерном для каждой данной эпохи политическом и научном мышлении» [2, с. 51–52], а также, что особое «место в корпусе историографических источников принадлежит едо-документам, представленным письмами, мемуарами и автобиографиями историков» [23, с. 35].

Конечно, обращаясь к вопросу об определении историографического источника, специалисты в области историографии не забывают и о так называемой «проблемной историографии» (которая — хочу отметить — роль вспомогательной исторической дисциплины начала выполнять еще в классической модели исторической науки). Например, Г. М. Ипполитов, давая определение историографического источника (в формулировке О. Б. Вовк), уточнил, что если «вести речь о проблемно-тематической историографии, к историографическим источникам можно отнести вообще все публикации и рукописные труды, имеющие отношение к теме, которая стала объектом и предметом проблемно-тематического историографического исследования» [10, с. 189].

Несмотря на многочисленные уточняющие детали, все приведенные выше определения историографического источника объединяет общий подход, основанный на расширительном толковании за счет включения в понятие «историографический источник» исторических источников иных видов (например, документации научно-исследовательских организаций, источников личного происхождения и т. д.).

Таким образом, как мы уже отмечали, существующий в исторической науке подход к историографическому источнику, базирующийся на его понимании как исторического источника, несущего информацию об историографическом процессе, корреспондируется с подходом в источниковедении, ориентированным на определение «исторический источник — это все, откуда можно почерпнуть историческую информацию», что соответствует парадигмам классичес-

кой науки, исчерпавшей эпистемологический потенциал в конце XIX в. [20, с. 203] Такой подход к историографическому источнику смягчает деконструирующий по отношению к историческому знанию эффект истории истории, не позволяет осуществлять рефлексию о границе между научной историей и иными формами исторического знания.

Научно-педагогическая школа источниковедения дает иную формулировку историографическому источнику. На наш взгляд, историографическими источниками является группа видов исторических источников, реализующих функции презентации и позиционирования исторического знания, как научного, так и социально ориентированного. Соответственно, объектом источниковедения историографии является система видов историографических источников (произведений историков), а предметом – порождение и функционирование историографического источника в научном познании и иных социальных практиках [20, с. 203].

Таким образом, сегодня в исторической науке присутствуют два подхода к историографическому источнику, жестко коррелирующие с двумя парадигмально разными подходами к определению понятия «исторический источник» [см.: 27, с. 5–17]. Первый, не проясняющий природу историографического источника: историографический источник — это то, откуда извлекают информацию, пригодную для конструирования историографического процесса. Второй подход, основанный на феноменологической концепции источниковедения, дает возможность прояснить многообразие типов презентируемого исторического знания, позволяет смотреть на историографический источник как на произведение творческой активности человека, продукт культуры, ориентирует современного исследователя выявлять целеполагание автора исторического труда, сознательно осуществлявшего акт историописания, выполнявшего определенную функцию в социуме.

Излишне напоминать, что наиболее актуальной задачей источниковедения историографии является классификация историографических источников. Сразу стоит отметить, что в истории истории уже стало традиционным применять жанровый подход при классификации или систематизации таких историографических источников, как произведения историков. В 60-х гг. XX в. его применяли О. Л. Вайнштейн и М. В. Нечкина [1, с. 457; 22, с. 10], а сегодня жанры исторических

трудов иногда выделяют авторы квалификационных работ по историографии, источниковедению и методам исторического исследования [см.: 8, с. 18].

Некоторые историки считали целесообразным разделить произведения историков на типы, к которым можно отнести научные работы, историческую учебную литературу, источники, содержащие информацию о жизни и творчестве историков, и т.д. [3, с. 122–123] Не все историки соглашались с тем, что на историографические источники можно переносить принципы типологизации и систематизации исторических источников. Например, С. О. Шмидт подчеркивал: «Иерархия историографических источников может не совпадать с соответствующей иерархией исторических источников» [31, с. 112–113].

Напротив, Л. Н. Пушкарев, предложил классификационную схему историографических источников по модели классификации исторических источников, выработанной советским источниковедением, и высказал предположение, что конкретная процедура классификации историографических источников будет зависеть от целей, которые ставит исследователь [25, с. 103]. Здесь речь идет фактически о систематизации, а не о классификации историографических источников, поскольку предусматривается лишь активная позиция исследователя и совершенно игнорируется осознанный выбор историка прошлого и культура, в которую было включено его произведение.

Жанровый подход к британскому историописанию XVIII в. на рубеже XX–XXI в. предложил и М. С. Филлипс. Историк постарался изучить производство истории как «группу сосуществующих и связанных жанров» (иногда он использует понятие «семья (или система) связанных жанров») [38, р. 10, 343]. По его мнению, эта система была динамичной, т. к. историчным оказывался каждый жанр, который (в большей или меньшей степени) мог изменяться от эпохи классицизма до романтизма. Заслуживает внимания и другая позиция Филлипса — он отказался считать некоторые жанры исторической литературы «неисторией», как их стали называть представители научной истории начиная со второй половины XIX в. [38, р. 25].

Применив понятие «классификация» по отношению к жанрам исторических произведений, он не стал выявлять четкую жанровую систему, т. к., по его мнению, авторы XVIII в. редко рефлексировали о природе

практик историописания и, поэтому, следили не за формальностями того или иного жанра, а следовали запросам общества (его «социальным и сентиментальным интересам») [38, р. 8–12]. Филлипс уточнил, что категория «жанр» для культуры XVIII в. является исследовательской конструкцией, а сами жанры не могут изучаться самостоятельно, но лишь в общей системе [38, р. 14–21].

Важно, что историк старался не навязывать не присущие времени виды письма истории. На мой взгляд, подход Филлипса близок нашей исследовательской практике в предметном поле источниковедения историографии своим базисом (жанр (в нашем случае — вид) зависит не от схемы современного исследователя, а от культуры времени, в котором он функционировал), маркирующим более этический подход к вопросу о возможностях систематизации и/или классификации историографических источников.

Последнюю отмеченную черту учитывает источниковедческий подход к изучению истории истории, принятый Научно-педагогической школы источниковедения. Однако, в отличие от М. С. Филлипса, мы считаем, что в современном историографическом исследовании применим тот же принцип, что и в источниковедении иных видов исторических источников и исходим из того, что источниковедческий подход выступает базовым в теоретической основе источниковедения историографии, на что указывала еще О. М. Медушевская [21, с. 22]. Один из важнейших принципов феноменологической концепции источниковедения – рефлексия о чужой одушевленности – позволяет за основу процедуры выделения видовой структуры исторических источников принять принцип целеполагания его автора (Другого) [см.: 12]. а значит классифицировать и историографические источники не по цели современного исследователя (что предлагал Л. Н. Пушкарев) или произволу библиографа, а по целеполаганию историка прошлого и культуры его времени.

Принцип целеполагания позволяет проводить видовую классификацию историографических источников, выделяя такие виды историографических источников, в которых презентируется историческое знание: монографии, статьи, диссертации, тезисы, исторические очерки, рецензии, учебные пособия и т. д. Не менее важно, что данный принцип помогает выявлять другой – иной по отношению к научной истории – тип исторического знания, избегая при этом выстраивания иерархии исторических работ по их значимости (научные, не совсем научные, ненаучные и т.д.), а предлагает рассматривать группы и виды историографических источников как рядоположенные. Поэтому, по типу представленного в историографических источниках исторического знания их целесообразно разделить на две группы: 1) группу видов историографических источников научной истории; 2) группу видов историографических источников социально ориентированного историописания. Указанные группы историографических источников впервые были нами выделены в готовящемся к изданию учебном пособии для студентов-историков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» [11].

Научный или социально ориентированный тип историописания можно обнаружить в таких видах историографических источников, как: статья, тезисы, материалы историографических дискуссий, исторический очерк и др. Поэтому выявление видовой природы и принадлежность историографического источника к научной социально ориентированному историописанию определяется в ходе его источниковедческого анализа. Однако есть виды историографических источников, относящиеся к группе видов историографических источников социально ориентированного которых презентируется историописания, лишь социально ориентированная история. Такими, на наш взгляд, являются национально-государственные нарративы, учебники понациональной истории и историческое краеведение (местная история).

Предлагая видовую классификацию историографических источников мы, как и М. С. Филлипс (изучавший жанры), учитываем динамичность, изменяемость во времени видового состава историографических источников, а также эволюцию типов историописания (научного и социально ориентированного). Поэтому система видов историографических источников, которую мы взяли за основу для проведения процедуры видовой классификации, охватывает в большей степени произведения историков XIX — начала XXI вв. Источниковедческий подход, применяемый нами к изучению историописания XVIII в., уже дает представление о том, что национальная история, выполненная в этот период, отличается от национальногосударственного нарратива XIX в. (как выделенного нами вида историографических источников) не только качеством своего ис-

полнения, но и целеполаганием; то же можно сказать о материалах историографических дискуссий и т. д.

Таким образом, подход Научно-педагогической школы источниковедения, реализуемый в предметном поле источниковедения историографии и, в частности, в практике видовой классификации историографических источников признает одушевленность «Другого» – автора исторического произведения прошлого, учитывает культуру его времени. Сосредоточение внимания на типах исторического знания — научном и социально ориентированном — способствует не разоблачению иной по отношению к научной истории практики историописания, а выявлению специфики сосуществования разных типов исторического знания и помогает вырабатывать критерии, позволяющие в историографическом исследовании (в частности, в поле источниковедения историографии) отличать научное исследование от социально ориентированного историописания.

Библиографические ссылки

- 1. *Вайнштейн О. Л.* Западноевропейская средневековая историография / О. Л. Вайнштейн. М.; Л., 1964.
- 2. *Вовк О. Б.* Терминологические проблемы историографии: историографический факт и историографический источник / О. Б. Вовк // XI3. 2000. Вип. 4.
- 3. *Волин И. С.* О разнотипности историографических источников / И. С. Волин // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. Калинин, 1980.
- 4. Γ егель Γ . B. Φ . Лекции по философии истории : пер. с нем / Γ . B. Φ . Гегель. СПб., 1993.
- 5. Городецкий Е. Н. О многозначности понятий «историографический факт» и «историографический источник» / Е. Н. Городецкий // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. Калинин, 1980.
- 6. Зевелев А. И. Историографическое исследование: методологические аспекты /А. И. Зевелев. М., 1987.
- 7. *Иггерс Г., Ван Э.* Глобальная история современной историографии / Г. Иггерс, Э. Ван. М., 2012.
- 8. *Игишева Е. А.* Политическое развитие Урала в 1920-е гг. в отечественной историографии / Е. А. Игишева: автореф. дис. ...д-ра истор. наук. Екатеринбург, 2010.

- 9. *Иконников В. С.* Опыт русской историографии: в 2 т., 4 кн. / В. С. Иконников. К., 1891–1908.
- 10. Ипполитов Γ . М. Историографический факт и исторический источник как категории исторической науки: непростая диалектика / Γ . М. Ипполитов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. − 2013. − Т. 15. − № 1.
- 11. Источниковедение и информационные ресурсы истории: учебн. пособие/И. Н. Данилевский, Р. Б. Казаков, С. И. Маловичко, М. Ф. Румянцева, О. И. Хоруженко, Е. Н. Швейковская. М., 2014 (в печати).
- 12. Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники рос. истории : учеб. пособие / И. Н. Данилевский и др. M_{\odot} , 2000.
- 13. Источниковедение.ru [Электронный ресурс]: страница науч.- пед. школы / редкол.: Д. А. Добровольский и др. Электрон. дан. М., сор 2010–2013. Режим доступа: http://ivid.ucoz.ru/, свободный.
- 14. *Кроче Б.* Теория и история историографии / Бенедетто Кроче. М., 1998.
- 15. *Лекторский В. А.* Научное и вненаучное мышление: скользящая граница / В. А. Лекторский // Разум и экзистенция: Анализ научных и вненаучных форм мышления. СПб.,1999.
- 16. *Лубский А. В.* Альтернативные модели исторического исследования / А. В. Лубский. М., 2005.
- 17. *Маловичко С. И.* Этический поворот в изучении истории истории / С. И. Маловичко // XI3. Вип. 11.-2012.
- 18. *Маловичко С. И.* М. В. Ломоносов и Г. Ф. Миллер: спор разных историографических культур / С. И. Маловичко // Ейдос. К., 2010. Вип. 4.
- 19. *Маловичко С.И.* История как строгая наука vs социально ориентированное историописание / С. И. Маловичко, М. Ф. Румянцева. Орехово-Зуево, 2013.
- 20. *Маловичко С. И.* Источниковедение историографии / С. И. Маловичко, М. Ф. Румянцева // Теория и методология исторической науки: терминологический словарь. М., 2014.
- 21. Медушевская О. М. Источниковедение и историография в пространстве гуманитарного знания: индикатор системных изменений / О. М. Медушевская // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: докл. и тез. XIV науч. конф. (Москва, 18–19 апр. 2002 г.). М., 2002.
- 22. *Нечкина М. В.* История истории (некоторые методологические вопросы истории исторической науки) / М. В. Нечкина // История и историки. Историография истории СССР. М., 1965.
- 23. Острянко А. Н. Источниковедение историографии в свете междисциплинарных исследований / А. Н. Острянко // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Мінск, 2011. Вып. 6.

- 24. *Про А.* Двенадцать уроков по истории / А. Про. М., 2000.
- 25. *Пушкарев Л. Н.* Определение, оптимизация и использование историографических источников / Л. Н. Пушкарев // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. Калинин, 1980.
- 26. *Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже **XX–XXI вв.: соци**альные теории и историографическая практика / Л. П. Репина. M., 2011.
- 27. *Румянцева М. Ф.* Феноменологическая концепция источниковедения в познавательном пространстве постпостмодерна / М. Ф. Румянцева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия История России. 2006. N2.
- 28. Φ ерро M. Как рассказывают историю детям в разных странах мира / M. Φ ерро. M., 1992.
- 29. *Шмидт С. О.* Архивный документ как историографический источник / С. О. Шмидт // Шмидт С. О. Путь историка : избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997.
- 30. Шмидт С. О. Некоторые вопросы источниковедения историографии / С. О. Шмидт // Проблемы истории общественной мысли и историографии: к 75-летию акад. М. В. Нечкиной. М., 1976.
- 31. *Шмидт С. О.* О некоторых общих проблемах истории исторической науки / С. О. Шмидт // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. Калинин, 1980.
- 32. Шмидт C. O. O методике выявления и изучения материалов по истории советской исторической науки C. O. Шмидт O Труды O Моск. гос. ист.-арх. ин-т. O O , O 1965. O O O 12.
- 33. *Baets A de.* The Abuse of History: Demarcations, Definitions and Historical Perspectives / Antoon De Baets // Vision in Text and Image: The Cultural Turn in the Study of Arts. Leuven, 2008.
- 34. *Grever M.* Fear of Plurality: Historical Culture and Historiographical Canonization in Western Europe / Maria Grever // Gendering Historiography: Beyond National Canons. Frankfurt; N.Y., 2009.
- 35. *Lorenz C.* Comparative Historiography: Problems and Perspectives / Chris Lorenz // History and Theory. 1999. Vol. 38. No. 1.
- 36. *Lorenz C.* History and Theory / Chris Lorenz // The Oxford History of Historical Writing: in 5 vols. N.Y. 2011. Vol. 5: Historical Writing Since 1945 / eds. by A. Schneider, D. Woolf.
- 37. *Munslow A*. Deconstructing history / Alun Munslow. 2nd ed. L.; N.Y., 2006.
- 38. *Phillips M. S.* Society and Sentiment : Genres of Historical Writing in Britain, 1740–1820 / Mark Salber Phillips. Princeton, 2000.
- 39. *Pocock J.G.A.* Political Thought and History: Essays on Theory and Method / J.G.A. Pocock. L.; N.Y., 2009.

- 40. Rüsen J. History: narration interpretation orientation / Jörn Rüsen. – N.Y.; Oxford, 2005.
- 41. White H. The Practical Past / Hayden White // Historein. 2010. Vol. 10.
- 42. Woolf D. Rezension zu: Berger, Stefan; Lorenz, Chris (Hrsg.): The Contested Nation. Ethnicity, Class, Religion and Gender in National Histories. Basingstoke, 2008 // H-Soz-u-Kult [Электронный ресурс] – Электрон. дан. Berlin, cop 2011-2014. – Режим доступа: http://hsozkult.geschichte.hu-berlin. de/rezensionen/id=11324/, свободный.
- 43. Zeleňák E. Modifying Alun Munslow's classification of approaches to history / Eugen Zeleňák // Rethinking History : The Journal of Theory and Practice. – 2011. – Vol. 5. – No. 4.

УДК 930.1: 929

С. О. Чухлій

Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна

«ІСТОРИК ДРУГОГО ПЛАНУ» ЯК ІСТОРІОГРАФІЧНИЙ КОНЦЕПТ

Розглядаються питання ієрархізації і розподілу ролей у науковому співтоваристві, а також пізнавальні можливості концепту «історик другого плану». Зокрема, наводяться запропоновані дослідниками визначення, подається перелік критеріїв, які можуть бути покладені в основу концепту.

Ключові слова: історіографічний концепт, «історик другого плану», наукове співтовариство, історична наука.

Рассматриваются вопросы иерархизации и распределения ролей в научном сообществе, а также познавательные возможности концепта «историк второго плана». В частности, приводятся предложенные исследователями определения, дается перечень критериев, которые могут быть положены в основу концепта.

Ключевые слова: историографический концепт, «историк второго плана», научное сообщество, историческая наука.

[©] Чухлій С. О., 2014.

The paper is devoted to the problem of hierarchization and casting of roles in scientific work, special attention is devoted to the cognitive capabilities of «sideline historian» concept. The author stresses that general anthropologization of historical interests turned the persons, who can be marked as «sideline», into important heroes or research. In case of historiography studies, more and more attention now is given to figures of historians, who «played the secondary roles».

The author analyzes academic tradition of the «sideline historian» concept usage and defined list of criterions that can be used to distinguish prominent historian from his sideline colleagues. These can be correlation between chosen topics and magistral trends of historiography, productivity, academic reputation, belonging to regional and not national historiography, membership in scientific communities etc. He comes to the conclusion that despite its productivity, the concept is rather metaphoric and relative: typological features of «sideline historian» can be situational and contextual. The author also analyzes ethical aspects of defining «forefront» or «sideline» status of historians.

Key words: historiographical concept, «sideline historian», the historical science.

Життя і наукова творчість істориків – це сама історія історичної науки, у всій її суперечності та неоднозначності. За словами академіка О. С. Лаппо-Данілевського, історики є акумуляторами історичних знань суспільства; але, разом із тим, він зазначав, що надавати виключну перевагу вивченню особистості історика – означає перетворювати історіографію на збірку біографій. Тим не менш, відтворення загальної картини розвитку історичної науки неможливе без вивчення персоналій істориків. Це завдання, передусім, біографістики як наукової галузі. До його вирішення долучилися й історіографи. М. В. Нєчкіна відмічала, що історію творять люди, а історію історичної науки – історики [4, с. 3], тим самим заохочуючи вивчення внеску того чи іншого вченого-історика у науку. Втім тривалий час історіографи фокусували свою увагу в основному на творчості найбільш відомих діячів історичної науки, частіше за все героїзуючи їх. У радянські часи більше уваги почали приділяти контексту, вивчаючи біографії під кутом їх «тісного зв'язку з епохою, з боротьбою класових сил, у яку вони були втягнуті» [4, с. 3]. Панування схем та акцент на закономірностях історичного розвитку у цей час призвели до певного «обезлюднення історії», однак не можна заперечувати того, що саме у цей період було створено декілька яскравих історико-біографічних праць, у тому числі й присвячених життю та творчості істориків [9].

Сучасний історико-біографічний жанр як напрям та спосіб досліджень є досить багатогранним, внутрішньо диференційованим, з розмаїттям підходів, поглядів, методів. Таке становище обумовлене особливостями сучасної культурно-історичної і історіографічної ситуації, що характеризується неабияким інтересом до «людського змісту та наповнення» історії і сприяє перенесенню центру тяжіння історичних досліджень на гуманітарні проблеми, безпосередньо на людину. У зв'язку з цим особливого значення набуває проблема зв'язку «людини в історії» й «людини-історика». Її вирішення передбачає дослідження особистої долі історика на тлі історичних явищ та історіографічного процесу і у взаємозв'язку з ними, але, водночас, з акцентом на творчій ролі особистості.

Зазначена проблема посідає важливе місце у сучасній вітчизняній та зарубіжній історіографії. На сьогодні вже вийшло друком чимало відповідних історико-біографічних праць, відбувається чимало конференцій з такої тематики, реалізуються різноманітні дослідницькі проекти. Межа XX—XXI ст. позначилася радикальними змінами у дослідницькій практиці і професійній свідомості істориків. Історична наука позиціонувала себе як наука про конкретне та індивідуальне. Ю. Л. Безсмертний зазначав, що «на першому плані нашого пошуку — конкретна людина, її індивідуальна поведінка, її власний вибір. Ми досліджуємо ці сюжети зовсім не тому, що хочемо дізнатися наскільки типові (чи нетипові) вчинки цієї людини, а заради розуміння її як такої, оскільки вона цікавить нас сама по собі» [2, с. 23]. Тож поява концепту «історик другого плану» стала закономірною відповіддю на ті виклики, що постали перед сучасною історичною наукою¹. Зокрема, на думку М. О. Трапша,

¹ Зокрема, слід відзначити проект «Человек второго плана в истории», що стартував 2003 р. у Ростові-на-Дону спільними зусиллями Південного Федерального університету та Ростовського регіонального відділення Товариства інтелектуальної історії, що з часом залучив широке коло науковців з інших університетів та академічних інституцій. Результатом їхньої роботи стала серія збірників наукових статей «Человек второго плана в истории». Певним підсумком п'ятирічної роботи проекту став збірник «В тени великих: образы и судьбы», що відкрив серію книг «Человек второго плана в истории». В центрі дослідницької уваги, в межах окремої рубрики «Историописатели второго плана», знаходились особистості самих істориків.

цей концепт дозволяє здійснити об'єктивну диференціацію дослідницької діяльності, яка визначається розмаїттям теоретичних підходів і постійним накопиченням емпіричного матеріалу в результаті поглибленого джерелознавчого аналізу [11, с. 29]. Інакше кажучи, поява даного концепту обумовлена необхідністю внутрішньої стратифікації наукового співтовариства.

У зв'язку із цим, біографічні дослідження в історіографії набули нових тенденцій. Не зважаючи на інтерес, що зберігається до визначних істориків, його спрямованість зазнала змін. Історикобіографічний жанр – це вже не «міф про героя». Сама по собі визначна постать – це непересічна особистість, яскрава індивідуальність, до певної міри, екстраординарність, що стоїть на боці скоріше не правила, а виключення. Наукове ж знання не може базуватися у своїх узагальненнях на виключенні. Відповідно, оптимальним дослідницьким об'єктом бачиться історик, що знаходиться між крайніми позиціями – провідного діяча та натовпу, оскільки він краще презентує минуле та сприяє його розумінню. Крім вибору такого персонажу важливу роль відіграє ракурс або план, що буде обумовлювати певне висвітлення проблеми. Саме це зумовило використання театральнокінематографічного поняття - «другий план». Якщо «головний герой» – це той, кому присвячене дійство чи розповідь, навколо кого розгортається сюжет, то «ролі другого плану» цей сюжет формують [8, с. 23]. Без фігур «другого плану», тих що роблять свою справу, перебуваючи в тіні геніїв, неможливо – ані в статиці, ані в історичній динаміці – уявити собі сам простір інтелектуального життя, що пронизаний великою кількістю зв'язків і опосередкованостей [16, с. 23]. Кінематографічна зміна ракурсів («зміна рамки») відповідає природі пізнання. Тож для розробки даних проблем виключного значення набуває «дослідницька оптика», що використовується.

Концепт «історик другого плану» – це наукова метафора. Він став результатом тієї «антропологізації» історичної науки, про яку вже зазначалося, полеміки щодо методології біографістики – співвідношення в ній «соціального» і «екзистенціального», сумісності мікро- і макроісторичного аналізу. Дослідження проблеми «історика другого плану» знаходиться на перетині історіографічного та біографічного жанрів. Можна припустити, що це продуктивний варіант історіографічного синтезу, що містить не лише осмислення місця іс-

торика в розвитку історичного знання, а й перепитії його долі та зигзаги діяльності у відповідному соціокультурному контексті.

Для «історика другого плану» характерні певні ознаки. Проте, слід відзначити, що єдиного тлумачення даного концепту не існує. Втім, можна віднайти найбільш загальні критерії для визначення такого персонажу. Нерідко розпізнавання ведеться від супротивного. «Історик другого плану» — це той, хто не вписується в поняття «історик першого плану», той, хто не є найпомітнішою фігурою в науковому світі, чиє ім'я не користується беззаперечним авторитетом та абсолютним визнанням як у його сучасників, так і у нащадків. Як правило, він перебуває «в тіні» більш знаних істориків. Проте в межах конкретних проблем, тем, кордонів, блоків і т.д. такий історик не є «другоплановим», оскільки його роль у власній справі самостійна та значна. Тобто «історик другого плану» не претендує на керівну та провідну роль, проте його внесок може бути беззаперечним, а його постать віддзеркалювати основні риси епохи та стану науки.

Найбільш детально проблема визначення змістовного наповнення цього концепту знайшла відображення у працях двох сучасних дослідників, а саме М. О. Трапша [11] та В. М. Андрєєва [1].

Згідно з позицією російського історика М. О. Трапша, який досліджував це явище у ретроспективі, своєрідні прототипи «істориків другого плану» з'явилися ще в часи зародження історичної науки та появи перших літописів в особі провінційних літописців та авторів неофіційних літописів. Пізніше статус «історика другого плану» визначався не територіальним фактором (приналежність до регіональної, а не до центральної історіографії), а особливостями наукової творчості, результати якої в окремих випадках мали певну ідеологічну опозиційність. У XVIII ст. до цього додався вплив комплексу соціально-політичних факторів та реальна затребуваність результатів дослідницької практики. На рубежі XVIII-XIX ст. зміст поняття «історик другого плану» визначався приналежністю до регіональної історіографії і зверненням до нових нетрадиційних проблем, що знаходились поза контекстом визнаної науковим співтовариством тематики. У першій половині XIX ст. «другий план» визначався ще й методологічним рівнем науковця та опозиційністю до діючого політичного режиму, ідеологічною незалежністю. На межі XIX–XX ст. до «істориків другого плану» можна віднести представників регіональної історіографії, що перебували поза елітарною професійною корпорацією; представників центральної історіографії, але тих, чиї праці принципово не вплинули на розвиток історичної науки; представників консервативного напрямку в історіографії; представників революційної історіографії. Інакше кажучи, за думкою М. О. Трапша, основними критеріями для визначення реального місця історика у структурі персональної історіографічної ієрархії є приналежність до певного наукового співтовариства та реальний зміст практичної діяльності окремого автора [11].

Вивчення зазначеного концепту в контексті проблеми ієрархізації наукового співтовариства привело В. М. Андрєєва до наступних висновків: для виокремлення «історика першого/другого плану» необхідно визначити специфіку участі окремого дослідника в науковому дискурсі; з'ясувати реальне співвідношення обраної вченим проблематики та магістрального напряму сучасної історіографії; визначити рівень сприйняття науковим співтовариством творчих досягнень ученого; відтворити особистісний портрет дослідника та реконструювати його психофізіологічні характеристики. Комплексне вирішення цих завдань, на думку цього дослідника, дозволить з'ясувати місце конкретного ученого в структурі наукового співтовариства, що склалося в межах відповідної історичної доби [1, с. 12].

Тож, концепт «історик другого плану» має як особистісну, так і соціальну проекції. Але він вимагає не лише вибору відповідного ракурсу, а й його обгрунтування, а також постійного співвіднесення з соціокультурним середовищем (оскільки «плани» існують лише у його контексті) і аналізу його динаміки. «Історик другого плану» більше «інтегрований» у соціальний контекст, ніж «історик першого плану» і краще дозволяє дослідити поле перетину індивідуальної і масової професійної свідомості, внутрішніх мотивів поведінки і зовнішніх факторів, соціальної сутності епохи. Тобто типологічні ознаки «історика другого плану» можуть формулюватися ситуативно, або в залежності від контексту, в якому біограф розміщує свого персонажа. При цьому увагу слід приділити ситуаціям вибору та прийняття рішень, особливо коли мова йде про історика «переломної доби», коли виклики часу потребують вписування у нову історичну ситуацію, яка загострює зіткнення старого і нового й передбачає вибір – і предмету наукового інтересу, і цінностей, і життєвих стратегій. Без урахування всієї складності та суперечливості творчої особистості історика неможливо зрозуміти специфіку історичного пізнання і внутрішньонаукових комунікацій епохи. У переломні періоди розвитку науки на цей процес особливо відчутний вплив здійснюють фактори позанаукового плану, у тому числі індивідуальні характеристики особистості історика, а також особливості соціального позиціонування [6, с. 353]. Нерідко в порубіжних історичних ситуаціях у творчості істориків відбувається зближення політичного і наукового у концептуальних побудовах.

Безумовно, не слід абсолютизувати пізнавальні можливості даного концепту. Варто визнати його пластичність та певну відносність змістовного наповнення, в залежності від конкретної «системи координат». Такі «системи координат» можуть бути різноманітними. Відповідно, «історик першого плану» легко може набути рис «другопланового» з огляду на застосований по відношенню до нього ракурс, у залежності від часового діапазону, еволюції наукового співтовариства та системи наукових знань. При бажанні можна віднайти чимало таких позицій, де він не був би на перших ролях. Тобто наші оцінки того чи іншого історика можуть суттєво змінюватися у процесі вибудовування таких «систем координат» та зміни дослідницького ракурсу. Оскільки «план» залежить від вибору кута зору та соціокультурного контексту, у співвідношенні з яким осмислюється роль особи, що розглядається, такий підхід є запорукою того, що вдається запобігти категоричності та однозначності в оцінці тієї чи іншої постаті історика.

До того ж, зазначена проблема підходить впритул до проблеми ціннісних орієнтацій науковців. У процесі визначення «історика першого» або «другого плану» може бути активно задіяна також професійна етика. Оскільки цей концепт наповнюється змістом науковим співтовариством у конкретних умовах, чимало залежить від норм та традицій, які у певний період панують у науковому співтоваристві. Мова йде про існування певного позиціонування — про положення вченого на карті мереж наукових комунікацій [6, с. 348]. Уже сам по собі інтелектуальний простір породжує ранжування, але частіше цей феномен виникає у процесі комунікації. У цих умовах підвищується роль і відповідальність «наукових шкіл», які погоджують колективну та індивідуальну роботу, дозволяють працювати не тільки в апробованих, але і в нових напрямках. Саме ці, реально існуючі центри історичної освіти та науки, а також «інструменти» історичного пізнання в межах певного наукового соціуму створюють

ціннісний фон. При цьому багато залежить від якостей, у тому числі і морально-етичних, лідера, наукового керівника, які можуть сприяти підвищенню «рангу» школи або приводити до її «меншовартості». Не можна випускати з уваги етичні аспекти взаємодії у відносинах по типу «вчитель — учень», оскільки навіть у разі, коли учень випереджає свого вчителя за результатами своєї роботи, «вдячний учень» завжди ставитиме свого вчителя на перше місце.

Сьогодні проблема «історика другого плану» активно розробляється науковцями. Зокрема, сучасні українські вчені намагаються повернути у науку імена своїх попередників, які опинилися у забутті. Так, останнім часом з'явились дослідження, які присвячені таким історикам як Я. М. Шульгін [3], М. О. Максимейко [10], П. П. Смирнов [5], А. П. Ковалівський [7], С. Я. Боровий [12] та ін. Власне, автори цих досліджень здійснили всебічне дослідження біографії того чи іншого історика, іноді з акцентуацією уваги на конкретній його «ролі» – як «науковця», «педагога», «громадського діяча», — визначили основні напрямки діяльності, проаналізували концепції, погляди, з'ясували місце конкретного історика в науці. Автори подібних досліджень зазвичай зазначали, що об'єкт їхньої уваги відноситься до істориків «другого плану» [12, с. 1], або «другого ряду» [3, с. 1] чи «середнього рівня» [5, с. 1].

Тож, «історик другого плану», як і людина «другого плану», посів у фокусі сучасного гуманітарного пізнання стратегічно важливий «плацдарм» між «типовою людиною» і «актором», «творцем історії» [8, с. 6]. На сьогодні стає зрозумілим, що інтелектуальний простір визначається не «меншістю», а «більшістю», через яку проступають характерні риси часу. Важливість проблеми «історик другого плану» у цілому відповідає важливості проблеми «людини в історії». Привернення уваги наукової спільноти до означеної проблеми сприяє як поглибленому вивченню неповторного і унікального у долях конкретних людей взагалі, так і, зокрема, розумінню багатогранної залежності між істориком та науковим співтовариством, складних шляхів взаємодії з соціальним середовищем. Вивчення конкретної творчої біографії історика «другого плану» відкриває широкі можливості для історіографів, оскільки дозволяє вивчати єдність масової і індивідуальної історичної свідомості, історика і професійного середовища певного часу.

Бібліографічні посилання

- 1. *Андреєв В. М.* Віктор Петров: інтелектуальна біографія: автореф. дис. . . . докт. іст. наук / В. М. Андрєєв. К., 2013.
- 2. Бессмертный HO. Л. Метод / HO. Л. Бессмертный // Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени. HO., 2000.
- 3. *Гедін М. С.* Громадська, педагогічна та наукова діяльність історика Я. М. Шульгіна : автореф. дис. ...канд. іст. наук / М. С. Гедін. К., 2008.
- 4. *Киреева Р. А.* К. Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. / Р. А. Киреева. М., 1990.
- 5. Коломієць Н. А. Павло Петрович Смирнов історик та педагог : автореф. дис. ...канд. іст. наук / Н. А. Коломієць. К., 2008.
- 6. *Корзун В. П.* На первый-второй рассчитайсь: человек второго плана как исследовательский проект / В. П. Корзун, Д. М. Колеватов // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2009. Вып. 28.
- 7. *Малиновська Н. М.* Життєвий шлях і науковий доробок А. П. Ковалівського (1895—1969): автореф. дис. ...канд. іст. наук / Н. М. Малиновська. $X_{\cdot\cdot}$, 2009.
- 8. *Мининков Н. А.* Человек «второго плана» в контексте современной историографии: пять лет спустя / Н. А. Мининков, А. В. Кореневский, А. Е. Иванеско // В тени великих: образы и судьбы. Серия «Человек второго плана в истории» / отв. ред. Л. П. Репина. СПб., 2010.
- 9. *Нечкина М. В.* Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества / М. В. Нечкина. М., 1974.
- 10. Остапенко С. В. Науково-педагогічна та громадська діяльність М. О. Максимейка: автореф. дис. ...канд. іст. наук / С. В. Остапенко. –Х., 2008.
- 11. *Трапш Н. А.* «Историк второго плана» в структуре персональной историографической иерархии (на примере развития дореволюционной исторической науки) / Н. А. Трапш // В тени великих: образы и судьбы. Серия «Человек второго плана в истории» / отв. ред. Л. П. Репина. СПб., 2010.
- 12. *Черемошенцева Н. М.* С. Я. Боровий як дослідник історії України: автореф. дис. ...канд. іст. наук / Н. М. Черемошенцева. К., 2009.
- 13. *Маловичко С. И.* История как строгая наука vs социально ориентированное историописание [монография] / С. И. Маловичко, М. Ф. Румянцева. Орехово-Зуево, 2013.
- 14. *Посохов С. И.* «Современные размышления» о теориях памяти, типах культуры и смыслах истории / С. И. Посохов // XIA. X., 2013. Вип. 12.

- 15. Репина Л. П. От «истории одной жизни» к «персональной истории» / Л. П. Репина // История через личность : Историческая биография сегодня. M_{\odot} , 2010.
- 16. Репина Л. П. От исторической биографии к биографической истории / Л. П. Репина // В тени великих: образы и судьбы. Серия «Человек второго плана в истории». СПб., 2010.
- 17. Репина Л. П. Историческая биография и «новая биографическая история» / Л. П. Репина // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 5: Историческая биография и персональная история. М., 2001.
- 18. *Репина Л. П.* Личность и общество, или история в биографиях / Л. П. Репина // История через личность: историческая биография сегодня. М., 2005.

УДК 930.1 «17»

М. И. Козлова

Сыктывкарский государственный университет

ИСТОРИОПИСАНИЕ XVIII ВЕКА В ЭТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ ИСТОРИИ

Поднимается проблема моральности и этичности в историописании. Данный вопрос рассмотрен на примере дискуссии историков XVIII в. М. М. Щербатова и И. Н. Болтина и судьбе исторического труда Ф. А. Эмина. Проанализированы особенности этического измерения современной истории истории, подчеркнута важность принципа признания «чужой одушевленности».

Ключевые слова: М. М. Щербатов, И. Н. Болтин, Ф. А. Эмин, Екатерина II, дискуссия, историография, история истории, этика, историки.

[©] Козлова М. И., 2014.

Підноситься проблема моральності та етичності в історіописанні. Дане питання розглянуто на прикладі дискусії істориків XVIII ст. М. М. Щербатова і І. М. Болтіна і долі історичної праці Ф. А. Еміна. Проаналізовані особливості етичного виміру сучасної історії історії, підкреслена важливість принципу визнання «чужой одушевленности».

Ключові слова: М. М. Щербатов, І. М. Болтін, Ф. О. Емін, Катерина ІІ, дискусія, історіографія, історія історії, етика, історики.

The article is devoted to the problems of morality and ethics in the historiography. This question is considered on the materials of the discussion between two well-known historians of the XVIII century – M. M. Shcherbatov and I. N. Boltin and the destiny of F.A. Emin's historical work. After I. Boltin sharply criticized «The Russian history» of M. Shcherbatov for numerous factual mistakes, M. Shcherbatov got the historiographical reputation of the «heavy-weight» unsuccessful historian. Yet reconstruction of the context of this critics attack shows that it was not constructive academic critics, but direct order of Catherine II, seeking the way to discredit the historian who was out of favor. The story of F. Emin's failure as historian and his reputation of «unserious author» also can be reconsidered in the light of new information and approaches.

The author also analyzes the ethical aspects of the modern history of history. She specially emphasizes the importance of the principle of recognition of others animateness because its usage can change the traditional understanding of texts and personalities of the past.

Key words: M. M. Shcherbatov, I. N. Boltin, F. A. Emin, Catherine II, discussion, historiography, history of history, ethics, historians.

Появление интеллектуальной истории, переосмысливающей традиционные представления о возможностях исследовательского поиска и его результатах, для которой характерно «максимальное расширение исследовательского пространства, интенсификация междисциплинарного взаимодействия, предельный методологический плюрализм и принципиальная толерантность в отношении конкурирующих научных парадигм» [15, с. 334] привело, к переменам в сознании историков. По словам Л. П. Репиной, «мир, в который «помещен» современный исследователь, беспрестанно и быстро меняется» [14, с. 269]. Оказавшись в ситуации стремительно трансформирующейся действительности, историки вернулись к вопросам ограничения и регулирования интеллектуального исследовательского поля, к проблеме запретов, к строгости в научной дисциплине. В поисках новых ориентиров для понимания возможного предела историко-интеллектуального продукта, являющегося результатом

процесса экстериоризации личности, историки стали обращаться к моральным принципам, имманентно присущим мироощущению человека, и актуализировать проблему этики в историописании.

Практика ориентирования в исторических исследованиях на нравственные принципы, на первый взгляд, может иметь исключительно положительные последствия и проявить себя как средство получения истинного и обоснованного знания, которое направлено на соотнесение «результатов своего исследования с выводами предшественников... постулированию преемственности научных традиций и т. д» [9, с. 104]. Среди наиболее привлекательных причин включения этики в научные исследования можно назвать необходимость понимания своей мотивации получателем исторического знания, т.к. «первым шагом оценки морального качества любого человеческого действия является рассмотрение *иели* этого действия» [1, с. 95]. Помимо этого этика регулирует профессиональные модели поведения исследователя, а «вопросы профессиональной этики историка включают в себя и отношение его к источникам и методологическим принципам исследовательских практик, и отношение к историографическому наследию, и отношения с учениками и коллегами не столько в обыденном понимании, сколько в контексте творчества, и мотивы научной деятельности» [6, с. 96]. В «новой историографической культуре», по мнению С.И. Маловичко, «этический настрой... помогает строить мосты между обществами, культурами и разными образами прошлого, создавать соединяющие и кросс-культурные, а не искупительные или реваншистские нарративы» [11, с. 388].

Введение «уровня моральности» в исследования историков позволит корпоративной этике курировать интеллектуальное поведение историка с помощью стремления личности к признанию, поэтому профессиональная этика приносит не только пользу, солидаризируя научное сообщество, но и таит в себе опасность разобщения, коммуникативных трудностей, проявленную в формировании оппозиции «свой» — «чужой». Этот конфликт актуализировался в известной полемике между историками XVIII века: Михаилом Михайловичем Щербатовым (1733—1790) и Иваном Никитичем Болтиным (1735—1792).

В 1767 г. по рекомендации Г. Ф. Миллера М.М. Щербатов стал официальным историографом при Екатерине II. Но его «История российская» не получила признания у современников, более того,

его авторитету был нанесен тяжелый удар критикой И. Н. Болтина. Как известно, после восторженного отзыва о политике Екатерины II французского ученого Леклерка, она поручила ему написать труд по российской истории. В итоге в своем сочинении он указал, что в России самодержавная власть нарушает общественный договор и естественные права народа. Свое отношение к этой работе «просвещенная императрица» выразила в своих «Записках касательно русской истории»: «Сии записки касательно российской истории сочинены для юношества в такое время, когда выходят на чужестранных языках книги под именем «Истории российской», кои скорее именовать можно сотворениями пристрастными... Беспристрастный читатель да возьмет труд сравнить эпоху российской истории со историями современников великих князей российских каждого века, усмотрит умоначертания всякого века, и что род человеческий везде и по вселенной единакие имел страсти, желания, намерения и к достижению употреблял нередко единакие способы» [8, c. 161].

Но ее замечания, скорей всего, читающей публике показались неубедительными. Тогда за критику взялся генерал-майор И. Н. Болтин – он не был ученым-историком, занимался предварительной разработкой исторического материала, который не сводил в единую конструкцию. Традиционно он излагал материал в виде словаря или критических примечаний, комментариев к чужому тексту. По нашему мнению, «просвещенная императрица» намеренно выбрала И. Н. Болтина, особо приближенного к ее фавориту Г. А. Потемкину, в качестве средства борьбы с противниками (при этом И. Н. Болтин был членом кружка любителей русской истории, находящегося под опекой Екатерины II). По словам А. Г. Брикнера, Г. А. Потемкин «из литераторов особливо уважал И. Н. Болтина, которому дал идею и просил сделать возражение на сочиненную Леклерком Российскую историю» [5]. На это же обращает внимание и В. О. Ключевский, отмечая, что «кн. Потемкин и другие приятели критика уговорили его приготовить разбор книги Леклерка к печати, а императрица в 1788 г. на свой счет издала этот труд в двух томах» [10].

В 1788 г. вышли «Примечания» И. Н. Болтина на «Историю» французского писателя Леклерка: «Но по прочтении нескольких страниц, разрушилося во мне сие приятное предубеждение, возбуждавшее любопытство и охоту к чтению: ложь и клевета с коими Со-

чинитель злословит вообще Россию, пристрастие с коим переиначивает он дела наиболее известныя, наглость с которою решительно говорит о вещах совершенно ему неизвестных, нелепость разсуждений, пустота доводов, безчисленныя и грубыя во всех родах ошибки (оставляя осмеяния достойную надменность слога, и образ писания странный и необыконовенный,) заставили меня возыметь мнение противное прежнему и о Сочинении и о Сочинителе» [4, Б.с.]. В «Примечаниях...» автор сказал о родстве взглядов М. М. Щербатова и французского ученого и подверг строгому разбору и произведение российского историка: «Писав на сию статью примечание, вспомнил я учиненную Князем Щербатовым, при описании сего самого сражения, непростительную для Русскаго человека ошибку; назвал он реку текущую подле стен города Луцка, греблею; не разумев что сие слово не есть название реки но древнее Славеноруское означающее плотину, в коем смысле неизменно и до днесь оно в Малороссии употребряется» [4, с. 265–266].

Далее последовало «Письмо кн. Щербатова, сочинителя российской истории к одному его приятелю в оправдание на некоторые скрытые и явные охуления, учиненные его истории от г-на генмайора Болтина», напечатанное в Москве в 1789 г. После этого письма И. Н. Болтин написал «Ответ ген.-майора Болтина на письмо кн. Щербатова», следствием чего стало «Уведомление» к читателю в четвертом томе «Истории» М. М. Щербатова. Итогом дискуссии стали «Критические примечания» Болтина, они были опубликованы уже после смерти обоих участников дискуссии.

Для многих исследователей И. Н. Болтин выступает авторитетным историком; по словам В. О. Ключевского, «в свое время Болтин пользовался известностью как знаток русской истории. Сам надменный Шлецер, с немецким пренебрежением относившийся ко всем русским исследователям русской истории, для Болтина допускал исключение, признавая его единственным русским историком, кое-что смыслившим в истории своего отечества» [10]. Поэтому М. М. Щербатов, подвергнувшийся его критике, стал восприниматься лишь как тяжеловесный автор, допустивший много фактических ошибок: «Все приведенные мною места суть только цветочки, а ягоды оставил я для переду; однакож и тех кажется довольно для доказательства, что я знал чем бы мог охулять его Историю; но как ни о сих, ни о других многих, о коих теперь умол-

чеваю, погрешностях его доныне свету не открывал...» [3, с. 153]. Но уже в XVIII в. непредвзятость замечаний И. Н. Болтина подверглась сомнению – по словам И. Нехачина, в работе взыскательного критика не было стремления исправить погрешности и предложить разумные идеи, в ней содержались только «ругательства и насмешки»: «Ибо из Критических Примечаний, изданных Г. Болтиным на Российскую Историю, писанную Князем Щербатовым, некоторыя назвать благоразумными не можно потому, что он Г. Болтин, вместо Критики, которая исправляет наши погрешности, употребил в оных своих Примечаниях ругательства и насмешки... – Исправить порочнаго скорее можно кротостию, нежели ругательством. – Против перваго, то есть кротости, человек безмолствует; а против последняго ожесточается, и вместо повиновения, ответствует ему тем же» [13, с. VII–VIII].

Скорее всего, замечания И. Н. Болтина были написаны по указанию Екатерины II и являлись «государственным заказом», а не способом постижения «другого», «чужого» и не конструктивной критикой. В XVIII веке историческая наука только начала зарождаться, историописатели интуитивно намечали для себя пути вхождения в «научную» деятельность. Они не обладали достаточной подготовкой, чтобы ориентироваться на правила построения исторического письма, знать об особенностях исследовательского инструментария. А Екатерина II изучение прошлого российского государства приравнивала к государственной службе, поэтому в этот период «научным», достойным историческим сочинением считалось то, в котором не нарушались координаты морально-этического измерения, придающие высокий статус российской государственности и «просвещенной императрице»: «в истории не токмо нравы, поступки и дела описуются, но еще мудрым, правосудным, милостивым, храбрым, постоянным, твердым и верным честь и слава, а несмысленным, несправедливым, грубым, робким, легкомысленным и неверным бесчестие и поношение в людях воспоследует» [8, с. 162].

Несомненно, стоит согласиться с мнением С. И. Маловичко о том, что в этот период «историографическая культура» была тесно связана с общественным сознанием и выполняла «практические задачи конструирования национального прошлого, а также контроля над национальной памятью» [12, с. 370]. В результате М. М. Щербатов, нарушивший «профессиональный кодекс» своей эпохи, стал

«полузабытым писателем», и представления о нем как о «тяжеловесном» писателе сохранились и до наших дней. Принцип признания «чужой одушевленности» позволяет современной истории истории определить специфику исторического письма М. М. Щербатова, невзирая на некоторые ошибки в его работе.

Одним из примеров ориентаций как раз на государственные интенции при создании исторического труда может послужить «Российская история жизни всех древних от самого начала России государей» (1767–1769) Федора Александровича Эмина. Он был иностранного происхождения. Напомним, что в 1758 году он явился к российскому министру в Лондоне, после чего в 1761 году поселился в Санкт-Петербурге. «Но петербургская жизнь явилась для Эмина далеко не такой лучезарной, какой могла ему показаться в Лондоне. Подав прошение о принятии его в российское подданство и службу, он в ожидании решения перебивается случайными заработками, получая пособие в 50 рублей на год, определенное для приезжих иностранцев» [2, с. 192].

Ф. А. Эмин использовал разные способы для улучшения своего материального положения, среди них - и литературную деятельность. В сложившейся ситуации ему нужно было увеличить привлекательность своих сочинений, чтобы окупить их. Поэтому при написании «Российской истории» Ф. А. Эмину пришлось вести диалог с властью. Как писал сам историописатель: «...я желаю исполнить волю вашего величества, принялся к сочинению Российской Истории уже тому другой год и еще по крайней мере лет через четыре сей мой труд продолжится, потому что оная книга будет состоять в 10 немалых томах, следовательно меньше трудных книг мне сочинять и чрез то иметь обыкновенный свой доход будет невозможно, то ваше величество всепокорнейше прошу о пожаловании меня чином и жалованием тем, которое Федор Ушаков при кабинете вашего величества, будучи произведен в секретари, получал. Сие вашего величества милосердие будет мне укреплением в сем моем весьма полезном труде, котораго уже два томы с дозволения целаго академическаго собрания напечатаны» [17, с. 202].

Назначение своей «Истории» Φ .А. Эмин определил как возможность «показать каждому гражданину начало его отечества, онаго свойства, различность народов, оных произхождения, действия, склонности, нравы, разные перемены и разныя приключения,

из которых произойти может прямое наставление, чему следовать, и чего убегать должно, есть дело в котором многие просвещенные общественной пользы желатели давно упражняются, и коего совершения не только каждое государство, но и весь просвещенный свет давно желает; ибо ныне все Христианския в Европе Монархии подобны искусно заведенным часам, составленным из многих пружин и тончайших частиц, одна другой соответствующих от исправности которых благосостояние целого корпуса зависит» [18, с. V].

Но и он оказался чужд представителям интеллектуальной элиты России XVIII века, не соответствовал представлениям современников о «профессиональной этике» из-за непохожести и оригинальности взглядов. Он «промелькнул в русской литературе с необычайным эффектом и оставил в ней заметный след... Современники взирали на него с удивлением: он был слишком непохож на всех русских писателей того времени» [7, с. 182]. И не принят Екатериной II, т.к. воспринимался как несерьезный писатель. В результате он писал: «Всему ученому обществу не без известно, что для того науки в государствах насаждаемы бывают, дабы из оных народ мог приобрести желаемую пользу. Но какая быть может корысть из учености, ежели обучившиеся некоторым наукам, только для самих себя оные знать будут? Или можно ли того назвать ученым, кто всезнающим себя представляя никаких доводов своего знания не показывает? ...Статься может, что многие опасаясь критики не сообщают» [16, Б.с.]. Сложившееся мнение об Эмине как несерьезном писателе повлияло и на современных исследователей – работ о нем очень мало. Принцип признания чужой одушевленности современной истории истории позволяет изучить этого неординарного историописателя с новых сторон как по своему понимавшего написание «исторического письма» и современную ему действительность.

Таким образом, особенности написания исторических текстов, сформированные в XVIII веке, оказывают влияние и на этическое измерение современной истории истории, которая вырабатывает новые принципы для познания «чужого» и «иного» восприятия действительности.

Библиографические ссылки

- 1. *Агации Э*. Почему у науки есть этические измерения?/ Э. Агации // Вопросы философии. -2009. -№10.
- 2. *Бешенковский Е. Б.* Жизнь Федора Эмина / Е. Б. Бешенкоский // XVIII век. Л., 1976. Вып. 11: Н. И. Новиков и общественно-литературное движение его времени.
- 3. *Болтин И. Н.* Ответ генерал-майора Болтина на письмо князя Щербатова, сочинителя Российской Истории / И. Н. Болтин. СПб., 1793.
- 4. *Болтин И. Н.* Примечания на Историю древния и нынешния России г. Леклерка / И. Н. Болтин. СПб., 1788. Т. 1.
- 5. *Брикнер А. Г.* Потемкин / А. Г. Брикнер. СПб., 1891. URL.: http://adjudant.ru/potemkin/brikner11.htm
- 6. *Булыгина Т. А.* Профессиональная этика и «жизненный этос» в судьбе историка: по страницам дневников С. С. Дмитриева / Т. А. Булыгина // XI3.-2012.- Вип. 11.
- 7. *Гуковский Г. А.* Русская литература XVIII века / Г. А. Гуковский. М., 2003.
- 8. Екатерина II. Записки касательно российской истории / Екатерина II // Екатерина II. О величии России. М., 2006.
- 9. *Киселёва Ю. А.* Историография и этика (Харьковские сюжеты) / Ю. А. Киселева // XI3. 2012. Вип. 11.
- 10. *Ключевский В. О.* Сочинения в восьми томах / В. О. Ключевский. М., 1959. Т. VIII. Исследования, рецензии, речи (1890–1905). URL: http://az.lib.ru/k/kljuchewskij_w_o/text_0210.shtml
- 11. *Маловичко С. И.* История & этика: формирование новой историографической культуры / С. И. Маловичко // Историографические чтения. M., 2013. T. 1.
- 12. *Маловичко С. И.* Конструирование социально-политической истории Древней Руси в историописании Екатерины II / С. И. Маловичко // Русские древности: к 75-летию профессора И. Я. Фроянова. СПб., 2011.
- 13. *Нехачин И*. Новое ядро российской истории от самой древности Россиян и до нынешних дней благополучнаго Царствования Екатерины II Великия, на пять Периодов разделенное / И. Нехачин. М., 1795. Ч. 1.
- 14. Penuha Л. П. «Историческая наука» и социальная история / Л. П. Репина. М., 2009.
- 15. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX—XXI вв.: социальные теории и историографическая практика / Л. П. Репина М., 2011.
- 16. Эмин Ф. А. Приключения Фемистокла и разныя политические, гражданския, философическия, физическия и военные его с сыном

своим разговоры, постоянная жизнь и жестокость Фортуны его гонящей / Ф. А. Эмин – СПб., 1763.

- 17. Эмин Ф. А. Прошение Эмина о выдаче ему заимообразно 1500 рублей на уплату долгов и завершение «Российской истории» / Ф. А. Эмин; публ. Е. Б. Бешенковского // XVIII век. – Л., 1976. – Вып. 11: Н. И. Новиков и общественно-литературное движение его времени.
- 18. Эмин Ф. А. Российская история жизни всех древних от самого начала России государей, все великия и вечной достойныя памяти императора Петра Великого действия, его наследников ему последование и описание в Севере златого века во время царствования Екатерины Великой в себе заключающая / Ф. А. Эмин – СПб., 1767. – Т. 1.

УДК 94 (47) «1789 / 1917»

Н. В. Венгер

Днепропетровский национальный университет им. Олеся Гончара

ИСТОРИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЭТНИЧЕСКОЙ ГРУППЫ И ПОСТСОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ:

проблемы санкционированного вторжения

Автор розглядає етичні проблеми, які виникли між пострадянськими істориками, що вивчали міжетнічні процеси, та об'єктами дослідження – представниками етноконфесійної групи менонитів. Сприйняття результатів наукових досліджень спільнотами змінюється відповідно до того, наскільки висновки та положення вчених відповідають змісту історичної традиції замкненої групи.

Ключові слова: пострадянська історіографія, етнічна історіографія, меноніти, етика історичних досліджень, міжетнічні процеси, історична свідомість.

[©] Венгер Н. В., 2014.

Автор рассматривает этические проблемы, возникшие между постсоветскими историками и представителями этноконфессиональных групп, которые являлись объектами исследования, в процессе проведения изысканий и презентации их результатов. Восприятие результатов научных исследований зависело от того, насколько они соответствовали основным положениям контекстного содержания исторической традиции замкнутой группы.

Ключевые слова: постсоветская историография, этническая историография, меннониты, этика исторических исследований, межэтнические процессы, историческое сознание.

The author studies the ethical issues that have arisen between the former Soviet historians and representatives of ethnic and confessional groups (the Mennonites), whose history was under study. She finds out that the attitudes were changing as the researches were being conducting and scholars were presenting their results. Perception expressed by the ethnic group depended on how the scholarly statements complied with the basic contextual provisions of the closed religious group.

The Mennonites kept their historical consciousness tradition. Their knowledge about their past was maged into a «legend» – a story that was being transmitted to every new generation to preserve identity. The legend consisted of emotional and contextual parts. Legend-emotion was based on the idea of victimization. It was an archetypal phenomenon influenced upon other components of ethnic consciousness and historiography on its scholarly and amateur levels. The legend reflected traumatic experience of the groups: the story of their persecution and unfair accusations. Mennonites supported researches that were being done by former Soviet historians, and expected their trauma to be recognized by society. This dialogue between scholars and congregations was intense and helpful at the initial stage of the historical researches. However, as the results started to contradict the legend statements, this cooperation has been damped. Currently, the scholarly version of the congregations' history and the «legend» exists on the different planes of social consciousness.

Key words: post-Soviet historiography, ethnicity, historiography, the Mennonites, the ethics of historical research , ethnic processes, historical consciousness.

Обоснование проблемы. Историческая наука как практика научного познания и интерпретации прошлого, кроме эпистемологических, выполняет многочисленные социальные функции, удовлетворяя потребности различных человеческих коллективов в формировании множественных моделей их исторических традиций. Аксиоматичным является утверждение о том, что характер каждой отдельной историко-культурной традиции, её содержательная сторона, уровень развития и близости к решению по-настоящему объективно-научных задач отвечает социальным и

культурным потребностям каждого конкретного общества. Как правило, «заданное» общество оберегает свою историко-культурную традицию, сохраняет её стабильность и отвергает внешние попытки проявления теоретической и идеологической «агрессии» со стороны альтернативных концепций. Вместе с тем, в условиях неизбежной глобализации науки всякая локальная проблема рано или поздно попадает в сферу интереса внешних культурных школ, которые предлагают свои варианты её интерпретации в дискурсах различного ракурса и масштаба, провоцируя не только научные споры, но и своего рода этические проблемы между отдельными учеными, концептами, традициями и даже этносами. Цель данного исследования состоит в рассмотрении проблем взаимоотношения одного из инвариантов этнической исторической традиции (меннонитской, в её различных формах) с историографией постсоветской (научной или позиционирующей себя таковой). В фокусе нашего исследования – этические проблемы, с которыми сталкиваются профессиональные историки в процессе изучения этнического материала, а также при соприкосновении/контактах с субъектами – носителями, репрезентантами данного материала, в качестве которых выступают сами этнические группы.

Условия формирования межкультурного диалога Как известно, с начала 1990-х гг. в постсоветской исторической науке произошло новое «открытие этнического». Дополняя парадигму экономического и классового детерминизма, свойственного для предшествующего марксистского периода, этнические явления стали рассматриваться исследователями как один из важнейших факторов в формировании и развитии исторических процессов. Этнонациональная история становится мейнстримом [7; 8; 9], и в связи с этим в постсоветскую эпоху в украинской исторической науке формируются новые научные центры и направления. Одним из таких центров, например, является коллектив исследователей кафедры всемирной истории Днепропетровского национального университета, который в качестве основного приоритетного направления выбирает проблемы истории иностранной колонизации и сюжеты дальнейшего развития различных колонизационных этнических групп на юге Российской империи и СССР. По объективным причинам (географическая близость расположения поселений, наличие архивных фондов) в рамках открывшейся при кафедре лаборатории, а затем института, с наибольшей интенсивностью разрабатываются проблемы прошлого немецкоязычных групп: меннонитского населения и немцев-колонистов [1; 13]. Уже первые попытки интерпретации локальной истории через призму полиэтничности в условиях новых архивных возможностей и постперестроечных тенденций рубежа 80-90-х гг. XX ст. подтвердили перспективность такого подхода [4; 6]. Разноплановые по тематике исследования этнической истории, составляющие одну «топ-проблему» колонизации, находились в условиях благоприятного научного климата, демонстрируя не только её теоретическую, но и политическую актуальность, а также ощущая позитивный «фидбэк» со стороны общества.

Особый эмоциональный отклик на свои исследования историки получили от самого «объекта изучения» - потомков тех колонистов, которые некогда проживали на территории исследуемых общий травматический имели опыт, конфессиональными преследованиями, репрессиями, депортацией, изгнанием и эмиграцией. Важнейшей составляющей травматического настроения данных этнических групп было ощущение исторической маргинальности и непризнания их заслуг, зачисление в число врагов и предателей того государства (Российской империи, а затем СССР), которое некогда гостеприимно распахнуло перед ними свои границы, предоставило им возможность жить и трудиться, наделило их привилегиями, и которому верой и правдой служило несколько поколений колонистов и меннонитов. Как известно, по понятным причинам советская наука преднамеренно изымала историю немецкоязычного населения (на Украине численность такового составляла более 300 000 человек [11, с. 159]) из сферы изучения, ставя идеологию выше императива объективности: история успешного развития немецкоязычных и протестантских колоний могла бы усложнить официальную канонизированную версию прошлого как поздней Российской империи, так и Советского Союза. В связи с этим история немецкоязычной колонизации в советском обществе оставалась малоизвестным сюжетом, а отношение общества к российским немцам на уровне общественного сознания воспринималось через упрощённую схему «друзей-врагов» советского строя.

В начале 1990-х гг. историки оказались теми «агентами» постсоветского государства, которые проявили научный интерес к ранее отверженным этническим группам и пытались извлечь их историю из забвения. Именно историки-исследователи были первыми представителями ранее антагонистически настроенного по отношению к этническому социуму общества, которые признали реальность и обоснованность исторической травмы немецкоязычного населения. Для этноконфессии они несли надежду и давали легитимность, законное право быть возвращенной в исторический контекст, тем самым становясь для представителей конгрегаций символом очищения постсоветского общества и теми особыми людьми, почти героями, которые осознанно брали на себя миссию восстановления исторической справедливости.

Исследователи, в свою очередь, также ощущали позитивный посыл со стороны этнической группы, что являлось для них моральным своеобразным воздаянием дополнительным эмоциональным стимулом для продолжения научных разработок. В определённом смысле, особенно на начальной стадии изучения проблемы, этническое сообщество было одной из основных целевых аудиторий исследовательского продукта. Особое уважение вызывало то бережное, не лишённое сакральности отношение к своему прошлому, которое было свойственно для исследуемых этнических групп. Этноконфессии приветствовали исследования, обеспечивая историков возможностью проникновения в свою «легенду», что было проявлением наивысшего доверия. В рассматриваемом нами случае историческая легенда – это не отдалённое от реальности событие, а устоявшийся традиционный сюжет о прошлом, который переходил из поколения в поколение, прививая каждой последующей генерации априорные представления о своей истории, что способствовало сохранению групповой идентичности, оберегало этноконфессию от распада в условиях миграций и адаптаций.

Особенности исторического сознания этической группы. Для постсоветских историков фактор ознакомления с «исторической легендой» этноконфессии был исключительно важным этапом в понимании изучаемой проблемы. Особенность меннонитской «легенды о себе» состояла в примате её эмоциональной составляющей над структурно-событийной. Необходимо признать закономерным тот факт, что у подобных немцам-протестантам и меннонитам диаспоральных транзитных, малочисленных и в разной степени конфессионально замкнутых групп изначально присутствует знание о прошлом, которое следует рассматривать как основу их

исторического сознания, исторической идентичности. Традиция его формирования прослеживается у них с начала европейских миграций в XVI ст. Уже изначально их представления о прошлом были облечены в религиозно-эпическую форму. Эпичность и трагизм ей придавала ранняя история вероучения - этап преследований и борьбы за признание. Дальнейшие условия развития протестантских общин, их постоянных переселений (Швейцария, Германия, Россия, США, Франция), нестабильность положения в различных странах, когда этапы признания чередовались с периодами гонений и ограничения прав, способствовали развитию и закреплению этого сознания. При этом этническое сообщество вычленяло из своего прошлого элементы «негативного», мученичества и страданий – того, что подтверждало их «чужесть», богоизбранность и основную идею образования отдельного вероучения – очищение христианства и секуляризацию от Католической церкви. Находясь в условиях постоянной социальной турбулентности, общины бережно относились к каждому факту прошлого, сохраняя его образ в минорной тональности и наполняя настроениями виктимности.

Основным эмоциональным ключом легенды было не просто настроение виктимности, но, главное, — убеждённость в особенности и исключительности страданий, с которыми пришлось столкнуться представителям данного вероучения на разных этапах их истории. От сообщества историков представители данных этнических групп ожидали подтверждения, обоснования данных эмоциональных положений, а также их последующей теоретической презентации для общества за пределами этноконфессионального коллектива. Следует признать, что данный «эмоциональный посыл» легенды был исключительно сильным и в определённой степени заразительным, что в дальнейшем явилось одним из важнейших препятствий объективной научной концептуализации исторического прошлого конгрегаций в неменнонитской историографии.

Особенности этической историографии как формы выражения исторического сознания этиоконфессии. Важной ступенью в осознании исторического прошлого немецкоязычных групп для постсоветских ученых было ознакомление со сложившимися у меннонитов традициями сохранения «исторической легенды». Кроме «легенды-эмоциии», которая за несколько столетий скитаний превратилась фактически в явление архетипического характера,

этноконфессия имела свою вполне сформировавшуюся традицию историописания в форме этнической историографии.

В современной литературе достаточно широко использовалось понятие «национальной истории» как особой системы знаний, сформированной национальной, принадлежащей какой-либо стране школой историографии, которая в силу определённых обстоятельств культурно-исторического развития демонстрирует этноцентризм [2, с. 9].

Этническая историография – явление меньшего, в определённом смысле, провинциального масштаба. Это практика написания истории небольшой, замкнутой, этноцентрично и конфессиональноцентрично настроенной группы. При некоторой схожести с национальной историей, такой характер историописания всё же следовало бы выделить в отдельную группу. Этническое историописание отличается от национального не только масштабом отражения, но также и социальными задачами. Если национальная историография представляет нацию в неких исторически актуальных геополитических рамках, то этническая историография презентует этнос, свидетельствует о поисках определённой этнической группой своего места в рамках «заданной» нации, которая либо сформировалась, либо находится на этапе формирования. Рассматривая национальную и этническую историографию как явления одного порядка, расположенные на разных уровнях, и связывая их с историческим сознанием этнической группы, процитируем определение Георга Брунна, что именно представляет из себя национальная (в нашем случае этническая) история. Согласно утверждению американского исследователя, национальная история – «это часть сознания нации [в нашем случае этноса], которая обеспечивает непонимание своей истории» [15]. Таким образом, в данном определении автор указывает на важное атрибутивное свойство национальной/этнической историографии – её узкоконтекстность и определённый субъективизм, который ограничивает этнический социум в его «познании себя».

Наиболее показательными свидетельствами контекста и особенностей меннонитской историографии являются сочинения Д. Эппа и П. Фризена [17–22], которые стали одними из важнейших произведений, с которыми ознакомились постсоветские историки в процессе познания проблемы. Эти сочинения, написанные в конце XIX – начале XX ст., являлись первыми свидетельствами формиро-

вания меннонитской историографии и попытками письменного изложения «легенды о конгрегациях», соединения эмоциональной и событийной традиций. Миссия работ Д. Эппа и П. Фризена имела презентационный характер, а сами произведения были пронизаны единым настроением и убеждением в особой роли меннонитских общин в Российской империи, попыткой создания позитивного образа колоний как у представителей власти, так и у российской общественности рубежа столетий. Работы первых этнических историков закончили формирование содержательно-событийной структуры легенды, дополняя её концепцией экономического успеха колоний в России. Последнее положение в дальнейшем также усиливало сентимент виктимности, поскольку в новых исторических условиях подтверждало тезис о «европейских преследованиях» на примере российской меннонитской диаспоры.

Весьма знаковым был тот факт, что работа П. М. Фризена «История Меннонитской братской общины» являлась «исследованием на заказ», и её появление было инициировано лидерами общин Братских меннонитов, пожелавших оправдать религиозный раскол начала 1860-х гг. Для нас показательным является тот факт, что уже П. М. Фризен испытал на себе некоторые этические сложности изучения истории этноконфессии. Как известно, автор затратил на написание своего произведения около 25 лет [14]. Объясняя сообществу причины столь замедленных темпов работы над книгой, Фризен, будучи по вероисповеданию меннонитом, писал о психологических сложностях, с которыми он столкнулся, работая с историческим материалом, связанным с прошлым небольшой по численности и замкнутой эндогамной группы: «Писать современную историю – занятие психологически непростое» [24]. «Могилы всё ещё не были настолько старыми, чтобы беспокоить их со спокойным сердцем или холодной душой» [23].

Несмотря на явно присущее автору чувство ответственности перед самим собой и попытки соблюдения принципа объективности, Фризен не решился посягнуть на основные эмоциональные парадигмы легенды. Безусловно, в своём масштабном произведении (более 1000 страниц), написанном на переломе столетий (опубликована в 1911 г.), в эпоху пика модернизационных процессов, он рассказал меннонитам намного больше того, что они ожидали и хотели услышать о себе (показал скорее динамичное, чем традиционное об-

щество). Однако при этом он излагал историю общин и предложенные им самим новые сюжеты именно так, как они (меннониты) хотели это услышать. Пытаясь уйти от ощущения внутреннего конфликта и внешнего непонимания, автор в некоторых случаях преднамеренно избегал интерпретации событий, словно предлагая читателю самостоятельно прийти к финальному нетрадиционному заключению. По этой причине труд Фризена лишь с некоторой оговоркой может быть назван «исследовательской работой». Тем не менее, следует принять во внимание, что сочинения Фризена и Эппа явились важнейшим звеном в кодировании и консервации исторического сознания, своего рода классическими или каноническими произведениями, которые впервые зафиксировали основные содержательные и эмоциональные парадигмы легенды в письменной форме, популяризируя и вынося её за пределы замкнутого социума.

Влияние первых изложений меннонитской истории на историческое сознание этноконфессии было столь сильным, что они сохранили свою значимость и для развития меннонитской историографии на её научном этапе (исследования, подготовленные после 1930-х гг., в первую очередь – работы А. Эрта и Д. Рэмпеля) [16; 34]. На данном этапе развития этнической историографической традиции происходил процесс концептуализации меннонитской истории. Весьма знаковой для меннонитской историографии как этнической традиции историописания была работа Д. Ремпеля с представленной им концепцией о «меннонитском сообществе в России». Сообществом он именовал особый замкнутый социум, своеобразную систему самоорганизации колоний, создавшую «государство в государстве», позволившую общинам сохранять свою религиозную и культурную идентичность. Несложно заметить, что предложенная Ремпелем концепция, несмотря на её научные признаки (теоретическую систематизацию, анализ, попытки синтезного рассмотрения проблемы, определения причинно-следственных связей между явлениями и периодами), вполне соответствовала «легенде», обосновывая целесообразность отделения «истинных верующих», важность их сепаратного существования и самоорганизации для сохранения праведного образа жизни. Концепция Ремпеля свидетельствует о том, что научная интерпретация меннонитских историков не была абсолютно свободна от основных постулатов «легенды» как архетипического конструкта, влиявшего на мировоззрение и сознание всех представителей конгрегации независимо от уровня их образования или теоретической подготовки.

Следующей, весьма распространённой в меннонитской среде традицией сохранения «легенды», проявлением сути присущего меннонитам исторического сознания и отношения к своему прошлому является практика историописания аматорского характера. К данной группе сочинений следует отнести небольшие повествования – эссе, основанные на классической версии меннонитской истории. Данные произведения представляют собой прямую рефлексию коллективной этнической памяти. Один из авторов такого типа исследований, Джон Фризен, назвал свою работу «сагой». В самом этом понятии отражено отношение меннонитов к своему прошлому [25, р. 104]. Во вступительной статье к книге, посвящённой колониям группы Шляхтин-Баратов, Дж. Фризен достаточно показательно определяет характер и содержание своей работы (и, как нам видится, множества других, относящихся к данному типу исследований): «Эта книга излагает историю борьбы за создание общины в течение первых лет, когда новопоселенцы создавали возможности, необходимые для освоения территорий. Это история освоения и адаптации природного мира (почвенных и природных условий), ознакомления с социальноэкономическими и рыночными условиями. Это история построения общины в изменяющемся мире в течение сравнительно устойчивого периода 1875–1914 гг. История заканчивается печальной дезинтеграцией общины, где одна трагедия следует за другой, начиная с 1914 г. и заканчивая финальной эмиграцией в 1943 г. в период Второй мировой войны» [25, р. 104]. В данных патетических пояснениях автора отражена схема событийного кода, который запечатлён в этнической памяти представителей конгрегаций. Среди других работ названной группы исследований следует упомянуть книги Х. Герца [28–29], Л. Гисласона [27], а также современных авторов Х. Хиберта и Руди Фризена [26; 31-33]. Данные «исторические эссе» достаточно объективно отражают психологический компонент общественного сознания протестантских замкнутых малочисленных групп. В них обозначены те события истории колоний, которые признаны знаковыми и значимыми для общин, наиболее ярко запечатлены в этнической памяти.

Таким образом, у меннонитов была сформирована система исторических репрезентаций, представленная на разных уровнях об-

щественного сознания: в форме эмоционального образа прошлого (легенда), истории как коллективного воспоминания (аматорская историография) и попытки научной интерпретации и концептуализации (научный уровень). Вместе с тем, несложно было заметить, что доминирующим и наиболее влиятельным репрезентантом исторического сознания, безусловно, оставалась «легенда». Самый поверхностный анализ вышепредставленных традиций историописания и сохранения легенды приводит к единому выводу о том, что как бы не изменялось историческое сознание, на любом этапе оно сохраняло этнический традиционный характер, то есть оставалось фактически некоторой парафразой «легенды». Именно это важное свойство меннонитов в отношении к своему прошлому и определило особенности этических проблем между не принадлежащими к меннонитскому социуму историками и самой этноконфессией.

«Легенда» и постсоветские исследования. Важным условием для сохранения «легенды» была константность её содержания, а именно, обязательное присутствие тех сюжетов, которые оставили наибольший травматический след, и которые, как полагали представители этнических групп, ждали определенного обнародования, должны были стать достоянием гласности усилиями профессиональных историков. Для постсоветских исследователей ознакомление с событийной «структурой» меннонитской истории имело важное позитивное значение. Она выполняла роль навигатора, являлась своеобразной подсказкой того, на что следует обратить внимание, «что искать?». И действительно, следует признать, что легенда изначально оказала определённое влияние на содержательную сторону научных исследований. Таким образом, на начальном этапе развития проблемы тема истории колонизационных потоков являлась «ведомым», хотя и научно перспективным направлением, для которого «легенда» выполнила важнейшую постановочную функцию.

Определяя характеристики начального периода становления проблемной историографии, не следует отрицать того огромного влияния, которое наблюдалось со стороны украинской постсоветской историографии. Последняя с неимоверным пристрастием взялась за определение и устранение «белых пятен» украинской истории, тем самым предлагая исследователям межэтнических проблем внести свой вклад в реконструкцию явлений гранднарратива, ин-

терпретируя этническую историю в более широком историческом ракурсе.

В сентябре 1995 г. в Днепропетровске при поддержке Геттингенского исследовательского центра (Германия) состоялась одна из первых международных научных конференций, которая впервые свела постсоветских исследователей с их немецкими коллегами, представителями неменнонитской историографии, ранее изучавшими темы колонизации и колонизационных групп преимущественно в рамках западной советологии [3]. Конференция продемонстрировала расширение проблематики межэтнических исследований, появление новых для постсоветской историографии тем, которые, с другой стороны, являлись традиционными для «легенды», но наполняли её новым жизненным фактическим материалом, подтверждая её основные эмоциональные положения. Присутствие на конференции немецких исследователей продемонстрировало, что меннонитская история и ранее находилась в фокусе изучения западных неконфессиональных историков. Немецкие ученые проявляли повышенный интерес к новым, открытым украинскими исследователями источникам. Вместе с тем, применяемая западными учеными методология советологического характера приближала их выводы к «легенде», представляя российский национализм и большевизм в качестве основных виновников преследований этноконфессии, а конгрегации были представлены как жертвы коммунистического режима. До момента, пока количество нового фактического материала не переходило в иное качество – новые концепции, несущие другие настроения, отвергающие либо оттесняющие виктимность «в тень» - исследования украинских историков вызывали «согласие» и признание со стороны представителей этноконфесии.

Важное значение для оформления диалога между исследователями и представителями конфессионального сообщества имела конференция 1999 г. (Запорожье), в роли организаторов которой выступили североамериканские (конфессиональные и неконфессиональные) ученые и, прежде всего, «Центр исследования меннонитской истории в Российской империи и Советском Союзе» Университета Торонто (Канада). Кроме исследователей на форуме, объединившем учёных Украины, России, США, Канады, Германии, Нидерландов, присутствовало большое количество наблюдателей — североамериканских и немецких меннонитов, проявляющих особый

интерес к истории своей конфессии. Это было замечательное по эмоциональному воздействию резонансное событие, когда исследователи ощутили значимость выполняемой ими работы, а конфессии впервые за многие годы получили публичное моральное воздаяние своей «травме». С точки зрения научных перспектив, важным в данных международных интеллектуальных трансакциях было то обстоятельство, что ученые государств СНГ получили доступ к новым методологическим наработкам западных исследователей. В условиях «экспорта» методологии современная западная постмодернистская неконфессиональная эпистемология способствовала концептуальной «переоценке» в постсоветской науке. Для представителей меннонитской историографии данный поворот означал также признание необходимости верификации классических концептов, в известной степени — разрыв с предшествующей историографической традицией.

Конференция 1999 г. также явилась важнейшим стимулом активизации исследований на постсоветском пространстве, инициируя процесс организационного формирования сообщества историков, чей диалог обеспечивал наиболее динамичное развитие проблемы. За первые 15 лет работы Института украинско-немецких исследований было издано 4 монографии, сборник документов, 15 выпусков ежегодника «Вопросы германской истории». В рамках исследований, проводимых институтом, было защищено 9 диссертаций, написано около 400 статей [1, с. 18]. По сведениям на 2009 г., с 1992 г. в странах СНГ была защищена 241 диссертация по истории немецкоязычного населения Украины. Из них 183 – подготовлены исследователями Киева, Днепропетровска, Одессы, Донецка, Луцка, Николаева, Симферополя, Макеевки [13]. Феномен диссертационных исследований сыграл важнейшую роль в изучении проблемы. Если статья как уровень презентации исследовательских результатов является достаточно свободной формой изложения материала, то диссертационная работа всегда требует более широкого подхода к теме, выхода на новый источниковый массив, использования комплексной методологии, рефлексии полученных результатов в гранднарративе. В связи с этим следует признать, что именно диссертационные исследования и историки, нацеленные на их написание, находились в авангарде прорыва, отрыва колонизационной проблематики от традиций легенды и выхода на гранднарратив. В процессе разработок проблемы неконфессиональными историками были предложены альтернативы всем без исключения теоретическим положениям контекстного содержания исторического нарратива легенды. Светские интерпретации ослабляли безальтернативно воспринимаемые сообществом утверждения об исторически сохраняемой на протяжении всей истории социальной солидарности и внутриконгрегационном единстве, об отсутствии внутренних социальных противоречий, бескомпромиссном следовании религиозным догмам и пацифизме, замкнутости сообщества, а главное, уникальности судеб этноконфессии в Российкой империи и СССР.

По результатам конференций произошло объединение постсоветских историков в Международную ассоциацию исследователей истории и культуры российских немцев (с 1995 г., около 100 исследователей в 2013 г. [12]). Их совместным продуктом стала четырёхтомная энциклопедия «Российские немцы» [10], появление которой свидетельствовало о некоторой промежуточной систематизации и обобщении собранного материала. Главная особенность данного издания состояла в том, что кроме статей фактологического

¹ С 1994 г. Международный Союз немецкой культуры провёл серию ежегодных конференций в Анапе и Москве. Автор принимала участие в работе следующих конференций: 1) Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект: Международная научная конференция. Анапа, 1997 г.; 2) Немцы России в контексте отечественной истории: Международная научная конференция. Москва, 1998 г.; 3) Немцы России и СССР: Международная научная конференция. Москва, сентябрь 1999 г.; 4) Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие, 1871–1941: Международная научная конференция. Москва, 2001 г. С 1999 г. международные конференции проводятся по инициативе исследователей из Северной Америки. Ими были проведены: 1) Международная научная конференция «Хортица-99». Запорожье, 1999 г.; 2) Международная научная конференция «Молочная-2004». Запорожье, 2004 г. Последняя научная конференция была проведена в Днепропетровске в 2007 г.: «Немцы Украины и России в конфликтах и компромиссах XIX-XX вв.». Организаторы конференции: Институт культуры и истории немцев Северо-Восточной Европы (Германия) и Институт украинско-немецких исследований Днепропетровского национального университета. Конференции 2012 г (Москва) и 2013 г. (Кисловодск) посвящены 250-летию опубликования манифестов Екатерины Второй и начала колонизационной программы.

содержания в энциклопедии были представлены и концептуальные очерки, которые свидетельствовали о теоретико-интерпретационном прорыве в понимании проблемы. Главное, о чем свидетельствовали данные статьи, был отказ постсоветских историков от интровертных настроений отдельных этнических и конфессиональных групп (лютеран, католиков, меннонитов), чью историю они излагали. Находясь за пределами замкнутого социума как сложившейся системы, не будучи конфессионально ангажированной, постсоветская историография приобрела самостоятельность и вышла из фарватера «легенды». Логика исследований объективно привела в том числе и к разрыву с теми событийными и эмоциональными ориентирами, которые были там представлены. Теперь для постсоветских исследований актуальным оказалось осмысление уже ранее открытого, углубление и уточнение знаний, новая аналитика, взвешенная и углублённая переработка отдельных сюжетов, фронтальная презентация отдельных периодов. Такая явно смелая аберрация исторического концепта, совершаемая без ориентира на «легенду», привела к некоторому падению интереса конгрегаций к современным исследованиям их прошлого. Не отрицая истинности результатов исследований, они, скорее, предпочитали не замечать их присутствия.

Следует заметить, что постсоветские и меннонитские историки предпринимали некоторые шаги для достижения синтеза и формирования общего дискуссионного пространства, которое, однако, объективно не сложилось в полной мере. Определённую роль в этом сыграла и некоторая теоретическая ограниченность меннонитской историографии, которая остаётся этнической, как по «агентам» (авторам исторических нарративов) и темам (ориентированы на внутреннюю событийность), так и по целям (сохранение внутриконгрегационного единства).

По признанию Харви Дика, профессора Университета Торонто – одного из признанных в меннонитской среде историков и конфессиональных деятелей, «немногое изменилось в изучении истории меннонитов...Там, где историки не смогли проигнорировать новые документальные источники, они просто пытались втиснуть их в традиционные формулы и концепции» [5]. Характеризуя общее состояние дисциплины в настоящее время, Х. Дик констатирует, что в западной историографии определились два подхода относительно методики изучения проблемы. Первый опирается на

архивные документы, что является позитивным явлением, но всё ещё не имеет новой концептуальной основы. Второй придерживается традиционных теоретических позиций (в том числе и концепции Д. Ремпеля как «парафразы легенды»), оторван от современных перспективных исследований и в определённом смысле игнорирует новый комплекс источников, который мог бы привести исследователей к новым теоретическим заключениям [5].

Среди других важных причин стагнации меннонитской зарубежной историографии следует назвать: 1) инерцию культурной традиции, которая побуждает исследователей вновь и вновь прибегать к освоенным парадигмам; 2) фактор давления этнической среды, ориентированной на традиционные ценности конфессиональной группы, в разряд которых вошла «легенда» о меннонитской истории, сформулированная представителями классической меннонитской историографии на основе ранее сложившихся представлений; 3) слабое знакомство с вновь открывшейся когнитивной базой исследований. Наконец, невозможность использования источников российского происхождения, что связано для данных авторов с языковым барьером. Перечисленные факторы сдерживают меннонитскую историографию в рамках ранее актуализированной источниковой базы, преимущественно конгрегационного происхождения, что в свою очередь консервирует ранее устоявшиеся представления. Научная разобщённость приводит к тому, что инновационные концепты, разработанные в неменнонитской историографии, остаются вне области признания в самих конгрегациях.

Вместе с тем, сложно не заметить, что как у меннонитских историков, так и в целом в среде конгрегаций наступила некоторая «усталость» сообщества от акцентуализации на прошлом. Вероятно, это связано с тем, что проблема их российского этапа перестала быть «проблемной». Позволительно предположить, что, получив некоторое «воздаяние» за пережитую ими социальную травму, добившись признания их заслуг на территории стран бывшего Советского Союза, а также наблюдая за активным развитием проблемы в научной сфере, этноконфессия испытывает состояние некоторого эмоционального «успокоения». Сенсация перестаёт быть сенсацией, и в состоянии «покоя» она более не выполняет консолидирующую функцию: для ранее преследуемых групп новая консолидация наступает лишь в условиях накала страстей и эмоций, возникающих

на этапе внешней угрозы сохранению идентичности (в исторические моменты переселений и совместной адаптации, этнических и конфессиональных преследований, социального отторжения и непризнания).

Безусловно, на определённом этапе развития научной неконфессиональной историографии, в процессе углубления понимания проблемы постсоветские историки объективно выполняли такую консолидирующую функцию, важную для усиления единства конгрегаций. Вместе с тем, по мере развития проблематики, новые положения научных исследований всё более расходились с теми утверждениями, которые меннониты либо игнорировали, либо же «не желали знать» о себе, поскольку данные новые суждения не наполняли эмоциональную составляющую «легенды», не являлись живительной средой для традиционных для меннонитов настроений виктимности. Таким образом, в противоречие с задачами исторических исследований вступило не только историческое самосознание этноконфесии, традиционная интерпретация контекста, но и обстоятельства более актуального порядка – постоянная необходимость «присутствия», поиска новых и реанимирования традиционных факторов консолидации конгрегаций, объединённых вокруг «легенды».

Выводы. Для сообщества верующих людей «легенда» об их прошлом, как ментальная надструктура, является верификатором истинности исторического знания. В постперестроечный период этноконфессия предоставила неменнонитским историкам санкцию на «вторжение» в сакральный нарратив. При этом, как показали дальнейшие события, сообщество традиционно-переходного типа (сообщество, не отторгающее модернизацию, но сгруппированное вокруг традиции) не готово было воспринимать кардинального изменения «легенды». Представители конгрегаций ожидали от историков лишь её подтверждения, усиления акцентов на травматических элементах и придания общественной значимости основным композиционным центрам «легенды». Такой подход, по мнению конгрегаций, должен был усилить элементы виктимности как значимого эмоционального инструмента объединения и усиления сообщества. Следовательно, данный консенсус этнической группы и историков, нацеленных на истинно научные поиски, не мог оставаться долгим. Конгрегации не ожидали от историков тех «исторических инициатив», которые были представлены постсоветскими исследованиями этнической истории и которые способствовали ре-интерпретации важнейших компонентных элементов их представлений о прошлом. Историческая идентичность конфессиональной группы, презентовав себя обществу, вернулась в область сакрального. Таким образом, сфера научного и сфера сакрального, соприкоснувшись на определённом этапе развития проблемы и принеся определённую пользу друг другу, продолжают своё существование в параллельных плоскостях общественного сознания.

Современные исследования этноконфессиональных проблем, ситуативно выполнив социальную функцию по консолидации общин на новом этапе их истории, не утратили своей актуальности. Они подтверждают, что научная реконструкция этнической истории может быть обеспечена только через «взгляд постороннего», и принцип научной объективности требует выхода за пределы этносистемы.

Для этнологов и этнопсихологов данная ситуация взаимоотношений между неконфессиональными историками и изучаемой ими этноконфессией ставит деликатную этическую проблему того, как новая «легенда», новая версия исторической репрезентации отдельной небольшой социальной группы, способна повлиять на состояние и перспективное развитие данного этносообщества. В условиях глобализации этноконфессиональные группы, подобные меннонитам, являются, с одной стороны, исключительно значимыми, культурно уникальными, и, вместе с тем, весьма уязвимыми со стороны внешних влияний, способных составить угрозу сохранению идентичности. Продемонстрированный сообществом отказ воспринимать нововведения является своеобразной защитной реакцией против внешней культурной экспансии. В восприятии конфессионально детерминированной группы новые, предложенные исследователями контекстные и эмоциональные составляющие «легенды» приобрели характер интервенции и грозили разрушением традиционной системы исторического сознания как конструкта, несущего значимые эмоциональные символы и ориентированного на социально-конфессиональную мобилизацию. Отдельной этической проблемой риторического характера остаётся вопрос о том, позволительно ли разрушать легенду – фетиш, амулет, архетип сообщества – если она в условиях глобализации демонстрирует свою способность «сберегать» конгрегации как одно из исторически уникальных явлений в истории человечества.

Библиографические ссылки

- 1. *Бобылева С. И.* Изучение проблем истории и культуры ннемецкоменнонитского населения в институте украинско-немецких исследований Днепропетровского национального университета / С. И. Бобылева // Вопросы германской истории. Д., 2007.
- 2. Бордюгов Γ . Национальные истории: тенденции последнего десятилетия / Γ . Бордюгов // Национальные истории на постсоветстком пространстве. Десять лет спустя. M., 2010.
 - 3. Вопросы германской истории: немцы в Украине. Д., 1996.
- 4. Вопросы германской истории: Украинско-немецкие связи в новое и новейшее время. $\overline{\mathcal{A}}$., 1995.
- 5. Дик X. Размышления и выводы об исследованиях в области истории российских и советских меннонитов. Взгляд из университета Торонто / X. Дик, Д. Р. Стейплз // Вопросы германской истории. Д., 2006.
- 6. *Євтух В. Б.*, *Чирко Б. В.* Німці в Україні (1920–1990-і роки) / В. Б. Євтух, Б. В. Чирко. К., 1994.
- 7. *Клец В. К.* Исследование проблем немецкого населения ученими Украины / В. К. Клець // Die Russlanddeutschen. Wissenschaftliches Informationsbulletin. Moskau, 2010. № 3–4.
- 8. *Кулініч І. М.* Нариси з історії німецьких колоній в Україні / І. М. Кулініч, Н. В. Кривець. К., 1995.
- 9. Национальные истории в советском и постсоветском государствах. М., 1999.
 - 10. Немцы России: Энциклопедия. М., 2004-2008.
- 11. *Осташева (Венгер) Н. В.* К истории меннонитской эмиграции 20-х годов XX ст. / Н. В. Венгер // Украинско-немецкие связи в новое и новейшее время. Д., 1995.
- 12. 15-летие Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев в цифрах и фактах // Die Russlanddeutschen: Wissenschaftliches Informationsbulletin. Moskau, 2010. № 3–4.
- 13. Черказьянова И. В. Летопись диссертаций по истории и культуре российских немцев (1960–2009 гг). / Н. В. Черказьянова. СПб., 2009.
- 14. Braun P. Peter Martinivitch Frisen / P. Braun // Mennonite life. 1948, October.
- 15. *Brunn G*. Historical consciousness and historical myths / G. Brunn // The formation of National Elites / Ed. A. Kappeler. New York, 1992.

- 16. Ehrt A. Das Mennonitentum in Rubland: von seiner Einwanderung bis zur Gegenwsrt / A. Ehrt. Manitoba, Canada, 2003.
 - 17. Epp D. Die Chortitzer Mennoniten / D. Epp. Odessa, 1889.
 - 18. Epp D. Die Memriker Ausiedlung / D. Epp. Berdyansk, 1910.
- 19. *Epp D*. The Emergence of German Industry in the South Russian Colonies / D. Epp // Mennonite Quarterly Revew. 1981. № 4.
- 20. *Epp D*. H. Johan Cornies / D. H. Epp. Winnipeg, Manitoba, 1995. 137 p.;
- 21. *Epp D*. Sketches from the pioneer years of the industry in the Mennonite settlements of South Russia / D. Epp // Der Bote. July 13, 1939.
- 22. Friesen P. M. The Mennonite Brotherhood in Russia (1789–1911) / P. M. Friesen. Fresno, 1978.
- 23. Friesen P. M. Introduction // P. M. Friesen and his history / [ed. A. Friesen]. Fresno, 1979.
- 24. *Friesen P. M.* The author's preface // Friesen P. M. The Mennonite Brotherhood in Russia (1789–1910) / P. M. Friesen. Fresno, 1978.
- 25. Friesen J. Against the wind: The story of four Mennonite villages / J. Friesen. Winnipeg: Henderson book, 1994. 165 p.; Goerz H. Memrik / H. Goerz. Winnipeg, 1997.
- 26. Friesen R. Building on the past. Mennonite architecture, landscape and settlements in Russia/Ukraine / R. Friesen. Winnipeg, 2004.
- 27. *Gislason L. M.* Ruckenau: The history of a village in the Molotschna Mennonite Settlement of South Russia / L. M. Gislason. Winnipeg, 1999.
- 28. *Goerz H.* Mennonite settlements in Crimea / H. Goerz. Winnipeg, 1992.
- 29. Goertz H. The Molotchnaya settlement / H. Goerz. Winnipeg, 1992.
- 30. *Huebert Helmut T.* Events and people / Helmut T. Huebert. Winnipeg, 1999.
- 31. *Huebert Helmut T.* Hierschau: An example of Russian Mennonite life / Helmut T. Huebert. Winnipeg, 1896.
- 32. *Huebert H. T.* Mennonite estates in imperial Russia / H. T. Huebert. Winnipeg, 2005.
- 33. *Huebert Helmut T.* Mennonites in the cities of Imperial Russia / Helmut T. Huebert. Winnipeg, 2006.
- 34. *Rempel D. G.* An introduction to Russian Mennonite Historiography / D. G. Rempel // MQR. 1974. Vol. XLVIII.

УДК 930(430) «18/19»

М. С. Косенко, С. П. Стельмах

Київський національний університет ім. Тараса Шевченка

ПРОФЕСІОНАЛІЗМ І ЛЕГІТИМАЦІЙНА ФУНКЦІЯ НІМЕЦЬКОЇ ІСТОРИЧНОЇ НАУКИ В РОСІЙСЬКІЙ ТА АНГЛОМОВНІЙ ІСТОРІОГРАФІЯХ XIX – ПОЧАТКУ XX СТОЛІТТЯ

Розглядаються оцінки російськими та англомовними істориками XIX—початку XX ст. професійних основ та політичної складової німецької історичної науки. Аналізується зміна підходів до оцінки праць провідних німецьких істориків (Л. Ранке, Г. Зібель, Г. Трейчке) під впливом загострення міжнародної обстановки і в умовах розгортання Першої світової війни.

Ключові слова: німецька історична наука XIX ст., професіоналізація, політична легітимація, російська історіографія, англомовна історіографія.

Рассматриваются оценки русскими и англоязычными историками XIX начала XX в. профессиональных основ и политической составляющей немецкой исторической науки. Анализируется смена подходов к оценкам работ ведущих немецких историков (Л. Ранке, Г. Зибель, Г. Трейчке) под влиянием обострения международной обстановки и в условиях развертывания Первой мировой войны.

Ключевые слова: немецкая историческая наука XIX в., профессионализация, политическая легитимация, русская историография, англоязычная историография.

The article deals with such a problem as «history and politics». The authors examine the works of Russian (M. Petrov, V. Geryie and V. Buzeskul), English and American (G.B. Adams, G.P. Gooch, H.W.C. Davis and Lord Acton) historians, devoted to the German historical science. In the 19th century the main attention was paid to the basics of professional German historiography, the organization of historical science, theoretical and methodological issues. It was determined that in Russia, England and the United States their own historical sciences were formed. The model for this process came from Germany, where the historians such as L. Ranke, G. Siebel, G. Treitschke created scientific history, developed rules of criticism of historical sources and the methodology of historical research. The German

[©] Косенко М. С., Стельмах С. П., 2014.

universities were laboratories of excellence experience. At the same time the German historical science served an important political function in the German society. The German historians contributed to the national consolidation of the country. After the creation of the German Empire in 1871, it began to pursue an aggressive foreign policy in the world, trying to own «Sonderweg». Inside Germany militant nationalism was flourishing. It was one of the causes of the First World War. Russian, British and American historians sought to find the origin of German aggression in the German political historical science in the 19th – early 20th centuries. To do this, they analyzed the writings of the famous German historians who through history justified the existence of the strong and unified German state. Russian historians have started to make such assessments since the late 60s of the 19th century. British and American historians in the 19th century paid more attention to the professionalism of the German historical science. American historians believed that history is part of politics. British historians recognized the relationship of history with politics, but believed that modernity did not determine the view on the past. The Aggravation of international relations and the growth of militarism in the early 20th century have changed historical science in Europe. It became a political history, and during the First World War has became a historia militans.

Key words: German historiography of the XIX century, professionalization, political function, Russian historiography, English historiography, G. B. Adams, G. P. Gooch, H. W. C. Davis, Lord Acton, L. von Ranke, G. Siebel, G. Treitschke, M. Petrov, V. Gerve, V. Buzeskul, historia militans.

Дослідження феномену розвитку німецької історичної школи набуло неабиякого інтересу в російській та європейських історіографіях XIX – початку XX ст. Це можна пояснити кількома факторами. Німецька історична школа XIX ст. поклала початок зародження історії як науки з її інститутами, методологією та науковими підходами. Університети в Німеччині та історичні суспільні організації були центрами культури та освіти в усій Європі. В Росії праці німецьких істориків були добре знаними серед істориків-професіоналів, хоча і не були такими популярними серед широкого читацького загалу як праці французьких авторів. Причинами подібного інтересу до німецької історіографії, на думку Харківського професора М. Н. Петрова був її «універсальний характер», оскільки вона охоплювала своїми дослідженнями не лише національну історію, але й зверталася до історії багатьох європейських народів у широких хронологічних рамках. З другої половини XIX ст. «професорські стипендіати» російських університетів направлялися до німецьких університетів для подальшої підготовки і ознайомлення з системою викладання та організацією історичних досліджень, а німецька учбова та дослідницька література була основою для викладання багатьох наукових дисциплін [1, 14, 15].

Однією із причин об'єднання Німеччини у 1871 р. стало посилення національної ідентичності німецького народу і важливу роль у цьому процесі відіграла німецька історична наука. Водночас, крім популяризації національної ідеї, наукові праці та діяльність таких істориків як Л. Ранке, Ф. Дальман, Г. Зібель, Г. Трейчке та ін. заклали основи професіоналізації та канони науковості історичної науки. Посилення Німеччини у військовому та політичному плані супроводжувалося зміцненням її позицій в Європі і розширенням колоніальних володінь, що отримало назву «Sonderweg» і, зрештою, спричинило Першу світову війну [12]. Це викликало численні спроби теоретичних рефлексій в російській та європейських історіографіях щодо ролі в цих процесах істориків, можливості поєднання декларованих елементів професіоналізму та чітко визначеної політичної легітимації.

Аналізуючи численну російську [9] і англомовну історіографію XIX – початку XX ст., присвячену німецькій історичній науці, її умовно можна розділити на декілька періодів, де визначальним для авторів була внутрішня мотивація і оціночні критерії під впливом політичної ситуації. У першому випадку головними були характеристики професіоналізму німецьких істориків, розробка ними правил критики джерел та їхнього використання в науковій практиці, методологія історичного дослідження, інтерпретаційні моделі, розширення предметної сфери історіописання тощо. У другому випадку акцент робився на чітко вираженій політизації німецької історичної науки, її легітимації Німецької імперії, що неминуче призводило від задекларованого «об'єктивізму» школи Л. Ранке до суб'єктивізму «прусської школи». В російській історіографії ці тенденції стають помітними вже в 60-х рр. XIX ст., а в англомовній – з початком Першої світової війни, як спроби пояснити витоки агресивної політики Німеччини і формуванням в суспільстві «образу ворога».

Характерною ознакою російських історіографічних рефлексій було те, що розгляд професійних ознак німецької історичної школи у більшості випадків супроводжувався і посиленою увагою до її національно-політичної складової. Так, перша російська фундаментальна праця про німецьку історичну науку М. Петрова не тільки познайомила російських істориків з основними принципами рекон-

струкції та інтерпретації німецькими істориками (Б. Нібур, Л. Ранке, Г. Вайц, В. Гізебрех, Г. Зібель та ін.) минулого, правилами історичної критики і методологічними засадами історичної науки, але й акцентувалася на національно-політичній складовій сучасної німецької історичної науки: «історик – не просто вчений, або письменник. Він – орган національної і суспільної самосвідомості, особа публічна і відповідальна перед своїми співгромадянами, котрі мають право вимагати від нього багатьох особливих якостей і здібностей. I перш за все, звичайно, - «правильного розуміння минулого». Оскільки лише тільки в такому випадку ми можемо правильно усвідомити себе, своє середовище, своє сучасне і прозріти у вірогідності майбутнього» [11, с. 58].

Більше уваги філософським і теоретичним засадам німецької історичної школи присвятив В. Герье, котрий розглянув вплив німецького Романтизму, філософських систем Шеллінга і Гегеля на становлення сучасної йому німецької історичної науки, проаналізував погляди Б. Нібура і Л. Ранке, висвітлив критичне ставлення німецьких істориків до філософсько-історичних концепцій позитивізму, зробивши висновок, що «для успіхів історичної науки необхідні дві умови — знайомство з історичним матеріалом і власний розвиток. Перше можливе лише при відповідній підготовці, при сумлінній праці та клопіткому вивченні джерел, головним же засобом для досягнення другого повинно слугувати вивчення філософії і мистецтва» [5, с. 114]. Через 15 років В. Герье опублікував розлогу рецензію на 1-й том «Німецької історії XIX століття» Г. Трейчке, звернувши увагу не тільки на широке використання автором архівних джерел, послідовність викладу й сміливі інтерпретації, але й відмітив її чітку політичну спрямованість. Головна ідея праці німецького вченого полягала в тому, що сучасна йому Німецька імперія була створена двома історичними факторами – духовною культурою німецького народу і політичним розвитком Прусської держави. При цьому в центрі розгляду Г. Трейчке опиняється переважно другий фактор і історик намагається довести перевагу протестантської півночі Німеччини над іншими її частинами в об'єднавчому процесі, твердячи, що прусський партикуляризм уособлював в собі свідомий німецький патріотизм. Попри достатньо позитивну оцінку праці німецького історика, В. Герье підкреслював її політичну заангажованість, яка відображає загальні тенденції тогочасної пануючої німецької історіографії, відхід від професіоналізму, що позначилося в перенесенні сприйняття сучасного на минуле тощо [6].

На нашу думку, особлива увага до політичної складової німецької історичної науки частково обумовлювалася загальним суспільним інтересом російської публіки 80-х рр. XIX ст. до новоутвореної Німецької імперії і особи її першого канцлера О. Бісмарка. Стрімкий вихід німецької об'єднаної держави в лідери європейської і світової політики з одного боку, породжував побоювання в неминучому військовому зіткненні обох держав в майбутньому (ця теза лунала з боку представників консервативного табору та їхньої періодики), а з другого – зацікавленість інтелектуалів ліберального табору в причинах такого феномену. Для прикладу звернемо увагу на дві публікації в ліберальному «Вестнике Европы». Так, політичний публіцист Ф. Мартенс на основі офіційних документів 50-60-х рр. XIX ст. переконував російську публіку, що вся політична діяльність О. Бісмарка «була спрямована на збереження і розвиток національних інтересів німецького народу» [10, с. 697]. Більш виразніше про значення минулого висловився історик М. Ковалевський, порівнюючи процеси національного об'єднання в Німеччині і Італії: «Об'єднання Німеччини та Італії здійснилося не лише під впливом однієї племінної спорідненості, єдності мови і літератури; тут діяли ще й інші, більш сильніші причини: в Німеччині – спогади про славне минуле німецької імперії середніх віків, в Італії – усвідомлення єдності інтересів у сучасному» [8, с. 680].

Полярна зміна поглядів російських істориків на тенденції розвитку німецької історичної науки у XIX ст. може бути гарно проілюстрована на прикладі харківського історика-античника і знавця тогочасної німецької історіографії В. Бузескула [13]. У 1885 р. в Журналі Міністерства Народного Освіти виходить його рецензія «Всесвітня історія Ранке», присвячена детальному аналізу та вивченню величезної за обсягом та змістом праці німецького історика. На думку харківського вченого «Всесвітня історія» була новаторською працею, оскільки до Ранке жоден із дослідників не робив такого глибокого та великого за обсягом дослідження самостійно. Бузескул звертає увагу на особливість праці: «Не хто-небудь, а саме Ранке зміг виконати подібне завдання. Його довге життя, більш ніж півстолітня наукова діяльність, безпристрасність, критичний талант, надзвичайне вміння представляти взаємодію та контраст різних моментів, пере-

вага універсально-історичної точки зору в попередніх його працях, в яких історія окремих країн розглядається здебільшого у зв'язку із загальноєвропейськими відносинами, – все це робило спробу успішною» [2, с. 235]. Ранке розглядає всі події, відображені в джерелах, з позиції нерозривного зв'язку між ними, навіть якщо на перший погляд, вони не пов'язані між собою. Таким підходом відрізняється 4-та частина праці, в якій історик ще раз наголошує на тісний зв'язок та неподільність усіх історичних подій. Значну увагу Бузескул приділяє майстерній критиці Ранке джерел. На думку німецького історика, критика повинна займатися не одними лише недоліками та помилками, які зустрічаються у джерелах, її справа – зрозуміти та оцінити самих авторів, кожен з яких є представником свого часу, релігії, національності, до якої він належить. Ознайомлюючись з їхніми свідченнями та фактами, ми в той же час знайомимося із духовним розвитком та станом життя суспільства авторів тієї епохи.

В. Бузескул неодноразово і в подальшому звертався до аналізу творчості Ранке, чиї праці складають епоху в розвитку історичної науки. Ранке у своїх працях звертав увагу на раніше не вивчені джерела, вказуючи на інший достовірний, проте зовсім не згаданий архівний матеріал, відкрив для історичної науки нові факти. Німецький історик був консерватором за своїми принципами. Це випливало частково з його погляду на історію та історичний процес, який він розглядав як природне продовження минулих епох, результат органічного розвитку людства. На думку, В. Бузескула, невід'ємною перевагою Ранке перед його попередниками був його критичний талант. У розробці правил критики джерел Ранке був недосяжним ідеалом для своїх чисельних послідовників та учнів. Проте Ранке здійснив переворот у вивченні нової історії не лише своїм критичним методом, він збагатив історичну науку введенням в обіг дослідження нових джерел. В. Бузескул відзначав і педагогічний талант Ранке, який створив власну школу в німецькій історіографії національної історії. Його учні, засвоївши метод вченого, мали необхідну підготовку до наукової діяльності, самі видавали історичні пам'ятки. Проте його наукова діяльність не обмежувалися лише Німеччиною, в особі Ранке вся європейська наука після його смерті втратила видатного вченого [3, с. 186].

У 1915 р. В. Бузескул видає працю під промовистою назвою «Сучасна Німеччина та німецька історична наука XIX століття», яка

мала чітко визначену мету: «я хотів лише сприяти поясненню теперішньої німецької ідеології, яка вразила багатьох, та торкаюся лише тих сторін та напрямів німецької історіографії, які мають відношення до сучасних проявів боротьби» [4. с. 4.]. В. Бузескул визначає основні риси сучасної Німеччини: визнання грубої сили як чогось вищого, як всевирішального моменту; культ цієї сили; відкритий цинізм у зневажанні права; непомірне возвеличення Німеччини та її культури, заради якої дозволяється винищувати інші народи; зневажання інших націй, відношення до них як до «варварів»; націоналізм та патріотизм, який прийняв потворні риси. Подібна ідеологія якнайкраще проявилася в німецькій історичній науці. Потрібно звернути увагу, що це почало проявлятися задовго до 1866 та 1870 рр. Ключовим моментом розвитку такої ідеології були наполеонівські війни, де Німеччини зазнала болючої поразки, саме в цей момент пробудився національний дух та патріотизм серед німецького народу. Монархіст та консерватор Л. Ранке очікував, що об'єднання відбудеться насамперед завдяки сильній армії та підняттю національної свідомості. Сам О. Бісмарк прислуховувався до нього та вважав його своїм союзником. Учень Ранке Г. Зібель вважав за необхідне об'єднання політики та історичної науки. Історія для нього була арсеналом, який міг постачати зброю для нападів та захисту. За своїми політичними поглядами Г. Зібель був націонал-лібералом, саме тодішній німецькій лібералізм й був носієм національної ідеї. Він, як і його вчитель Л. Ранке, був прихильником Пруссії та великим шанувальником Бісмарка. Для того покоління, до якого належав Г. Зібель, важливим нагальним питанням була політична доля Німеччини, її державне та національне об'єднання. Проте подібні погляди на німецьку націю та Пруссію мали й інші історики протилежні за своїми політичними поглядами. Г. Лео, сучасник та противник Ранке, мав схожий націоналістичний погляд на долю німецького народу, який він протиставляв іншим народам. Ф. Дальман, видатний представник націонал-лібералів своїми історичними працями та лекціями служив той самій справі – національній єдності на чолі із Пруссією. Ще один видатний історик Г. Гервінус був лібералом, представником, німецької опозиції, прихильником політичної свободи, а разом з тим політичної єдності Німеччини. За його власними словами політичні цілі не суперечать національній єдності народу. Г. Гервінус закликав націю принести всі свої сили та свою діяльність в єдину гідну площину – політичну. Підсумовуючи, В. Бузескул наголошує, що в XIX ст. завершився процес перетворення Німеччини у «велику Пруссію». Цьому активно сприяла німецька історична наука. Велика кількість праць видатних німецьких істориків носила відвертий пропагандистський пропрусський характер. Так звані «прусські історики» надали історії величезного впливу на суспільство, якого вона не мала в жодній іншій країні. Історики Німеччини змогли сформувати суспільну ідею «великої держави», що практично неможливо було зробити жодній партійній програмі. Історія стала зручною зброєю. яка допомогла об'єднати Німеччину під егідою Пруссії та перетворити її на централізовану мілітаристську державу з потужною національною свідомістю.

англомовній історіографії (британській та північноамериканській) вектор оцінок німецької історичної школи коливався в залежності від практичних потреб розвитку власних національних історичних наук і політизації історіографічних рефлексій в умовах створення «воюючої історіографії» в роки Першої світової війни. В англійській історичній науці лише з другої половини XIX ст. почалися процеси її професіоналізації та інституціоналізації, котрі супроводжувалися створенням двох шкіл – Оксфордської і Кембриджської, – заснування Історичного товариства (Королівське історичне товариство) та виданням періодичного органу істориків «Англійський історичний огляд» [7, с. 231; 16, с. 109]. Цілком очевидно, що англійських істориків цікавили передусім організаційні, теоретико-методологічні засади і основні напрямки впливу в Європі німецької історичної науки. Реорганізатор англійської історичної науки, професор Оксфордського університету У. Стаббс (W. Stubbs), прихильно ставився до німецької історичної школи, був автором німецької середньовічної історії і, за прикладом німецьких університетів, запровадив історичні семінари, що дало можливість ввести в англійських університетах систематичний і послідовний курс історії. Ще більший вплив німецька історична школа мала на професора історії в Кембриджі Д. Актона (J. Acton), котрий навчався в Мюнхенському університеті і був добре знайомим з головними засадами німецької історичної науки. Він був автором програмної статті в першому номері «Англійського історичного огляду» під назвою «Німецькі школи історії» [20].

Автор докладно познайомив англійських читачів із становленням історичної науки в Німеччині, звернувши увагу на теоретичні основи розвитку історичної науки, докладно проаналізував основні напрями і течії сучасної німецької історіографії, зробив огляд головних праць провідних німецьких істориків тощо. Головним поштовхом для становлення сучасної історичної науки в Німеччині, на думку Д. Актона, була романтична реакція на події Великої французької революції і становлення концепції нації. У цьому процесі велику роль відіграла «історична школа права» з концепцією «народного духу», історичні праці Б. Нібура і Ф. Дальмана, а також німецька класична філософія, яка виробила особливий підхід до історії як науки, відмінної від природознавства своїми пізнавальними методами – «історія як наука, є наука само по собі» (Гете). Професіоналізм німецької історичної науки почався з Л. Ранке, котрий заклав підвалини критичного ставлення до джерел, виробив правила їх використання в історичному дослідженні, стояв у витоків великих археографічних проектів, був ініціатором створення історичних семінарів тощо. Л. Ранке, В. Гізебрехт, Г. Вайц стали «першою історичною школою у світі, об'єднаною не ідеями, а методикою дослідницької роботи» [23, р. 29]. Водночас, англійський автор постійно підкреслював, що становлення німецької історичної науки було нерозривно пов'язано із значенням історії в сучасному німецькому суспільстві – від патріотизму Ранке до політичної легітимації Пруссії в процесі об'єднання Німеччини Г. Зібеля. Зазначимо, що інституційні та професійні аспекти німецької історичної науки наприкінці XIX - на початку XX ст. були і в центрі уваги північноамериканських істориків, котрі також намагалися побудувати власну модель історичної науки, враховуючи європейський досвід і переймаючи німецькі канони професіоналізації [18].

Професійні проблеми німецької історичної науки були в центрі уваги учня Лорда Актона відомого англійського історика Г. Гуча (G. Gooch), автора фундаментальної праці «Історія та історики в XIX столітті», яка вийшла у 1913 р. і неодноразово перевидавалася [24]. Величезне значення для становлення німецької історичної науки, на думку англійського вченого, мало видання історичних документів. Значну роль у цій справі відіграло створення Monumenta Germaniae Historica у 1819 р., де об'єдналися найкращі наукові сили Німеччини. Особливу увагу Г. Гуч приділяє творчості і академічній

діяльності Л. Ранке, чиє значення для розвитку історичної науки визначалося тим, що віднині, на відміну від попередніх часів, історики більше уваги приділяють минулому, ніж сучасному. «Ранке звертався до історії не під впливом поточних подій, подібно Нібуру та представникам патріотичної школи, а з професійним обов'язком», де його головним мотивом було «показати так, як насправді відбулося» [19, р. 77-78]. Автор докладно аналізує основні праці німецького історика, звертаючи увагу на його наполегливу працю в архівах не тільки Німеччини, але й Франції, Італії, Бельгії, Англії та Іспанії, що дозволило йому використати численні нові документи та закласти основи їхньої критики та використання в історичному дослідженні, створити основний тип історичної монографії. Звертаючи увагу на ставлення Л. Ранке до відношення між історичною наукою та сучасними суспільними проблемами, Г. Гуч приводить відповідь німецького історика своїм критикам, котрі звинувачували його праці у відході від декларованого ним принципу «об'єктивності» історичного дослідження, актуалізації минулого для потреб сьогодення: «Він $(\Gamma. \Gamma \text{ервінус.} - M. K., C. C.)$ часто декларує, що наука повинна встановлювати відносини з життям. Абсолютно правильно; проте це повинна бути істинна наука. Якщо ми визначимо головний принцип і перенесемо його на науку, тоді ми маємо визнати, що життя впливає на науку, а не наука на життя» [19, р. 101-102]. Англійський вчений абсолютно переконаний у тому, що Л. Ранке заклав основи науковості в Європі, а його творчість сформувала образ ідеального історика.

Відмінність між Л. Ранке і «прусською школою» німецької історіографії, на думку Г. Гуча, полягала в тому, що перший розгорнув свою наукову діяльність в умовах політичної стагнації і боротьби за лібералізацію (1815–1848), а його наступники – в період суспільних зрушень середини століття, коли проблеми національного об'єднання стали важливим мотиваційним фактором створення політично-орієнтованої історичної науки. Прусська школа була яскравим прикладом зібрання талановитих людей з однією метою – служіння та возвеличення своєї держави. Ф. Дальмана, Г. Зібеля, І Дройзена, Г. Трейчке та інших по праву можна вважати політичними наставниками Німеччини у важкий державотворчий період, чиїми основними досягненнями було надання історії фундаментального характеру у піднятті національного духу.

Інтерес зарубіжних вчених до теоретичних та організаційних основ німецької історичної науки багато в чому був обумовлений впливом Третього міжнародного конгресу істориків, котрий проходив у серпні 1908 р. в Берліні й продемонстрував міжнародній громадськості приклади значних успіхів розвитку німецької історичної науки. Організатори конгресу практично виключили із обговорення дискусійні питання, пов'язані із альтернативними напрямами всередині німецької історичної науки (насамперед, культурної історії) та, як іронічно відмічали сучасники, берлінські історики виступили «компактним, злагоджено маршируючим батальйоном німецької науки». Вже в Берліні на науковій співпраці істориків позначилося загострення міжнародної обстановки. Зокрема, французький медієвіст М. Пру писав: «Ми хочемо мати особисті дружні й наукові контакти з німецькими вченими, але французи й німці залишаються ворогами». Загальний дух конгресу визначався домінуванням політичної історії татунку historia militans, що відображалося в змісті більшості доповідей. Не змінив атмосферу і Четвертий міжнародний конгрес істориків, що проходив у Лондоні в квітні 1913 р., котрий засвідчив домінування в національних історіографіях політичної спрямованості історичних досліджень [17, с. 33–35]. Зазначимо, що в англомовних історичних науках існувало досить не визначене ставлення до проблеми взаємин між «історією і політикою», що, очевидно, необхідно розглядати в контексті різних традицій і місця історичної науки в суспільстві. Так, в США тривалий час відбувалася дискусія, яку започаткував Г. Адамс провокативною постановкою питання «Чи є історія минулою політикою?», і чи не найбільш популярною стала теза, що «історія ϵ минула політика, а політика ϵ сучасна історія». Водночас, у Великій Британії лорд Актон висловлювався значно обережніше: «історія і політика переплітаються, але не відповідають (одна одній)» [25, р. 13]. Поза сумнівом, це позначилося і на подальших оцінках німецької історіографії XIX – початку XX ст.

Як і у випадку із російською історіографією, англомовні історики на початку Першої світової війни значною мірою змінюють свої акценти в аналізі німецької історичної науки, і, хоча віддають належне професіоналізму більшості німецьких істориків, не заперечують видатну роль Л. Ранке у становленні європейської історичної науки, проте змінюють свої оцінки із схвальних на критичні, посилюючи її політично-легітимаційну складову. Наприклад, А. Галлан

в об'ємній праці «Сучасна Німеччина та її історики» аналізує причини популяризації німецької історичної науки серед суспільства, звертає увагу на посилення ролі істориків у формуванні громадської думки та на їх активну участь у політичному житті Німеччини, загострює питання про те, що всі впливові німецькі історики були прихильниками Пруссії, та підтримували її на шляху об'єднання Німеччини [21, р. 10]. Разом з тим, автор переконує, що створена у 1871 р. Німецька імперія відзначалася зростанням мілітаризму в середині країні та агресивною зовнішньою політикою у світі, чому значною мірою сприяли історики, чиї професійні, а особливо популярні праці закладали підвалини націоналізму та шовінізму. На зміну великої німецької літератури початку XIX ст. за 20 років існування Німецької імперії прийшла література, в якій розквітав мілітаризм, а «Німецька історія XIX століття» Г. Трейчке була поставлена автором в один ряд з підготовкою до війни німецьким Генеральним штабом, планами Мольтке, промовами Бісмарка тощо [21, р. 336].

Взагалі політична теорія та історичні праці Г. Трейчке, якого назвали «Макіавелі XIX століття», в цей період стають предметом детального аналізу та оцінки, оскільки очевидна легітимаційна складова його історичних праць і публічних політичних промов формувала у зарубіжних вчених та інтелектуалів уявлення про роль історичної науки у створенні агресивної націоналістичної ідеології Німецької імперії. Так, у 1914 р. в США під редакцією Г. Патнема виходять у англійському перекладі вибрані праці Г. Трейчке із вступом і біографічним нарисом з промовистою назвою «Трейчке. Його доктрина німецької долі та міжнародних відносин». У передмові до видання зазначається: «Гасло «Німеччина понад усе» (Deutschland über alles) було для нього більше ніж ідеал і під впливом освіти це стало релігією і полум'яною вірою в націю як єдине ціле» [26, p. IV].

В плані ознайомлення англомовної публіки із політичними поглядами Г. Трейчке, для розуміння нею «модної і поширеної в сучасній Німеччині політичної філософії» важливе значення мала грунтовна праця Ч. Девіса «Політична думка Генріха фон Трейчке», яка вийшла друком у 1915 р. у США. Автор докладно описав етапи становлення німецького історика і політичного публіциста під впливом середовища, університетської освіти, панівних тенленцій в німецькій історичній науці XIX ст., зробив докладний аналіз переважно його найбільш популярної праці «Політика», публіцистичних статей і лекцій, використав опубліковані листи Г. Трейчке до колег і друзів за період між 1860—1878 рр., коли останній «як один із найкращих представників Прусської школи виступав адвокатом Реальної політики (Realpolitik) епохи Бісмарка». При цьому, якщо Дройзен для історичного обгрунтування необхідності об'єднання Німеччини під егідою Пруссії використовував героїчне минуле епохи Гогенцолернів, а Зібель протиставляв прусський консерватизм демократизму Французької революції, то Трейчке звертався до епохи Німецького союзу, який давав можливість визначити майбутній шлях Німеччини із наявних альтернатив – Конфедеративної Держави (Staatenbund), Федеративної Держави (Bundesstaat) і Унітарної Держави (Einheitstaat) [22, р. 36–37].

В межах статті ми не змогли проаналізувати численні джерела запропонованої до розгляду проблеми, оскільки за межами залишився масив спеціальних статей, рецензій, інформаційних повідомлень, оціночних суджень в публіцистиці тощо. Проте, навіть на основі проаналізованих матеріалів можна зробити деякі висновки. 1. Спектр оцінок німецької історичної науки XIX – початку XX ст. в російській та англомовній історіографіях коливався під впливом внутрішньої мотивації й оціночних критеріїв під впливом політичної ситуації. Спочатку головними були характеристики професіоналізму німецьких істориків, а після створення Німецької імперії, яка демонструвала свою агресивну політику у світі, акцент робився на чітко вираженій політизації німецької історичної науки. В російській історіографії ці тенденції стають помітними вже в 60-х рр. XIX ст., а в англомовній - з початком Першої світової війни, як спроби пояснити витоки агресивної політики Німеччини і формуванням в суспільстві «образу ворога». 2. В англомовній історіографії вектор оцінок німецької історичної школи коливався в залежності від практичних потреб розвитку власних національних історичних наук і політизації історіографічних рефлексій. З. Інтерес зарубіжних вчених до теоретичних і організаційних основ німецької історичної науки XIX ст. багато в чому обумовлювався загальними тенденціями до міжнародної наукової інтеграції, що практично реалізовувалося в численних міжнародних форумах і міжнародних конгресах істориків, а загострення міжнародної обстановки напередодні Першої світової

війни сприяло надмірній політизації історичної науки, яка у воєнні роки перетворилася на historia militans.

Бібліографічні посилання

- 1. Афонюшкина А. В. Изучение Новой истории в российской и германской историографии второй половины XIX века: проблемы взаимовлияния. /А. В. Афонюшкина. // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. – 2010. –№ 2.
- 2. Бузескул В. П. Всемирная история Ранке. / В. П. Бузескул. // ЖМНП. – 1885. – Ч. ССХL.
- 3. Бузескул В. П. Леопольд Ранке. Некролог. / В. П. Бузескул // Исторические этюды. – СПб., 1911.
- 4. Бузескул В. П. Современная Германия и немецкая историческая наука XIX столетия / В. П. Бузескул. – Пгр., 1915.
- 5. Герье В. Очерки развития исторической науки. / В. Герье. М., 1865.
- 6. Герье В. И. Национальная историография в Германии. / В. И. Герье // ИВ. – 1880. – Т. 1.
- 7. Историография истории нового времени стран Европы и Америки. – М., 1990.
- 8. Ковалевский М. М. Национальный вопрос в старом и новом свете / М. М. Ковалевский // ВЕ. – 1885. – Т. 3.
- 9. Косенко М. С. Российская историография о немецкой исторической школе XIX — начала XX вв. /М. С. Косенко // Наука Красноярья. -2013. - No 6 (11).
- 10. Мартенс Ф. Ф. Национальная политика князя Бисмарка. / Ф. Ф. Мартенс // ВЕ. – 1883. – Т. 3.
- 11. Петров М. Н. Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции / М. Н. Петров. – Х., 1861.
- 12. Стельмах М. Німецький «Sonderweg» в сучасній зарубіжній історіографії / М. Стельмах // Вісник КНУ. – 2012. – Вип. 113.
- 13. Стельмах М. Німецька історична наука XIX століття в історіографічній спадщині В. П. Бузескула / М. Стельмах // Вісник КНУ. – 2013. – Вип. 2 (115).
- 14. Стельмах С. П. Інтернаціональна наука і національна культура: Європейські університети й академічне співтовариство в оцінках вчених Київського університету (друга половина XIX - початок XX ст.) / С. П. Стельмах // КС – 2003 – № 1.
- 15. Стельмах С. П. Вчені Київського університету в німецьких університетах (XIX - початок XX ст.) / С. П. Стельмах // Етнічна історія

- народів Європи. 2004. Вип. 16: Німці в етнокультурному просторі України.
- 16. Стельмах С. П. Історична наука в Україні епохи класичного історизму (XIX початок XX століття) / С. П. Стельмах. К., 2005.
- 17. *Стельмах С. П.* Інтеграційні процеси в європейській історичній науці наприкінці XIX на початку XX ст. / С. П. Стельмах // УІЖ. 2004. № 5.
- 18. *Adams G. B.* Methods of Work in Historical Seminaries. / G. B. Adams // The American Historical Review. 1905. Vol. X. № 3. April.
- 19. Gooch G. P. History and Historians in the Nineteenth Century / G. P. Gooch. London.,1935 (First Ed., 1913).
- 20. Goldstein Doris S. The Professionalization of History in Britain in the Late Nineteenth and Early Twentieth Century's / Doris S. Goldstein // Storia della storiografia. $-1983. N_{\odot} 3.$
- 21. Guilland A. Modern Germany and her Historians / A. Guilland. London, 1915.
- 22. Davis H. W. C. The Political Thought of Heinrich von Treitschke. / H. W. C. Davis. New York, 1915.
- 23. *Lord Acton*. German Schools of history / Lord Acton // The English Historical Review. London.,1886. Jan.
- 24. *Penner C. D.* G. P. Gooch as an Historian / C. D. Penner. // Historian. 1940. September. Vol. 3.
- 25. Setton-Watson R. W. The Historian as a Political Force in Central Europa / R. W. Setton-Watson. London, 1922.
- 26. *Treitschke*. His Doctrine of German Destiny and of International Relations. New York and London, 1914.

УДК 930:378.4(477.54) «18»

Ю. А. Киселева

Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина

К ВОПРОСУ ОБ ЭТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ КРИТИКИ

(на материалах Императорского Харьковского университета)

Розглядається питання значення етичної складової історіографічної критики. Аналіз робіт харківських вчених XIX ст. дозволив обґрунтувати тезу, що вже у досліджуваний час історіографічна критика виконувала не тільки функції формування масиву «достовірного знання» та актуалізації тих чи інших науково та соціально значимих проблем, але й була важливим фактором формування та консолідації професійного співтовариства істориків.

Ключові слова: історіографія, етика, Харківський університет, наукове співтовариство істориків.

Рассматривается вопрос о значении этической составляющей историографической критики. Анализ работ харьковских ученых XIX в. позволил обосновывать тезис о том, что уже в исследуемое время историографическая критика выполняла не только функции формирования массива «удостоверенного знания» и актуализации тех или иных научно и социально значимых проблем, но, по сути, стала важным фактором формирования и консолидации профессионального сообщества историков.

Ключевые слова: историография, этика, Харьковский университет, научное сообщество историков.

The article considers the question of the importance of ethical component in historiographical criticism. The author shows how demands and expectations for criticism of historical works changed and developed during XIX century within the community of Kharkov historians. The author points out, that it is possible to define two periods in professional criticism development. During the first period - the beginning of XIX century — scientific criticism remained part of general journalist critical practice. Pioneering attempts to work out criteria of historiographical critique were made at that time by H. Uspenskii. In 1830–1840s final separation of scientific criticism from journalistic criticism happened. In articles of A. Aleksandrov, I. Zabelin fundamental demands for professional criticism were formulated: strict ethical

[©] Киселева Ю. А., 2014.

demands of objectivity, inadmissibility of incorrect and insulting characteristics, respect for predecessors. Criticism was expected to be seen as the way to supplement and enrich historical science.

The analysis of works of Kharkov historians of the nineteenth century gives the author an opportunity to substantiate the thesis that in the investigated time the historiographical criticism not only fulfilled the function of forming an array of "certified knowledge" and actualization of various scientific and social problems, but, in fact, has became an important factor in formation and consolidation of the professional community of historians.

Key words: historiography, ethics, Kharkov University, professional community of historians.

Критика как специфический вид научной деятельности уже априори соотносится с определенными моральными критериями (непредвзятости, обоснованности), от соблюдения которых зависит эффективность выполнения ею своих основных функций: информационной, оценочной и коммуникативной. Данные критерии определяются как этическими убеждениями отдельного ученого, так и существуют в виде формализованных предписаний, вырабатываемых и контролируемых сообществом в соответствии с определенным образом науки. Поэтому они являются компонентом профессионального этоса сообщества.

С другой стороны, критика всегда адресована в той или иной степени за пределы научного сообщества. Даже когда её реципиентами выступают исключительно профессионалы, она соотносится с идеей служения развитию науки и общества. И в этом смысле она функционирует как важное звено системы связей между наукой и обществом. При этом критика не только отвечает за предоставление информации или экспертной оценки, но является важным каналом саморепрезентации научной группы и ее профессионального этоса, трансляции его последующим поколениям ученых. Разработанность же этических критериев критики выступает показателем налаженности механизмов саморегуляции и сплоченности профессиональной группы, гарантом понимания и выполнения ею своей общественной миссии, позволяющей претендовать на важное место в социальной структуре. Таким образом, осознание важности этической составляющей критики имеет ценностное значение для научного сообщества.

Первую попытку сформулировать правила профессиональной этики предпринял М. В. Ломоносов в работе «Рассуждение об обязанностях журналистов». Интересно, что данная статья была ответом на резкую оценку работы ученого по физике. С одной стороны, задетое чувство авторского достоинства инициировало стремление выработать строгие критерии, которые бы позволили выносить справедливую оценку научным работам. Но, с другой стороны, М. В. Ломоносов, определяя этические требования, имел в виду интересы науки и научного сообщества в целом. Он признавал важную роль журналистов в развитии науки. «Объединения, ведающие изданиями журналов» М. В. Ломоносов ставил вровень с академиями в деле оценки научных сочинений и отделения истинных работ от ложных. Академии оценивали произведение еще до выхода его в печать, а в обязанности журналов вменялось «давать ясные и верные краткие изложения содержания сочинений, иногда с добавлением справедливого суждения» с целью быстрее «распространять в ученом мире сведения о книгах» [10, с. 218]. Формулируя критерии для критики [10, с. 230 – 232], М. В. Ломоносов фактически подразумевал, что именно их соблюдение позволит критике служить целям науки. Таким образом, сюжет об этических требованиях в работе М. В. Ломоносова был не только частью научной полемики, но имел действительно принципиальное значение, отражая заботу ученого о развитии науки и презентации её достижений перед обществом.

Опубликованная во французском журнале работа М. В. Ломоносова до 1860-х гг. не была переведена на русский язык [11, с. 313]. Однако это не означает, что данная проблема стала обсуждаться на восточно-европейском пространстве лишь во второй половине XIX в. В Харьковском университете уже в начале XIX в. (т.е. буквально через несколько лет после его основания) был поднят вопрос о критериях историографической критики. Его инициатором выступил профессор кафедры российской истории Г. П. Успенский. Еще в 1810 г. он издал оригинальный научный труд «Опыт повествования о древностях русских» [16], ставший популярным у читателей. В 1818 г. автор приступил ко второму изданию своей работы, которое и было удостоено внимания рецензентов. Резкая критика, глубоко затронув авторские чувства Г. П. Успенского, побудила его опубликовать в харьковском журнале «Украинский вестник» ответ: «дабы просвещенная публика не судила меня по одному отзыву».

Интересно, что, прежде чем ответить на возражения, Г. П. Успенский сформулировал «правила для критики». А именно, «рецензент и критик» должен «быть беспристрастным, внимательным, представить причину того, что считает несправедливым, не критиковать того чего не знает, остерегаться язвительных насмешек» [15, с. 378]. Сформулировав эти правила, Г. П. Успенский отметил, что рецензент его работы не руководствовался ни одним из них. Тем самым в самом начале своего ответа историк, ссылаясь на несоответствие критики этическим критериям, по сути, отверг все претензии к своей работе. Таким образом, обращение к этическим нормам критики являлось одним из важных аргументов в научной полемике. Однако интересен и другой факт. В следующем году на страницах «Украинского вестника» был издан перевод сочинения польского писателя И. Красицкого «Критика» [9]. Тематически эта работа касалась вопросов не литературной, а научной критики («критике в кругу учености»[9, с. 18]) и содержала в себе рекомендации относительно обязанностей критика, в том числе и этического характера. Автором перевода стал П. П. Гулак-Артемовский бывший в это время одновременно студентом словесного факультета и преподавателем польского языка в Харьковском университете.

По нашему мнению, данный перевод стал продолжением на страницах «Украинского вестника» дискуссии вокруг работы Г. П. Успенского. Причем он свидетельствовал об осознании учеными важности выведения её из контекста спора по поводу отдельной исторической работы, так как речь шла об общезначимой для научного сообщества задаче контролировать посредством выработки этических предписаний качество информационного посредничества между авторами исторических произведений и их читателями.

Интересно, что в Харьковском университете реализация данного задания фактически стала коллективным делом. Нам представляется неслучайным, что после смерти Г. П. Успенского в 1820 г. именно П. П. Гулак-Артемовский стал его преемником по кафедре истории, статистики и географии Российского государства, не получив при этом диплома об окончании университета. Хотя в этом, по мнению биографов П. П. Гулака-Артемовского, не последнюю роль сыграло покровительство попечителя З. Я Карнеева [8, с. 320]. Однако это назначение можно объяснить и тем, что П. П. Гулак-Артемовский возможно рассматривался если не в качестве учени-

ка, то хотя бы помощника Γ . Π . Успенского. На это указывают как близость тем публичной речи Γ . Π . Успенского [14] и магистерской диссертации Π . Π . Гулака-Артемовского [8, с. 320], так и участие последнего в дискуссии.

Таким образом, с самого начала формирования научного сообщества выработка этических критериев критики отражала не столько заботу отдельного ученого о должной оценке своего вклада в науку, сколько рассматривалась как своеобразная «миссия» ученого, имея ярко выраженный ценностный характер.

В работе М. В. Ломоносова, в ответе Г. П. Успенского и переводной статье И. Красицкого речь шла в целом о журналистах и журнальных критиках, что отражало, по замечанию М. П. Мохначевой, единство представлений о ролях историографа, библиографа и журналиста [11, с. 110]. На следующем этапе, в 30–40-е гг. XIX в. развитие этики научной критики (в том числе и историографической) шло по пути её отделения от журнальной, которой отводилась информационная роль.

Сведения о постепенном осознании разного характера профессиональной и публицистической критики можно найти в книге А. В. Александрова, в которой описывается обсуждение в одном из столичных кружков ряда исторических книг. В сюжете, посвященном дискуссии профессоров Московского университета М. Н. Погодина и Ф. Л. Морошкина по поводу работы последнего, у присутствующих вызвало одобрение замечание Ф. Л. Морошкина о том, что М. Н. Погодин в рецензии решился смеяться без доказательств, хотя ему, «как профессору русской истории», следовало бы заняться рассмотрением сочинения «подвернув оное строгому, подробному разбору по всем правилам исторической критики» [1, с. 14]. Общее мнение было таковым, что если и рецензент, и автор рецензируемого сочинения являются профессорами — значит, на первом лежит обязанность разобрать сочинение ученым образом, а «не потешаться над добросовестным трудом» [1, с. 11, 12].

Таким образом, к 1840-м гг., как в среде научного сообщества, так и общества в целом утвердилось убеждение, что профессиональная историографическая критика должна отличаться от публицистических рецензий, руководствуясь как иными целями, так и иными, этическими нормами. Соблюдение этих норм, давало возможность членам научного сообщества выступать в качестве экспертов, оцен-

ка которых претендовала на большую степень доверия со стороны читателей. Распространению подобных убеждений способствовало утверждение романтической «парадигмы», которая заложила основу нового понимания этичности историографической критики.

О влиянии нового образа науки на требования критики свидетельствует сюжет из магистерской диссертации А. П. Рославского-Петровского. Рассматривая «судьбы дееписания в различные времена», автор диссертации пытался доказать мысль о зависимости характера историописания от особенностей состояния и потребностей общества, не забывая при этом указывать и на недостатки отдельных исторических произведений. В итоге историк посчитал нужным закончить свой историографический обзор замечанием, что главной его мыслью было не показать недостатки развития истории в прошлом, но «показать необдуманность тех писателей, которые выдают собственные свои теории за верх совершенства и отзываются неуважительно о трудах своих предшественников, не воображая, что завтра точно таким образом поступят и с ними, и что дерзкая критика будет столь же безжалостно осуждать труды их на вечное забвение» [12, с. 24].

Таким образом, более глубокое усвоение историзма приводило к осознанию историчности как всего хода развития историописания, так и собственных исторических работ. Это в свою очередь давало основание осудить «дерзкую критику» прошлого, постулируя тезис о том, что новое понимание развития науки неизбежно должно привести и к обновлению этических оснований историографической критики.

Разработка и применение новых критериев историографической критики нашли свое воплощение в серии историографических работ С. М. Соловьева. Однако необходимо заметить, что далеко не сразу новые основания для критики были восприняты в околонаучной среде. Представители же научного сообщества были готовы их отстаивать, продемонстрировав очередной раз понимание важности деятельности, направленной на распространение научных идеалов. Подтверждает данное утверждение статья И. Е. Забелина, написанная в ответ авторам ряда рецензий, опубликованных на страницах «Современника». В этих рецензиях были высказаны негативные оценки в отношении научной историографической критики, которая якобы стремится показать, что «заслуги предшественников были не

так велики... чтобы читатели лучше могли увидеть превосходство трудов, принадлежащих новейшим авторам» [7, с. 458]. В своей статье И. Е. Забелин хотел не только снять предъявленные обвинения, но и объяснить прогрессивный характер новой историографической критики. Он последовательно отстаивал мысль, что целью «молодых ученых», позволивших себе критику предшественников, было не желание показать свое превосходство над ними, но стремление служить науке и истине [7, с. 459]. Также И. Е. Забелин доказывал, что «критический обзор предшествующего хода науки» являлся одновременно и условием, и показателем успешного её развития. По мнению историка, ситуация «когда критический разбор становится главным, существенным направлением ученой деятельности, значит ... что наука входит в свои силы, что возникает научная (выделено автором) обработка предмета» [7, с. 460]. Критике же основанной на иных идеях остается, размышлять о «бесполезности наук» [7, с. 432].

Чтобы проиллюстрировать эти положения автор статьи обращался к предшествующему этапу развития науки, на котором «недостаток критики» и не «разработанность научных требований к историческим трудам» в условиях «непритязательности ожиданий публики» породил, по его мнению, «любопытное явление», а именно: «отсутствие всякой живой непосредственной связи, всякого живого, непосредственного преемства между учеными» [7, с. 461 – 462]. Таким образом, критической деятельности И. Е. Забелин отводил важную функцию консолидации научного сообщества и формирования преемственности между поколениями ученых.

В качестве образца новой историографической критики И. Е. Забелин предлагает работу С. М. Соловьева о труде Н. М. Карамзина, в которой автору удалось, рассмотрев «Историю государства Российского» на фоне предшественников и последователей, определить «достойное место» этой работы «в ряду достижений науки». Но более того, по мнению И. Е. Забелина, историографическая критика С. М. Соловьева, проведенная на новых основаниях, позволила не только познакомить будущее поколение с историческим взглядом Н. М. Карамзина и его предшественников, но и «с пониманием нашего времени» [7, с. 464]. Таким образом, у историографической критики проявилась ориентация не только на более глубокое понимание прошлого, явления которого она была призвана оценить, но и миссия по отношению к будущему науки. При этом фактически

в статье И. Е. Забелина проводится мысль о том, что само понятие «научной критики» синонимично понятию «этичной критики». Причем этические критерии определялась задачами служения интересам науки, поддержке её определенного образа и презентации его перед широкой общественностью.

Во второй половине XIX в. осознание ценности этической составляющей историографической критики было закреплено, чему способствовало формирование позитивистского образа науки, основанного на вере в безграничный прогресс познания и возможность достижения научной истины путем кропотливого научного поиска многих поколений ученых. При этом критика рассматривалась как важный инструмент для уточнения, исправления и дополнения достижений коллег и предшественников на пути к заполнению «белых пятен истории».

Этим объясняется распространенность практики молодых ученых начинать свой путь в науке с написания рецензий и критических обзоров, пытаясь, таким образом, доказать свою профессиональную пригодность к востребованному научным сообществом виду научной деятельности, а также тот факт, что работы критического характера составляли существенную долю научного наследия большинства историков-позитивистов. При этом, несмотря на активную деятельность по рецензированию сочинений, постоянно высказывались мнения о недостаточности критической литературы [17, с. 4].

С другой стороны, утверждение единства в понимании целей критической деятельности не препятствовало трансформации как содержательных компонентов, так и функциональной направленности историографической критики, да и сам жанр рецензий во второй половине XIX в. имел универсальный характер [18, с. 98–102]. Например, историк Харьковского университета Д. И. Багалей обозначал в качестве основной цели критики «оценку того материала, который дается в книге» и указание «его отношений к существующей печатной литературе» [2, с. 30], при этом он предостерегал от попыток «руководствоваться в своих отзывах теоретическими представлениями о том, что должно быть исследование в его цельном виде» [2, с. 30]. Другой историк Харьковского университета, В. П. Бузескул отмечал рецензии, которые предоставляли не простую передачу содержания книги с критическими замечаниями, а давали «ряд поправок, наблю-

дений, которые освещают вопрос с новой точки зрения» [5, с. 156], превращаясь в «самостоятельные этюды по поводу данной книги» [6, с. 35]. Несмотря на разные взгляды на содержательную сторону критической деятельности процесс формирования этических оснований историографической критики имел неоспоримое значение для развития научного сообщества историков.

Хорошо иллюстрирует это положение полемика, участником которой в конце XIX в. стал Д. И. Багалей. Обращение к вопросам этичности историографической критики, по традиции, происходило в ситуациях, ставящих под угрозу научный авторитет автора исторического сочинения. Широко известна рецензия И. А. Линниченко на магистерскую диссертацию Д. И. Багалея, в которой последний был обвинен в плагиате. Конкретные возражения Д. И. Багалея на аргументы рецензента не были убедительными, а центр тяжести его ответа был смещен в сторону выяснения этичности позиции оппонента. Д. И. Багалей стремился доказать, что корыстность мотивов рецензента обусловила неэтичный, а значит и не научный характер его критики [3, с. 9]. Таким образом, это не только снимало тяжесть обвинений с рецензируемого сочинения, позволяя его автору заключить, что И. А. Линниченко не находил «самостоятельных выводов только потому, что поставил своею задачей обличить меня во что бы то ни стало» [3, с. 32], но и бросало тень на репутацию самого рецензента, переступившего порог дозволенного в научной критике. Дальнейшие судьбы ученых (успех Д. И. Багалия и отчуждение научного сообщества от И. А. Линниченко) в какой-то мере являются показателем того, что в данной ситуации расчет историка Харьковского университета оказался верен. Ценность этики историографической критики, отвечающей за репрезентацию научного сообщества, перевесили ценность справедливой оценки отдельного научного труда, тем более что возраст Д. И. Багалея заставлял быть снисходительным и позволял ожидать от него еще существенного вклада в науку.

Интересно, что спустя десятилетие после упомянутого эпизода, Д. И. Багалей в полемике с И. М. Собестианским был сам обвинен последним в применении неэтических критических приемов в виде «придирок и передержек» недостойных профессионального ученого [13, с. 12]. При этом, И. М. Собестианский считал важным несколько раз подчеркнуть мысль, что «если серьезная критика является одним

из условий движения науки вперед, то критические упражнения не приносят пользу науке, а лишь подрывают у читателей доверие к ученым трудам» [13, с. 4, 12], тем самым, неэтичность историографической критики осознавалось как затрагивающая интересы науки и научного сообщества.

Именно эти обвинения подтолкнули Д. И. Багалея высказать свое мнение по данному поводу [4, с. 1]. В ответе на ответ на рецензию он фактически повторил все свои замечания к труду И. М. Собестианского, однако, в выводах посчитал нужным («своим нравственным долгом») опровергнуть обвинение оппонента в неэтичности своей позиции [4, с. 125–126]. Харьковский историк доказывал, что «укоризна Собестианского не обоснована и несправедлива»: «не моя вина, если мои критические замечания подорвали доверие к труду Собестианского.... Иногда критик бывает поставлен в печальную необходимость разрушать домыслы новейших авторов, устранять ошибки и недоразумения, вводимые ими в научный обиход» [4, с. 126].

В данном случае интересны не столько аргументы Д. И. Багалея, сколько его готовность бороться против обвинений именно в неэтичности историографической критики. Для историка было важно доказать, помня о предшествующем опыте и его последствиях, что в своей критике он руководствовался исключительно интересами науки, не нарушая этические нормы критики.

Таким образом, на протяжении XIX в. убеждение в ценностном значении историографической критики и её этическом характере закрепилось как часть профессионального этоса научного сообщества историков. Этические критерии являлись не только залогом непредвзятой оценки той или иной работы, определяя границы дозволенного и не дозволенного в историографической критике, но и воспринимались представителями профессионального сообщества как способ репрезентации способности сообщества служить интересам науки и общества. Согласие в отношении этических критериев не только в выгодном свете представляло научное сообщество, но фактически стало краеугольным камнем в процессе его формирования. Разработка этических оснований историографической критики прошла путь от определения перечня этических правил для критиков к выработке некой модели научной историографической критики, для которой степень научности определялась не в послед-

нюю очередь степенью её этичности. При этом осознание важности этической составляющей критики соотносилось с современным ей уровнем развития науки и поддерживалось присущей XIX в. верой в научный прогресс.

Библиографические ссылки

- 1. Александров А. В. Современные исторические труды в России: М. Т. Каченовского, М. П. Погодина, Н. Г. Устрялова, Н. А. Полевого, Ф. В. Булгарина, Ф. Л. Морошкина, М. Н. Макарова, А. Ф. Вельтмана, В. В. Игнатовича, П. Г. Буткова, Н. В. Савельева и А. Д. Черткова: Письма А. В. Александрова к издателю «Маяка» / А. В. Александров. СПб., 1845.
- 2. *Багалей Д. И.* Новый историк Малороссии / Д. И. Багалей. СПб., 1891.
- 3. *Багалей Д. И.* Ответ И. Линниченко на критическую оценку книги «История Северской земли до пол. XIV» / Д. И. Багалей. Х., 1884.
- 4. *Багалей Д. И.* Ответ на критическую заметку проф. И. М. Собестианского по поводу брошюры «К истории учений о быте древних славян» / Д. И. Багалей// Записки имп. Харьковского университета. -1893. Кн. 3.
- 5. *Бузескул В. П.* Новое исследование по истории папства / В. П. Бузескул //ЖМНП. 1899. № 3. С. 155—190. Рец. на кн.: Вязигин А. С. Очерк по истории папства в XI в. СПб., 1898.
- 6. *Бузескул В. П.* С. В. Соловьев (1862–1913) / В. П. Бузескул // ЖМНП. 1913. № 9.
- 7. Забелин И. Е. Фельетонизм в критике / И. Е. Забелин // Опыты изучения русских древностей и историй: исследования, описания и критические статьи. М., 1872. Т. 1.
- 8. Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905). X., 1908.
- 9. Критика (из соч. Красицкого) / пер. П. П. Гулак-Артемовский // Украинский вестник. 1819. Кн. 7.
- 10. *Ломоносов М. В.* Рассуждение об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенное для поддержания свободы философии / М. В. Ломоносов // Полное собрание сочинений: в 10 т. М.; Л.:, 1952.-T.3.
- 11. *Мохначева М. П.* Журналистика и историческая наука : в 2 кн. Кн. 1.: Журналистика в контексте наукотворчества в России XVIII—XIX вв. / М. П. Мохначева. М., 1998.
- 12. Рославский-Петровский А. Решение вопроса в чем состоит истинное значение прагматической истории и соответственному тому способе ее обработки. Рассуждение, написанное кандидатом для получения степе-

ни магистра исторических наук / А. Рославский-Петровский. — X., 1839. — 50 с.

- 13. Собестианский И. М. [Рецензия] / И. М. Собестианский // Записки имп. Харьковского университета. 1893. Кн. 2. Рец. на: К истории учений о быте славян (Критическая оценка книги проф. Собестианского «Учение о национальных особенностях характера и юридического быта древних славян. Историко-критическое исследование». Х., 1892) / Д. И. Багалея. К., 1892.
- 14. Успенский Γ . О том, что каждому народу нужнее знать древнее и нынешнее состояние своего отечества, нежели других государств / Гавриил Успенский // Речи, произнесенные в торжественном собрании Императорского Харьковского университета, бывшем 30 августа 1809 года. X., 1809.
- 15. [Успенский Г. П.] Ответ сочинителю рецензии на книгу «Опыт повествования о древностях русских» // Украинский вестник. 1818. Кн. 9.
- 16. *Успенский Г. П.* Опыт повествования о древностях русских / Г. П. Успенский. Ч. 1–2. X., 1811–1812.
- 17. *Шершеневич* Γ . Φ . О порядке приобретения ученых степеней / Γ . Φ . Шершеневич. Казань, 1897.
- 18. Ясь O. Рецензія у науковій творчості історика: проблеми різновидів та функціонального призначення / О. Ясь // УМ. 2007. Вип. 12 (1).

Етичні проблеми міжнаукової взаємодії/експансії

УДК 001:174

Н. О. Мчедлов-Петросян

Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина

ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ВЗРЫВА

(опыт работы химика)

Перелічені та стисло розглянуті етичні проблеми, які послідовно виникають у процесі публікації наукових результатів – починаючи від проблем авторства та співавторства та взаємодії автора (авторів) з редакціями журналів і закінчуючи проблемами цитування наукових публікацій, рейтингів журналів та оцінювання результативності науковців на основі їхніх публікацій. Обговорення проведене на прикладі наукових робіт у галузі хімії, а також інших природничих та точних наук. Автор намагався особливо виділити специфіку нових проблем, які виникають в умовах сучасного інформаційного вибуху.

Ключові слова: етика авторства та співавторства, етика рецензування та цитування, етика оцінки результативності науковців.

Перечислены и кратко рассмотрены этические проблемы, последовательно возникающие в ходе публикации научных результатов – начиная от проблем авторства и соавторства и взаимодействия автора (авторов) с редакциями журналов и заканчивая проблемами цитирования научных публикаций, рейтингов журналов и оценивания результативности научных работников на основе их публикаций. Обсуждение проведено на примере научных работ в области химии, а также других естественных и точных наук. Автор стремился особо выделить специфику новых проблем, возникающих в условиях нынешнего информационного взрыва.

[©] Мчедов-Петросян Н. О., 2014.

Ключевые слова: этика авторства и соавторства, этика рецензирования и цитирования, этика оценки результативности учёных.

In this paper, the ethical problems arising during the publication of scientific articles are listed and briefly considered. The author tried to stress on the new peculiarities resulting from the today's information burst. The ethics of the authorship and co-authorship, of the reviewing process and the cooperation with the editorial boards is successively discussed. Special attention is paid to such issues as citation and citation indexes, in particular the h-index, and the impact factors, IF, of scientific journals. Finally, the ethical aspects of the evaluation of the scientists basing on the numerical characteristics of their publication activity are discussed. To the writer's viewpoint, the main problem consists in the failing ability of the scientific community and even more so officials/bureaucrats to estimate the actual scientific value of the publications. The statistical data reflecting the total number of published works, citations, IF of the journals, etc., are interesting and useful, but none of them should be used as a sole criterion of the productivity of a scientist.

Key words: ethics of authorship and co-authorship, ethics of reviewing and citation, ethics of evaluating the productivity of scientists.

«To work, to finish, to publish» *Michael Faraday*

Публикация является важной стадией научной работы, подводящей итоги определённого отрезка деятельности учёного. Поэтому неудивительно, что существуют правовые положения, охраняющие этот вид интеллектуальной собственности. Речь идёт, в первую очередь, о проблемах плагиата в различных его формах, самовольной перепечатке ранее изданных работ, о заимствовании в книгах, статьях, тезисах докладов, диссертациях рисунков, схем, таблиц, опубликованных ранее другими авторами. В разряд юридических давно уже перешли проблемы, возникающие при перепечатке автором его собственных публикаций, если последние были осуществлены с передачей авторских прав соответствующему издательству. Всё сказанное касается, конечно, не только научных публикаций, но и любых других.

Помимо юридических проблем существуют и моральные, и они возникли не сегодня¹. С давних пор учёные вырабатывали определённые этические нормы, которые со временем претерпевали некоторые изменения. В этом смысле не прошёл без последствий и информационный взрыв, начавшийся в 60-е гг. и всё больше и больше расширяющийся поныне, а также появление интернета, электронных баз данных и разнообразных поисковых систем. В результате вскрылись новые аспекты этики научных публикаций. Настоящая статья представляет собой попытку обозначить некоторые из этих моральных, нравственных проблем, основываясь главным образом на публикациях в области химии и сопредельных наук.

Начнем с этики авторства. Понятно, что здесь на первый план выходят такие нравственные категории, как добросовестность проведения исследований, честность представления результатов, а также законченность их. Важно хорошо знать работы предшественников и современников, что в последние десятилетия стало непросто. Причём, если в 1990-е гг. для учёных бывшего СССР новая информация оказалась труднодоступной, то теперь — другая проблема: где взять время, чтобы хотя бы поверхностно изучить океан публикаций, поступающих в бумажном и всё чаще в электронном виде? Даже одних только научных обзоров в той или иной достаточно узкой области становится теперь уже очень много.

Далее, каждый более или менее самостоятельный учёный обычно сталкивается с необходимости выработать своё отношение к погоне за возможной сенсацией, а также к переключению своих усилий на становящиеся «модными» темы. Последний вопрос не столь

¹ Так, уже в 1931 г. была создана международная организация International Council for Science (ICSU; www.icsu.org), призванная высказывать своё мнение относительно глобальных проблем, связанных с наукой и обществом. ICSU действует и в настоящее время, занимаясь, в частности, вопросами свободы и ответственности научного творчества, этической стороной научных исследований и даже проблемами вооружённых конфликтов и политически-мотивированных бойкотов учёных и научных учреждений.

безобиден, как это может показаться на первый взгляд. Ведь финансирование исследований производится с оглядкой на актуальность их тематики. А актуальность обычно и определяется научной модой, зачастую поддерживаемой искусственно. Но это уже выходит за рамки обсуждаемой темы. Кроме того, иногда необходимо проявить «тактическое» умение для отстаивания своего приоритета, причём непростым подчас является даже выбор наиболее подходящего журнала для осуществления публикации приоритетных результатов.

Конечно, совершенно отдельная и специфическая тема — это «закрытые» публикации и отказ от опубликования результатов, относящихся к оборонной тематике, либо содержащих коммерческие и промышленные секреты. Известны случаи, когда это приводило к обиднейшему отказу от научного приоритета.

Поскольку, с одной стороны, научные публикации для исследователей составляют одну из форм отчётности, а, с другой стороны, можно понять стремление авторов сообщить urbi et orbi о своих результатах, то неудивительно, что многие из всёвозрастающего числа научных работников продуцируют всё больше и больше статей.

Стремление продвинуть свои результаты в престижные, «высокорейтинговые» журналы порождает, в частности, проблему «первой страницы» или введения, преамбулы к научной публикации. В некоторых ведущих университетах, например, в Кембридже, студентов и аспирантов специально учат написанию научных статей, что само по себе похвально. Но при этом начинающим авторам также объясняют, как писать Introduction, чтобы захватить внимание читателя и убедить его (а перед этим – ещё и редактора и рецензентов) в том, что в этой работе будут изложены очень важные результаты. Предполагается, что скромное, сдержанное вступление не подвигнет читателя на дальнейшее чтение. Всегда ли верит сам автор в особую ценность своей работы, разрекламированной с помощью специально разработанных приёмов? Фактически, здесь мы сталкиваемся с вопросом о нравственности рекламы (а точнее – саморекламы).

Погоня (иногда почти вынужденная) за числом публикаций порождает целый комплекс этических проблем. Часто статьи, сами по себе вполне добротные, посвящены разработке одних и тех же отнюдь не глобальных проблем и пишутся почти что «под копирку». Поэтому в последнее время появилась идея создания так называемых

«жидких журналов». Речь идёт о публикации в электронном формате статей, содержание которых периодически обновляется, пополняется новыми данными, без излишнего повторения вступления, полного описания эксперимента и значительной части длинного списка цитированной литературы.

Лет сто тому назад печатание одних и тех же результатов в разных журналах не считалось неэтичным. Но за последнее время ситуация сильно изменилась. Принимая к рассмотрению научную статью, издательства строго предупреждают о недопустимости «само-плагиата» (auto-plagiarism). Исключением является официально осуществляемый перевод статей, например, с русского языка на английский. Так производится параллельное издание ведущих наших журналов в формате, доступном международному сообществу. Кроме того, издавна существует практика кратких предварительных сообщений с последующей развернутой публикацией результатов.

Появились и совсем новые этические требования и установки. Например, в случае описания особо ядовитых химических веществ нужно специальными способами обращать на это внимание. Если в статье (обычно – обзорного характера) публикуется фотография автора или авторского коллектива, и если фото сделано на фоне лаборатории, например, химической, то необходимо, чтобы люди были оснащены защитными средствами – халатами, перчатками, прозрачными масками. Существуют специальные правила, регулирующие упоминание и изображение подопытных животных, и невыполнение их чревато крупными неприятностями. Но тут уже нельзя не увидеть признаки всепроникающей и доходящей до абсурда западной политкорректности...

Перейдём теперь к этике соавторства. Здесь можно выделить три основных источника проблем. Прежде всего, увеличение объёма экспериментальных и отчасти теоретических работ, необходимых для получения совокупности результатов, по своей значимости и доказательности достойных публикации. В самом деле, в экспериментальных, да и в некоторых теоретических исследованиях завершение такого труда зачастую становится не под силу одному человеку за разумный промежуток времени. Далее, сама суть

научно-исследовательских работ часто требует привлечения специалистов из разных областей; возникают альянсы, например, химиков с физиками и биологами либо медиками, и т.п. И даже в сугубо химических работах могут объединяться специалисты по синтезу, анализу, приборным методам, квантово-химическим и другим теоретическим расчётам. Наконец, иногда возникает проблема включения в соавторы «шефа» — начальника, осуществляющего общее руководство. Редко теперь можно встретить профессора-химика, который бы почти все экспериментальные работы выполнял своими руками, как, например, Н. Н. Бекетов [8].

Итак, кого включать в соавторы, а кому лишь выразить благодарность за техническую помощь или полезные советы? Хотя такие издательства и сообщества, как Elsevier или American Chemical Society, да и многие другие, подробно оговаривают такого рода проблемы в своих правилах для авторов, но всё же здесь остаётся много субъективности. Имеет значение и стиль работы конкретных учёных. В прежние времена, вплоть до начала XX в., в химических, физических и т.п. статьях мы обычно находим одного автора, а в конце труда иногда выражается благодарность тому профессору, в чьей лаборатории и по чьему предложению была выполнена данная работа. Например, известный харьковский, а впоследствии казанский химик Ф. М. Флавицкий, активно участвуя в работах своих учеников, не выступал в роли официального соавтора [6]. То же самое относится к выдающемуся немецкому физико-химику Вильгельму Оствальду [16]. Разумеется, число подобных примеров можно легко **увеличить**.

В наше время число авторов статей может доходить и до десятка. Конечно, это приводит к некоторому обезличиванию, размыванию приоритета и нивелированию вклада соавторов. Но «научный Боливар» выносит теперь не только двоих, но и многих ещё. Считается, что наиболее почётным местом в списке соавторов является первое, а далее престижность убывает, но... последнее место по негласным правилам считается также почётным — часто последней пишется фамилия шефа, научного босса, который своим присутствием в списке соавторов как бы гарантирует надёжность содержания статьи. А первым в списке может быть начинающий исследователь — аспирант или даже студент.

Кроме того, существует понятие «автор, с которым следует вести переписку» (corresponding author); фамилия его помечается звёздочкой. Он направляет статью в журнал (в наше время – почти исключительно через интернет, предварительно зарегистрировавшись и получив логин и пароль для входа в редакционную систему). Он же получает из редакции рецензии на статью, от имени авторов отвечает на замечания рецензента, получает корректуру в случае приёма статьи к публикации. Обычно знак * и есть обозначение главного автора, наиболее ответственного за содержание публикации. Изредка таких авторов бывает и двое.

В последнее время при подаче статьи в редакцию часто требуется указывать электронные адреса всех соавторов, и все они получают извещение о том, что в редакцию поступила статья с их участием. Ознакомившись с текстом, соавторы подтверждают, что они со всем согласны. Но возможен и иной результат — если окончательный текст не был с ними согласован и есть принципиальные возражения, или они включены в соавторы и вовсе без их ведома. Бывает всякое... Кроме того, теперь в конце опубликованной статьи иногда специально указывается, что авторы не имеют конфликта финансовых интересов.

Много соавторов может быть при публикации результатов работы специальных комиссий, занимающихся совершенствованием терминологии либо выработкой стандартов, рекомендаций и т. п. Это систематически встречается, например, в журнале Pure and Applied Chemistry, официальном органе Союза Чистой и Прикладной Химии (IUPAC). В библиографической ссылке на компьютерную программу часто можно увидеть несколько десятков фамилий её создателей – но в данном случае этого требует строгое соблюдение авторских прав.

Статья, поступившая в редакцию журнала, проходит стадию экспертной оценки, обычно в форме рецензирования. Естественно, следует обсудить и этику рецензирования. Последнее происходит анонимно (и эта практика сама по себе становится сейчас предметом дискуссии, хотя мне лично и кажется верной). Естественно, рецензирование должно проходить компетентно и непредвзято.

По-видимому, здесь есть два основных и взаимосвязанных обстоятельства: во-первых, рецензенты должны быть подобраны из числа специалистов в данной области, а, во-вторых, важна престижность журнала, количественной мерой которой есть фактор влияния (импакт-фактор), зависящий от среднего числа ссылок на одну статью этого журнала в первые два года после публикации. Этот показатель вычисляется Институтом научной информации, ISI (Institute of Science Information, Thomson Reuters).

Реальность заключается в том, что портфели высокорейтинговых журналов переполнены. Да, публикации в них — обычно высокого качества. Но мы ведь не видим, какие из поступивших в редакцию статей были отклонены!

Даже официальная, открытая сторона «кухни» рецензирования не так уж и демократична. Обычно автору предлагается самому назвать несколько потенциальных рецензентов, но совсем не обязательно статью направляют именно им либо кому-то из них. А рецензенту редакция обычно напоминает, что журнал публикует лишь статьи, получившие достаточно высокое число выставляемых им баллов (к примеру, не менее 70 из 100, и т.п.). Кроме того, рецензенты иногда проявляют склонность не пускать «новичков» в свою обжитую область исследований, вполне вероятна и дружеская поддержка рецензентом знакомых ему авторов.

Со специфической проблемой профессиональной этики может столкнуться специалист при получении на рецензию «странной» работы – необычной и как правило претендующей на существенную новизну. Изредка такие работы находятся даже на грани между наукой и лженаукой [4]. Но и относить с порога к лженауке всё то, что тебе непонятно и непривычно – тоже неверно [4, 7]. Ведь когда-то крупнейшие химики считали предположение о диссоциации поваренной соли в воде на ионы сущим безумием, а ещё раньше казались странными попытки подвергнуть сомнению теорию флогистона. Чаще же всего плохие рукописи появляются из-за недостаточной компетентности их авторов. Ошибка – это ещё не лженаука. Во всех случаях рецензент обязан внятно объяснить, в чём заключается ошибочность работы; в конце концов – errare humanum est.

Что касается заимствования рецензентами идей, содержащихся в отклонённых ими статьях, то это в предельном случае уже почти преступление. Ведь в наше время рецензент обязан указывать,

что у него нет конфликта интересов с авторами. Раньше статьи на рецензию присылались в бумажном виде, а не через интернет или по электронной почте, и иногда в письме содержалась просьба уничтожить рукопись после написания рецензии. Но этим проблема, конечно, не решается — иногда одна фраза из чужой работы может легко натолкнуть на ценную мысль. Ведь рецензент-то как раз и работает сам в данной области. Здесь грань между нравственным и безнравственным провести подчас, кажется, трудно. Например, если рецензент узнаёт из чужой неопубликованной статьи о каких-то уже опубликованных, но ему ещё неизвестных данных, то это вряд ли будет нарушением этических норм. Самым безобидным является требование рецензента (иногда вполне справедливое) к авторам рецензируемой статьи дать ссылки на его, рецензента, собственные работы в данной области.

Нельзя не сказать, что в судьбе статьи играет роль мощь страны, из которой она поступила в редакцию.

В журналах, не являющихся самыми «топовыми», редактору подчас нелегко найти подходящих рецензентов: ведь рецензирование — это работа, как правило, неоплачиваемая (но иногда рецензентам предоставляется бесплатный доступ к электронным базам данных), а рецензенты как правило имеют и без того много дел. Правда, в журналах Американского химического общества без обиняков предупреждают: «Если Вы будете систематически отказываться рецензировать направляемые Вам статьи, то Ваши статьи в наших журналах приниматься не будут». В сущности, это и правильно: при нынешнем числе пишущих учёных как иначе найти соответствующее число рецензентов?

Но всё же нужно признать, что за исключением борьбы за публикацию в таких суперпрестижных журналах, как, например, Nature и т. п., когда речь идёт уже скорее о «ярмарке тщеславия», добротная работа всегда сможет быть опубликованной в том или ином международном издании. После чего попадает в электронные базы данных, где окажется после сортировки по тематике рядом со статьями из «недосягаемых» журналов.

Этика переписки автора с журналом со временем также претерпевает изменения. Так, в некоторых журналах даже одна отрицательная рецензия при наличии одной или двух положительных служит основанием для отклонения статьи, причём если раньше автору всегда предоставлялась возможность аргументировано обжаловать такое решение, то теперь всё чаще статьи отклоняются «без права переписки». Конечно, такая практика находится в резком противоречии с традиционной этикой научной дискуссии и способствует безответственности анонимных рецензентов. Впрочем, тут как раз выручает обилие международных журналов по химии, физике, материаловедению, биологии, и др. Статья, не принятая в одном журнале, может успешно пройти рецензирование в другом, даже более «престижном».

Между прочим, сейчас в анкетах для авторов и рецензентов международных журналов задаётся вопрос о целесообразности публикации статей без рецензирования, с последующим обсуждением уже после публикации. Автор этих строк всегда отвечал на этот вопрос отрицательно.

Но дискуссии на страницах журналов могут возникать и по поводу статей, опубликованных ранее в данном периодическом издании после рецензирования. Обычно это касается более или менее частного вопроса, и инициаторами могут быть как автор (авторы) статьи, так и читатель её из числа специалистов в данной области. В таком случае слово предоставляется обеим сторонам. Этическая сторона дискуссии остаётся чаще всего на должной высоте, так как при открытом противостоянии взвешивается каждое слово. А назревшим дискуссиям по крупным научным проблемам, с участием многих сторон, время от времени уделяется достаточно места на страницах журналов. В Великобритании издавна издаётся даже специальный журнал Discussions of the Faraday Society, в котором отражены материалы таких дискуссий, предварительно проведённых в виде конференции. В подобных форумах участвовал, к примеру, ещё Д. И. Менделеев.

Сейчас практически все журналы выходят не только в бумажном, но и в электронном виде. Но есть журналы, издающиеся исключительно в электронном виде, причём статьи доступны бесплатно

online, но авторы предварительно должны оплатить эту публикацию (суммы обычно – порядка 500 евро). Эти журналы бесплатного доступа (open access journals) имеют двойственную репутацию; хотя статьи в принципе проходят рецензирование, но фактор предоплаты является, вероятно, очень весомым. Многие учёные на Западе, имея возможность оплатить такие расходы за счёт имеющихся в их распоряжении ресурсов, всё же считают подобные публикации нецелесообразными, отчасти из-за методов оценки деятельности научных работников по числу и уровню публикаций.

Тут нужно напомнить, что всё же значительная часть публикуемой даже в электронном виде информации является платной, и хорошо, если университет или Академия наук берет эти расходы на себя. Возникает вопрос: **нравственно ли требовать деньги за доступ к научной информации?** Обычно авторы, рецензенты и даже редакторы международных журналов проделывают свою работу бесплатно, но как финансировать техническую сторону издания (даже только лишь электронного) журналов и книг? Тем более что ведь большинство крупных издательств как раз нацелены на получение прибыли.

Итак, статья опубликована, и следующая группа нравственных проблем может быть объединена под названием «этика цитирования». Нарушения здесь могут быть как осознанными, так и неосознанными. Последние происходят по самой банальной причине: в условиях информационного взрыва исследователь может просто упустить из виду какую-то важную работу, напрямую относящуюся к его тематике, несмотря на наличие разнообразных удобных поисковых систем. Увы, спасением сегодня является лишь то, что большинство учёных специализируются в достаточно узкой области. Это позволяет выпускать высокопрофессиональные публикации, но и сужает кругозор, не позволяя (может быть, и навсегда) выйти за установленные рамки.

А сознательное игнорирование существенных работ других авторов чаще всего связано с надеждой на то, что читатели воспримут предлагаемую их вниманию статью как приоритетную. И надежда эта небезосновательна: как показывает опыт, если какая-то

теория, метод либо уравнение уже получили чьё-то имя или хотя бы привычно упоминаются в связи с определённой работой, то обнаружение подлинного первоисточника как правило не позволяет уже повлиять на инерцию цитирования. Чаще всего это происходило с незамеченными (или «незамеченными») работами, опубликованными на русском языке. Здесь главным противоядием является публикация своих работ по данной теме не только в одном и том же издании, и, главное, публикация не только в отечественных, но и в международных журналах.

Но коль скоро речь идёт об этике, то как тут не вспомнить слова академика Н. Н. Бекетова, произнесённые в публичной лекции «Наука и нравственность», читанной в Санкт-Петербурге в 1903 г.: «Между работниками науки даже, можно сказать, не существует конкуренции, а только соревнование, и всякое научное открытие приветствуется всеми членами ученой группы, разбросанной по лицу земли». И далее: «...пример солидарности научных деятелей всех стран вызывает все большее и большее сближение людей между собою и подготовляет их к мирной совместной работе на пользу всеобщей культуры» [2, с. 163–176]. Сейчас бы так...

Избыточное цитирование знакомых и друзей, редакторов журналов, потенциальных рецензентов, лиц, причастных к распределению грантов — комментариев не требует.

Иногда рецензенты и редакторы просят убрать ссылки на труднодоступные и потому кажущиеся им недоступными (unavailable) источники, каковыми оказываются, прежде всего, статьи и книги, написанные кириллицей.

Но часто бывает так, что при и без того обширном списке цитированной литературы автору необходимо выбрать для упоминания по какому-либо частному вопросу одну из двух-трёх равноценных статей. И тут опять-таки выходит на первый план мощь страны — экономическая, техническая, научная и пр. Так, если авторы одной из статей работают в Stockholm, Sweden, а другой — в Poltava, Ukraine, то среднестатистический член мирового научного сообщества сошлётся на первую из них. Это просто отражает международную котировку сегодняшнего уровня страны в целом. Ведь если Вам, читатель, предлагают в аптеке на выбор одно и то же лекарство, произведенное в Нидерландах и в одной из стран Восточной

Европы, то какое из них Вы выберете? Вроде бы голландское как-то понадёжнее будет.

Есть особенности цитирования в разных областях науки (например, ссылок на математические работы традиционно мало, и появляются они обычно не в первые два года после публикации, но значимость «царицы наук» от этого не снижается) и способы учёта цитирования. Приведём такой пример: информационная и наукометрическая база Scopus, одна из самых мощных на сегодня, охватывает огромное количество журналов и некоторые монографии, но ряд изданий в неё сознательно не включаются, вероятно, как второстепенные. Часто не попадают в неё и монографии, изданные даже в известных международных издательствах. Эта система служит не только для поиска научной информации, но и в значительной мере для автоматизированного учёта цитирования публикаций.

А издаваемый более ста лет в США (теперь – уже только в электронном виде) журнал Chemical Abstracts имеет другую цель: он включает всю доступную информацию, вплоть до интернет-изданий, депонированных статей и сборников местного значения. Эта система «усваивает» всё, что публикуется в мире по химии и смежным областям, и достаточно, например, посылать туда экземпляры очередных выпусков «Вестника Харьковского университета» по химии, чтобы рефераты содержащихся в них статей были включены в упомянутую базу данных.

Вопросы цитирования неизбежно приводят нас к проблеме этики оценки результативности и уровня учёного по публикациям и их цитированию. Естественно, что чем больше становится научных работников, тем острее встает вопрос об оценке их деятельности. И эта проблема является ключевой, в определённом смысле вбирающей в себя все вышерассмотренные.

Разумеется, выдающиеся результаты, порождающие новые направления в науке, встречаются и сейчас. Но есть и неизмеримо большее число вполне «прозаических», но также интересных и нужных, добротных работ. Наука закономерно превратилась в производство — производство результатов. И научные работники, получающие заработную плату, должны, так или иначе, отчитываться за проделанную

работу, тем более, если речь идёт о сравнительно абстрактных исследованиях, не дающих немедленного выхода в практику.

Конечно, наиболее простым критерием является количество публикаций. Но затем стало ясно, что нужно учесть и «другую сторону медали»: какая польза научному сообществу от публикаций данного автора? (Опять-таки, если даже одна публикация привела к прорыву в науке, технике либо медицине, то дополнительные критерии оценки научного работника уже излишни. Но это ведь бывает нечасто).

Поэтому следующий этап—оценка цитируемости работ учёного. Этот подход получил в наши дни широкое развитие. Наряду с общим числом цитирований наиболее распространён так называемый h-индекс (индекс Хирша) [12]. Если, к примеру, у данного автора h = 11, то это значит, что у него 11 статей, каждая из которых обнаружена в библиографическом списке не менее чем 11 других публикаций. Есть ещё и иные индексы, например, квадратичный g-индекс, и т.п. Причём самоцитирование здесь не спасает, так как база данных выдаёт значение h как общее, так и за вычетом ссылок на самого себя. Разрабатываются даже подходы к корректировке h-индекса для сравнения результативности исследователей, работающих в разных областях науки (физика, химия, биология и биомедицина, математика) [9].

Но известно, что «если достижение какого-то показателя становится целью, он перестаёт быть хорошим показателем» (закон Гудхардта) [5, с. 53]. Так, сегодня ни для кого не секрет, что «продвинутые» научные коллективы образуют картели по взаимному цитированию (citation-bartering). В этом ажиотаже теряются статьи, написанные не латиницей, а также не переведённые на английский язык. Но ведь научная деятельность предполагает поиск истины невзирая на лица и языки. Кроме того, важно и общее количество цитирований: h-индекс может быть невысоким, но на каждую из работ ссылок очень много.

Нужно ещё учесть, что иную статью могут прочитать или бегло просмотреть, но в дальнейшем не сослаться. Причём иногда и без злого умысла: просто в явном виде её в своей работе не используют, но что-то в памяти читателя отложится. То есть пользу статья всё же принесла.

С другой стороны, не следует забывать, что самые крупные результаты, вошедшие в учебники, цитируются не в традиционной форме, а просто путём упоминания фамилий авторов (уравнение Ленгмюра, кислоты Льюиса, теория Дебая—Хюккеля — подобный список для одной только физической химии будет огромным).

Следующий виток соревнований построен на учёте уже упомянутых рейтингов журналов. Например, используется произведение числа статей на импакт-факторы журналов. Но и тут всё очень субъективно. Ведь если финансирование учёных и целых научных коллективов сводится к подсчету статей в журналах с высоким импакт-фактором (например, не ниже IF = 5), то не становятся ли редакторы таких журналов закулисными распределителями грантов? А ведь, по меткому замечанию Бальзака, «раны честолюбия невыносимы, если их разжечь денежной кислотой».

Погоня редакций журналов за высоким IF порождает совершенно специфические приёмы, иногда явно неэтичные [15, с. 57]. Но даже «честный» отбор публикаций исключительно с прицелом на их последующую множественную (не только из-за чисто научной ценности) цитируемость привёл, например, к тому, что профессор Р. Шекман в статье, опубликованной в «Гардиан» за день до вручения ему Нобелевской премии, подверг резкой критике редакции журналов Nature, Cell и Science, и сообщил, что рекомендует своим сотрудникам избегать эти журналы и советует всем учёным делать то же самое [15]¹.

Разумеется, причина всех коллизий как нравственного, так и сугубо технического, прагматического характера — всё углубляющаяся неспособность научного сообщества объективно оценить своих коллег. Да и само понятие «научное сообщество» сегодня довольно расплывчато, хотя бы из-за несметного множества учёных. И есть ли сегодня в каждой области науки свой «Гамбургский счёт» (honest rating)?

В итоге оценивается количество (число публикаций, ссылок на них, и т.п.) как критерий качества. Конечно, всевозможные статис-

¹ Пользуюсь случаем выразить благодарность профессору А. И. Коробову, обратившему моё внимание на эту и следующую публикации [11, 15].

тические показатели полезны, но не должны быть решающими. Они удобны, как показывает мировая практика, главным образом для чиновников, но подчас вынуждают учёных «бежать за линией горизонта». Ведь нужно же исследователю иметь время, чтобы не только писать статьи, но и просто сидеть и думать...

Недавний Нобелевский лауреат по физике П. Хиггс после своей важнейшей работы 1964 г. опубликовал менее десятка статей и, по его собственным словам, не был бы поэтому признан «достаточно продуктивным» по сегодняшним меркам [11]. (Эти две статьи Нобелевских лауреатов в «Гардиан» для научного мира чем-то напоминают публикацию в той же газете материалов Э. Сноудена: в них речь идёт о вещах, о которых и без того догадывались, но всё же полезно то, что они подтверждаются компетентными людьми)¹.

Сегодня о неправомерности ранжирования авторов по IF журналов, в которых они публикуются, говорят уже многие авторитетные учёные [3]. Но критика h-индекса и IF, хлёсткие заголовки вроде «Бегство от импакт-фактора» [5, с. 46] и «Гнусные цифры» [5, с. 52] не должны приводить к нигилистическому игнорированию всех численных показателей такого рода. Иначе научный работник, опубликовавший множество своих результатов в международных журналах и многократно цитируемый, будет оценён не выше своего коллеги, публикующегося лишь в сборнике трудов собственного университета. На последний случай в реалиях сегодняшней Украины существует ещё и объяснение: «треба себе поважати».

Последняя формула кажется гротескной, но и в ней есть некоторая доля истины. Если все квалифицированные специалисты будут публиковаться только в иностранных журналах, то не будем ли мы иметь сорокамиллионную страну без собственных качественных научных изданий? Некоторые японские химики придерживаются такой практики: две статьи — в международные журналы — одну в

¹ Кстати, истории присуждения Нобелевских премий тоже дают своеобразный материал к размышлению, в том числе об этике взаимоотношений выдающихся учёных. Так, интересно в этом отношении содержательное повествование о Нобелевских премиях по химии [10].

национальный². Подобная линия представляется вполне нравственной.

Может быть, для сравнительной оценки научных работников следует рассматривать лишь две-три основные работы за последние нескольколет. Кстати, оценивая итоги работы учёного в целом, обычно называют полученные им главные результаты и подготовленных им учеников. Если при этом общее число опубликованных статей и книг велико, то это скорее может говорить о трудолюбии и методичности автора, а если мало — о его строгом отношении к своему творчеству... И то, и другое одобрительно воспринимается как в юбилейном приветствии, так и в некрологе.

Наконец, практика оценки деятельности учёного и финансирования его работ по их числу публикаций и их цитированию в сущности подталкивает к неблаговидным поступкам. Как сообщает англоязычная газета «South China Morning Post» (9 January 2010), двое китайских профессоров за публикацию подтасованных результатов были уволены из университета и исключены из Коммунистической партии, со всеми вытекающими отсюда последствиями [13]. А ведь в Китае оценивание научных работников основано именно на бюрократическом учёте числа статей в международных журналах.

Но зачем далеко ходить? Министерство образования и науки Украины требует теперь для представления к защите кандидатской диссертации наличия пяти статей. Понятно, что существенная часть научных публикаций — это работы с участием аспирантов и прочих соискателей учёных степеней, и в итоге будет расти число публикаций в целом по стране. Но если речь идёт о подготовке кадров высшей квалификации, то ведь и в одной хорошей статье в солидном международном журнале можно изложить всю кандидатскую диссертацию (тем более что обычно предоставляется возможность приложить к такой статье доступные только online вспомогательные материалы в неограниченном объеме, хоть всю диссертацию). Так что здесь просматривается ещё и недоверие, увы, небезосновательное, к некоторым «добрым» специализированным советам по при-

 $^{^{2}}$ Автор узнал это от профессора С. Н. Штыкова, которому довелось сотрудничать с японскими коллегами.

суждению учёных степеней. А ведь эти советы и есть первичные ячейки научного сообщества.

Здесь мы поневоле подошли к проблеме оценивания не только отдельных учёных и научных коллективов, но и целых стран по числу научных публикаций и связи количественных показателей с финансированием [1, 14]. Но это уже выходит за рамки настоящей статьи

Библиографические ссылки

- 1. *Арутионов В. С.* Наука как один из важнейших институтов современного государства / В. С. Арутюнов // Российский химический журнал. − 2007. T.51. № 3.
- 2. *Бекетов Н. Н.* Речи химика. 1862–1903 / Н. Н. Бекетов. СПб.,1908.
- 3. Викривлення імпакт-фактору // Вісник НАН України. 2013. № 7.
- 4. *Золотов Ю. А.* Что же такое лженаука? / Ю. А. Золотов // Universitates. 2003. № 4 (16).
- 5. Игра в цыфирь, или как теперь оценивают труд ученого (сборник статей о библиометрике). М., 2011 [http://www.mccme.ru/free-books/bibliometric.pdf].
- 6. *Ключевич А. С.* Флавиан Михайлович Флавицкий / А. С. Ключевич. Казань. 1978.
- 7. *Кузнецов В. И.* Из исторического опыта науки / В. И. Кузнецов // Вестник РАН. -2003. Т. 73. № 9.
- 8. Сборник «В память 50-летия учёной деятельности Н. Н. Бекетова». X., 1904
- 9. *Batista P. D.* et al. Is it possible to compare researchers with different scientific interest? / P. D. Batista, M. G. Campiteli, O. Kinouchi, A. S. Martinez // Scientometrics. 2006. V. 68, no. 1.
- 10. Coffey P. Cathedrals of Science / P. Coffey // Oxford University Press. 2008.
- 11. Higgs P. I wouldn't be productive enough for today's academic system // The Guardian. -2013.-6 December.
- 12. *Hirsch J. E.* An index to quantify an individual's scientific research output / J. E. Hirsch // Proc. Natl. Acad. Sci. USA. 2005. V. 102, no. 46.
- 13. Kotov N. A. Fraud, the h-index, and Pasternak / N. A. Kotov // ACS NANO. 2010. V. 4, no. 2.
- 14. Russia to boost University Science // Nature. 2010. V. 464. 29 April.

- 15. Schekman R. How journals like Nature, Cell and Science are damaging science // The Guardian. – 2013. – 9 December.
- 16. Walden P. Wilhelm Ostwald // Ber. Deutsch. Chem. Ges. A. 1932. Bd. 65, Nr. 8/9.

УДК 930:167

В. С. Савчук

Дніпропетровский национальный университет им. Олеся Гончара

ИСТОРИЯ НАУКИ:

её самоопределение в «рафинированном» научном сообществе

Розглянуто проблему самовизначення історії науки у підмножинах перехрещень історичних і природничих наук в умовах «рафінування», самоочищення природничих наук від зовнішніх викликів історії науки.

Ключові слова: історія науки, природничі науки, самовизначення історії науки, рефлексія природознавців, етична складова.

Рассмотрена проблема самоопределения истории науки в подмножествах пересечений исторических и естественных наук в условиях «рафинирования», самоочищения естественных наук от внешних вызовов истории науки.

Ключевые слова: история науки, естественные науки, самоопределение истории науки, рефлексия естествоиспытателей, этическая составляющая.

The article focuses upon the problem of self-determination of the history of science on the borderlands of historical and natural sciences in the conditions of «refining», self-purification of natural sciences from external challenges of history of science.

Historian of concrete science often finds himself in situation, when his attempts to work on crossing subset of historical and natural sciences are perceived by «refined» natural specialists as the attempts to cross the forbidden border. Moreover, these limits between history of science and science itself are often built by natural scientists. The article describes professional reflection of «refined physicists» on the

[©] Савчук В. С., 2014.

problem of status of history of physics. The main question is: is this history of physics or physics history? The majority of physicists in Ukraine tend to relate the history of physics as purely social science, not the section of physics itself. At the same time some outstanding physicists, for example Y. G. Dorfman, stressed the specific status of history of physics and supported its opportunity to «intervene» physics as its specific branch. In Russia, the problem of the place of history of science in the «refined scientific community» is solved. Subject of history of science is an organic component of the laminated science. It allows to defend the thesis for the degree in the specific area of science. In Ukraine the self-determination of the history of science is problematic. The sharp distinction, demarcation of various branches of science leads to the fact that its «body» drops out, some subject areas of research disappear. As the result in Ukraine history of physics and mathematics, as such, has disappeared. This branch of knowledge officially does not exist.

Key words: history of science, natural science, self-determination of the history of science, reflection of naturalists, ethical component.

Хотелось бы начать изложение с того, что проблема внешней междисциплинарности неизбежно приводит к проблеме междисциплинарных взаимоотношений, возникновению проблемы «чистоты» той или иной дисциплины, влиянию степени её «рафинированности» на развитие исследований в смежных дисциплинах и всегда имеет еще и этическую составляющую.

Напомню, что в технике «рафинированный» означает очищенный, подвергнутый очистке, содержащий минимальное количество примесей, либо обнаруживающий себя наиболее полно, сильно; самый настоящий, подлинный. Либо термин употребляется в неодобрительном смысле, чересчур чистый, нарочито правильный.

Насколько сложным является в этом контексте самоопределение истории науки как определенного направления, как определенной дисциплины в «рафинированном» научном сообществе. Каковы этические нормы её взаимодействия с гуманитарными науками (например, историческими науками) и естественными (например, физико-математическими или техническими). Имеет ли право такая отрасль знания как история науки вторгаться на «территорию» естественных наук или она должна быть историей конкретной науки, например физики или математики, чтобы рафинированные «естественники» воспринимали её как свою. Каковы критерии такого соответствия, и существуют ли они? Насколько эти критерии явля-

ются строгими или размытыми. Оказывается, что они достаточно размыты.

Историк науки, а более точно историк конкретной науки (физики, химии, математики) довольно часто оказывается в ситуации, когда неформальные подмножества пересечений исторических и конкретных естественных наук в его исследовательской практике воспринимаются «рафинированными» естественниками как попытка пересечь границу запретного, часто выстроенную ими самими. При этом у естествоиспытателя возникает определенная рефлексия по отношению к понятию история конкретной науки (например, история физики).

Что такое история конкретной науки, такой, например, как история физики, история химии и т. п.? Это **история** физики или **физики** история? И как ответят на этот вопрос «рафинированный» историк и «рафинированный физик»?

Для иллюстрации сказанного можно было бы привести два текста, в которых речь идет об одной и той же концептуальной физической идее, но, в первом случае, текст оформлен по канонам исторической науки, а во втором – по канонам физики. Соответственно, и опубликованы они были в разных изданиях: один в историческом журнале, второй – в физическом.

В условиях междисциплинарности, оказывающей сильнейшее влияние на развитие истории науки, и, на наш взгляд, неполноты содержательной наполненности предмета истории науки, происходит постоянное изменение взглядов на её роль, на её место в дисциплинарной структуре наук, на то, в каких областях науки должны присуждаться степени при защитах историко-научных диссертаций и т. п.

С историей конкретных наук все точно также. Сначала — нет, потом — да, теперь опять нет. Почему так? Может быть причина в том, что история науки подобна многослойному пирогу и трудно определить предмет её исследований?

Предметное самоопределение любой научной дисциплины всегда наполняется конкретным содержанием в зависимости от того, *какая именно модель предмета-оригинала* рассматривается в данном конкретном случае.

Если судить по паспорту специальности «История науки», то вопросов не возникает. История науки — это действительно историческая наука со следующими направлениями исследований:

- развитие научно-технического потенциала страны;
- закономерности и механизм развития науки, факторы, влияющие на этот процесс;
- историософия и методологические основания развития науки;
- эволюция социальной функции науки;
- периодизация истории науки;
- история популяризации науки;
- формирование и развитие научных школ;
- развитие форм организации науки (академий, институтов, лабораторий, научных собраний, научных обществ);
- история выдающихся научных открытий;
- историческая биографистика ученых и организаторов науки;

Взглянем теперь на паспорт существовавшей еще не так давно специальности «История физико-математических наук» и её направления исследований:

- выявление тенденций и логики развития науки, исследование процессов её дифференциации и интеграции, истории развития фундаментальных научных идей и теорий, отдельных научных направлений в области физико-математических наук;
- исследование структурных особенностей физикоматематических наук, эволюции их идей, методов и концепций;
- исследование научной и научно-организационной деятельности ученых, их вклада в развитие физико-математических наук;
- история становления и развития отдельных научных проблем, направлений в области физико-математических наук;
- восстановление приоритетов украинских ученых, возрождение забытых и умалчиваемых имен;

Как видите, разница в предмете исследования для этих дисциплин достаточно существенная. Тем не менее, значительная часть физиков Украины (но далеко не все) склонны относить историю физики к категории сугубо общественных наук, не выходя за их рамки. В свое время известный физик с мировым именем и историк физики Я. Г. Дорфман так определял эту науку: «История физики изучает

процесс развития физических знаний в связи с историей человечества, являясь разделом самой физики, она в то же время тесно соприкасается с общественными науками» [1]. Из высказывания следует, что в основе этой науки лежит физика. Однако, соглашаясь с тем. что «история физики изучает процесс развития физических знаний в связи с историей человечества» некоторые физики делают вывод. что «хотя история каждой конкретной науки очень близка и тесно связана с этой наукой, она нею не является» [1]. Более того, оценивая мнение Я. Г. Дорфмана о том, что «история физики есть раздел самой физики», высказывается мысль о том, что «возможно он этим давал оценку и определял место своих работ» [1]. И здесь конечно, смысл ответа Я. Г. Дорфмана переиначен. Из контекста ответа ушла фраза о том, что история физики является разделом самой физики. Во-вторых Я. Г. Дорфман не говорил, что история физики является физикой, а говорил о том, что она будучи разделом самой физики. в то же время тесно соприкасается с общественными науками. То есть определял специфичность истории физики как науки и при этом совершенно четко оставлял за ней возможность «вторгаться» в физику на правах её раздела.

То есть, здесь без всяких сомнений, проявляется этическая составляющая рефлексии ряда физиков на вопрос о том, насколько история физики воспринимается физиками разной степени» рафинированности», если можно так выразиться.

Как положительный пример разрешения подобной ситуации сошлюсь на специальность «общая педагогика и история педагогики». В паспорте этой специальности есть такие направления предметной области исследований:

- розвиток національної педагогіки;
- культурно-антропологічна історія освіти;
- українська народна педагогіка в її історичному контексті;
- історія розвитку освіти в Україні в різні історичні періоди;
- дитинство як об'єкт історико-педагогічного знання;
- персоналія в історико-педагогічному дискурсі.

Здесь историческая составляющая значительно сильнее, чем для специальности «история физико-математических наук». Но присуждаются по этой специальности (и, на взгляд автора статьи, совершенно справедливо) степень в области педагогических наук.

В формальном контексте законодательной основой служит то, кто находится во главе структур, определяющих степень дозволенного вторжения историков физики в физику. В этом контексте напомню известный всем факт, что степень дозволенного эротизма определяется зачастую людьми, формально ответственными за моральные устои общества.

В России эта проблема междисциплинарности, проблема места истории науки в «рафинированном научном сообществе» решена. Предмет истории конкретной науки является органичной составляющей многослойного предмета истории науки, что позволяет при соблюдении соответствующих критериев, удовлетворяющих содержанию предмета истории конкретной науки защищать диссертацию историку (науки) физики на соискание соответствующей степени физико-математических наук. В Украине такая возможность исключена, даже если твои работы публикуются в крупнейших естественнонаучных журналах.

Как известно, достаточно часто интересные результаты появляются на стыке наук и не так уж важно, какова степень того, кто получил эти результаты. Этика взаимоотношений в научном сообществе требует того, чтобы «рафинированность» той или иной группы ученых, понимающих свою науку как наиболее очищенную от «примесей» других наук, считающих её наиболее полной и настоящей, не превратила бы её в дисциплинарный «дистиллят», чересчур чистый и нарочито правильный.

При этом резкое разграничение, размежевание различных разделов науки приводит к тому, что из её «тела» выпадают, исчезают предметные области исследований, появляются ничем не заполненные лакуны. Как пример. Я приводил предметную область исследований такой науковедческой дисциплины как история физико-математических наук. Такой отрасли знаний официально в настоящее время уже не существует и исследования в этой предметной сфере не в контексте предмета истории физико-математических наук (не путать с контекстом предмета истории науки) либо не ведутся, либо являются выхолощенными, а история науки не перекрывает своей предметной областью то, что ликвидировано.

Завершая изложение проблемы, хочу высказать свою точку зрения о том, что процесс самоопределения такой дисциплины как история науки не завершен, хотя история науки ведет свое начало

от Аристотеля. История науки находится в сильной зависимости от других, я бы сказал, «нормативных» дисциплин, содержание её предметного поля и структура постоянно меняются, достаточно сильно зависят от конъюнктуры, от субъективных факторов, существует много методологических подходов к предмету этой науки. Все это говорит о том, что самоопределение истории науки в множественно «рафинированном» научном сообществе — это не только вопрос формального определения предмета истории науки, но и вопрос вза-имоотношений в научном этосе.

В этом контексте хотелось бы напомнить ученому сообществу слова выдающегося философа П. Л. Лаврова: «Историк, относящийся с пренебрежением к натуралисту, не понимает истории; он хочет строить дом без фундамента, говорить о пользе образования, отрицая необходимость грамотности. Естествоиспытатель, относящийся с пренебрежением к историку, доказывает лишь узость и неразвитость своей мысли» [2].

Но так мыслят титаны науки. А в действительности, при существующем в Украине подходе к решению междисциплинарных взаимоотношений, самоопределение истории науки является проблематичным. И прийти в таком случае к каким-то концептуальным соглашениям представляется в настоящее время неразрешимой задачей.

Библиографические ссылки

- 1. Дорфман Я. Г. История физики, ее предмет и задачи / Я. Г. Дорфман // Всемирная история физики: С древнейших времен до конца XVIII века. М., 2010.
- 2. Лавров П. Л. Письмо первое. Естествознание и история / П. Л. Лавров // Философия и социология. Избранные произведения в двух томах. М., 1965.-T.2.

УДК 619(09)+930.1

В. В. Вакулик

Днепропетровский государственный аграрный университет

ИСТОРИЯ ВЕТЕРИНАРНОЙ МЕДИЦИНЫ В СИСТЕМЕ КЛИНИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН:

вынужденный компромисс или необходимый симбиоз

Розглядається місце і роль «Історії ветеринарної медицини» в системі клінічних дисциплін ветеринарного профілю. Проводиться аналіз структури навчальних програм ветеринарних факультетів в контексті неформального відношення адміністрації і студентів до загальнобіологічних, клінічних і допоміжних дисциплін. Дана характеристика мети і завдань, що стоять перед «Історією ветеринарної медицини» в наш час і в ретроспективному плані. Простежено мотивацію студентів до вивчення дисципліни залежно від правильної розстановки акцентів і актуалізації проблем, що лежать в полі компетенції «Історії ветеринарної медицини». Наведено дані про гіпотезу та результати психолого-педагогічного експерименту спрямованого на стимуляцію і розвиток клінічного мислення у студентів ветеринарів під час навчання їх на профільних кафедрах. Пропонується переосмислити основну функцію «Історії ветеринарної медицини» як засобу, що забезпечує тісний інтелектуальну зв'язок клінічних дисциплін та формує особливий специфічний лікарський стиль мислення.

Ключові слова: історія ветеринарної медицини, клінічні дисципліни, клінічне лікарське мислення, мотивація до навчання, психолого-педагогічний експеримент.

Рассматривается место и роль «Истории ветеринарной медицины» в системе клинических дисииплин ветеринарного профиля. Проводится анализ структуры учебных программ ветеринарных факультетов в контексте неформального отношения администрации и студентов к общебиологическим, клиническим и вспомогательным дисциплинам. Дана характеристика цели и задач, стоящих перед «Историей ветеринарной медицины» в настоящее время и в ретроспективном плане. Прослежена зависимость мотивации студентов к изучению дисциплины от правильной расстановки акцентов и актуализации проблем, лежащих в поле компетенции «Истории ветеринарной медицины». Приведены данные о гипотезе и результатах психолого-педагогического эксперимента направленного на стимуляцию и развитие клинического мышления

[©] Вакулик В. В., 2014.

у студентов ветеринаров во время обучения их на профильных кафедрах. Предлагается переосмыслить основную функцию «Истории ветеринарной медицины» как средства обеспечивающего тесную интеллектуальную связь клинических дисциплин и формирующего специфический врачебный стиль мышления.

Ключевые слова: история ветеринарной медицины, клинические дисциплины, клиническое мышление, мотивация к обучению, психологопедагогический эксперимент.

The article focuses on the place and role of the discipline «History of Veterinary Medicine» in the system of clinical disciplines of veterinary profile. The author analyzes the structure of educational programs, used on veterinary faculties, and informal attitude of university administration and students to general biological, clinical and auxiliary disciplines on the example of Dniepropetrovsk State Agrarian University.

Trying to overcome wide-spread neglect of the discipline, the author stresses its importance in the training of veterinary specialists with higher education. «History of Veterinary Medicine» is regarded as necessary means for generating clinical or medical style of thinking of the future specialist, the ability to develop creatively manipulate arrays accumulated in years of study. It also plays important role in formation of personal and professional identity. To achieve this effect, history of veterinary medicine should not be limited to simple factual statements. It must be presented to students not as frozen given, but as a dynamic and rapidly developing knowledge of modern science, its evolution and prospects to understand the world. Then it naturally becomes a necessary element in the cycle of clinical disciplines.

The author makes suggestions how it is possible to motivate students to study «History of Veterinary Medicine». One of the ways is to tell the stories of veterinary medicine in the key of local history and in connection with the subject of clinical disciplines. Then regional veterinary medicine itself appears in the mind of the student, as a special and colorful subculture, directly relevant to the veterinary practice. Recommendations are based on the results of educational psychology experiment conducted at the Faculty of Veterinary Medicine of the Dniepropetrovsk State Agrarian University.

Key words: history of veterinary medicine, clinical science, clinical reasoning, motivation for learning, psycho-pedagogical experiment.

Ветеринарная медицина прошла многовековой путь развития. Менялись цели и задачи ветеринарной деятельности. Менялась сама ветеринария. В этом контексте весьма интересна семантика терминов ассоциирующихся с ветеринарной деятельностью. Так в античной истории ветеринария называлась то гиппиатрикой (gippiatrika), то муломедициной (mulomedicina), указывая тем самым на главные объекты своей деятельности - лошадей и мулов. Начиная с I в. н. э. все чаще встречается собственно название ветеринария (veterinarius), что буквально значит ухаживающий и лечащий скот. В делопроизводстве Российской империи данный вид профессиональной деятельности вплоть до середины XIX в. часто именовался коновальною наукою или же просто коновальским мастерством. В то же время, появившаяся в 1805 г. при Харьковском университете новая врачебная специализация получила свою прописку на кафедре скотолечения. Но уже с середины XIX в. термин ветеринария становится общим для всех врачей этого направления не зависимо от специализации, будь то лечебная работа или экспертная деятельность, и не зависимо от профильного направления — коневодства, свиноводства или, к примеру, кинологии.

То есть постепенно, в ходе эволюции научного знания и ветеринарной медицины, по мере дифференциации ее научно-практических направлений была выработана некая общая, фундаментальная концепция, лежащая в основе восприятия всей ветеринарной деятельности. Естественно, что подобные изменения оказывали влияние и в значительной степени корректировали учебные программы институтов, занимавшихся профессиональной подготовкой ветеринарных специалистов. Это влияние, чаще всего, затрагивало ведущие профильные и так называемые вспомогательные дисциплины, изменения же в списке общеобразовательных предметов редактировались в соответствии с политической и социальной ситуацией в обществе. Также естественно, что структуризация учебных программ исходила из объективной необходимости преподавания той или иной учебной дисциплины и, при том, в соответствующем времени и обстоятельствам формате.

Как правило, актуальность дисциплин, «традиционно» преподаваемых в ветеринарных вузах и на факультетах, была очевидной и дополнительных разъяснений не требовала, ограничиваясь вступлением к читаемому курсу. Но при появлении в учебных программах «дополнительных» дисциплин, особенно тех, которые заполнить пограничные междисциплинарные призваны были лакуны, к которым относится и «История ветеринарной медицины», выше обозначенный метод презентации оказался не эффективным. Это, в свою очередь, обуславливало недостаточно высокую мотивацию изучения дисциплины уже в самом начале курса. То есть, пренебрежение вводной частью курса таких дисциплин, а точнее ее не разработанностью, становится возможной причиной формирования у студентов маргинального отношения к обучению. Известный исследователь истории медицины академик М. Б. Мирский отмечал: «Историю медицины... многие представляют описательной дисциплиной... Полагаю, что такие представления уже давно не соответствуют действительности»; и далее: «Современная история медицины... как и история других наук, является частью и, более того, фундаментом комплексной научной дисциплины – науковедения...» [1, с. 3]. Полностью разделяя это мнение, добавим: изучение закономерностей развития медицинской науки, её взглядов и методологии является неотъемлемым условием формирования клинического мышления у будущего специалиста.

Другой классик истории медицины Л. Я. Скороходов, отмечая частое сведение данной дисциплины к простому перечислению и хронометрированию событий, писал, что врача, прежде всего, должна интересовать научная критика разбираемого историко-научного медицинского явления, факта, закономерности [2, с. 5].

В контексте истории ветеринарной медицины неразработанность проблем, связанных с обоснованием ее актуальности, недостаточная изученность ее симбиотической функции в системе клинических дисциплин выглядит еще более контрастной. Попытка внести ясность в этот вопрос или хотя бы наметить пути его решения и стала определяющей при выборе цели нашего исследования.

Безусловно, существуют так называемые базовые медицинские дисциплины, без которых невозможна подготовка ветеринарного врача любого направления и специализации. К ним, прежде всего, относятся анатомия, физиология и другие общебиологические направления. Совершенно невозможна подготовка врача вне цикла учебно-клинических дисциплин: диагностики, терапии, хирургии, акушерства и прочих. Особое место в образовательном процессе занимают фармакология, паразитология, ветеринарная экспертиза и многие другие предметы. Степень важности и значимости выше перечисленных дисциплин, их иерархическое положение выявить крайне трудно, если вообще возможно. В силу диалектического единства материального мира и целостности биологического организма их первенство или второстепенность будут весьма условны.

И все же существует особенная внутренняя градация студенческого отношения к изучаемым предметам. Нередко она субъективна, даже предвзята, самонадеянна и не слишком убедительна, но она все же существует. Часто молодой человек на свое собственное усмотрение выбирает главное в образовании и сколь легкомысленно, столь же и радикально отсекает второстепенное, не чувствуя и не понимая взаимоотношения частного и целого.

Более странно выглядит иерархическая дифференциация дисциплин, осуществляемая администрацией вузов и выражающаяся распределением тематической и почасовой нагрузки в тех или иных профессионально образовательных направлениях. Причем речь, скорее всего, идет не о фактической информативной наполненности предмета или о времени, необходимом для освоения специальных практических навыков, а именно об его субъективной важности, целесообразности освоения теми или иными курсами, специализациями. В этой, в общем-то имеющей смысл дифференциации, на наш взгляд, иногда допускается произвольное и необоснованное дистанционирование от дисциплин, негласно обозначенных как «второй план».

К сожалению, именно такое место занимает в учебных планах ветеринарных вузов и факультетов Украины «История ветеринарной медицины». К примеру, на факультете ветеринарной медицины в Днепропетровске для чтения этого курса отводится максимум восемь лекций и восемь семинаров в течение всех пяти лет обучения. Для магистров этот курс вообще не предусмотрен. При этом отметим, что типовая программа, разработанная Министерством аграрной политики Украины в 2004 г., предусматривает изложение этого курса в объеме 14 лекций и 26 часов самостоятельной работы [3, с. 3].

Такой диссонанс в распределении учебной нагрузки вызывает двойственное ощущение. Либо это уверенность администрации в высоком образовательном статусе абитуриентов, поступающих на факультет ветеринарной медицины, их широкой эрудиции и способности к самообразованию, либо, самое прискорбное, непонимание реальной ситуации и значения истории ветеринарной медицины в формировании личности ветеринарного специалиста.

Вместе с тем, самое ближайшее изучение ситуации показывает, что уровень знания *истории* современными студентами *неисторических* специальностей *крайне* низок. Причем неважно: идет ли речь об истории Украины, всеобщей истории или истории родного села и даже своей семьи. Удивление вызывает тот факт, что значительная

часть студентов, окончив школу с высокими оценками, испытывает затруднение уже перед такими простыми заданиями, как поиск на карте мест расположения Великих речных цивилизаций, обозначения хронологических границ Средневековья или раскрытие термина «колхоз». Значительная часть студентов не читают ни художественной, ни научной литературы, выходящей за рамки обязательной программы. То есть не развивают свою эрудицию и не занимаются самообразованием. Причина подобного явления многогранна и не входит в задачи нашего исследования. Но сам факт низкой мотивации студентов в отношении изучения как общеисторических, так и профильных исторических дисциплин лежит на поверхности.

По нашему глубокому убеждению, отсутствие «хорошего, так сказать, воспитанного с детства вкуса» к своей истории, а значит, в конечном счете, и к самому себе – явление социальное и, повторимся, многокорневое. Очевидно, что вечернее домашнее чтение всей семьей Карамзина или свежего номера «Русской старины» – артефакт. Но ведь учебные заведения традиционно являются не только индикаторами, но и маяками для многих социальных настроений. А значит и в их силах формировать «вкусы населения», тем более «вкусы» у избранных, ведущих, тех, кто со временем и сам станет, должен стать законодателем вкуса и мировоззрения, то есть специалистом именно с высшим университетским образованием в самом широком смысле этого слова.

Однако именно с такой задачей современные вузы часто не справляются. Одной из ярких иллюстраций сложившегося положения вещей является отсутствие в Украине единого учебника по истории ветеринарной медицины с «грифом министерства». Сегодня библиотеки предлагают студентам «Историю ветеринарии» И. Н. Никитина и В. И. Калугина, изданную в Москве в 1988 г. [4]. Безусловно, этот труд является для нас бесценным источником информации по истории ветеринарной медицины, но стиль его написания – тезисный, конспективного характера, а слог – сухой и сжатый. Сомнительно, чтобы такой учебник стал для студента скольконибудь заметным мотивирующим фактором к изучению истории ветеринарной медицины. К слову, в России за последние двадцать пять лет издано, по меньшей мере, 3 новых учебника [5; 6; 7].

Да, наши ученые и энтузиасты истории ветеринарной медицины обращают внимание на обозначенные проблемы и прилагают немало усилий для актуализации обсуждаемого предмета. Самым известным исследователем в области истории ветеринарной медицины Украины сегодня является профессор С. К. Рудик. Из-под его пера вышел целый ряд книг, посвященных самым разным аспектам истории ветеринарной медицины, они пронизаны патриотическим настроением и гордостью за профессию ветеринарного врача.

Но здесь речь идет не о творчестве отдельно взятых ученых, а об отношении администрации профильных вузов к проблеме и даже, если сказать более точно, к пониманию сути проблемы, определению места истории ветеринарной медицины в системе клинических дисциплин.

Очевидно, что анализ обозначенной ситуации, кроме прочего, лежит в плоскости определения смыслов, цели и задач, стоящих перед историей ветеринарной медицины как учебной дисциплиной и наукой. В учебнике И. Н. Никитина и В. И. Калугина предлагается свой вариант понимания этого момента: «История ветеринарии обобщает накопленные знания, обогащает мировоззрение... имеет большое значение для патриотического воспитания современного ветеринарного врача».

Предыдущий отечественный (он же первый) учебник по «Истории ветеринарии в СССР», подготовленный профессором В. М. Короповым еще в 1954 г., целью изучения предмета называет: «...обобщение опыта ветеринарного дела и систематизацию имеющихся по этому вопросу данных...».

Учебное пособие, современного российского автора Т. И. Минеевой «История ветеринарии» (2005 г.), выделяет следующие главные задачи, стоящие перед предметом: «...усвоение фактических данных из прошлого ветеринарии, формирование у студентов исторического подхода к пониманию процессов развития ветеринарии, воспитание чувства гордости и патриотизма...».

Вне всякого сомнения, все вышесказанное совершенно верно *apriori* и не требует дополнительного разъяснения. Но только при условии соответствующего идеологического статуса или настроения учащегося.

В свое время советское государство уделяло огромное внимание формированию общественного сознания, предоставляло возможности, моделировало ситуации и осуществляло контроль за идеологическим, а значит и нравственным воспитанием своих граждан. То

есть, к студенческому возрасту шкала ценностей индивидуума была полностью или почти полностью сформирована и готова впитывать в себя настройку, соответствующую базису, частью которого становилась, в том числе и история ветеринарии. Советский студент четко знал «что такое хорошо и что такое плохо». В структуре его мотиваций общественное признание, социалистическое соревнование, строительство светлого будущего, выполнение решений партии если и не абсолютизировались, все же были как минимум средством для достижения личного и семейного блага.

Современное же студенчество, в основной своей части, куда как более прагматично поколений комсомольцев и покорителей целины. И редко главным мотивом к освоению новой специальности становится четкая и оформленная идея политического, нравственного или этического содержания. В сознании же человека, не владеющего навыками философского осмысления действительности, испытывающего реальное беспокойство за свое будущее, желание добиться личного благополучия нередко идет вразрез с традиционными понятиями о профессиональной этике и достоинстве

Постсоветский период, вслед за политическими и социальными метаморфозами, привнес серьезные изменения и в структуру рынка труда. Появился целый ряд новых профессий до этого или не существовавших, или имевших другой статус. Так, в селе ветеринарный специалист входил в элитарную группу: председатель, парторг, агроном, зоотехник, бухгалтер и другие. С ликвидацией колхозносовхозной системы ситуация радикально поменялась. Вместо «вчерашних» коллективных хозяйств заказчиками услуг стали фермеры, акционерные общества, разного рода аграрные фирмы и холдинги. Появились частные ветеринарные врачи, столкнувшиеся с массой новых, ранее не известных проблем. Изменения произошли и в адресации услуг. В представлениях обывателя изменился сам «образ» ветеринара - под влиянием рекламы он принял новый евроамериканский манер: меньше морали – больше технологий.

На смену многотысячным животноводческим комплексам пришли редкие крестьянские хозяйства с поголовьем в несколько десятков животных. Вместе с тем в регионе появилось несколько аграрных предприятий, возможности которых не уступают аналогичным предприятиям стран Евросоюза - с компьютеризированными фермами, научно-практическими центрами, фармакологическим обеспечением наивысшего уровня. Активизировалось перемещение населения в другие страны — это вызвало больший спрос на специалистов ветеринарно-санитарного контроля, ветеринарной милиции, ветеринарной таможни. Появились нетрадиционные области животноводства-птицеводства: разведение перепелов, страусов, любители стали приобретать редких и экзотических животных. Ясно, что такие изменения в сфере профессиональной деятельности повлекли за собой изменения и в акцентах профессионального образования.

И если задачи клинических дисциплин при этом остались прежними (в конце концов смена политического строя непосредственно не влияет на законы биологии), то задачи дисциплин, формирующих личность профессионала, его этические, мировоззренческие аспекты, изменились весьма существенно.

В такой ситуации возникла необходимость выделения симбиотической образовательно-производственной функции в контексте учебной дисциплины «Истории ветеринарной медицины». Другими словами, появилась потребность, не отмежёвываясь от академизма, теоретического и воспитательного характера предмета, найти в нем новое рациональное содержание и указать пути его реализации в профессиональной деятельности врача.

C целью выяснить доминанты, руководившие молодыми людьми при выборе профессии врача ветеринарной медицины, в русле общего исследования, нами было произведено интервьюирование первокурсников ДГАУ. Были получены и обобщены следующие результаты, по которым абитуриентов можно условно разделить на три группы.

Первая группа. Вчерашние школьники, любившие зоологию и ботанику, активно занимавшиеся в кружках биологического профиля. Они зачитываются книгами о жизни животных и полны прекрасного юношеского романтизма. Свою жизнь они посвятят лечению и заботе о братьях наших меньших. У этих ребят есть свое твердое представление о том, что такое ветеринарная медицина и кто такой ветеринарный врач.

Вторая группа. Молодые люди, решившие получить профессию ветеринарного врача потому, что этим делом занимаются или занимались их родители, родственники, знакомые и т. д. Это моло-

дежь, которая считает частную ветеринарную практику хорошим, прибыльным делом и, таким образом, стремится обеспечить финансовую сторону своей жизни. Сюда же можно отнести абитуриентов, которые считают профессию ветеринарного врача социальновостребованной или иерархически подходящей для себя.

Третья группа представлена студентами, которые оказались в вузе «случайно». У одних вуз рядом с домом, другие занимаются спортом и им нравится команда тяжелоатлетов университета, третьи пришли за компанию с другом.

Можно было бы выделить гораздо больше условных групп, например, специалистов среднего звена, закончивших техникумыколледжи этого же профиля, но, преследуя определенные цели, считаем возможным ограничиться тремя наиболее объективными группами. Причем мы сознательно избегаем оценочных характеристик этих групп, так как опыт показывает, что формирование личности профессионала не всегда прямолинейно связано с первоначальным мотивом обучения и настроенностью студента. И как это, на первый взгляд, ни странно, хорошим специалистом и студентом-отличником может оказаться представитель любой группы.

Конечно, есть молодые люди, которые на протяжении всего периода обучения имеют стабильные положительные, или наоборот, негативные показатели успеваемости. Но больший интерес представляют учащиеся, которые по истечении первых лет добросовестного отношения к учебе «вдруг» заметно сдают позиции и переходят в разряд неуспевающих. Есть и такие, кто после, казалось бы, привычно «прохладного» отношения к учебе проявляют себя неутомимыми работниками и к тому же демонстрируют исследовательские наклонности.

Исследуя обстоятельства вышеприведённого явления, мы выделили следующие его причины. Во-первых, студенты первых и средних курсов достигают возраста 19-22 лет, который во многих психологических периодизациях называют кризисом ранней взрослости. В условиях современной социальной реальности это время изменения ролевого статуса для многих студентов. Из группы детей некоторые переходят в группу родителей, из иждивенцев – в группу самостоятельно зарабатывающих и т. д. Изменение личностной роли также требует значительных затрат психической энергии.

Во-вторых, студент-романтик примерно к третьему году обучения растрачивает свой юношеский идеалистический багаж. С началом первых учебно-клинических практик исчезает то представление о своей профессии, которое до этого наполняло сердце и мысли студента, и оно, как правило, не выдерживает испытания реальностью. Сталкиваясь с суровыми буднями врача ветеринарной медицины, зачастую с негуманным или коммерческим отношением к объектам своей деятельности - животным, молодой человек или девушка отворачиваются от прежде так любимой специальности. В это же время, вторая условная группа переживает разочарование в не таких уж больших доходах ветеринарного специалиста. К тому же, те затраты сил и времени, которые отдает ветеринарный врач работе, явно не соответствуют вознаграждению. И, наконец, третья условная группа. Здесь возможно все, что угодно. Человек, случайно оказавшийся в ВУЗе, проявляет недюжинный интерес к ветеринарной медицине. Другой еще более отстраняется от всякой мысли быть в будущем ветеринарным специалистом, ожидая только диплома о высшем образовании.

Во всей этой динамике можно выделить основной момент изживание себя и своей профессиональной роли в том качестве. которое существовало до этого и изменилось в силу обстоятельств внутреннего и внешнего характера. То есть наступление кризиса профессионального образования. Кризис нам необходим, как фактор творческого роста, но как обеспечить развитие этого внутреннего конфликта именно как изживание старого и приобретения нового, иерархически более значимого профессионального мироощущения? Как помочь студенту правильно выстроить свою профессиональную идентичность? Придерживаясь взглядов о морально-нравственной составляющей в структуре личности, о чувстве собственного и профессионального достоинства в системе общечеловеческих ценностей мы и предполагаем использовать эти компоненты для профилактики кризиса профессионального образования в его негативном смысле. Для этого считаем нужным предоставить учащимся такую информацию, в такой форме и таким способом, которая может быть ими использована для построения своей новой личностной и профессиональной идентификации, ориентированной на яркий позитив, находящийся в данной профессиональной группе. Именно с этой задачей, по нашему мнению, и должна справляться «История ветеринарной медицины»

Для проверки данного предположения, с санкции деканата и с согласия студентов, был проведен эксперимент. На базе академических групп одного из потоков третьего курса (на который приходится пик кризисных изменений) были сформированы опытные (экспериментальные) группы и группа контроля. На протяжении семестра в экспериментальных группах начало новой клинической темы предварялось кратким, но конкретным изложением истории методов диагностики, лечения, профилактики изучаемого заболевания. Подобные информационные вставки сопровождали теоритическое изложение темы, а на лабораторно-практических занятиях по возможности демонстрировались методы и техники с комментариями историко-научного характера. Знакомство студентов с новым, к примеру, хирургическим инструментом, дополнялось рассказом о роли изобретателя этого инструмента в развитии хирургии и прочее. Особое внимание уделялось приобщению студентов к истории ветеринарной медицины в регионе, изучению обстоятельств работы ветеринаров в Екатеринославской губернии, анализу характера их деятельности, статистике заболеваний, победам над болезнями. Вся информация излагалась в таком стиле, чтобы история перестала быть чем-то отстраненным, абстрактным. Вот патология, которую мы изучаем. С ней сталкивались твои предшественники. Это реальные люди, реальные события.

Возможными были такие вопросы, обращенные в группу: «Кто из присутствующих проживает в Павлоградском районе? А ведь именно там, в начале XX в., ветеринарный врач Крамаренко выявил вспышку злокачественной катаральной горячки и на свой страх и риск запретил проведение традиционной ежегодной крестьянской ярмарки...» и так далее.

Студенту рассказывали о том, что его жизненная затруднительная ситуация во многих своих проявлениях имеет исторические и персональные аналоги, она когда-то уже преодолевалась, трансформировалась в позитивную сторону. Даже из студентов-второгодников и неуспевающих, при соответствующих усилиях с их стороны, вырастали известные ученые, практики, поэты и общественные деятели.

Мы старались дать понять, что ветеринарная медицина является частью культуры, своего рода субкультурой. В региональных условиях она становится местной колоритной субкультурой и одновременно связующим звеном с культурой общечеловеческой. Находили аргументы о том, что профессиональная ветеринарная деятельность, проявляясь в личностном стиле мышления, стиле самой жизни, облагораживает человека, делает его интересным собеседником, повышает его конкурентоспособность на рынке труда и прочее.

В конце семестра было произведено психологическое тестирование как экспериментальных групп, так и группы контроля. Решено было изучить такие психологические показатели, как уровни самооценки, оптимизма и субъективного контроля.

Опуская подробный анализ полученных результатов (по этому поводу уже подготовлена публикация) [8, с. 134–142] отметим, что вышеназванные психологические характеристики в группах эксперимента оказались несколько лучше группы контроля. То есть, гипотеза о том, что включение истории ветеринарной медицины в структуру преподавания клинических дисциплин окажет положительный эффект, дополнительно подтверждается фактическими операционализированными данными.

И, наконец, мы обратили внимание на тот факт, что процесс обучения у студентов-ветеринаров связан с усвоением ими огромных объемов информации и одновременном овладении практическими навыками, направленными прежде всего на профилактику заболеваний и лечение животных. Учащийся становится своего рода «информационным носителем большой емкости», из которой он в каждом конкретном клиническом случае должен будет синтезировать правильный, иногда единственно правильный ответ. Но вот как выстраивать свой мыслительный процесс, то есть как пользоваться методами и категориями врачебного мышления, что индуктировать, где проявить дедукцию, в каких образах и ассоциациях мыслить — специально он не обучался. А ведь еще Гиппократ предупреждал, что каждый врач должен быть еще и философом.

Вышеприведенная идея о культуре или методике врачебного мышления, находится в настоящий момент на стадии разработки. Но предварительные выводы о том, что изучение истории науки, истории идей, истории онтогенеза научных открытий и истории принятия исследовательских решений формирует у студентов навыки клинического мышления, можно сделать уже сейчас. Очевидно, что для достижения данного эффекта нельзя ограничиваться фактологическим изложением тем. Необходимо подготовить учебную программу дисциплины таким образом, чтобы презентовать историю ветери-

нарной медицины не как застывшую данность, а как динамичную, активно развивающуюся науковедческую систему познания мира. В таком случае, она естественно, станет необходимым элементом в цикле клинических дисциплин.

Подводя промежуточные итоги нашего анализа, можно сказать, что сегодня совершенно необходимо выделение новых задач, стоящих перед историей ветеринарной медицины, а именно: формирование личностной и профессиональной самоидентификации, стимулирование механизмов психологической защиты и стрессоустойчивости, и самое главное - стимулирование клинического, врачебного мышления, выработки способности творчески оперировать массивами накопленной в годы учебы и практик информации.

Библиографические ссылки

- 1. Мирский М. Б. Хирургия от древности до современности. Очерки истории / М. Б. Мирский. – М., 2000.
- 2. Скороходов Л. Я. Краткий очерк истории русской медицины / Л. Я. Скороходов. – М., 2010.
- 3. Історія ветеринарної медицини. Програма навчальної дисципліни для підготовки спеціалістів в аграрних вищих навчальних закладах III – IV рівнів акредитації із спеціальності 7.130501 «Ветеринарна медицина» / уклад. С. К. Рудик, І. І. Магда. – К., 2004.
- 4. Никитин И. Н. История ветеринарии / И. Н. Никитин, В. И. Калугин. - М., 1988.
- 5. Минеева Т. И. История ветеринарии / Т. И. Минеева. СПб., М., Краснодар. — 2005.
- 6. Минеева Т. И. История ветеринарной медицины / Т. И. Минеева. M., 2010.
 - 7. Никитин И. Н. История ветеринарии / И. Н. Никитин. М., 2006.
- 8. Вакулик В. В. Історико-наукові аспекти у викладанні клінічних дисциплін як складова психопрофілактики кризи професійного становлення студентів медично-ветеринарних спеціальностей / В. В. Вакулик, С. М Масліков // Матер. Всеукр. науково-практич. конф. «Гуманітарновиховні процеси, тенденції і перспективи вищої професійної освіти». – Д., 2012. - Вип. 4.

УДК 930.1:028

С. К. Бондаренко

Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна

ОБРАЗИ ТА ІМАЖИНІЗМ:

оптика читання як етос і антропологія погляду в історіописанні

Розглядається проблема образів в історіописанні, як проблема його стилів, що пов'язується із візуальним поворотом в історичних дослідженнях. З позицій некласичної філософії стиль розглядається, як результат застосування до текстів особливої дослідницької оптики, що в імажинізмі використовується як особлива оптика «прозорого читання» текстів. Висувається гіпотеза, що в основі цього знаходиться конструювання та присутність у тексті історика – безликого читача-інтерпретатора. Підкреслюється значимість необхідності експлікації погляду, як ключової фігури імажиністського письма. Рефлексія щодо внутрішньої форми візуальності дозволяє виділяти у ній такі категорії, як образ, погляд, сцена, жест, та інші. Доводиться, що оптичні категорії прямо впливають на стиль та етику історичного наративу, і, у деяких випадках, дозволяють визначити його як імажиністський. Оптика читання у імажинізмі стає оптикою знеособленого, механістичного погляду. Вважається, що така оптика ϵ ознакою обертання історіописання до спадщини ϵ вропейської епістеми часів Бароко. Одночасно, оптика імажинізму породжує особливу етику. В сучасних умовах етика імажинізму є також етикою крайніх форм релятивістського підходу до історіописання. Стверджується, що панування образів у сучасному історіописання ϵ ознакою його глибокої кризи. Γ егемонія образів призводить до необхідності перегляду етики історика.

Ключові слова: візуальність, читання, історіографія, імажинізм, етика, образи.

Рассматривается проблема образов в историописании, как проблема его стилей, что связана с визуальным поворотом в исторических исследованиях. С позиций неклассической философии стиль рассматривать, как результат применения к текстам особой исследовательской оптики, которая в имажинизме используется как особая оптика «прозрачного чтения» текстов. Выдвигается гипотеза, что в основе этого находится конструирование и присутствие в тексте историка – обезличенного читателя-интерпретатора. Подчеркивается значимость необходимости экспликации взгляда, как ключевой

[©] Бондаренко С. К., 2014.

структуры имажинистского письма. Рефлексия над внутренней формой визуальности позволяет выделить в ней такие категории, как образ, взгляд, сцена, жест, и другие. Доказывается, что оптические категории прямо влияют на стиль и этику исторического нарратива, и, в некоторых случаях, позволяют определить его как имажинистский. Оптика чтения в имажинизме становится оптикой обезличенного, механистического взгляда. Считается, что такая оптика является признаком обращения историописания к наследию европейской эпистемы времен Барокко. Одновременно, оптика имажинизма порождает особую этику. В современных условиях этика имажинизма является также и этикой крайних форм релятивистского подхода к историописанию. Утверждается, что господство образов в современном историописании является знаком его глубокого кризиса. Гегемония образов приводит к необходимости пересмотра этики историка.

Ключевые слова: визуальность, чтение, историография, имажинизм, этика, образы.

The author considers the problem of historical images as the problem of historical styles. The author's appeal to the problem of images is associated with the «visual turn» in modern historical studies. From the standpoint of the non-classical philosophy, the author is inclined to regard the style as the result of application of the special optics on the historical texts. The author believes that in Imaginism the special optics of «transparent reading» is used. The author proposes the hypothesis that in the basis of such optics the designing and the presence of the depersonalized reader-interpreter in the historical text lays. The author considers that it is possible to underline an importance of the explication of view as a key structure of the imaginistic writing. Reflection on the internal form of visuality allows to select such categories as image, view, scene, gesture etc. It is also proved that the optical category directly affects the style and ethics of the historical narrative, and in some cases allows to define it as imaginistic. In such case, reading optics in Imaginism becomes the optics of impersonal, mechanistic view. According to the author, using of such optics is a sign that contemporary historical writing turns back to European Baroque episteme. At the same time, imaginistic optics creates the special ethics. In modern conditions imaginistic ethics occurs as an ethics of extreme forms of relativistic approaches to the history writing. The author also focuses on the parallels between different styles of history writing in periods of «fin de siècle» due to theirs relation to the ressentiment. According to the author, the dominance of images in contemporary historical writing is the sign of its deep crisis. Hegemony of images causes the need to revise the historical ethics as a whole.

Key words: visuality, reading, historiography, Imaginism, ethics, images.

Можна казати про три виміри образів, які існують у взаємозалежності. З точки зору історіографії, образ є тим, що було сконструйоване між суб'єктом і текстом як тривала форма розуміння. Одночасно з цим, з точки зору семіотики, така тривка форма стає образом-кодом, патерном, який визначає характер прочитання тексту і його візуальні ефекти. Крім того, образ є знаком того, що неможливо висловити, картинкою, яка, так само, як і слово, впорядковує хід думок. Наразі пропонується шлях до відшукання зв'язку між образами і етикою висловлювань в історіописанні.

Дійсно, легше за все уявити етику як уявлення щодо того, про що можна говорити, а про що – ні. Припустимо, що існує така особливість мови, яка визначає апріорну оптику образності стилів історіописання. Цією особливістю може виступати етос як імпліцитна, закодована у історичних текстах фігура образу.

Етос класичного історіописання грунтується на фундаментальному твердженні про те, що мова є дзеркалом реальних речей, а мовлення є те саме, що й діяння [16]. Мову неможливо скасувати, адже все спостережене, відчуте, прагне бути вимовленим. Тексти, що уподібнюються речам, мають власне буття і волю до прочитання і вислову. Неможливість вислову немислима, і на неї етика накладає табу. У абсолютному значенні етика такого письма визначається мовчанням про те, що не відчувається [5].

Некласичне письмо скасовує етичну заборону на те, що неможливо висловлювати, втім вислів залишається неможливим: він заміщується образом як «прозорим» знаком. Образ впорядковує думку, але мовчить: він є знаком того, що неможливо висловити, він лише вказує на референт. Саме таке особливе мовчання, наповнене бурмотінням суб'єкту, визначає етику конкретних правил про те, про що слід мовчати, а саме — про реальне. Відшукання прикладів такого мовчання залишається окремим завданням, до якого вже було запропоновано кроки, наприклад, М. Фуко та Л. Штрауссом [20].

Чутливість письма до оптики образів може інтерпретуватися як антропологічна ознака «присутності» людини у тексті. У класичній епістемології погляд читача являє собою не функцію абстрактного інтерпретатора, але етично орієнтований, іконічний знак людини. Ця антропоморфна фігура приховує від класичного ока «темряву» текстів, позбавляє читача від примар «надмірної інтерпретації», втілює мистецтво керування поглядом [9]. Насичений риторикою досвіду і чуття інтерпретатор позбавлений рис абстракції, чужорідного, «зловісного», він залишається «самим собою», має обличчя, голос і очі, які «можливо заплющити» [26]. Інтерпретатор,

що мислиться як людина, і є той, хто відчуває історичний досвід і вкладає його у текст, він є суб'єкт класичних стилів історіописання [2]. Людський суб'єкт зумовлює епістемологію класичних форм переживання тексту, етос. Історичний імажинізм, навпаки, декларує «смерть суб'єкта» і проголошує етос абстракцій, який ховає обличчя спостерігача. Некласичні стилі історіописання, старанні у прагненні до прозорості, втім, непрозорі зсередини, чутливі до релятивістських форм репрезентації, наразі пропонується називати «імажиністським письмом».

Час вимагає звернутися до того, що лежить по інший бік імажиністських абстракцій про погляд на текст. Зацікавленість у аналізі погляду, у свою чергу, є проявом «візуального повороту» і спробою порозумітися з його мета-історичною природою.

Існують відомі приклади тлумачення мови як такої, що породжується візуальним досвідом. Картинка і слово мають багато спільних рис: репрезентація картинки нагадує фрейм, мікроскопічний сюжет про те, як встановлюється зв'язок фонем [5]. В цьому контексті історико-філологічна проблематика читання виявляється тісно пов'язаною з риторикою, історичною поетикою, герменевтикою і теоріями інтерпретації, теоріями джерела і тексту, лінгвістикою. Втім, не менш глибокою видається неочевидна паралель читання з деякими елементами теорії естетики, химерним чином відлитих у конструкціях епістемології, морфології читача, розумовій оптиці та етиці [26]. Можливо сказати, що, таким чином, читання є, перш за все, особливістю руху погляду, а у картезіанському раціоналізмі рух погляду завжди пов'язаний з певним простором [7].

Припустимо, що читач є суб'єктом інтерпретації, який у акті мовлення визначає апріорний *простір* читання. Однак, рефлексія щодо самого мовлення прагне до використання абстракцій, які заміщують суб'єкт. Вершиною ієрархії абстракцій є модель інтерпретатора та його *погляду* [8]. У такій системі суб'єкт, людина, її буття і досвід, для самого процесу читання не розглядається як необхідність. Категорія суб'єкта заміщується категоріальною абстракцією: дослідника не цікавить обличчя інтерпретатора, образи скасовують його, залишаючи тільки неусипний *погляд*. Розмірковуючи про це, наприклад, С. Хаттон помічав, що «історичне мислення перш за все візуальне, а вже потім – текстуальне» [20]. Перед тим про «мову, зіткану з ознак простору» писав Ж. Женетт [10]. Погляд вказує у іма-

жиністів на поза-суб'єктні референції. Такий прояв «смерті суб'єкта» вибиває з-під ніг імажиністів ґрунт традиційних термінологічних конвенцій, провокує потяг до міждисциплінарних запозичень.

В даному контексті *імажиністським* історичним письмом пропонується називати такий стиль мовлення про історичне, який повсякчає намагається збільшувати відстань між суб'єктом і об'єктом за рахунок образності, метафор, риторичних прикрає, створюючи тим ілюзію прозорості. Імажинізм проголошує, що «все є письмо» і виступає історіографічним антиподом реалістичних стилів класичного історизму.

Імажинізм, як «прикраса злетів» історичного письма, не має чітких хронологічних ознак: питання про те, скільки було «імажинізмів», заслуговує окремої розробки. Як і зневага до реалізму, він отримував популярність як прояв екзистенціальних тривог «кінця віку» (наприклад, літературний імажинізм 1890-х рр.) і романтичних передчуттів занепаду, трагічної розв'язки. Сьогоденний прояв імажинізму, характерний для історіописання, можливо вважати наслідком кризи «проекту сучасності». Романтичний потяг до трагедії виливався у яскраву образність, метафори вказують на прагнення виражати те, що неможливо виразити [12].

Імажинізм розбудовує системи дистанції, використовуючи для цього епістемологічні підвалини інших, нехарактерних для класичного дискурсу, запозичених, переобтяжених «притягнутими за вуха» словників. У такій ситуації мова класичного історичного письма втрачається і проявляє себе з-під теоретичних нашарувань як другорядне, позбавлене самоцінності, як набір властивостей, прикмет, метафор, образів. Імажиніст чинить з історичним письмом так, як з річчю: воно довіряється, віддається, передається іншому, тому, що не є суб'єктом або його частиною. Спроба виголосити істинне твердження про історичне та його суб'єктів кваліфікується або як мовна гра, або, як провокація, безумство.

За таких обставин, етика імажиністського письма проявляє себе як практика віддалення суб'єкту від мови і мови від об'єкту, релятивізм образів, гра слів про предмет. Імажиністське письмо прагне до історії-гри, яка не може існувати, як річ у собі, але тільки як набір фрагментів: правил, прикмет, форм. Істинний референт історичного — суб'єкт стає тягарем, жахом того, що неможливо помислити, мовчанням або тим, що наповнює пустоти мовчання: грою

слів. Мова, як діяння (перформативна мова), в такому разі, по суті, імітується, як форма, скелет висловлювання, певний сюжет, але не як безпосередня дія, що тягне відповідальність. Можливо припустити, що саме у зв'язку з цим, набувають значення роздуми про знакову природу історичного нарративу, його властивість завжди бути вторинним, вислизати, говорити про властивості предмету, але не про сам предмет [25]. Етика образних висловлювань, в такому разі, використовується як спосіб захисту від емпатії, відчуття і переживання досвіду минулого. Таким чином, постає особлива історична мова образів — *імажинізм*.

У історії без суб'єкту, минуле не жахає «уроками» і досвідом. Імажинізм (як стиль безсуб'єктної мови про образи) має на меті віддалити досвід минулого, перетворювати його на ієрархічний, зручний, задовільний, м'який, барвистий, сповнений подробиць і цікавого текст, який не здатен «травмувати» читача [17]. Імажинізм робить все заради того, аби історичний досвід перестав жахати прямотою значень, скасовує патос буття, властивий досвіду суб'єкта [20]. Мова образів, що відсилає читача до гри з текстом, у якості провідної форми взаємодії, пом'якшує відчуття минулого, як трагедії [14]. Дійсно, старі стильові фігури класичних форм історіописання нагадують лапідарні написи, епітафії, мову спостережень біля впокоїв вічності, прив'язаних до вервечок хронології і гілок систематизації [19]. Так, імажинізм може вдало доповнювати класичне письмо, але до тих пір, поки сам не перетворюється з прикраси, на стиль і догму.

Варто підкреслити синхронізм між інтересом до образів і ресентиментом [24]. Ресентимент проявляє себе, як піднесення образності і ритуальне заперечення традиційних канонів письмової культури. Розрив традицій тлумачення, переосмислення, звільнення змісту висловлювань і захоплення його волею до творення образів, призводило до розгортання форм егалітарного, ірраціонального сприйняття. Так і у імажиністському дискурсі читач являє собою уявну структуру, яка складається з рефлексій не над досвідом, але над мовою. Різниця між інтерпретатором і стилем інтерпретації зникає: читач у імажинізмі скасовується як суб'єкт, заради того, аби перетворитися на фігуру мови [10]. В такому разі канони читання можуть розглядатися як системи метафор, що надбудовуються над розгалуженням образів імажиністського письма [18; 23].

Звернемося до внутрішньої «структури» імажинізму. Свого часу, звертаючись до риторики образів, Р. Барт припускав, що «існує єдина риторична форма, яка поєднує сновидіння, літературу і різного роду зображення» [3, с. 316]. Такою первинною, метанаративною формою може виступати погляд, що мандрує по вузлах внутрішньої структури тексту. Образ, у такому разі, є формою руху погляду, в межах якої може бути побудований зв'язок між вузлами тексту, читанням сюжету та розповіддю. Рух погляду інтерпретатора, від знаку до знаку, визначається не стільки розташуванням знаків, скільки тим, як саме образ будує ієрархію знакового простору, як він визначає чутливість до того чи іншого знаку.

З точки зору спостерігача, іншого, який намагається пояснити рух погляду інтерпретатора, місце дії погляду, що рухається, конкретна ситуація прочитання тексту може бути представленою як «сцена». Така сцена є одночасно «дзеркалом», у якому протилежності герменевтичних і семантичних метафор інтерпретації погляду (точка, коло, трикутник, спіраль) знаходяться у стані злиття. «Дзеркало діалектики» всередині мови є механізмом, який дозволяє розбирати і збирати сукупності знаків, споруджувати висловлювання.

Образи читання, що керують сценою погляду, у такий спосіб формують різні якісні рівні абстракцій, які вказують на стиль письма і міру участі у ньому суб'єкта. Образ руху погляду по тексту, всередині акту читання, можливо розглядати як імпліцитну етику сцени інтерпретації.

В цьому відношенні «смерть суб'єкта», як образ-код, визначає такий характер інтерпретації, у якому читач, що прагне бути критичним і обережним, по суті, стає функцією та «в'язнем» мови як семантичної машини. Оператор значень, який втрачає себе у тексті, позбавляється можливості прямої дії, втрачає контроль над поглядом, стає кваліфікованим, вишуканим «рабом тексту». Саме таким чином з історичного письма породжується імажиністське «бурмотіння» ув'язненого оповідача, «примари».

Наразі пропонується розширити тлумачення читання з метою екстраполяції розглянутої вище «сцени» у область взаємодії історика і тексту, історичної герменевтики. Дійсно, розумінням можна назвати ті дії, які чинить погляд читача. Втім, розуміння цих дій — також погляд, але винесений за дужки або за «стіни». У всякому разі, це такий погляд, що намагається бути присутнім перед сценою розу-

міння, але невидимий, сторонній. Погляд, таким чином, намагається бути і на сцені інтерпретації, і поза нею, слідуючи властивості мови вхоплювати реальність.

Зокрема, «сцені читання» у контексті психоаналізу присвячено роботу М. Якобс, в якій «сцена» розглядається, як внутрішнє відношення погляду на читання до уявлення про нього [28]. Так, автор зауважує, що сцена читання — це певна кімната, простір, у межах якого уявляється читання. У цій побудові легко віднайти паралель до того, що писав Ж. Дельоз про монади у Г. Лейбніца, які являють собою «кімнати без вікон, до яких ніщо не проникає» [7]. Тому, читання, що уявляється «кімнатою, із ув'язненим у ній поглядом», може розглядатися як особливий образ, у якому зовнішнє призначено вважати скасованим. Гра з риторичними фігурами в цьому контексті може інтерпретуватися як відродження у імажинізмі барокових технік керування поглядом, які приковують погляд до внутрішніх форм речей, що потрапляють у мовлення: вітійств, прикмет, масок та інших метафор театру.

Звичайно, епістемологічна фігура побудови оптики, морфологія образності, викликає зацікавлення не тільки філософів, критиків і психологів, але й історіографів. Історіографія, яка не ϵ сама по собі імажиністським письмом, в добу «піднесеного імажинізму» намагається схопити образи і, рефлектуючи щодо них, поринає у минуле текстуальних нашарувань. Так, наприклад, С. Посохов зазначав: «...у якості інструментарію... ми пропонуємо так звані «маркери» – зафіксовані ознаки... У кожному історіографічному періоді будуть виявлятися пануючі та маргінальні *образи*, а також базові *«тропи»* – ключові висловлювання, мовні протоколи, котрі визначають способи конструювання образів» [15, с. 6]. Можливо, що це майстерно підмічене, схоплене у його внутрішньому русі сприйняття, яке конструює образ, і де я сам по собі – погляд. Вдаючись до аналізу історичного образу, як методологічної категорії, Є. Чернов наголошував, що «образ ϵ ... знаком реального» [22, с. 150]. Як науку, що вивчає знаки, визначав історію Г. Шпет, перекладаючи Г. Гегеля. [25]. В цьому відношенні у принаді буде ремінісценція самого Г. Гегеля про символ. Так, він писав про те, що «символ є еківок», те, що завжди подвоюється [6]. Природа висловлювання про історичне проявляє свій дуалізм і у М. Копосова як «дуалістичний кадр», тобто візуальне, схоплене у русі, образ, погляд [11].

Наголосимо, що наведені історіографічні приклади було б невірно трактувати як імажиністські, — у даному разі рефлексія не є тим, що перетворюється на ознаку, стиль. Можливо уявити, що погляд у історіографії є категорія, що накладається розсудком на процес рефлексії таким чином, що від цього залежить сам порядок конструювання образу як тривалої форми розуміння. В цьому відношенні погляд являє собою одну з мета-історичних структур. У залежності від міри суб'єктивності імпліцитного погляду, визначається порядок ремінісценцій, алюзій, цитувань, узагальнень, а також систематика, стиль репрезентації, кодифікація і спосіб маніфестації дискурсу в цілому. Між тим, значимо, що сама по собі спекуляція про погляд належить до традицій порозуміння із тропологією [18].

Слід зазначити, що наукова спільнота історіографів, на поталу імажиністів, нерідко схиляється до оптики метафор. Дійсно, сама метафора, як знак, придатніша для застосування у діалозі, ніж те, що вона означає. Метафори і професійні евфемізми імажиністської мови успішно реалізують механізми табу у певному середовищі. Про подібну неможливість мовлення писав Д. Агамбен, коли намагався пояснити, що є історичне свідчення про травматичний досвід і відповідальність за нього [1]. Таким чином, імажиністське письмо варто розглядати як проект створення насиченої метафоричної мови, що намагається приховувати травматичний вплив свідоцтв, «схоплених біля вуст», що відходять у небуття. Ця захоплююча безодня мовчання, до якої відсилає свідоцтво, є причиною створення метафоричної мови, що дозволяє вказувати на небуття, нічого не говорячи прямо. Дійсно, про небуття неможливо говорити. Образність, взята як вітійство словесності й стиль, формує «мову пустот», символічних висловлювань про недійсне, «бурмотіння». Неможливість виразити досвід минулого як повноту слів, що адресують до небуття - ось головна проблема, довкола якої імажиністи сплітають вервечки словесних конструкцій. Імажинізм, таким чином, можливо представити, як мовну «схованку суб'єкта», якого лякає реальність минулого, як досвід того, що неможливо помислити і виразити. Крім того, можливо сказати, що формою імажиністського історичного письма ϵ та сама невловима фотографія, яку Р. Барт тлумачив як «алегорію прозорості», що прагне бути нічим, пустотою, кадром, віконним склом, крізь яке зазирає моторошний досвід реального [4].

Таким чином, етика «прозорого читання» провокує «мовчання імажиністів» як фігуру обережності: образи захищають суб'єкт від досвіду, який норовить розбити скло метафор. Всередині такого роду етики суб'єкт, фігура історика, виявляється тим, що не має права бути реальним: імажиністська мова відсторонює себе від меж, до яких тягнеться звична мова, що намагається вхопити досвід. Дійсно, сама по собі «прозорість» мови обертає думку до міфологічних форм сприйняття: оповідач міфів та епосу повинен бути прозорим для того, хто слухає розповідь. Втім, імажиністське письмо, яке прагне до прозорості, саме по собі – темне, і нагадує обскуру, кімнату із ув'язненим у ній поглядом, платонівську печеру з тінями всередині, обманкою. Навпаки, суб'єкт класичного історичного мовлення, який ототожнює себе з оповідачем невимовних форм досвіду, відлитих у словах – «сам по собі», мовчазний, невиразний, пустий: замість нього промовляє те, про що він говорить. Такий оповідач вірить у реалістичний характер смислів і знає стару етику реалізму, яка вчить у потрібний час заплющувати очі і змінювати тон: тут етика і риторика єдині. Суб'єкт імажиністського письма, який намагається висловлюватись про власну прозорість до «небуття минулого», одночасно ховаючись від нього у метафоричних вітійствах, навпаки, відділяє риторику від етики, і він, таким чином, багатослівний, складний, докучливий, мерехтливий, у дійсності – «темний».

Слід зазначити, що якщо у мові і можлива скорбота про те, що неможливо виразити, — проте не може не бути етики всередині самої мови. Необтяжений роздумами про імажинізм суб'єкт скаже, що місцем концентрації образів виступає не примарна структура мови або пам'яті, але уявний «храм історичної науки», як цілком реальне явище. Дійсно, у «храмі історичної науки» перед образами мають вщухати судження і тлумачення, втім, слово, яке не належить суб'єкту, продовжує звучати. Тривіальна паралель, проведена від мови до дійсності буття образів, таким чином, досить чітко вказує на розмежування між етикою образів, як категорій суб'єкту і «відчаю» його письма, і образами, які є знаками об'єкту. У такий спосіб трагедія судження про природу історичного знання залишається, перш за все, трагедією суб'єкту, який наважився, або не наважився вимовити слова, етика висловлювання яких нині передбачає надлишок значення, уявну прозорість, окулярну метафору читання, тобто імажинізм.

Бібліографічні посилання

- 1. Агамбен Д. Свидетель / Д. Агамбен // Синий диван. №4. 2004.
- 2. Анкерсмит Φ .-Р. Возвышенный исторический опыт / Φ .-Р. Анкерсмит. М., 2007.
- 3. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Р. Барт. М., 1989.
- 4. *Барт P.* Camera lucida. Комментарий к фотографии / Р. Барт. М., 1997.
- 5. Витгенштейн Л. Избранные работы / Л. Витгенштейн. М., 2005.
- 6. Гегель Г. Курс эстетики или наука изящного / Г. Гегель. СПб., 1847.
 - 7. Делез Ж. Складка. Лейбниц и барокко / Ж. Делез. М., 1997.
 - 8. Деррида Ж. Письмо и различие / Ж. Деррида. М., 2007.
- 9. $\it Eко \it Y$. Надінтерпретація текстів / У. Еко // Слово. Знак. Дискурс. Антологія світової літературно-критичної думки XX ст. / [За ред. М. Зубрицької]. $\it J$., 2001.
 - 10. Женетт. Т. 1–2. М., 1998.
 - 11. Копосов Н. Е. Как думают историки / Н. Е. Копосов. М., 2001.
- 12. $\mbox{\it Лакофф}$ Д. Метафоры, которыми мы живем / Д. Лакофф, М. Джонсон. М., 2004.
 - 13. Мегилл А. Историческая эпистемология /А. Мегилл. М., 2007.
- 14. *Ницше* Φ . Рождение трагедии из духа музыки / Φ . Ницше // Ницше Φ . Сочинения в 2 тт. M., 1990. T. 1.
- 15. Посохов С. І. Образи університетів Російської імперії другої половини XIX початку XX ст. в публіцистиці та історіографії / С. І. Посохов. $X_{\cdot\cdot}$, 2006.
- 16. *Рорти Р.* Философия и зеркало природы / Р. Рорти. Новосибирск, 1997.
- 17. *Сартр Ж.-П*. Экзистенциализм это гуманизм / Ж.-П. Сартр // Сумерки богов. М.:, 1989.
- 18. *Уайт X*. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / X. Уайт. Екатеринбург, 2002.
 - 19. *Фуко М.* Рождение клиники / М. Фуко. М., 1996.
- 20.~ Фуко M.~ Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / M.~ Фуко. M.,~ 1977.
- 21. *Хаттон.* СПб., 2004.
- 22. *Чернов Е. А.* Историографический образ: опыт расширения методологического арсенала науки истории исторического познания / Е. А. Чернов // ДІАЗ / За ред. О. І. Журби. Д., 2010.

- 23. *Шартье Р.* Письменная культура и общество / Р. Шартье. [Пер. с фр. И. К. Стаф]. М., 2006.
- 24. *Шеллер М.* Ресентимент в структуре моралей / М. Шеллер. СПб., 1999.
- 25. Шпет Γ . Γ . История как проблема логики: критические и методологические исследования. Изд. 3-е / Γ . Γ . Шпет. M., 2011.
- 26. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / У. Эко. СПб., 2007.
- 27. Freud S. Das Unheimliche Gesammelte Werke / S. Freud. Frankfurt, 1966.
- 28. Jacobus M. Psychoanalysis and the Scene of Reading / M. Jacobus. Oxford, 1997.

УДК 930.1

С. В. Савченко

Національна металургійна академія України

ДЕВІАНТНА НАУКА, КОСМІЧНА ЕНЕРГІЯ ТА КОЗАЦЬКІ ОСЕЛЕДЦІ¹

Розглядається феномен девіантної науки в українській історіографії у вигляді квазіісторичних наративів, що ставлять за мету деконструювати образ минулого, витворений традиційною академічною наукою. Визначаються основні характеристики квазіісторії, пропонується пояснення соціокультурного механізму її експансії в академічний простір, аналізуються конкретні прояви квазінауки у наукових та навчальних текстах.

Ключові слова: девіантна наука, квазіісторія, квазінаука, текст, історіографія.

[©] Савченко С. В., 2014.

¹ Принагідно висловлюю теплу вдячність своїм колегам Андрію Портнову та Станіславу Дубу за критичні коментарі та цінні поради, надані піл час написання статті.

Рассматривается феномен девиантной науки в украинской историографии в виде квазиисторических нарративов, пытающихся деконструировать образ прошлого, созданный традиционной академической наукой. Обозначаются основные характеристики квазиистории, предлагается объяснение социокультурного механизма ее экспансии в академическое пространство, анализируются конкретные проявления квазинауки в научных и учебных текстах.

Ключевые слова: девиантная наука, квазиистория, квазинаука, текст, историография.

This paper deals with the phenomenon of deviant science in Ukrainian historiography - with narratives that aim to deconstruct the image of the past that lie within the traditional academic science («alternative history», «hidden history» and other forms of mythological histories). The author identifies such main characteristics of the quasi-history as irrational character of conceptions, impossibility to verify its hypothesis and ideas, source and linguistic mystifications, denial of traditional research procedures and development of own «unique» research techniques, sensational character of results and its prophetic pathos, priority of doctrine over scientific search.

An explanation of sociocultural mechanism of the quasi-history expansion in academic space is offered. It can be explained by general post-Soviet disorientation of scientific life, rapid provinsialization of local science, propensity of late-Soviet technical intelligencia to mythologies of New Age and its «mechanistic mentality». Several loud manifestations of the quasi-science in modern Ukrainian research and teaching texts are also analyzed.

The author stresses that in modern world the borders between normal and deviant science became diffuse, but the ethical task of professional historian is to prevent the expansion of quasi-scientific ideas. It is impossible to conquer deviant science and its ideas are always present in scientific discourse, but it should not be allowed to replace the science.

Key words: deviant science, quasi-history, quasi-science, text, historiography.

Одним з викликів, що постав перед сучасною історіографією, є агресивне вторгнення в її професійну сферу нової міфологізації: «альтернативної», «правдивої», «прихованої історії», до якої доцільно застосувати термін «девіантна наука» (квазінаука, паранаука, лженаука) [10; 18]. Нерідко її провідниками стають інтелігенти радянського вишколу («радянські ерудити»), передусім з технічною освітою, які культивують ідею «змови істориків» з метою «приховати правду», або, в кращому випадку, просто вдаються до звинувачень своїх опонентів у надмірному консерватизмі, інтелектуальній

стагнації, що заважає творчо мислити і відкривати нові пізнавальні горизонти.

Поодинокі спроби захиститися від квазінауки (для термінологічного спрощення користуватимусь в основному цим поняттям) вочевидь приречені. Передусім тому, що в Україні не склалася професійна спільнота, що була би здатною не лише ефективно протистояти магізму, імітації та плагіату в науці, але й відрізняти науку від того, що поза нею. Водночас неоміфологія показує дивовижну здатність до мімікрії під науку, її репрезентанти одержують наукові ступені, займають високі посади в офіційній науковій ієрархії, впроваджують свої ідеї через офіційні інституції в масові підручники та намагаються перетворити маргінальний статус своїх концепцій на магістральний і навіть обов'язковий. Усе це дозволяє квазінауковим ідеям інституалізуватися і впливати на розмивання академічних норм наукової діяльності зсередини.

Наразі йтиметься не про квазіісторію як суспільний феномен в цілому, а саме про її мімікрію під науку, проникнення у фахове середовище під виглядом нового, революційного знання. Тому я не братиму до уваги тексти Юрія Канигіна, Галини Лозко або Юрія Шилова, оскільки вони репрезентують «чисту» неоязичницьку міфологію, яка й не претендує на місце в академічній науці і стилістично не може на нього претендувати. Їх проблематично кваліфікувати навіть як квазінауку чи паранауку, оскільки рівень мімікрії під академічні стандарти в цьому випадку не спостерігається. Однак ідеї, продуковані історико-міфологічним дискурсом, втрачають конкретного автора, набувають статусу своєрідного гіпертексту, відображаючи єдину «матрицю сприйняття реальності», ідеологічно та стилістично близьку до філософії «Нью ейдж».

Сучасні квазіісторичні студії можна кваліфікувати як різновид пострадянської урбаністичної міфології (поряд з НЛО, космізмом, гороскопами, сніговою людиною, бермудським трикутником, теософією та реріхіанством, чиннелінгом, йогою, медитацією, гуруїзмом тощо). Особливості квазіісторіі як наративу я би визначив таким чином:

1. Ірраціональний характер концепції, міфологічна логіка, кардинальний розрив із загальноприйнятою картиною світу і звичними науковими уявленнями, акцентування на революційному характері нової історичної візії.

- 2. Принципова неверифікованість і нефальсифікованість як гіпотез, так і результатів «наукових досліджень» (йдеться про прагнення приховати свої вихідні тези в містичних глибинах «вселенського розуму», «космічних енергій», «геомагнітному полі», «пасіонарних поштовхах», Оріяні або таємницях людської підсвідомості).
- 3. Орієнтація на позасоціальні (часом цілком містичні або космічні) чинники історії.
- 4. Джерельні містифікації: конструювання власної міфічної джерельної бази, яка надається до будь-яких перекладів та інтерпретацій.
- 5. Лінгвістичні містифікації: виведення нового значення звичних слів з будь-якої архаїчної чи іноземної мови шляхом слухового співзвуччя або графічної підібності (наприклад, «культура культ Ура», «УкРАїна земля бога Ра», «Йордан Яр-дан», «остяки ацтеки» та ін.).
- 6. Заперечення рутинних дослідницьких процедур, зокрема, щодо роботи з першоджерелами, розробка власних, «унікальних» герменевтичних технік.
- 7. Оперування окультною термінологією та посилена термінотворчість (творення специфічної «новомови», насичення новим смислом старих термінів, підміна понять; найбільш вживаними в цьому контексті є терміни «енергія», «інформація» та похідні від них).
- 8. Зловживання методом аналогій (з цього випливають, наприклад, тези про «давніх українців носіїв ведичної культури», або «українці трипільці», «трипільці предки давніх греків і давніх індійців») [21, с. 355].
- 9. Підкреслена сенсаційність «відкриттів» (власне, квазіісторія складається з нескінченного потоку сенсацій).
- 10. Пророчий пафос, що пронизує квазіісторичні тексти (наближення глобальних катастроф, радикальні прориви в еволюції людини, прихід Нової ери тощо).

¹ «Часть трипольцев была предками греков», «из трипольцев могли выйти и предки индийцев», – доволі серйозно припускав Микола Чмихов [21, с. 355].

- 11. Конспірологічний стиль авторського мислення (культ «всесвітньої змови професійних учених», оплата праці істориків масонами, спецслужбами та ін.).
- 12. Пріоритетність доктрини перед науковим пошуком (доктрина «все пояснює»).

Властивості квазіісторії корелюють з такими проявами девіантної науки як: суто «прагматична мета дослідження», відсутність надійного емпіричного обґрунтування та підтримки у наукової спільноти (Надєжда Уткіна, яка сформулювала ці ознаки, явно не врахувала, що за певних умов «наукову спільноту» теж можна симулювати, як і науковий продукт), супернатуралізм, «зневаження принципів економії та фалібілізму», визнання віри, почуття, містичних візіонерств та інших параприродних форм досвіду змістовними характеристиками наукової істини, застосування гіпотез, що не підлягають фальсифікації, «порушення норм когнітивної зв'язності, раціонального узгодження нової гіпотези з усталеними та обґрунтованими масивами знань» [18].

Наведені ознаки *квазіісторії* не обов'язково трапляються в одному тексті, це, скоріше, умовна структура квазінаукового тексту, написаного на історичну тематику. Загалом, адекватним контекстом для аналізу квазіісторичної міфології є глобальний рух «Нью ейдж» («Нової ери») [6]. Квазіісторія активно використовується різноманітними релігійними групами та субкультурами, а також комерційними культами, окультно-націоналістичними осередками, політичними реінтеграційними проектами (наприклад, «Русский мир», «Третій Гетьманат»).

Світоглядна матриця «Нью ейдж» має значний вплив на науково-дослідницький пошук істориків та гуманітаріїв в цілому, надаючи їм готову теоретичну модель, під яку підбираються потрібні для теорії «факти». Їй притаманне відчуття початку новое ери в житті людства і космосу в цілому, «космічна всеєдність», ідея радикального прориву людини в усіх сферах, подолання глобальних загроз, відмова від «пережитків минулого» у вигляді догматичних релігій і винайдення універсального рецепту колективного щастя і гармонії. За словами Миколи Чмихова, «сучасний стан світу буде, з одного боку, кінцем та підсумком циклу, що почався для наших предків з усвідомлення своєї особливої людської сутності, а з друго-

го – переходом до нового етапу спіралі історії, який оновлює осмислені ще язичництвом одвічні вселенські принципи» [21, с. 361].

Пострадянська дезорганізація наукового життя, тривала наукова ізоляція від світового історіографічного процесу та його проблем стрімка провінціалізація, спричинили появу численних груп за інтересами, інтегрованих довкола окремих харизматичних постатей, їхніх текстів та ідей, які надмірно ідеалізуються, вважаються ключем до пояснення ледве не всіх таємниць Всесвіту. Усе це мало наслідком формування власних, вузькогрупових уявлень про науковість, її критерії та принципи, процедури наукових доказів, наукову дискусію, стиль наукового мислення та стилістику текстів, груповий етос.

Серед ідейно-психологічних передумов поширення квазіісторії, яку я назвав би «науковим магізмом», зауважу дві. Першою є прихильність пізньорадянської технічної інтелігенції до ньюейджівських урбаністичних міфологій, які служили своєрідною альтернативою радянській ідеологічній повсякденності, в тому числі, повсякденності «науково-матеріалістичній». Після проголошення курсу на перебудову, особливо після 1991 р., коли зникли будь-які цензурні перешкоди, ці міфології поступово перекочували з науковопопулярних брошур у монографії та підручники, набувши більш респектабельного статусу.

Друга передумова полягає у «механістичній ментальності» тієї ж таки радянської інтелігенції, яка звикла мислити в категоріях незмінних законів суспільного розвитку, виведених з детерміністичної логіки «істмату». Незабаром скомпроментованим марксистськоленінським законам було знайдено компенсаційну заміну у вигляді законів космічних, не менш жорстких і детерміністичних: «Космічні промені досягали земної поверхні, викликаючи мутації в живих організмів, у тому числі і у людей. Останнє, як показує світова історія, очевидно, сприяло суспільному прогресу» [17, с. 344]. На думку Миколи Чмихова, «найбільші повороти в житті природи і суспільства Землі відбувалися при збігові екстремумів головних циклів існування Всесвіту, які були викликані причинами, що часто перебували за межами Сонячної системи» [21, с. 338]. Отже, фактори історичного процесу виводяться за межі Сонячної системи, а «людина в минулому» перетворилася на пасивну маріонетку в іграх нелюдських законів. сил та «енергій» [5, с. 400].

Яскравою ознакою психологічної атмосфери пострадянських наукових осередків може служити культивування теорій Льва Гумільова та Анатолія Фоменка [12], надзвичайно популярних у 90-ті рр. на тлі краху радянської версії марксизму, численні студії над «Велесовою книгою» та свідоме продукування міфів, що мали звеличити наше славне минуле (у стилі «українці – архітектори першого у світі триповерхового будинку та винахідники першого у світі колеса»). Для багатьох авторів (передусім з технічною освітою та відповідним складом мислення) властиве захоплення «технологічними» підходами, механічне перенесення природничотехнічних та математичних моделей на суспільно-гуманітарну сферу (так званий «синергетичний підхід») [8, с. 87]; вони прагнуть віднайти алгоритм історичного процесу, універсальну формулу, яка би цей процес безпомилково роз'яснювала і навіть прогнозувала. Ось як, наприклад, теорія Гумільова застосовується деякими авторами для пояснення українських етнічних процесів:

«Процес відтягування Польщею пасіонарної енергії торкнувся і українських земель, але українці вчасно змогли позбавитися впливу Польщі. Ще у складі Литви українські землі мали певну автономію, князі цих земель навіть в міру можливого налагоджували самостійні міжнародні відносини, а у XV–XVI ст. на вільних від польської влади землях формується українське козацтво, яке повною мірою можна вважати представником українського народу. Наведені обставини дозволили українському етносу зберегти свій «енергетичний потенціал», не віддати свою пасіонарну енергію Польщі (як це зробила Литва) і у 1556 р. перейти до акматичної фази свого етногенезу.

Більш пасіонарна Росія не відтягувала українську пасіонарність, навпаки, підсилювала її, використовуючи на власний розсуд. І ця пасіонарність не була вже суто українською. Польща, яка на попередніх етапах свого етногенезу витратила значну кількість пасіонарної енергії, забирала її у Литви... Така доля могла спіткати і Україну, але їй вчасно вдалося уникнути цього (великою мірою завдяки утворенню козацтва). Інша ситуація склалася у взаєминах між Україною та Росією. Етноси, які перебували в одній фазі етногенезу, під-

 $^{^{1}}$ «Неповторність та творчість, — писав Лєв Гумільова — ефект біохімічної енергії живої речовини — пасіонарності...» [5, с. 400].

силили свою загальну активність, але при цьому суто національна енергетика України значною мірою була послаблена» [13, с. 11].

Прибічники цієї теорії, намагаючись пояснити за допомогою «космічних енергій» соціальні процеси, не помічають «зачарованого» кола у доказах: «космічні енергії» визначають історичний процес, на користь цього свідчить сам історичний процес, який відбувається відповідно до алгоритмів, спроектованих «космічними енергіями»... При цьому задача дослідження полягає в тому, щоб «розшифрувати» алгоритми в історичних подіях, для правдоподібності декоруючи це «безпомилковими» математичними формулами.

З таким самим успіхом можна твердити, що історія відбувається відповідно до законів інопланетного уряду на зірці Сіріус, який спроектував, зокрема, світові війни у XX ст.; доказом цього ε самі світові війни, безперечність яких для всіх очевидна. Агентами Сіріусу ε запорозькі козаки, які контактували зі «своїми» за допомогою спеціального «оселедця», що, попри застарілі пояснення, насправді застосовувався як антена для вловлювання космічних сигналів та торсіонних вібрацій, якими козаки періодично підсилювали власну пасіонарність. Потрібні докази? Будь ласка. Хто заперечить, що козаки носили оселедці ?

В більшості випадків поява квазіісторичних текстів зумовлена факторами, про які йшлося вище: ментальна інерція істмату та механістичний світогляд, свідомо чи несвідомо інфікований філософією «Нью ейдж». Певна частка квазінаукових текстів є продуктом надмірного, егоцентричного прагнення до творчості, при цьому будь-які правила і норми сприймаються як прикра перешкода. Девіз Автора: якщо правила обмежують простір для моїх ідей, тим гірше для правил. Подеколи автори «нестандартних» досліджень намага-

¹ «Однажды я спустился на берег с несколькими местными жителями и затем нашел одного из них сидящим в стороне и пристально вглядывающимся в морскую даль. Был безветренный день, но легкая волна билась о берег. Одним из тотемических предков своего клана он считал персонифицированный гонг, некогда уплывший вниз по реке в море и теперь, как полагал он, нагонявший волны. Он вглядывался в волны, которые набегали и бились о берег при полном безветрии и доказывали тем самым правдивость кланового мифа» [3, с. 120–121]. Гадаю, цю цитату немає потреби навіть коментувати.

ються обгрунтувати свої вправи покликами на постулати постмодерністської філософії, створюючи продукт, який, на їхню думку, ε їх практичним втіленням. Таким текстам властива хаотичність, розмитість, в'язкість думки, гіперцитування, надмір лапок, гра зі словами, необґрунтована термінотворчість, зумисна руйнація логіки викладу, неверифікованість вихідних тез за допомогою класичних наукових методів, схильність до парадоксів, демонстративний розрив логічносмислового зв'язку між джерелом та авторською інтерпретацією. Усе це разом подається як революційний прорив у науковій методології.

Нарешті, частина квазіісторичних студій, наприклад, «Нова хронологія», вкорінена у бажання заробити кошти на фіктивних сенсаціях, до яких мають смак любителі релігійної та наукової «езотерики», читачі газет штибу «Совершенно секретно» та глядачі «Битви екстрасенсів». Припускаю, коли б автором «Нової хронології» був не академік РАН, а шкільний вчитель математики, його творчі вправи лишилися би особистою психологічною проблемою, як, зрештою, і стається з більшістю «наукових революціонерів». Казус з академіком Фоменком — це прояв невігластва, жадібності, зловживання статусом, примножених на безмежний цинізм. За висловом академіка РАН В. Яніна, рецепт популярності ідей Фоменка дуже простий: «Суспільство, виховане на скандалах, приклеєне до екрану телевізора, чекає негативу та епатажу» [7].

Подібні процеси девальвації змісту наукової діяльності та критеріїв науки відбуваються не лише в гуманітарних, але й науковотехнічних осередках. Наведу один дуже показовий, майже гротеский приклад.

Кілька років тому мені довелося взяти участь у так званому «публічному обговоренні» програми «Дніпровські пороги». Програма подає себе як науковий, інноваційний проект, покликаний змінити соціально-економічну, культурну, політичну, духовну та моральну ситуацію в регіоні, а в перспективі — в усьому світі. Її автор Ігор Шпірка, фізик за освітою, побачив «наукову закономірність» між дев'ятьма порогами на Дніпрі, дев'ятьма місяцями вагітності у жінок, дев'ятьма планетами нашої сонячної системи, дев'ятьма сферами структури Землі і значною кількістю вихідців з Дніпропетровщини при владі. На цій підставі він вирішив, що пороги мають якусь «потенційну енергію», завдяки якій у мешкаців Придніпров'я прискореними темпами формуються лідерські якості. «Уже через

год-полтора, — **3 оптимізмом запевняє автор,** — **мы надеемся, до кон**ца постигнув необычные свойства днепровских порогов, получить принципиально новый вид энергии» [20].

Звісно, не обійшлося і без «історичних аргументів». Збіг цих дев'яток свідчить про феномен «унікальності Придніпровського регіону», який є «інформаційним полюсом планети Земля». «Науковим» доказом ϵ те, що від порогів до Єрусалима така сама відстань, як між порогами та Соловками. А там «покоится прах последнего кошевого атамана Запорожской Сечи Петра Калнышевского»! Крім того, на думку Шпірки, «в козацких поселениях вблизи порогов никогда не было эпидемий оспы и чумы. Это объясняется тем, что пространство вокруг порогов постоянно насыщено отрицательно заряженными частицами, обладающими высокими антисептическими свойствами» [20]. Теза проголошується як очевидна істина, хоч її автор, звісно ж, не досліджував ані медичних карток козаків XVI–XVIII ст., ані історію епідемій у східній Європі. Це не завадило йому зібрати на підтримку своєї програми десятки підписів вчених нашого регіону, серед яких абсолютна більшість кандидати і доктори технічних та природничих наук.

Квазінауковими тезами перенасичена і навчальна література, яка, за визначенням, має узагальнювати та адаптувати для студентського сприйняття усталену, консервативну наукову традицію. Наприклад, «Українська та зарубіжна культура» за редакцією професора М. Заковича авторитетно запевняє студентів, що в Київській Русі «успішно розвивалася історична наука. На зразок історичних хронік Візантії розроблялася й тодішня історіографія, що займалася історією нашої держави, наше літописання. Найстарішими з тих, що дійшли до нас, є, безумовно, «Велесова книга» та ін.» [9] (курсив мій – C. C.). Автори підручника не завдають собі клопоту з тим, щоб хоча би примітково згадати про, щонайменше, сумнівну наукову репутацію цієї пам'ятки. Можливо, автори повірили В. С. Крисаченкові, який у своїй хрестоматії «Українознавство» заявив, що «нині, на щастя, проблема ідентичності, тобто, справжності, «Велесової книги» практично розв'язана в позитивну сторону» [15, с. 493]. Дійсно, навіщо цим перейматися, коли «Основні орієнтири виховання учнів 1–12 класів загальноосвітніх навчальних закладів України» (Наказ МОН України № 1133 від 17.12.2007) називають «Велесову книгу» «великою скарбницею народної педагогіки», утіленням «загальнонародного досвіду, мудрості, моралі, етики поколінь» [14], а вчені-археологи покликаються на неї як «стародавнє джерело» [21, с. 338].

Авторка іншого грифованого підручника Матвєєва, вочевидь, спираючись на власний окультно-містичний досвід, переконує студентів у тому, що християнство є вкрай неефективною релігією: «Реальні наслідки проповіді Ісуса дають підстави для не дуже втішних висновків щодо результативності навчання людства методом явлення чудес. Незважаючи на очевидну навіть для раціонального сприйняття загальну позитивність його проповіді, людство так і не зробило під її впливом якогось суттєвого ривка у своїй еволюції, в тому числі духовній» [11, с. 203–204].

Інакше не могло й бути, адже, за словами Матвєєвої, «церква убивала своїх ворогів» (інших слів для творення образу християнства в авторки не знайшлося). А сам Христос нібито намагався ввести людей у спеціальний трансовий стан, щоб посилити свій вплив на них шляхом навіювання. Дісталося від культуролога й інопланетянам, що мають, нарешті, усвідомити «безперспективність втручання в перебіг земної еволюції з метою «чудесної допомоги», тобто штучного вирішення наших проблем... Турбота з боку більш розвинутих осередків космічного розуму про форми менш досконалі, до яких, цілком імовірно, належить і земна культура, навряд чи може мати більший вияв, ніж ізоляція від небезпеки міжпланетарних конфліктів та зовнішньої агресії» [11, с. 204].

Зазвичай такі випадки сприймаються як прикра норма інтелектуального життя. Спроби зазіхнути на неї викликають опір ученої корпорації, яка нерідко цінує стабільність і спокій більше, ніж професійну етику. Історики звикли до сусідства з квазіісторією та сприймають морально-етичну кризу власного фаху як щось цілком природне в контексті інших перманентних криз — економічної, екологічної, ідеологічної, методологічної, політичної.

Наступним кроком (певною психологічною межею) у девальвації критеріїв науки стає визнання «науковими» дисертаційних здобутків знаного львівського «літературознавця» Петра Іванишина, який «науково обґрунтував» право національна свідомого українця

на фізичне знищення своїх ворогів [16, с. 245–250]. Ця теза успішно пройшла процедуру наукової верифікації ученою спільнотою. Після цього «право на знищення» стало вважатися доведеним у ході наукової дискусії.

В чому ж полягає задача історика в епоху торжества неоміфології, руйнування сцієнтистської історії, розмивання кордонів між наукою та міфом, тотального імітування науки? Йдеться передусім про історика, що всерйоз сприймає свій фах. Думаю, варто погодитися з думкою Надєжди Уткіної, що вступати в наукову дискусію з квазінаукою не має великого сенсу, бо критика «не приводить до зникнення девіацій, а стимулює оновлення їхнього змісту, що, оновившись, зостається девіантним. Сучасні девіантні науки, як правило, ренегеруються дуже швидко, «враховуючи зауваження» щодо окремих відхилень від норм науки. Вони швидко коректують свої змістовні втрати, запозичуючи (частіше саме від наук) новітні підходи та ідеї» [18].

Тим не менш, історик має перебувати в ролі гаранта раціональності у світі, що занурюється у безумство і магізм. Професійний етос спонукає його охороняти межі своїх фахових інтересів і боронити історіографію (і ширше – простір історичного знання) від експансії того, що не ϵ наукою у класичному розумінні. Він чудово усвідомлює, що наукова історіографія, як і її «концепція норми», є продуктом сцієнтизму та позитивізму XIX ст., але це зовсім не означає, що вона є анахронічною і нині її мають змінити якісь кардинально інші моделі науковості [8]. Заклик Пола Фейерабенда «все згодиться» інтелектуально стимулює, але є непридатним для практичного втілення у текстах, які можна було би визнати «науковими» [19]. Скепсис з приводу «науковості» гуманітарних наук [4] – ще не привід перетворювати історієписання на різновид окультизму. Нехай історик не може адекватно пізнати минуле, а його претензія на вірогідну інтерпретацію джерел є проявом авторитаризму, узурпації та «логоцентризму», однак «людині розумній» хочеться вірити в розумність світу навколо себе [22 с. 7], принаймні, в те, що світ ще не остаточно збожеволів.

Насамкінець хотілося б наголосити на подальшій проблематизації розрізнення «нормальної» та «девіантної» науки, історії та квазіісторії, хоча це значно легше зробити на практиці, ніж у теорії. Чому?

По-перше, через розмивання класичних критеріїв науковості в контексті філософських постулатів постмодерну, поширення скепсису щодо пізнавальних можливостей науки та наукового статусу історії, руйнацію рамок професійної етики; на жаль, деякі автори вважають, що постмодернітська філософія ніби надає їм санкцію на радикальне разширення коридору творчої свободи, точніше, на безпідставні фантазії, що видаються за прорив в історичній методології

По-друге, через успішну інституалізацію квазінауки в сучасному академічному та освітньому просторі, а також безперешкодні можливості для неї проходити крізь формальні атестаційні фільтри (одні й ті самі науковці можуть водночас бути членами як академічних інститутів, так і сумнівних квазінаукових установ на зразок Міжнародної академії інформатизації, Міжнародної академії енергоінформаційних наук тощо).

По-третє, через «міфологізацію суспільної свідомості», суспільний запит на квазіїсторію в контексті «війн пам'яті», формування різноманітних релігійних, політичних та ідеологічних осередків, які застосовують її як інструмент легітимації. Нові соціальні ідентичності потребують власного «історичного наративу» [1].

По-четверте, елементи девіації завжди присутні в академічній науці, а девіантна наука здатна містити певні раціональні твердження, які, правда, займають в її структурі маргінальну позицію [18].

В цій ситуації лишається сподіватися на залишки академічних традицій окремих інтелектуальних осередків, дослідницьку інтуїцію, що дає можливість історикові відрізняти науку від її імітації, неформальний авторитет справжніх вчених, їх міжнародне визнання, зрештою, хоч як банально це звучатиме, здоровий глузд.

Усі прикрі слова, сказані про «науковий магізм», варто врівноважити невеличким позитивом. Дозована присутність квазінаукових ідей у науковому дискурсі (коли змиритися з їхньою неминучістю) — може бути певним стимулом для творчості, фактором інтелектуального неспокою та щеплення проти стагнації і догматизму. Небезпека з'являється тоді, коли квазінаука заявляє про себе, що вона і є

справжньою академічною наукою, коли вона не вдовольняється своїм маргінальним становищем, бажаючи не співіснувати з наукою, а замінити її собою. Врешті-решт, квазінаука нездоланна: вона такий самий незмінний супутник науки, як єресь — ортодоксії, а марновірство — віри. Перефразовуючи Франка Анкерсміта, можна сказати, що квазінаука — це «Інший» нашої культури, «постійна потенційна можливість» [2, с. 413].

Бібліографічні посилання

- 1. Актуальное прошлое: наука и общество. Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов / под. ред. А. Петрова и В. Шнирельмана. М., 2011.
- 2. Анкерсмит Φ . Р. История и тропология / Φ . Р. Анкерсмит. М., 2003.
 - 3. Гири К. Интерпретация культур / К. Гирц. М., 2004.
- 4. *Гумбрехт X. У.* Ледяные объятия «научности», или почему Почему гуманитарным наукам предпочтительнее быть «Humanities and Arts» / X. У. Гумбрехт // НЛО. − 2006. − № 81. [Електронний ресурс] − Режим доступу: http://magazines.russ.ru/nlo/2006/81/gu1.html.
- 5. *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. / Л. Н. Гумилев. М., 2007.
- 6. Даніелс. Г. Нью-Ейдж: нвоий порядок, нове людство, нова віра / Г. Даніелс [Електронний ресурс] Режим доступу: http://www.christusim-perat.org/uk/node/13620.
- 7. *Емельянов Ю*. Фоменковщина. Как два математика и химик всемирную историю переписали / Ю. Емельянов [Електронний ресурс] Режим доступу: http://www.arhimed007.narod.ru/h fomenkovshina.htm.
- 8. Жилин В. И. К вопросу о механизмах формирования синергетического мировоззрения / В. И. Жилина // Философия и общество. 2011. № 4.
- 9. Закович М. М. Культурологія: українська та зарубіжна культура / М. М. Закович [Електронний ресурс] Режим доступу: http://pidruchniki.ws/17280924/kulturologiya/zarodzhennya_rozvitok_shkilnoyi_osviti_naukovi_znannya#167
- 10. Леглер В. А. Идеология и квазинаука / В. А. Леглер [Електронний ресурс] Режим доступу: http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/legl93sp. htm.
 - 11. Матвеєва Л. Культурологія / Л. Матвеєва. К., 2005.

- 12. Мифы «новой хронологии». Материалы конференции на историческом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова, 21 декабря 1999 г. М., 2001.
- 13. *Мосюкова Н. Г.* Особливості українського етногенезу / Н. Г. Мосюкова // Грані. Д., 2008. № 1.
- 14. Основні орієнтири виховання учнів 1–12 класів загальноосвітніх навчальних закладів України [Електронний ресурс] Режим доступу: http://nvk3.at.ua/Dokument/orientiri vikhovannja.doc.
- 15. *Портнов А.* Рец. на: Українознавство: Хрестоматія-посібник: У 2-х кн. / Упор. В. С. Крисаченко / А. Портнов. К., 1996–1997 // УМ. Ч. 4–5. Л., 2000.
- 16. *Савченко С.* Апокаліпсис української гуманітаристики. Рец. на: Іванишин Петро. Аберація християнства, або культурний імперіалізм у шатах псевдохристології / С. Савченко. Дрогобич, 2005. 268 с. // УМ. 2007. Ч.12.
- 17. *Стороженко І. С.* Богдан Хмельницький і Запорізька Січ кінця XVI середини XVII ст. / І. С. Стороженко. Кн. 2. Дніпродзержинськ, 2007.
- 18. *Уткіна Н. В.* Феномен девиантной науки: автореф. дис. ...канд. філософ. наук / Н. В. Уткіна. Киров, 2009 [Електронний ресурс] Режим доступу: http://www.dissercat.com/content/fenomen-deviantnoi-nauki.
- 19. Φ ейерабенд Π . Против метода. Очерк анархистской теории познания / Π . Фейерабенд. M., 2007.
- 20. Чигорин А. Какую энергию скрывают Днепровские пороги? / А. Чигорин [Електронний ресурс] Режим доступу: http://nashemisto.dp.ua/articles/2009/mar/10/kakuyu-energiyu-skryvayut-dneprovskie-porogi/.
 - 21. Чмыхов Н. А. Истоки язычества Руси / Н. А. Чмыхов. К., 1990.
 - 22. Элиаде М. Ностальгия по истокам / М. Элиаде. М., 2006.

УДК 930.2

В. І. Воронов

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

«НОВА ХРОНОЛОГІЯ» ЯК МІЖДИСЦИПЛІНАРНИЙ ВИКЛИК ІСТОРИКАМ

Аналізуються сутність концепції «Нової Хронології» та основні засади її критичної оцінки в сучасній російській науці. «Нова Хронологія» розглядається як своєрідний методологічний та методичний «виклик» гуманітарним наукам і, зокрема історії, з боку точних математичних наук.

Ключові слова: «Нова Хронологія», міждисциплінарність, методи й методологічні підходи в сучасній науці.

Анализируется сущность концепции «Новой Хронологии» и основные аспекты ее критической оценки в современной российской науке. «Новая Хронология» рассматривается как своеобразный методологический и методический «вызов» гуманитарным наукам и, в частности истории, со стороны точных математических наук.

Ключевые слова: «Новая Хронология», междисциплинарность, методы и методологические подходы в современной науке.

The article analyzes essences of the key statements, stated in the «New Chronology». The «New Chronology» is positioned as a sort of modern conception for universal history and is based on the scientific works of modern Russian scientists, mathematicians and physicists G. Nosovskiy, A. Fomenko and some of their adherents (they live mainly in Russian Federation). Some of the «NC» centres continue to work in Russia till now. New books of the «NC» followers are published there in mass editions, spawning discussions around the main questions, raised in these books. At the same time some of the European scientists (German, Hungarian, Italian) are partly supporting «NC» key basis too. However in Ukraine there is no appreciable reaction on this point at all, which is rather surprising.

The article also analyzes works of Russian scientists (historians, philolo gists, astronomers, mathematicians and other natural sciences representatives), which scarify the conceptual basis of «New Chronology». The author gives his own reasoning and conclusions system. We may state the fact that official science has rather convincing arguments. Nevertheless, there are some visible problems

[©] Воронов В. І., 2014.

concerning past events dating and impossibility to determine the real time of some historical monuments appearance. Theoretical and methodological basis of modern historical investigations are far from the ideals too, and need additional work, newest techniques, methods and perception principles introducing.

In connection with premises, we can make a conclusion that «NC» conception is an original interdisciplinary challenge first of all for modern historical science, which has to stimulate historians to broaden theirs own creative laboratory, raise theirs theoretical and methodical potential by mastering methods of adjoining and not adjoining sciences. This can help with more professional and reasoned discussing with opponents and with operating bigger arguments base for making own conclusions and summarizing.

Key words: «New Chronology», interdisciplinarity, methods and methodological approaches in modern science.

Окремий напрям або, як вона сама себе позиціонує, нова концепція всесвітньої історії, відома під назвою «Нової Хронології» (НХ), протягом останніх декількох десятиліть збурює й намагається вивести із стану рівноваги або своєрідної дрімоти суспільну свідомість і доволі широкі наукові кола, викликаючи й спричинюючи навколоісторичні дискусії. Центром дислокації її адептів та прихильників зараз переважно є Росія, де ще на початку 1980-х рр. з'явились друком перші публікації згодом академіка Російської Академії наук, дійсного члена Російської Академії природничих наук, доктора фізико-математичних наук, професора Фоменка Анатолія Тимофійовича (див., наприклад: [35; 38; 39]). Навколо нього об'єднались його учні й послідовники Г. В. Носовський, В. В. Калашников, В. О. Нікеров та ін., серед яких, між іншим, були не тільки математики й фізики, а й окремі історики та люди, які просто цікавились хронологічними проблемами історичної науки.

Спочатку вони вели мову про нові методи датування історичних подій та розвиток і поглиблення підходів М. Морозова, російського вченого першої половини XX ст., автора декількох праць, де переосмислювалась хронологія давньої історії аж до XIII ст. і які, власне, й зумовили оформлення НХ пізніше, тобто наприкінці минулого століття. Останній один із перших серед учених застосував в історичній науці окремі природничо-наукові методи дослідження.

Згодом А. Т. Фоменком було розроблено й запропоновано до використання в історичних дослідженнях «нові статистичні методи», які, на його думку, дозволяли відновити «вірну хронологію»

на основі формального аналізу писемних джерел [12; 35; 37; 38]. Невдовзі в Росії виникло декілька «новохронологічни» груп, які з часом розподілились на гуртки за власними історичними інтересами. Серед них ще й зараз продовжують існувати «Хронотрон», «Імперія» К. Люкова, «Криптоісторія», осередок «Проекту Цивілізація» Кеслера — Іванова, новохронологічні форуми І. Колоскової, асоціація «Арт&Факт» та ін. Слід зазначити, що дослідженнями з альтернативної хронології історії займались і продовжують займатись і в інших країнах: Йордан Табов (Болгарія), Євген Грабович, Уве Топпер та Ханс-Ульріх Німіц (Німеччина), Ліврага Ріцци (Італія), Радош Бакич (Угорщина), Гуннар Хайнзон (Норвегія) та деякі ін. Їх висновки, щоправда, іноді дещо суперечать один одному та окремим узагальненням і концептуальним положенням НХ в її «російському» варіанті, однак загалом вони досить близькі.

Своєрідним часом розквіту «Нової Хронології» можна вважати другу половину 1990 – початок 2000-х рр., коли буквально щороку з'являлись друком «нові» книги її адептів (а то й по декілька подібних видань за рік одразу) [11–13; 17; 18; 22; 23; 25–27; 29; 30; 37]. Наголошу, що роботи з НХ публікувались і продовжують і зараз видаватись доволі значними тиражами, зазвичай відрізняються високим поліграфічним рівнем, мають доволі провокаційні заголовки й містять, принаймні зовні, окремі досить доказові факти й системи аргументацій (особливо для тих, хто не дуже добре орієнтований у проблемах всесвітньої й вітчизняної історії), приваблюючи цим доволі широкі кола незаангажованих у професійній історичній науці читачів. Протягом останніх років друком з'явилось ще декілька нових видань «новохронологів» (див., скажімо: [20; 21; 24; 28; 31] та ряд ін.). Щоправда, як цілком слушно зазначив відомий сучасний російський історик і джерелознавець І. Данилевський, «кожна «нова» книга з «нової хронології» практично повторює попередні видання. В цьому легко переконатись, здійснивши текстологічне зіставлення... «Доробка» побудов «нових хронологів» обмежується змінами структури викладу (що, на думку авторів, очевидно надає їм право видавати старі книги під новими назвами), або виправленням явних помилок, які легко перевірити» (переклад з рос. мій -B. B.) [5, c. 117–118].

Натомість, у силу фінансових негараздів, ряду інших об'єктивних і суб'єктивних причин, праці сучасних професійних іс-

ториків навряд чи можуть сподіватись на настільки широкий публічний резонанс і відповідно інтерес у суспільстві, завдяки своїй академічності й певній елітарності, що супроводжується часто сухістю викладу й складністю в розумінні для «непосвячених», або навіть відсутністю будь-якої орієнтації на непідготовленого читача. Тож цілком зрозуміло, що в сучасній Україні книги А. Т. Фоменка та його однодумців також добре відомі і з ними ознайомились доволі багато наших співгромадян, чим, мабуть, навряд чи може похвалитись практично жоден із сучасних професійних українських (і не тільки!) істориків, оскільки їхні праці зазвичай доволі камерні, мають обмежений наклад і не орієнтовані на широке коло читачів.

Напевно, варто стисло перелічити основні положення НХ, які закарбувались на сторінках численних праць її головних репрезентантів і, перш за все, А. Фоменка та Г. Носовського, і навколо яких продовжують «нуртувати» доволі широкі дискусії.

По-перше, згідно з їх твердженнями, традиційна хронологія переважно недостатньо вірогідна й значною мірою підроблена. Окрім випадкових похибок істориків, вона помилкова через умисне викривлення історії, яке постійно здійснювалось на замовлення різних релігійних або політичних сил. Згідно з адептами НХ, у разі таких фальсифікацій нібито систематично виготовлювались підроблені давні документи, натомість знищувались або виправлялись джерела, які містили небажані для різних осіб і угруповань відомості. Багато таких фальсифікацій, на думку представників НХ, були масовими, узгодженими і добре організованими, вони здійснювались одночасно в найбільш розвинених країнах Європи, а потім поширювались по всьому світу.

По-друге, як вважають прихильники НХ, реальні події світової історії викладені в переважній більшості підручників з численними повторами. Джерела, які оповідають про ті ж події з різних точок зору, традиційними істориками нерідко сприймались як повідомлення про зовсім різні події, датувались різним часом і стосувались різних географічних регіонів. У результаті такої «діяльності» авторів джерел та істориків, які їх вивчали, в їх світовій історичній версії утворювались «дублікати» і «фантомні відображення» реальних історичних періодів. Розміщення «дублікатів» у більш давнє минуле, порівняно з «оригіналами», призвело до штучного подовження історії людства і до появи в ній численних «темних віків» та «відроджень».

Як вважають адепти HX, у розташуванні традиційно-хронологічних «фантомів» спостерігається система, яка видає астрологічний спосіб побудови цієї шкали. НX стверджує, що всі історичні події, які відносяться в традиційній історії до часу, що передує XI ст., а також більшість подій, які традиційно відносяться до XI–XV ст., є дублікатами європейських подій XI–XVII ст. н. е.

По-третє, прихильники НХ сходяться на тому, що, на їх думку, традиційна історична хронологія давнього часу загалом невірна, що зумовлено двома головними причинами: невірним датуванням писемних джерел і незадовільними методами укладачів офіційної хронологічної шкали. Згідно з ними, помилки традиційної хронології численні – оскільки глобальне літочислення встановилось тільки наприкінці XV ст., а до цього хроністи використовували лише відносні хронології. У результаті майже всі старовинні писемні джерела в традиційній історії були датовані невірно. Тому, на їх думку, історія людства остаточно «стає вірогідною» лише з XVIII ст. З цього часу збереглись досить повні й численні прямі історичні свідоцтва, прийнятні для детального відновлення історії. Значно менш вірогідна історія XI–XVII ст.; писемні джерела цього часу нечисленні й потребують ретельного вивчення вірогідності змісту. Про історію людства раніше XI ст., згідно з ученням НХ, можна говорити лише умовно, оскільки «жодних писемних свідоцтв раніше XI ст. взагалі не існує», а археологічні знахідки поки що не можуть бути точно датовані й витлумачені. Писемність виникла й досягла більш-менш помітного розповсюдження незадовго до винайдення книгодрукування, а тому давніших писемних джерел просто взагалі існувати не може.

Тому, на думку А. Фоменка та інших «новохронологів», неєвропейські цивілізації значно молодші, ніж стверджує традиційна хронологія, а, скажімо, «хроніки» країн, віддалених від центру християнської цивілізації (Давня Японія, Давній Китай, Давня Індія), стосуються не їх історії, а доволі спотворено переповідають історичні твори, завезені туди європейськими місіонерами у XVI–XVII ст., тоді як власна історія цих держав налічує лише декілька сотень років (див., зокрема: [13; 18–31]).

Головні постулати, які викладались у публікаціях представників НХ, доволі різко й рішуче критикувались і продовжують критикуватись різними російськими ученими, спеціалістами в галузі й математичних, і природничих, і соціально-гуманітарних наук. Зокрема мож-

на назвати відомих російських істориків, академіків РАН В. Л. Яніна та О. О. Фурсенка, філолога А. А. Залізняка, фізиків Нобелівського лауреата В. Л. Гінзбурга, голову Комісії РФ по боротьбі зі лженаукою Е. П Круглякова, члена Бюро Наукової Ради РАН з астрономії Ю. М. Єфремова та деяких інших. Особливо слід виокремити тематичний збірник наукових праць «История и антиистория. Критика «новой хронологии» академика А. Т. Фоменко» (2000 р., друге видання – 2001 р.) [10]. На його сторінках були, зокрема, уміщені доволі змістовні критичні статті таких сучасних російських учених, як А. А. Залізняк [8], А. Л. Пономарьов [34], Д. Е. Харитонович [40], А. Л. Хорошкевич [42], В. Л. Янін [45] та ряд ін. [4; 33] У 2006 р. був опублікований ще один такий збірник критичних праць за редакцією одного з найвідоміших російських істориків та джерелознавців сучасності С. О. Шмідта під назвою «Антиистория, вычисленная математиками. О новой хронологии Фоменко и Носовского» [1]. У дискусіях довкола проблем НХ взяли участь відомі сучасні російські історики Д. Володіхін [2; 3], І. Данилевський [5], Б. Литвак [16], С. Шмідт [43; 44] та ін. Досить багато критичних публікацій з'явилось друком на сторінках офіційних російських наукових періодичних видань – журналів «Вестник РАН», «Новая и новейшая история» та ряду ін. (див., зокрема: [3; 9; 15; 32; 41]). Декілька гостро критичних ремінісценцій на пасажі прихильників НХ у російській історіографії з'явилось і протягом останніх років [6; 7].

Варто зупинитись більш детально на головних критичних зауваженнях на концептуальні положення НХ, які можна знайти в цій науковій літературі. По-перше, згідно з критиками, представники цього напряму абсолютно відкидають загальноприйняті гуманітарні теорії (історичного процесу, розвитку мов, еволюції культури тощо), і в той самий час у них абсолютно відсутні будь-які прийнятні пояснення певних протиріч в історичних реаліях, що «дозволяє» їм й усю історію фактично вважати «лженаукою». Це загальне міркування підтримується практично всіма критиками НХ беззаперечно.

Критики також вказують на численні внутрішні протиріччя у вченні НХ, зокрема деякі розходження в датуваннях, здійснених за допомогою різних методів, при порівнянні історичних повідомлень про так званих псевдоосіб (фантомів), наявність доволі суттєвих відмінностей у різних їх описах.

Доволі рішуче неприйняття у прихильників офіційної хронології викликають висновки в працях з НХ про навмисні фальсифікації історичних повідомлень у Новий Час. Як констатують представники сучасної російської історичної науки, хоча фальсифікації історичних джерел взагалі мали місце й траплялись нерідко, заяви НХ про таку величезну їх кількість набувають рис масштабної «теорії змови», що абсолютно неприйнятно, оскільки фактично все це визначає наукову недобросовісність широких кіл офіційних («консервативних», за термінологією представників НХ) учених (див., наприклад: [34; 40; 45]).

Критики з числа сучасних доволі відомих російських істориків виправдано висловлюють невдоволення через ігнорування адептами НХ традиційної методології історичної науки. Вони досить аргументовано доводять, що загалом комбінація існуючих історичних методів датування дозволяє встановлювати час історичної події з доволі високою точністю, а тому історики категорично не згодні з твердженнями «новохронологів» про те, що нібито вірогідних писемних свідоцтв історії людства, які з'явились раніше IX ст., просто не існує. Окрім того, їх абсолютно не влаштовує реконструкція історії, яку пропонує НХ. Тому вони досить небезпідставно звинувачують супротивників у ігноруванні ряду історичних джерел, які «не вписуються» до їх гіпотези, а також альтернативних інтерпретацій фактів [2; 5; 6; 9; 16; 33; 41; 42; 45]. Історики церкви до того ж невдоволені тим, що в «новохронологічній» реконструкції земне життя Ісуса Христа практично ототожнюється з біографією інших історичних осіб.

На міркування й «докази» спеціалістів у галузі НХ про «недолугість» і відповідно неймовірність існування «тисячолітнього культурного занепаду» за доби Середньовіччя, а після завершення цього періоду абсолютного нібито «безпричинного Відродження» офіційні історики зазначають, що цей занепад торкнувся переважно лише «граційних» мистецтв і навіть досить аргументовано ставлять під сумнів саме існування «Темних Віків» у власних дослідженнях, здійснених у рамках «традиційної історії».

Для відкидання ряду положень НХ, які прямо стосуються російської історії, сучасні вчені (і, зокрема, В. Л. Янін) слушно апелюють до берестяних грамот, уперше знайдених під час археологічних розкопок у Великому Новгороді в 1951 р., оскільки їх тексти слу-

гують непоганим джерелом для перевірки даних дендрохронології, які, згідно з їх системою аргументацій, цілком відповідають офіційно прийнятій традиційній хронології Русі [45].

Критика з боку філологів зводиться до доволі рішучого й аргументованого відкидання результатів констатувань НХ у галузі мовознавства (які багато в чому витікають з праць М. Морозова). Особливо значний внесок у це було зроблено завдяки працям академіка А. А. Залізняка. Він та окремі інші критики-лінгвісти досить переконливо наголосили, що філологічні аргументи «новохронологів» непрофесійні й принципово невірні, оскільки зовсім не відповідають традиційній теорії мовознавства (див., зокрема: [7; 8]). В травні 2007 р. А. А. Залізняк навіть отримав премію А. І. Солженіцина за книгу, в якій традиційними філологічними методиками досить ретельно й аргументовано обгрунтував давність «Слова о полку Ігоревім» і автентичність твору кінцю ХІІ ст.

Спеціалісти з дендрохронології та радіо-вуглецевого аналізу доводять, що зауваження щодо їх дієвості в працях з НХ відображають стан цих методів на 1960 ті — 1970-ті рр., тоді як протягом останнього часу обидві методики датування суттєво просунулись у напрямі значного підвищення точності й незалежності датувань речових знахідок і артефактів.

Одним із найбільш активних представників астрономічної критики положень НХ є астроном-спостерігач Ю. М. Єфремов, який ще в 1987 р. у співавторстві з Є. Д. Павловською опублікував працю «Датировка «Альмагеста» по собственным движениям звезд», де розкритикував книгу американського астронома Р. Ньютона (у російському перекладі «Преступление Клавдия Птолемея», видавництво «Наука», 1985 р.). Згадана робота у свою чергу була розкритикована В. В. Калашніковим, Г. В. Носовським та А. Т. Фоменком у статті «Датировка Альмагеста по переменным звездным конфигурациям» [12]. З того часу Ю. М. Єфремов, разом зі своїми співавторами, знаходить і критикує численні астрономічні помилки Нової Хронології. Дискусії точаться переважно довкола можливості застосування різних за сутністю математичних апаратів (у Ю. М. Єфремова і відповідно — в адептів НХ), які застосовуються для якомога точнішого датування «Альмагеста» Птолемея.

Нарешті «математична» критика Нової Хронології небезуспішно намагається заперечити й відкинути загальні результати А. Т. Фо-

менка та його співавторів у галузі статистичного аналізу історичних текстів, частково зняти безапеляційність та недостатню доказовість їх висновків.

Отже, загалом можна констатувати, що в сучасній Російській Федерації не тільки потужний розвиток і відповідно науковий резонанс сама Нова Хронологія, а й з'явилась доволі активна різко критична реакція на неї з боку традиційних істориків та археологів, і широкого кола учених, далеких від історичної науки (філологів. філософів. астрономів. математиків), розгорілись жорсткі дискусії навколо неї, і в рамках цього процесу помітно активізувалось обговорення найбільш нагальних і болісних хронологічних проблем історії. Щоправда, останнім часом ці баталії навколо НХ дещо вщухли. Після спрямованого різко проти НХ рішення Президії РАН від 2000 р., значна частина супротивників цього напряму, зокрема з числа істориків, фактично почала робити вигляд, що цієї теорії взагалі ніколи не існувало. Ними, ймовірно, застосовується своєрідна негласна заборона в Російській Федерації на згадування історикохронологічних проблем у фахових наукових історичних журналах, що, на мій погляд, абсолютно невиправдано, оскільки частково послаблює позиції офіційної історичної хронології в її протистоянні з НХ.

Натомість, парадоксально, але факт, нічого подібного не спостерігалось і практично не спостерігається й зараз щодо хоча б якоїсь реакції на цей напрям в Україні, яка знаходиться поряд з Росією, а отже її наукові кола напевно повинні були б реагувати на процеси, що відбуваються в сусідній державі. Принаймні зараз доволі складно назвати хоча б одного сучасного адепта НХ в Україні, або, навпаки, пригадати хоч якусь більш-менш грунтовну наукову «антифоменківську» за змістом і загальною спрямованістю публікацію українських істориків.

Прихильники НХ вважають, що ті, хто не згоден з їх теорією, повинні не критикувати їх висновки, узагальнення й констатації, а наводити аргументи на користь «скалігерівської» (тобто офіційно прийнятої) хронології. Однак, як прийнято не тільки в юриспруденції, а й у науці загалом, зобов'язання наведення доказів зазвичай покладається на сторону, яка висуває звинувачення. А класична хронологія в цьому сенсі щодо багатьох проміжків часу, на мій погляд, наочно підтверджується доволі значним корпусом джерел, до того

ж в історичній науці напрацьовано багато прийомів незалежної перевірки дат подій та часу створення писемних і речових пам'яток. Тому для абсолютного заперечення традиційної зараз у всесвітній історії системи дат потрібний не менш напрацьований інструментарій, можливість застосування якого слід не просто пролонгувати, а й доводити, причому на цілком конкретному матеріалі, застосовуючи загальноприйняті в науці принципи дослідження.

Намагання українських істориків залишатись осторонь проблем, які постають у зв'язку з НХ, принаймні не може не дивувати. Невільно напрошується висновок, що або українські історики вважають нижчим за власну гідність відповідати на доволі провокаційні закиди з боку переважно математиків і фізиків, які, можливо, на їх думку, завідомо «нічого не тямлять» в історії, а отже й не заслуговують ніякої більш-менш помітної й вираженої реакції, або ж побоюються дискутувати з її адептами, оскільки не відчувають себе настільки вільними й орієнтованими в міждисциплінарній методології й методах, пропонованих для використання чи запозичених з точних наук, або ж вважають офіційну хронологію настільки виваженою, продуманою, завершеною й безперечною, що вона абсолютно не потребує ніякого їхнього «адвокатського захисту». Щодо останнього, на жаль, не можна констатувати, що все так «спокійно» й беззаперечно в «будівлі» сучасної історичної науки, в якій «мешкають» історикипрофесіонали, щодо цілого ряду історико-хронологічних аспектів. Адже багатьом їм особисто добре відомо про численні проблеми в датуванні різних подій, зокрема давньої й середньовічної історії (скажімо, історії Єгипту, ранньої історії Риму тощо).

Звичайно, можна вважати, що дебати навколо НХ є просто типовим і показовим прикладом своєрідного одвічного конфлікту-протистояння між «фізиками» й «ліриками», в основі якого заперечення першими науковості гуманітарного (а отже й значною мірою історичного) пізнання, висловлення, до речі іноді доволі небезпідставних, сумнівів щодо доказовості емпіричних констатувань та теоретичних узагальнень, характерних для гуманітарних сфер знань. Водночас історики напевно цілком мають право відмовляти фізикам і математикам у достатній професійності їх загальної орієнтації в проблемах історії, вказувати на поверховість та недостатність їх «проникнення» у відомий історикам джерельний матеріал, на постійні намагання «висмикнути» із загального контексту окремі дже-

рельні свідчення і «притягнути» їх у якості підтвердження наукових теорій, які базуються переважно на методах математичної статистики та методиках інших точних наук. Однак цього, напевно, замало, оскільки у випадку з НХ, на мій погляд, насправді мова повинна йти про своєрідний міждисциплінарний виклик історикам, піддавання сумніву їх спроможності спілкуватись загальною мовою науки й адекватно використовувати наявний у ній, апробований і перевірений на практиці методичний та методологічний потенціал.

У зв'язку з цим історикам обов'язково потрібно постійно й неухильно підвищувати власний теоретико-методологічний потенціал, намагатись більш вільно орієнтуватись у міждисциплінарних методах, уміти виокремити й адекватно використати найбільш раціональні й дієві серед них і відповідно професійно, зважено, аргументовано й доказово дискутувати не лише в рамках власне історичної проблематики, а й поза її межами. Виклики сучасності, перш за все нинішнього стану науки в епоху інформаційного суспільства, фактично змушують істориків знатися на методах філологічних, природничих, інших суспільно-гуманітарних наук і навіть частково астрономії, фізики, математики тощо, які, на перший погляд, дуже далекі від сутності гуманітаристики. Безглуздо, зокрема, напевно заперечувати й можливість застосування методів математичної статистики в історичній науці, адже в окремих випадках щодо конкретного історичного матеріалу й деяких історичних періодів вони можуть дати (і вже неодноразово давали) результати набагато вагоміші, ніж досягнуті завдяки застосуванню виключно традиційних методів історичної науки. Однак, слід пам'ятати й те, що історія – це переважно царство унікального, неповторюваного. І якщо й ε в ній якісь повтори або збіги, то застосування при їх вивченні, наприклад, тільки математичних методів, допустиме й виправдане щодо ідентичних об'єктів у рамках більшості точних і природничих наук, може виявитись не завжди коректним та самодостатнім у галузі гуманітарних наук, і, зокрема, історичної. До того ж висновки, зроблені на підставі різних методів (загальнонаукових, міждисциплінарних, загальноісторичних та ін.), повинні корелювати й узгоджуватись між собою, не бути апріорними, суперечливими чи малоефективними, а навпаки характеризуватись зваженістю, аргументованістю й грунтовністю.

Бібліографічні посилання

- 1. Антиистория, вычесленная математиками. О новой хронологии Фоменко и Носовского / сост.: И. Данилевский, С. Шмидт; под ред. С. О. Шмидта. М., 2006.
- 2. Володихин Д. История России в мелкий горошек / Д. Володихин, О. Елисеева, Д. Олейников. М., 1998.
- 3. Bолодихин Д. М. «Новая хронология» как авангард фольк-хистори / Д. М. Володихин // Новая и новейшая история. 2000. № 2.
- 4. *Голубцова Е. В.* О попытке применения новых методик статистического анализа к материалу древней истории / Е. В. Голубцова, В. А. Смирин // История и антиистория. Критика «новой хронологии» академика А. Т. Фоменко: 2-е изд., дополн.: сб. статей. М., 2001.
- 5. Данилевский И. Н. Пустые множества «Новой хронологии» / И. Н. Данилевский // Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М., 1998.
- 6. Дедков Н. И. Историческое сообщество и творцы сенсаций / Н. И. Дедков // Научное сообщество историков России: 20 лет перемен: сб. ст.; под ред. Г. А. Бордюгова. М., 2011.
- 7. 3ализняк A. A. Из заметок по любительской лингвистике / A. A. Зализняк. M., 2010.
- 8. Зализняк А. А. Лингвистика по академику А. Т. Фоменко / А. А. Зализняк // История и антиистория. Критика «новой хронологии» академика А. Т. Фоменко: 2-е изд., дополн.: сб. статей. М., 2001.
- 9. *Илларионов С. В.* К вопросу о достоверности и полноте исторического знания (критические замечания о концепции хронологии и истории Н. А. Морозова А. Т. Фоменко) / С. В. Илларионов // Наука: возможности и границы: сб. науч. трудов. М., 2003.
- 10. История и антиистория. Критика «новой хронологии» академика А. Т. Фоменко: 2-е изд., дополн.: сб. статей. М., 2001.
- 11. *Калашников В. В.* Астрономический анализ хронологии. Альмагест. Зодиаки / В. В. Калашников, Г. В. Носовский, А. Т. Фоменко. М., 2000
- 12. *Калашников В. В.* Датировка звездного каталога «Альмагеста». Статистический и геометрический анализ / В. В. Калашников, Г. В. Носовский, А. Т. Фоменко. М., 1995.
- 13. *Калашников В. В.* Какой сейчас век? / В. В. Калашников, Г. В. Носовский, А. Т. Фоменко. М., 2003.
- 14. *Кошеленко Г. А.* Об источниках одного фантастического жульничества / Г. А. Кошеленко // Сборник Русского исторического общества. Т. 3 (151).

- 15. Кошеленко Γ . А. Математические фантазии и исторические реалии / Γ . А. Кошеленко, Л. А. Маринович // Новая и новейшая история. 2000. N 2.
- 16. *Литвак В. Б.* Парадоксы российской историографии на переломе эпох / В. Б. Литвак. СПб., 2002.
- 17. *Никеров В. А.* История как точная наука / В. А. Никеров, Г. В. Носовский, А. Т. Фоменко. М., 2002.
- 18. *Носовский Г. В.* Библейская Русь (Русско-ордынская Империя и Библия. Новая математическая хронология древности) / Г. В. Носовский, А. Т. Фоменко. М., 1998. Т. 1; 2000. Т. 2.
- 19. Носовский Γ . B. Введение в новую хронологию. Какой сейчас век? / Γ . B. Носовский, A. T. Фоменко. M., 2001. 488 с.
- 20. *Носовский Г.В.* Иван Грозный и Петр Первый. Царь вымышленный и царь подложный / Г. В. Носовский, А. Т. Фоменко. М., 2009.
- 21. *Носовский Г. В.* Как было на самом деле. Реконструкция подлинной истории / Г. В. Носовский, А. Т. Фоменко. М., 2012.
- 22. *Носовский Г. В.* Начало Ордынской Руси (После Христа. Троянская война. Основание Рима) / Г. В. Носовский, А. Т. Фоменко. М., 2005.
- 23. *Носовский Г. В.* Новая хронология Руси (Русь. Англия. Византия. Рим): в 3-х тт. / Г. В. Носовский, А. Т. Фоменко. М., 2004. Т. 1–3.
- 24. *Носовский Г. В.* Раскол Империи. От Грозного-Нерона до Михаила Романова-Домициана / Г. В. Носовский, А. Т. Фоменко. М., 2010.
- 25. Носовский Γ . В. Реконструкция всеобщей истории (Новая хронология) / Γ . В. Носовский, А. Т. Фоменко. М., 2000. Кн. 1.
- 26. *Носовский Г. В.* Русь и Рим. Правильно ли мы понимаем историю Европы и Азии / Г. В. Носовский, А. Т. Фоменко. М., 1997. Кн. 1; 1999. Кн. 2.
- 27. *Носовский Г. В.* Русь. Подлинная история / Г. В. Носовский, А. Т. Фоменко. М., 2009.
- 28. *Носовский Г. В.* Христос родился в Крыму. Там же умерла Богородица / Г. В. Носовский, А. Т. Фоменко. М., 2010.
- 29. *Носовский Г. В.* Царский Рим в междуречье Оки и Волги / Г. В. Носовский, А. Т. Фоменко. М., 2007.
- 30. *Носовский Г. В.* 400 лет обмана / Г. В. Носовский, А. Т. Фоменко. М., 2007.
- 31. *Носовский Г. В.* Чудо света на Руси под Казанью. Как было на самом деле / Г. В. Носовский, А. Т. Фоменко. М., 2013.
- 32. *Петров А. Е.* Перевернутая история. Лженаучные модели прошлого / А. Е. Петров // Новая и новейшая история. -2004. -№ 3.
- 33. *Петров А. Е.* Прогулка по фронтовой Москве с Мамаем, Тохтамышем и Фоменко / А. Е. Петров // История и антиистория. Критика

- «новой хронологии» академика А. Т. Фоменко: 2-е изд., дополн.: сб. статей. М., 2001.
- 34. Пономарев А. Л. Когда Литва летает, или почему история не прирастает трудами А. Т. Фоменко? / А. Л. Пономарев // История и антиистория. Критика «новой хронологии» академика А. Т. Фоменко: 2-е изд., дополн.: сб. статей. М., 2001.
- 35. Φ оменко A. T. Авторский инвариант русских литературных текстов A. T. Φ оменко M Методы количественного анализа текстов нарративных источников. M., 1983.
- 36. *Фоменко А. Т.* Античность это Средневековье / А. Т. Фоменко. СПб., 2005.
- 37. *Фоменко А. Т.* Методы математического анализа исторических текстов. Приложения к хронологии / А. Т. Фоменко. М., 1996.
- 38. *Фоменко А. Т.* Методы распознавания дубликатов и некоторые приложения / А. Т. Фоменко // Доклады АН СССР. 1981. Т. 258. № 6.
- 39. Фоменко А. Т. Методы статистического анализа нарративных текстов и приложение к хронологии (Распознавание и датировка зависимых текстов, статистическая древняя хронология, статистика древних астрономических сообщений / А. Т. Фоменко. М., 1990.
- 40. *Харитонович Д. Э.* Новая хронология: между неизбежным и невозможным / Д. Э. Харитонович // История и антиистория. Критика «новой хронологии» академика А. Т. Фоменко: 2-е изд., дополн.: сб. статей. М., 2001.
- 41. *Харитонович Д*. Э. Феномен Фоменко / Д. Э. Харитонович // Новый мир. 1998. № 3.
- 42. *Хорошкевич А. Л.* Новое неизданное послание Сигизмунда Герберштейна / А. Л. Хорошкевич // История и антиистория. Критика «новой хронологии» академика А. Т. Фоменко: 2-е изд., дополн.: сб. статей. М., 2001
- 43. Шмидт С. О. Путь историка: избранные труды по источниковедению и историографии / С. О. Шмидт. М., 1997 (Статьи «Некоторые вопросы источниковедения историографии», «Архивный документ как исторический источник»).
- 44. Шмидт С. О. «Феномен Фоменко» в контексте изучения современного общественного исторического сознания / С. О. Шмидт // Исторические записки. 2003. Вып. 6 (124).
- 45. Янин В. Л. Зияющие высоты «новой хронологии» академика Фоменко / В. Л. Янин // История и антиистория. Критика «новой хронологии» академика А. Т. Фоменко: 2-е изд., дополн.: сб. статей. М., 2001.

Рецензії / дискусії / огляди

УДК 94 (4) «18/19»

Т. Ф. Литвинова

ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ, НО С ДРУГОГО БЕРЕГА (Размышления над «малой украинской трилогией» Даниэля Бовуа)^{1*}

Під враженням перепрочитання російськомовного варіанту «малої української трилогії» Д. Бовуа зроблена спроба звернути увагу на деякі історіографічні стереотипи польсько-російсько-українських відносин на Правобережній Україні наприкінці XVIII – початку XX ст., яких не вдалося уникнути відомому французькому історику. При цьому українська сторона окресленого трикутника протистояння розглядається не як об'єкт докладання зусиль російської влади і польської шляхти, а як активний самостійний гравець.

Ключові слова: Д. Бовуа, українське селянство, польська шляхта, російська влада, Правобережна Україна, Російська імперія, етика історіографічних репрезентацій.

Под впечатлением перепрочтения русскоязычного варианта «малой украинской трилогии» Д. Бовуа предпринята попытка обратить внимание на

[©] Литвинова Т. Ф., 2014.

¹ Рецензия написана в августе 2013 г. по предложению главного редактора журнала «Российская история» Игоря Христофорова, который предполагал организовать на страницах этого издания дискуссию по монографии Д. Бовуа. Однако разные обстоятельства, в том числе и солидный объем рецензии, так и не позволили появиться этому тексту на страницах московского издания. Он публикуется тут в первоначальном варианте, а поэтому, хочу обратить внимание на то, что ориентировалась прежде всего на предполагаемый уровень осведомленности в украинской истории и историографии российского читателя.

некоторые историографические стереотипы польско-российско-украинских отношений на Правобережной Украине в конце XVIII— начале XX вв., которых не удалось избежать известному французскому историку. При этом украинская сторона очерченного треугольника противостояния рассматривается не как объект приложения усилий российской власти и польской шляхты, а как активный самостоятельный игрок.

Ключевые слова: Д. Бовуа, украинское крестьянство, польская шляхта, российская власть, Правобережная Украина, Российская империя, этика историографических репрезентаций.

Impressed by rereading of the Russian version of «small Ukrainian trilogy» by D. Beauvois, the author makes an attempt to draw attention to some historiographical stereotypes on Polish-Russian-Ukrainian relations in the Right-bank Ukraine in the late XVIII — early XX centuries, which the famous French historian has not managed to escape. Hermetic tradition of studying of the history of the region in the imperial period from the standpoint of tripartite national conflict does not seem productive for adequate perception of the complex problem of socio-cultural interaction, forming of modern identities and functioning of historical memory. At the same time the Ukrainian side outlined in this triangle of confrontation is not seen as an object of focus of the Russian authorities and the Polish nobility, but as an active independent player.

Key words: D. Beauvois, Ukrainian peasants, Polish nobility, the Russian authorities, the Right-Bank Ukraine, the Russian Empire, ethics of historiographical representations.

Творчество Даниэля Бовуа посвящено Украине. Так считает, наверное, каждый украинский историк. Можно с уверенностью сказать, что большинство украинских профессиональных историков, даже если они не занимаются изучением XIX в., знают имя этого французского ученого-слависта, одна из книг которого была издана в Киеве в 1996 г. под названием «Шляхтич, кріпак і ревізор. Польська шляхта між царизмом і українськими масами (1831–1863)» [6]. Она была «конвоирована» именами уже тогда авторитетных не только в Украине историков В. Шандры и Н. Яковенко, взявших на себя научную редакцию, и предисловием Я. Дашкевича, познакомившим читателя и с творческой биографией Автора так называемой «малой украинской трилогии», и с реакцией на неё, прежде всего, польской научной общественности. Причем перечисление суперлятивов перворазрядных историков и публицистов, оценивших изданные попольски в 1987 и 1989 гг. книги Д. Бовуа как научную сенсацию, тональность самой вступительной статьи, расставленные в ней акценты в польско-украинских отношениях, а также презентация французского ученого как независимого историка способствовали прочному утверждению его имени в современной украинской историографии. А две следующие монографии Д. Бовуа, вышедшие в Украине в 1998 и 2007 гг. [3; 5] и как бы хронологически раздвигавшие проблему украинско-польско-российских взаимоотношений, только закрепили за их Автором статус непререкаемого авторитета в изучении истории Правобережной Украины конца XVIII – начала XX вв. Подтвердили это и рецензии украинских специалистов [7; 8; 13; 14]. Правда, в отличие, например, от польской историографии и общественной мысли, в Украине активное обсуждение работ Д. Бовуа так и не развернулось. Среди более чем полусотни рецензий на них, появившихся в научной и общественно-политической периодике разных стран, отклики украинских авторов, преимущественно комплиментарные, занимают скромное место.

Такое отношение к творчеству Д. Бовуа в Украине и безусловное его причисление к ведущим украинистам вполне объяснимо. Но дело тут не в низкопоклонстве перед зарубежными авторитетами, котя и в таком грехе украинские историки могли бы иногда сознаться, и не только в новизне предложенного материала. Так уж случилось, что в силу вполне понятных причин, которые здесь не место обсуждать, украинская историческая наука в начале 1990-х гг. оказалась перед необходимостью наверстывать упущенное, восстанавливать историографическую целостность, наново осваивать дореволюционное наследие, знакомиться с украинской и неукраинской зарубежной научной продукцией, заполнять так называемые белые пятна, создавать, точнее, воссоздавать, национальный нарратив. Поэтому «догоняющая» украинская историография, часто не успевая анализировать, заимствовала синтезы и концепты, которые оставалось только иллюстрировать.

С этой точки зрения первые книги Д. Бовуа появились в Украине как нельзя вовремя. Можно сказать, они оказались конгениальны украинской историографии, с её ярко выраженной национальной ориентацией. Д. Бовуа завоевал симпатии не только тем, что своим титаническим трудом сделал то, что не сделали, не смогли сделать украинские историки, — ввел в оборот целый ряд новых проблем и сюжетов, поставил сложные вопросы, начертив, таким образом, целую программу дальнейшего исследования Правобережья. Но

«независимый историк», как это не покажется странным, оказался концептуально чрезвычайно близким украинской национальной историографии, на чем еще остановлюсь ниже. Поэтому он сразу же стал классиком, на которого ориентируются, цитируют, используют, у которого заимствуют материал и оценки, но с которым, к сожалению, не дискутируют. Хорошо ли это для самой украинской историографии, приводит ли это к консервации историографической ситуации в изучении истории не только одного из регионов, но и Украины в целом, задуматься важно. Публикация в 2011 г. в России «трилогии» Д. Бовуа, вышедшей под одной обложкой с броским название «Гордиев узел Российской империи: Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914)» [4^{1*}], думаю, может быть для этого и поводом, и прекрасной возможностью.

Русскоязычное изложение исследований Д. Бовуа появилось сравнительно поздно. Но это имеет и свои преимущества. Большая книга позволяет прочитать этот труд в целостном виде и, что важно, в хронологической последовательности, чего был лишен украиноязычный читатель. Таким образом, вся грандиозность замысла, масштабность проделанной работы, её новаторство становятся еще более очевидными. Но вместе с тем обнажаются и «слабые места» «Гордиевого узла», неизбежные в таких объемных работах.

Замечу, что книга уже была представлена российской публике самим Автором, прокомментирована и высоко оценена, например, известными историками А. Миллером и М. Дмитриевым [28], что позволяет детально не останавливаться на её содержании и основных идеях. Нет необходимости специально обращать внимание и на такие важные, на мой взгляд, для историографии и общественной мысли вопросы, как империя/империализм, колонизация/колониализм, полонизация/русификация, нация/национализм и т.п., уже поставленные российскими специалистами при обсуждении «треугольника раздоров»: Польша-Украина-Россия, очерченного в книге Д. Бовуа. Остановлюсь, прежде всего, на его «украинской» грани, предварительно несколько пояснив свои позиции: почему «изнутри», почему «с другого берега» и почему вообще решилась

¹ Далее в круглых скобках указаны страницы этого издания.

публично поразмышлять о творчестве историка, перед которым испытываю искренний пиетет.

Все тексты, касающиеся Украины, по вполне понятным причинам, не могу воспринимать отстраненно, как бы извне. Но «изнутри» касается не только Украины, поскольку, рассматривая региональный подход как возможность через единичное увидеть целое, считаю невозможным историю какого-либо украинского региона изучать герметично. При этом, не разделяя мнения части украинских специалистов и политиков о колониальном статусе Украины в составе Польского или Российского государства и, конечно же, никоим образом не сравнивая её с Алжиром, имперский период украинской истории воспринимаю как важнейший. Именно тогда «под крышей» Российского государства формируется основное территориальное ядро современной Украины, единое экономическое и культурное пространство, модерное национальное самосознание, национальная «программа». Поэтому свою позицию определяю как внутреннюю, но без какой-либо национальной окраски.

Так случилось, что в XIX век, который в историографии представляется в хронологических рамках, соответствующих означенным в книге Д. Бовуа, украинские регионы вступили не как целостность, а как конгломерат земель с «разной историей», долгое время мало связанных между собой, имевших социально-политическую, правовую и культурную специфику, живших своей жизнью, в том числе и в составе различных государств. Поэтому, когда речь идет о «феномене интеграции» (с. 25), важно учитывать не только процесс вписывания в российское имперское пространство, но и внутриукраинскую интеграцию, «знакомство» регионов друг с другом или «припоминание» былого единства, как в случае с Правобережной Украиной – предметом внимания Д. Бовуа – и Левобережной Украиной, бывшей Гетьманщиной, в терминологии XVIII–XIX вв. Малороссией – предметом моих научных интересов [19].

Так же, как и французский ученый, обращаясь, прежде всего, к истории элиты, но левобережной, малороссийской, не могла обойти треугольник, который четко прочитывается и за российско-польско-украинским «национальным» треугольником Д. Бовуа. Конечно, этот треугольник — «власть-помещик-крестьянин» — несколько по-иному выглядит на левом берегу Днепра. Но, учитывая предыдущую раннюю совместную историю Правобережной и Левобережной Украи-

ны, некоторую инерционность социальных и ментальных процессов, взгляд «с другого берега» все же дает возможность проводить некоторые аналогии, по-иному оценивая ситуацию и в так называемых польских украинских губерниях России. Позволяет это сделать также опыт длительного преподавания студентам-историкам различных курсов по истории Украины второй половины XVII—XIX вв., где обойти ярко выраженные в этот период региональные особенности было невозможно, и плодотворное изучение в последние годы различных аспектов, прежде всего, раннемодерной социальной и интеллектуальной истории, проведенное украинскими учеными, ориентированными на стандарты «школы» Н. Яковенко.

Перепрочтение творчества Д. Бовуа в русскоязычном варианте обострило для меня и проблему презентации истории Украины имперского периода¹. К сожалению или к счастью, вовне её проводят преимущественно не «материковые» украинские историки. Именно через «очки» вполне правомерно признанных зарубежных украинистов Д. Бовуа, А. Каппелера, З. Когута, А. Миллера, Р. Шпорлюка и др. воспринимается и образ истории Украины XIX в. Не скажу, что это плохо. Наоборот, в руках читателей и исследователей, для которых сюжеты украинской истории являются попутными, оказывается, как правило, добротная научная продукция. Но, убеждена, такая ситуация не на пользу самой украинской исторической науке. Все это и подтолкнуло не столько включиться в обсуждение серьезной, требующей огромной эрудиции книги уважаемого французского историка, отмечая её многочисленные достоинства, сколько под впечатлением текста и заостренных Автором вопросов попытаться обратить внимание на некоторые аспекты польско-российскоукраинского переплетения на Правобережье. Но прежде необходимо понять некоторые методологические и историографические основания, на которых выстраивалась общая картина «Гордиевого узла».

Профессор Д. Бовуа определяет свою работу как «беспристрастную» (с. 13) и «наднациональную» (с. 7), что без сомнения

¹ Как показал анализ, проведенный учеными Института истории Украины АН Украины, «долгое» украинское XIX столетие практически не представлено в российском историческом академическом и общественно-политическом дискурсе [16].

можно расценивать как методологическую позицию, согласно которой Автор нейтрален, он над процессом. Однако некоторые сомнения в этом порождают уже комментаторы, что интересно, в основном как положительный момент, отмечая авторскую пристрастность. Например, Н. Яковенко, презентуя одну из монографий Д. Бовуа, подчеркнула, что её «стилистически раскованный и пронизанный идеей соииальной справедливости текст (выделено мной – T. J.) не оставит равнодушным ни того историка, который считает не целесообразным выставлять прошлому моральный счет по современным расценкам, ни того, кто ищет в прошлом социальных правд» [19, с. 9]. А. Миллер также считает, что Д. Бовуа «к материалу очень эмоционально относится, не нейтрально. И к чести его надо сказать, что он всегда встает на сторону слабого - как он его понимает». Но эта, по мнению российского историка, по-человечески «очень симпатичная позиция», может быть и полезна «для широкого читателя» [28], но, кажется, не свидетельствует о равноудаленности от всех составляющих объекта исследования. Довольно экспрессивная лексика – «лживая историография XIX-XX вв.» (с. 7), «польско-российская коллаборация» (в русском и украинском языках это понятие имеет яркие негативные коннотации), «козлы отпущения» (о мелкой шляхте, с. 366), «безумие», охватившее царские власти (с. 368), «социотехническое манипулирование» (с. 81), «депортация», «бесчеловечные решения» (о планах российского правительства относительно шляхетской проблемы, с. 80-81) и др. – также выдает неравнодушие и яркие авторские переживания.

Ставя под сомнение существующие в рамках польского и российского национальных нарративов образы трехсторонних отношений в XIX в., разрушить «эту двойную мифологию» (с. 11) и «воссоздать хотя бы часть искалеченной и так долго фальсифицированной истории» (с. 937) Автор стремиться, ориентируясь на Права человека, что не без удовольствия отметил известный украинский историк Я. Дашкевич [10, с. 35]. Но в таком случае возникает вопрос: можем ли мы адекватно оценивать прошлое, исходя из его нормальности, из тех прав и системы взаимоотношений, которые существовали в XVIII или XIX вв.? Конечно, никакой исследователь не может быть полностью свободным от ретроспекции. Однако плодотворно ли выстраивать научное исследование, будучи озабоченным

современными добрососедскими отношениями трех народов? Возможен ли при этом строго исторический подход?

Сама постановка проблемы «столкновения трех идентичностей: российской, украинской и польской и сопоставление источников, исходящих от этих трех сторон» (с. 7) имеет важнейшее научное значение. Но, направленная в русло «русско-польской борьбы за власть над украинскими душами» (с. 346), т. е. крепостными, она, на мой взгляд, также приобретает определенную методологическую заданность, исключающую построение равностороннего треугольника. С очевидностью его «украинская» сторона видится либо как гипотенуза, так как речь идет о Правобережной Украине и обо всем, что там происходило, либо как самый короткий катет, поскольку эта грань представлена крестьянством, «безмолвствующим большинством», не говорящим от своего имени, объектом приложения чьих-то усилий, пассивным игроком, проявляющим себя только в социальных протестах. А поскольку, как заметили историки, Д. Бовуа «встает на сторону слабого», его исследование, на мой взгляд, оказывается крестьяноцентричным, а значит – украиноцентричным¹.

Не случайно книги французского ученого имеют такое огромное влияние на современную украинскую историческую науку, в социальной проблематике продолжающую исповедовать традиции народнической историографии XIX в. Её направленность еще в 1846 г. четко определил Н. Костомаров: «...Всякий благоразумный мыслитель, исследуя борьбу казачества с польским дворянством, скажет, что правда была на стороне казаков, как сословия, имевшего задачею своих действий освобождение несчастного, угнетенного класса от убийственной олигархии» [1, с. 31] (подчеркнуто мной – Т. Л.). Мне кажется, Д. Бовуа и украинская историография оказались зависимы друг от друга. Французский историк стоит на тех же позициях, что и отцы-основатели украинской историографии, как бы забывая, что «вину» за катаклизмы начала XX в., если оперировать в таких категориях, могла бы взять на себя и народническая научная, и, тем

¹ Об истоках отождествления «украинского» с крестьянским и интеллектуальном происхождении мифа «крестьянской», «народной» украинской нации смотри, например, у А. Толочко [27].

более, разнонациональная художественная литература, представляющая элитные группы в карикатурном виде.

Характерно, что и сами дворяне, «идя как овцы на заклание», поверили, что они не «герои добродетелей», а «герои недостатков»¹, что они не народ. С этой точки зрения название русскоязычной книги Д. Бовуа очень показательно – ни власть, ни шляхта (последняя еще в XVIII в. считала себя народом), тут народом не являются. Народ – это только крестьяне. Принадлежность к народу – это своеобразная моральная индульгенция. Отсюда такая амбивалентность мыслящих интеллектуалов XIX в., которые с удовольствием существовали как элитные группы, демонстрируя при этом свое народолюбство, что в свою очередь порождало острейшие морально-этические проблемы, связанные с кардинальным расхождением способов существования, способов мышления и поведения. В этом смысле реальная шляхта/ дворянство по отношению к трудовому народу была значительно честнее, чем вся народническая историографическая традиция, с её «наративом народных страданий», центральными темами-идеями которого были крепостное право, хмурая темная эпоха грубого насилия, унижения, надругательства над личностью и её достоинством, мотив социального угнетения.

В рамки такого нарратива вписывается и образ украинского крестьянина, и образ помещика с Правобережья, предстающие со страниц книги Д. Бовуа: «закрепощенный люд и польские колонизаторы» (с. 561), которые издавна ненавидели друг друга. Украинское крестьянство показано как что-то монолитное. И дело даже не в том, что, вполне понятно, исходя из авторского замысла, не учитываются, пусть и не многочисленные, но различные группы государственных крестьян. Крепостное крестьянство, если не считать замечания о чумаках, как категории привилегированных крестьян (с. 315) (правда, появились они не около 1850 г., а значительно раньше), показано обобщенно — угнетенное, страдающее, обездоленное, бедное, без-

¹ Харьковский помещик К. И. Марков в письме к Н. Гоголю от 24 ноября 1849 г. упрекнул писателя в том, что в «Мертвых душах» тот изобразил не русского человека в его повседневном труде и быте, а исключительных особ, относительно которых автор письма и употребил: «герои недостатков» [см.: 26, C. 263].

земельное, беспомощное, бесправное, затиснутое между двух зол – польским помещиком и российской властью. Не случайно, в отличие от А. Миллера, которому как историку никого не жалко, М. Дмитриев пожалел именно украинских крестьян, поставив в заслугу Д. Бовуа, среди прочего, демонстрацию «страшной драмы... этого украинского крестьянства» [28]. Автор говорит об объективизме и «сухом» подходе, а по поводу украинских крестьян льются горючие слезы.

Понимая, что до социальной гармонии в XIX в. было далеко, не могу согласиться с такой упрощенной картинкой. В то же время понимаю и сочувствую Автору книги. Разрушая «мифологический образ Украины» (с. 9) и различные стереотипы, он был вынужден опираться на таковые, в целом ряде вопросов идя по очень зыбкой историографической почве. Не самым лестным образом отзываясь о советской исторической науке (как, впрочем, и о российской дореволюционной), французский историк в «украинских вопросах» оказался «в плену» украинских советских авторов. Например, в разделе «Крепостной и его господа» часто встречаются ссылки преимущественно на работы 1950–1960-х гг. А. Барабоя, В. Дядиченко, Г. Сергиенко, Н. Лещенко, И. Слабеева, В. Теплицкого. Среди наиболее полных исследований по Инвентарной реформе на Правобережье названа монография И. Гуржия «Розклад феодально-кріпосницької системи в сільському господарстві України першої половини XIX ст.» (К., 1954). Основой сюжета о Кирилло-Мефодиевском обществе, члены которого, как считает Автор, «оказали влияние на крестьянство» (с. 337), стали, прежде всего, работы П. Зайончковского (1959 г.) и М. Возняка (1921 г.). Такие примеры можно продопжать

Правда, в русскоязычном издании Д. Бовуа учел и некоторые достижения недавней украинской историографии в изучении Правобережной Украины. Но, к сожалению, несмотря на довольно большое количество статей, диссертаций и даже монографий, появившихся в последние годы, концептуально они картину не изменили. Очевидно, тут сказалось мощное влияние предыдущей историографической традиции и творчества Д. Бовуа. Конечно же, это не упрек уважаемому профессору. Это приговор украинской историографии. Украинские ученые, несмотря на шквал публикаций по разным аспектам

отечественной истории XVIII–XIX вв., до сих пор так и не отважились по-новому представить очень многие проблемы и сюжеты.

Несмотря на повышенное внимание к изучению национального возрождения XIX в., характерное для современной украинской новистики, все еще отсутствуют качественные исследовании даже по такому центральному сюжету как Кирилло-Мефодиевское общество. Из учебника в учебник, из книжки в книжку повторяется однообразная информация, согласно которой, например, Тарас Шевченко якобы вернулся в Киев, чтобы создать эту организацию и представлял в ней так называемое революционное крыло, члены общества стремились разбудить украинское национальное самосознание крестьянства и т. п.

Даже тогда, когда стереотипы поставлены под сомнение, и раскрыта природа и истоки мифа, как в случае с Устимом Кармалюком, «борьба» которого на основе изучения широкого комплекса источников квалифицируется как «социальный разбой, бандитизм» (В. Дячок), бывает очень трудно свергать с пьедестала народных героев, даже если они таковыми не являлись. Тем более, что расхожие, закрепившиеся в научном и общественном дискурсе представления о более чем двухтысячном отряде Кармалюка, терроризировавшем помещиков Волыни и Подолии с 1812 по 1835 г. (с. 309) так хорошо вписываются в национальный нарратив. Все эти сюжеты, как и многие другие, требуют перепрочтения. Но не всегда тут помогает и опора на источники, что, как известно, может привести к деконструкции, а может помочь поддержать жизнь старому мифу.

Возвращаясь к «украинской» стороне треугольника, замечу, что включаю в неё не только крестьянство, но и, как минимум, шляхту, поскольку взаимодействие именно этих групп в значительной мере определяло социальную картину в рассматриваемый период. Презентуя исследуемый регион, Д. Бовуа называет его «спящим царством», имея в виду экономическое состояние (с. 36) и отмечает, что «по сравнению со всеми землями давней Речи Посполитой Правобережная Украина, несомненно, была наиболее отсталой в социальном плане» (с. 319). И это неудивительно. Но чтобы понять, почему так случилось и производную от этого специфику социального взаимодействия, необходимо вспомнить, во-первых, субрегиональность края, во-вторых, что значительная часть его территории, так же как и Левобережная Украина, относится к землям «нового заселения».

Причем активная колонизация (в смысле заселения) пришлась на первую половину XVII в. и, конечно же, проходила при значительной поддержке Польского государства, но преимущественно за счет напряжения и внутренних ресурсов «украинского общества»¹, когда и шляхтич, и крестьянин с Волыни, Галичины, Западной Подолии двинулись осваивать Поднепровье. Тут складывалась особая система землевладения, землепользования и взаимоотношений, основанная на «займанщине», «слободах», патронате и т.п. Активная людность всегда была готова сняться с только что насиженных мест и двинуться дальше.

Уровень географической, а также социальной мобильности, чрезвычайно вырос в период Хмельниччины и Руины, т.е. в то драматичное время второй половины XVII в., которое, кроме прочего, характеризуется массовыми миграциями, переформатированием социальной структуры, крупными демографическими сдвигами (чтобы не сказать катастрофой). До начала XVIII в. Россия, Речь Посполитая, Османская империя с Крымским ханством вели борьбу за эти земли, сопровождавшуюся «гражданской войной», т.е. борьбой казацких лидеров, что привело к обезлюживанию значительной части Правобережья. Поэтому, наконец, закрепив за собой правый берег Днепра без Киева, Польша снова оказалась перед проблемой его заселения и восстановления хозяйственной жизни. И снова движение, «слободы» и забота землевладельцев о сохранении рабочих рук. Важно учитывать также в этом уже неказацком крае не только память о казачестве, но и близость Запорожской Сечи. Запорожцы и в XVIII в., независимо от того были ли они подданными крымских ханов или затем российских монархов, продолжали рассматривать Правобережье как свой край и не останавливались перед польской границей, довольно легко преодолевая её и для гайдамакования, и для торговой деятельности, о чем снова, через более чем полтора

¹ Умышленно не останавливаюсь на таких важных для изучения самоидентификации, перекрестных идентичностей вещах, как тонкая терминологическая проработка. Понимая, что не только в XVII, но и в XIX в. большинство населения рассматриваемого региона не определяло себя как украинцев, в данном случае прибегаю к такой модернизации вслед за Д. Бовуа. Это же относится и к понятию «крестьянин».

столетия после А. Скальковского, стали писать украинские историки (В. Мильчев). В свою очередь правобережные крестьяне искали выхода из сложных ситуаций путем переселения на Запорожье, а с конца XVIII в. – в Новороссию.

Еще советские ученые, например В. Маркина, отмечали специфику вотчинных отношений на Правобережье в XVIII в., вызванную, среди прочего, малозаселенностью края, борьбой землевладельцев за работников, а также природно-климатическими факторами. Обращают на это внимание и некоторые современные украинские историки (Ю. Овсинский, О. Петренко и др.). Поэтому, говоря об ужасном положении правобережных крестьян, важно учитывать не только давление на них со стороны землевладельцев, но и экономические (например, рыночная коньюнктура) и внеэкономические факторы (неурожай, частые эпидемии скота, войны, грабежи), влиявшие на крестьянское хозяйство как самостоятельный организм. Это могло привести и к изменению статуса хозяйства (из «тяглого» в «пешее»), к обезземеливанию и как следствие — к социальному расслоению и т.п.

Конечно, землевладельцы вынуждены были, дабы не утратить подданных, предпринимать различные меры. Бестягловые крестьяне переводились на откупную или чиншевую систему оплаты повинностей, осаживались новые слободы, что предполагало налоговые льготы на несколько лет, предоставление жилья или ссуды на постройку, на обзаведение посевным материалом, инвентарем и т.п. Иногда также устанавливалась «стоимость» барщинного дня, что делалось для смягчения давления со стороны арендаторов. Челядь для выполнения дворовых услуг нанималась из безземельных и малоземельных подданных, получавших за это натуральные и денежные выплаты с освобождением от исполнения других повинностей и т.д. Соотношение отработочной и денежной ренты на Правобережье не было унифицировано и могло отличаться даже в рамках одного фольварка. И в первой половине XIX в. многое зависело от местных условий, в том числе и от соотношения населения и наличия обрабатываемой земли, от традиции. Неслучайно бибиковская Инвентарная реформа предполагала унификацию, которая, впрочем, вызвала недовольство крестьян тех имений, где нормы ренты были ниже установленных новыми правилами.

К тому же отношение к эффективности форм ренты, как известно, менялось во времени. В условиях же малоземелья, которое было характерно для многих районов и Левобережья, и Правобережья Украины, барщина была одним из способов удержать крестьян на месте, обеспечив их при этом возможным заработком. Напомню и о традиции крестьян Поднепровья, особенно при участившихся с конца XVIII в. падежах скота, отдавать свои наделы в аренду, работая при этом на панском поле за 3—4-й сноп и таким образом обеспечивая свои семьи. То, что называлось «месячиной» и в советской историографии выглядело чуть ли не ругательством, во-первых, было формой обеспечения крепостных в условиях малоземелья, вовторых, имело довольно незначительное распространение.

Несмотря на серьезные изменения, произошедшие с присоединением Правобережной Украины к России, нет оснований говорить об их быстрых темпах в системе социально-экономических взаимоотношений помещиков и крестьян. Это подчеркнул и Д. Бовуа: «На протяжении 1797-1830 гг. более десяти тысяч польских землевладельцев на Украине действительно практически не заметили перемен и жили согласно устоявшимся еще во времена их предков моделям» (с. 241). Примерно так же выглядела ситуация и на Левобережной Украине. Более динамичные перемены принесет новое поколение помещиков, экономический подъем, «сахарный бум», начавшийся на Правобережье с 1830-х гг. Но, на мой взгляд, тут, также, как и в других украинских регионах, активная интеграция которых в имперскую систему началась с конца XVIII в., и шляхта, и её подданные все же должны были привыкать к новым для них крепостническим отношениям. Несмотря на то, что Правобережная Украина была краем с давним крепостным правом, нормы Литовского статута, действовавшего тут до 1840 г., несколько отличались в этом смысле и от российского права, и от российских традиций.

Этот процесс адаптации все еще остается неизученным, более того, проблема относительно Правобережья даже не поставлена. Но, без сомнения, исследовать её необходимо с учетом многообразия степеней зависимости, многочисленности социально-правовых разрядов и групп крестьян, имевших различные имущественные и личные права, с учетом не только роли права, но и обычая, значительной дистанции между указом и действительностью, все еще высокой географической мобильности населения, экономических изменений

первой половины XIX в. и попыток рационализации помещичьих хозяйств, а также с учетом озабоченности российской власти решением «крестьянского вопроса», особенно в николаевскую эпоху. Тут вынуждена не согласиться с Д. Бовуа, что «царские власти, не реформируя крепостные отношения в самой России, пытались добиться их ослабления именно в этом регионе» (с. 320). К сожалению, этот стереотип, несмотря на многочисленные исследования русистов, начиная еще с позднесоветского времени, украинской историографии все еще не удается преодолеть.

Еще одним достаточно стойким стереотипом является представление об извечной вражде украинского крестьянства к польской шляхте. Поддерживает его и Д. Бовуа. Ссылаясь на сборник документов «Селянський рух на Україні», тенденциозность подбора документов которого очевидна и должна была бы скорее насторожить, «Історію селянства Української РСР» (К., 1967), раскритикованную даже издаваемым с 1960-х гг. за пределами советской Украины журналом «Український історик», Автор «Гордиевого узла» поражается непрерывности крестьянских восстаний (с. 307–308), поясняя это ненавистью к полякам. Тут стоит сделать оговорку. Если не считать У. Кармалюка и «Киевской казаччины» 1855 г., во многом связанной с Крымской войной и инспирированной киевскими студентами, крупных крестьянских движений на Правобережье, подобных гайдамаччине, Колиивщине XVIII в., во всяком случае, в дореформенный период не было. Конечно, в этом крае народ традиционно был готов к сопротивлению, как, впрочем, и в других украинских регионах. Именно поэтому помещики там часто опасались слишком сильного давления на подданных.

Важно вспомнить также, что еще в начале 1980-х гг. Б. Литвак поставил под сомнение бытующее в историографии убеждение о прямой связи между положением крестьян в первой половине XIX в. и их протестами. Историк отмечал, что, несмотря на возможное ухудшение положения, «наибольшую социальную активность проявляют те группы крестьян, чей юридический статус еще не определился или, если уже определился, не успел укрепиться. Там же, где он устойчив и освящен традицией, «болевые точки» обнаруживаются, когда возникают ситуации, ухудшающие этот статус». Крестьяне тонко реагировали на какие-либо изменения в помещичьей вотчине и поднимались против нового владельца или опекуна, как правило,

скрывая истинные причины протеста: «свое нежелание подчиняться новому владельцу, считая, что вместе со старым владельцем исчезало само крепостное право на них» [18, с. 138, 140–145].

На материалах Левобережной, Южной и Слободской Украины это хорошо просматривается. Приведенный Д. Бовуа пример волнений крестьян после смерти владельца имения Собанского (с. 339) подтверждает возможность такой трактовки и относительно Правобережья. Поэтому отказ крестьян от выполнения барщины или другие проявления неповиновения, на мой взгляд, вряд ли стоит жестко ставить в плоскость этнических/национальных отношений – «игры между тремя участниками – поляком, украинцем и русским», где последний разжигал ненависть к первому (с. 307). А когда речь идет о том, что украинское крестьянство не поддержало шляхетское восстание 1830 г. из-за ненависти к полякам, важно вспомнить, что его не поддержало и польское крестьянство и не только на Правобережье. С каждым случаем крестьянского протеста, мне кажется, нужно разбираться отдельно. Хотя и понимаю, что это может быть лишь масштабным заданием на будущее. Но только тогда будет возможно создание более адекватной социальной картины.

Это же касается жестокости помещиков в отношении поданных. На основе анализа судебной документации Д. Бовуа привел не один такой случай, замечая, что «примеры вынесенных приговоров сегод*ня* (выделено мной – T. \mathcal{I} .) кажутся совершенно возмутительными» (с. 324). Мрачную картину крестьянского бытования дополняют и цифры самоубийств крепостных, смертность от эпидемий, отсутствие надлежащей медицинской помощи и т.п. Эти важнейшие аспекты крестьянской жизни, безусловно, требуют пристального внимания. Но при этом возникает множество вопросов. Можно ли рассматривать положение крестьян в имениях умалишенных помещиков как норму? Подсчитано ли количество самоубийств правобережной шляхты? Как выглядела эта картина у других податных категорий населения края? Например, изучение этой проблемы одним из уездных предводителей дворянства Черниговской губернии показало, что за 1842–1852 гг. самоубийств крепостных было не больше, а в некоторые годы и меньше, чем у казаков и государственных крестьян. Это подтверждает и газетная хроника. Эпидемии же вообще не разбирали статусов, что, ссылаясь на Ю. Крашевского, подтверждает и сам Автор, говоря о смертях в городах Кременце, Дубне, Луцке, Торчине. Что же касается медицины, её уровень в то время был, вероятно, подобным и в других регионах России. К тому же, если вспомнить, замечание Д. Бовуа о высоком проценте мелкопоместной шляхты Правобережья, правомерно задать вопрос: в состоянии ли она была помочь своим подданным, тем более так, как это делали графиня Дзялинская, графиня Ожаровская, княгиня Радзивил?

Ряд вопросов возникает и по поводу видов/жанров источников и безоговорочного доверия к ним. Например, можно ли на основе официальной документации, судебных материалов вывести норму? Достаточно ли для этого свидетельств мемуаристов и популярных авторов художественных произведений, подобных, например, С. Гощинскому, Ю. Крашевскому, которые «отражают грустную действительность того времени» (с. 318)? И почему не следует доверять «Пану Тадеушу» А. Мицкевича или О. Бальзаку, не имевшему «хотя бы крупицы сочувствия к крепостным» (с. 341) и одновременно писавшему в 1847 г. об их благоденствии? Не будем ли мы, даже при значительном количестве судебно-следственных мероприятий, иметь дело с экстраординарными случаями? (цифры сами по себе без сравнения говорят немного). Из каких источников можно понять мотивы, стратегии поведении? В связи с этим вспоминается предупреждение признанного источниковеда Б. Литвака о сложностях выявления истинных мотивов поступков крестьян на основе документов, поскольку такие источники отложились, прежде всего, в фондах карательных учреждений и были составлены под влиянием специфических интересов фондообразователей.

При всей информационной насыщенности исследования Д. Бовуа, думаю, нужно искать другие группы источников для изучения специфики социального взаимодействия на Правобережье, проблем идентификации, самосознания. Необходимо все же услышать и голос не романтизированного писателя, а обычного помещика с Правобережья. Предварительные наблюдения показывают, что тут не исчерпан даже ресурс опубликованных источников, к которым практически никогда не обращались исследователи. Тем более общирен круг архивных материалов. Только фонд Киевского генералгубернатора насчитывает более тысячи описей.

Еще один «игрок» «тройки» также проявил себя в отношении большинства населения Правобережной Украины не лучшим образом: «Российские чиновники, как и польская шляхта, относи-

лись к украинским крестьянам по большей части как к *дикой черни* (выделено мной – T. J.), с которой следует быть на чеку» (с. 312), человеколюбие с польской и российской стороны «было скорее исключением, чем правилом» (с. 313). В связи с этим коротко обращу внимание на два момента: образ крестьянства и отношение к нему государства.

Проблему образа(ов) крестьянина, в том числе и крепостного, нельзя отнести к числу изученных. Если не считать исследования Т. Портновой о восприятии крестьянства украинскими интеллектуалами второй половины XIX в., комплексно этим в Украине историки не занимаются, используя лишь одиночные «показания» для иллюстрации тех или иных положений. Но вряд ли единичные свидетельства, например правобережного помещика К. Бжозовского, в этом вопросе могут претендовать на полноту. Важно также, в какой контекст помещается свидетельство и как оно прочитывается. Так, приведенная Автором цитата из дневника Бжозовского, на мой взгляд, скорее, говорит о восприятии крестьянина не столько как «умственно неполноценного», сколько как нетрудолюбивого, ленивого (с. 316). И тут, кажется, возникает другая проблема или целый ряд проблем, требующих изучения. Дает ли позиция историографического оправдывания возможность более адекватно представить крестьянский мир? Как крестьяне относились к труду? Был ли крестьянин на самом деле ленивым и почему? Когда крестьянин стал ленивым в восприятии помещика или власти? Связано ли это с модернизацией, «потребительской революцией», рационализацией помещичьих хозяйств? Как все это коррелируется с дворянскими и крестьянскими представлениями о бедности и богатстве, о благосостоянии, о зависимости и свободе? Относительно последнего, с учетом специфики региона, особенно южной его части, думаю, скорее, следует говорить не о свободе, а о воле, даже вольнице, казацкой вольнице, которая в этом когда-то казацком крае вступала в противоречие и с логикой хозяйствования любого помещика, будьто поляк, русский, украинец, и с логикой государства.

В таком смысле Правобережье не очень-то отличалось от других казацких регионов Украины, близких к тому же к районам новой колонизации. Д. Бовуа не удовлетворяют объяснения предводителя дворянства Винницкого уезда, данные генерал-губернатору Д. Бибикову по поводу краж и самоубийств крепостных — чрезмерное

пьянство, а не жестокость помещиков. Но подобные объяснения звучали и на Левобережье. Это же подтверждает полицейская и газетная хроника. Более того, об этом же слегка проговариваются и сами крестьяне. Например, в 1845 г. отдельной брошюркой был напечатан рассказ, отправленный на конкурс в Ученый комитет Министерства государственных имуществ казаком Черниговской губернии Моисеем Осьмаком. Объясняя, как ему удалось, оставшись сиротой, преодолеть собственную нужду и улучшить быт государственных крестьян Гоголевской волости, он отмечал, что бедность происходит по большей части от лени, нерадения и пьянства [25].

Что же касается позиции власти, то её можно обвинять в чем угодно - в незнании ситуации, непонимании того, как нужно сделать, в противоречивости подходов к решению различных вопросов в этом новом для нее крае, но вряд ли в злом умысле, так как государство не заинтересовано в дестабилизации. Власть решала одновременно множество новых внешне- и внутриполитических задач, в том числе и крестьянский вопрос. Вполне понятно, в абсолютистском государстве крестьяне рассматривались не только как бесплатная рабочая сила для помещиков, но и как источник государственных доходов и пополнения армии. Поэтому государство не могло безразлично относиться к этому источнику и, как давно об этом пишут историки, естественно, конкурировало с помещиками за долю доходов от крестьянского труда. Отсюда и мероприятия по укреплению крестьянских хозяйств, по ограничению крепостного права, по защите крестьян от дворянского своеволия и желания во что бы то ни стало повысить ренту в условиях рационализации имений. Но это касалось территории всей России. Малороссийский генерал-губернатор Н. Репнин также как и киевский генерал-губернатор Д. Бибиков взывал к дворянам и наказывал их за злоупотребления. Это была практика, свидетельствующая о позиции государства в крестьянском вопросе. Другое дело, что главный начальник края, стремясь разобраться в сути конфликта, не всегда мог принять сторону крестьянина. Наверное, можно тут говорить и о «классовой солидарности», и о том, что в условиях модернизации государство «принесло в жертву» именно интересы крестьян [см. напр.: 21, с. 203]. Независимо от региона, власть не могла не реагировать и на призывы укротить непокорных подданных. Поэтому едва ли стоит рассматривать как «восстановление российско-польского союза», как объединение «антагонистических сил» против крестьянства, например, быструю отправку Д. Бибиковым военной команды для подавления волнений в имениях Собанского (с. 339).

Как бы Д. Бовуа, подчеркивая специфику своей работы, не предупреждал читателей о том, что «общая информация по отдельным аспектам жизни Украины будет даваться выборочно», книга представляет собой широчайшую панораму с множеством объектов внимания, достаточно подробно прописанных. Но главным объектом, конечно же, является шляхта. Именно ей посвящено основное пространство книги. И тут, безусловно, подкупает большое сюжетное разнообразие, внимание к различным сторонам и обстоятельствам бытования шляхты. С уверенностью можно отметить, что в украинской историографии в таком синтезированном виде «шляхетский вопрос» в XIX в. представлен впервые. Судя по всему, именно эта панорама, прежде всего, вызвала многочисленные реакции польских рецензентов. Не оставили без внимания шляхетскую тему и украинские специалисты. Поэтому выскажу лишь несколько коротких соображений.

Д. Бовуа, не предполагая дать исчерпывающий ответ, поставил очень важную проблему шляхетской солидарности и того, как она могла быть реализована в условиях Правобережной Украины. И хотя мифологема равенства, утвердившаяся в сознании в период консолидации шляхты еще в XVI в. и долгое время мирно существовавшая с понятием клиентелы, ленной шляхты, в историографии воспринималась как конструкт, требующий проверки, Д. Бовуа еще раз остановился на этом, поставив проблему в контекст интеграции шляхты в систему империи и российской политики в этом вопросе.

Как считает историк, особенно жесткую, «безумную» политику Россия проводила в отношении мелкой, прежде всего безземельной шляхты, которая и стала «козлом отпущения». Эта политика в первую очередь проявилась в таких мероприятиях, как деклассация и депортация, приведших к значительному сокращению шляхетского сословия края: «Речь идет об уничтожении целого общества определенного типа цивилизации, ...которому была уготована такая судьба лишь потому, что оно было свободным и польским» (с. 410).

Не отрицая возможной оппозиционности мелкой шляхты, которая, не только по мнению Д. Бовуа, но и согласно историографическими канонам наиболее пострадала от русификаторской по-

литики, все же хочу заметить, что российское правительство лишь завершило то, что начало, но не успело сделать правительство Речи Посполитой. Шляхта-голота была проблемой еще для Польского государства. Борьба за чистоту рядов элиты и, соответственно, лишение прав мелкой шляхты, голосами которой можно было легко манипулировать в сейме и на сеймиках, велась еще в XVI в. и не раз активизировалась во второй половине XVII–XVIII в. Понятно, Россия оказалась перед необходимостью вписывания шляхты «польских» земель в новую социальную систему, и процедура нобилитации была одним из механизмов этого процесса. Причем Д. Бовуа достаточно убедительно показал, что инициатором деклассации выступила еще до восстания 1830-1831 рр. сама же польская землевладельческая шляхта. Поэтому, думаю, не стоит рассматривать российскую политику в этом вопросе исключительно под углом зрения применения репрессивных санкций к мелкой шляхте из-за её польскости и оппозиционности.

Конечно, Правобережная Украина в «дворянском вопросе» имела свою специфику. Но, замечу, что через нобилитацию в конце XVIII – начале XIX вв. проходили и элиты других украинских регионов, где этот вопрос также стоял достаточно остро, хотя специальная «национальная» политика там не проводилась. Историк вполне точно отметил, что российское правительство в 1790-х гг. не представляло себе «истинных масштабов феномена безземельной шляхты» (с. 98), как, добавлю, и феномена казацкой старшины/шляхты Левобережной Украины и Запорожья. Власть, решая одновременно проблему элит, а также проблему безопасности и хозяйственного освоения Новороссии, нащупывала различные варианты. Отсюда и попытки восстановления казацких военно-административных структур, а затем их ликвидация, и предоставление возможности решить проблему малоземелья путем получения наделов в Причерноморье. Поэтому, в отличие от Д. Бовуа (с. 84), не удивляюсь, что П. Зубов объединял вопрос о шляхте Правобережья с казацким вопросом и заселением южных губерний.

К слову сказать, возможностью получить земли на вновь приобретенных Россией территориях воспользовалась не только левобережная элита, составив довольно ощутимый «малороссийский поток», но и правобережная, в том числе и безземельная шляхта, еще до разделов Речи Посполитой, особенно после Кючук-

Кайнарджийского мира 1774 г., устремившаяся на юг. Правда, получая там наделы, шляхта не спешила слиться с российским дворянством и, во всяком случае до начала XIX в., не стремилась вступать в Екатеринославскую и Херсонскую дворянские корпорации. Среди множества нобилитационных дел по этим губерниям, как показали исследования днепропетровского историка Д. Каюка, польские претенденты на российское дворянство составляли незначительный процент. Тут, наверное, можно было бы вспомнить настроения поляков в начале XIX в. относительно необходимости документального подтверждения своего шляхетского статуса в условиях российской действительности, которые передал А. Мицкевич через разговор в корчме в поэме «Пан Тадеуш»:

«Но к воле золотой привыкли мы из млада! И шляхтич у себя, скажу при всем народе...» «Да! – подхватили все, – он равен воеводе!» «Меж тем приходится изыскивать нам средства И документами доказывать шляхетство!»... «Пускай москаль пойдет и спросит у дубравы Кто ей давал патент перерасти все травы» [22, с. 133].

Что же касается нобилитации казацкой старшины других украинских регионов, то и для бывших запорожцев она имела свои трудности, хотя и проходила по «облегченной процедуре». А малороссийское дворянство, вслед за одним из своих идеологов Г. А. Полетикой считавшее возможным дать право на подтверждение благородства не только старшине, но и рядовому казачеству, проливавшему кровь за отечество, составляло различные записки по инстанциям и вело борьбу за права потомков старшины низового уровня до 1830-х гг. Частично вопрос был решен только в середине 1850-х гг. Окончательная же точка поставлена лишь Крестьянской реформой, когда для «соискателей» это уже не имело решающего значения.

Сочувствуя эмоциональному отношению Д. Бовуа к проблеме переселения шляхты на юг Украины или на Кавказ, не могу согласиться с определением этого направления российской политики в терминах депортации, со сравнением царской и сталинской власти (с. 86). На мой взгляд, переселенческая политика в России и депортация — это разные вещи. Большинство, из рассмотренных Д. Бовуа, «экстремистских» переселенческих проектов не предполагали насилия. Власть стремилась, конечно, не из любви или нелюбви к по-

лякам, решив проблему безземельной шляхты, разрядить ситуацию на Правобережье и увеличить количество населения, в том числе и податного, на юге империи. При этом она могла не понимать, почему чиншевая шляхта, которая несла не такое уж легкое бремя обязательств в отношении своих же братьев по классу — землевладельческой шляхты — и часто не просто не могла найти, но и не спешила искать доказательства своего благородства, не соглашается на переселение и на более выгодные экономические условия.

Если же говорить о том, что «истории известно совсем немного примеров такой масштабной ликвидации целой социальной группы» (с. 411), то, не глядя «вширь» и «вглубь», следует вспомнить хотя бы казачество украинских регионов, которое перестало существовать в прежнем статусе, превратившись в специфические группы государственных крестьян, сохранивших часть экономических привилегий. Однако, замечу, что казацкая гетманская система, в том виде, в каком она существовала до конца XVIII в., также как и средневековая система чиншевых отношений шляхты, представляла собой анахронизм, что, кстати, понимали и «украинские патриоты» конца XVIII — начала XIX в. [см. напр.: 11; 20]. Понятно, что при этом «ход истории» приводит к трагедии отдельного человека. Но всегда ли возможно социальную политику определять в категориях «социотехнического манипулирования», придавая этому негативные коннотации?

Если в социальном плане правобережная шляхта представлена Д. Бовуа достаточно разнообразно, то этого нельзя сказать о её национальном/этническом облике. Именно на это обратил внимание украинский исследователь В. Балушок, упрекнув французского историка в том, что тот не заметил на Правобережье украинскую шляхту. Точнее, заметил, но относительно более раннего периода. При этом рецензент поднял важную проблему шляхетской колонизации Поднепровья и соотношения этнических элементов, проблему ассимиляции шляхты, ставя под сомнение саму возможность поглощения поляками численно превосходящей украинской элиты, существовавшей еще в допольский период. Но эта ранняя непольская шляхта и Д. Бовуа, и В. Балушком определяется как украинская. Лишь иногда рецензент делает оговорку относительно её русинского самосознания [2, с. 188].

Важным показателем при этом становится язык. Однако употребление в имперский период «руськой мовы» с некоторыми польскими словами для Д. Бовуа является свидетельством деградации польской шляхты, для Я. Дашкевича — денационализации украинской шляхты [10, с. 26], а для В. Балушка — подтверждением её украинскости, поскольку польская шляхта не могла украинизироваться в условиях доминирования престижности польской культуры, сохранявшегося до середины XIX в. Отсутствие определения «украинец» в лексиконе при этом не является основанием для объявления правобережной шляхты всецело польской, так как этот этноним не существовал в то время как общеукраинское самоназвание [2, с. 184–185].

Интересно, что Д. Бовуа, очевидно, обратил внимание на рассуждения рецензента. В отличие от украиноязычного текста, говоря о повести Ю. Крашевского «Будник», написанной в 1847 г., где акцентируется внимание на остатках привязанности околичной шляхты к польской культуре, в русскоязычном варианте Автор задался вопросом: может Крашевский ошибся? «Были ли в действительности предки этих людей когда-то поляками? Не были ли это потомки руських путных бояр?» (с. 392). Но станут ли эти вопросы авторитетного историка толчком для размышления украинских исследователей, руководством к действию, к филигранному оттачиванию терминологии при изучении проблем идентификации и к дискуссии по этому поводу, необходимость чего остро ощущается [23, с. 57], пока неясно.

Отмечу, что В. Балушок поставил и такие важные вопросы, как степень полонизации украинской шляхты, её проявления не только на языковом уровне, а и в самосознании, религии, быте и других этнографических реалиях, в том числе и в региональном, я бы сказала субрегиональном, измерении. Важно также, что украинский историк считает неправомерным зачислять и всех крестьян в «украинцев», поскольку они, как правило, не имели четкой этнической идентификации. Таким образом, фактически актуализируется важнейшая для украинского XIX века проблема самоидентификации, перекрестных идентификаций, которая не может не учитываться, когда речь идет, в том числе и о межэтнических отношениях, как в случае с Правобережной Украиной. Но, на мой взгляд, в этом, пожалуй, самом пограничном из всех украинских регионов, где все не-

устоявшееся, переменчивое, зыбкое, границы проходили не только между социальными или национальными группами, но и внутри их. Конечно, со временем, с учетом массовой католизации и полонизации правобережной элиты в XVIII в., о чем писали еще В. Антонович и М. Юзефович, изменения в самосознании не могли не происходить. И если даже не учитывать православную шляхту, о которой писал В. Балушок, то относительно шляхтичей-католиков рассматриваемого региона следует вести речь хотя бы о системе двойных лояльностей, иметь ввиду ситуативность идентификаций, местный патриотизм, любовь к своей «малой родине», нормальное отношение шляхты к российскому подданству, латентную польскую или руськую или, если хотите, украинскую идентичность.

Что же касается стремления сохранить свои имения в момент разделов Речи Посполитой, в чем упрекнул шляхту Д. Бовуа, то, очевидно, в экстремальной ситуации базовые составляющие идентификации играли ведущую роль. Трудно себе представить какую-либо социальную элиту, стремящуюся забыть об ответственности перед семьей, своей отчиной, предками, накапливающими родовое имущество, подданными, в конце концов, и отказаться от всего ради «национальных» интересов.

Тут закономерно возникает вопрос: всегда ли (во все времена и в любых ситуациях) национальное доминирует в иерархии идентичностей? Во всяком случае, анализ Н. Яковенко дневника правобережного шляхтича Яна/Иоакима Ерлича, отражающего реалии середины – второй половины XVII в., показывает, что на вопрос: кем себя ощущал его автор, можно дать пять вариантов ответа: «киевлянин», «украинец» (у Ерлича – житель Украины, отождествляемой им исключительно с Киевщиной, Поднепровьем), член локального «сообщества своих», православный русин, шляхтич Речи Посполитой. При этом один из ведущих украинских историков затрудняется в определении иерархий этих ситуативных идентичностей, осторожно считая, что ведущим выглядит принадлежность к «сообществу своих». Что же касается шляхетского самосознания, оно, по мнению Н. Яковенко, ограничивалось верой во врожденное превосходство шляхтича над простолюдином и практически не касалось тогдашних доктрин шляхетского народовластия [30, с. 91, 103]. При этом ученый акцентирует внимание на мозаичности моделирования «себя» и «своей» группы в «донациональный» период, на разительных отличиях картины мира Ерлича и «княжеской», призывая историков к осторожному отношению «к громким декларациям интеллектуалов и полемистов XVII столетия» [30, с. 104]. Учитывая динамичную, постоянно меняющуюся политическую, конфессиональную, социальную ситуацию на Правобережье в XVIII — начале XIX вв., думаю, наблюдения Н. Яковенко можно перенести и на имперский период. Но, безусловно, это требует дальнейших глубоких изучений.

Одним из основных и поразительных для Автора результатов его исследования стал вывод о том, что российской власти не удалась политика интеграции Правобережной Украины (с. 939). На мой взгляд, вывод достаточно прямолинейный и спорный. Если иметь в виду польское общество, то об этом можно вести речь, с определенными оговорками вспоминая верное служение на российской службе отцов-основателей «украинского проекта» В. Антоновича, Т. Рыльского, С. Подолинского и др. Но в отношении большинства населения и территории в целом вряд ли об этом можно говорить, поскольку интеграция «по-украински» все же удалась. Показателем того, что она оказалась успешной является хотя бы признание летом 1917 г. Временным правительством Правобережной Украины совсем не польской, а украинской территорией. Но если это и не кажется таким уж странным, то (принимая логику Д. Бовуа) удивление вызывает признание непольского статуса этого края и Украинского государства руководством возрожденной Польской республики в 1920 г. Правда, на этом основании вряд ли можно считать, что российская власть с успехом реализовывала и реализовала этот проект.

И все же тут возникает множество вопросов. Почему на Правобережье политика русификации приводит к украинизации? Почему Правобережье превратилось в «опорный пункт» «украинского проекта»? Какую роль в этом сыграл «малороссийский интеллектуальный поток», буквально хлынувший за Днепр? и т.д. Украинские историки пока что не дали на них ответов. К сожалению, нет их и в, казалось бы, специально посвященных этому исследованиях, например, одного из моих первых дипломников Ю. Земского, книжка которого так понравилась Д. Бовуа [28], так как ситуация трехстороннего взаимодействия продолжает рассматриваться только в категориях соревнования, борьбы, что не помогает разобраться с Гордиевым узлом. Если воспринимать название русскоязычной книги французского историка не просто как желание дать ему яркую упа-

ковку, что само по себе и неплохо, а как принципиальную авторскую позицию, то, на мой взгляд, Д. Бовуа фактически также не дал ответ, кто же тот Александр Македонский и как он должен поступить: разрубить узел или вынуть из переднего конца дышла «гестор», крюк, которым закрепляется яремный ремень, освободив тем самым телегу, привязанную крестьянином Гордием.

Интересно, что решение сложной «украинско-польско-российской» проблемы, интеграции Правобережья не только в российское, но и в нарождающееся малороссийское/украинское этническое пространство предложил малороссийский интеллектуал, крупный помещик Г. П. Галаган в своем проекте административной реформы, направленном С. С. Ланскому в 1857 г. Здесь не место вдаваться в подробности содержания этого документа, хотя он и заслуживает пристального внимания. Но важно отметить, что Григорий Павлович, страстно переживая о судьбе милой его сердцу Малороссии, по его словам, «острова, окруженного морем — Россией», не мог не видеть, что его остров постепенно расширялся за пределы Левобережья, бывшей Гетманщины, превращаясь в этническую, а не административную территорию. Однако «открывая» для себя Правобережье, он, как и другие малороссийские патриоты, ощущал угрозу этому превращению со стороны именно поляков.

Зная о правительственных проектах административных преобразований, Галаган представил свой вариант, предполагавший такое членение «украинских» губерний, которое способствовало бы «размыванию» польского общества малороссийским и новороссийским дворянством, чиновничеством и торговым людом и эффективному вовлечению поляков в имперскую систему. Именно административная реорганизация, решая и политические, и экономические задачи, представлялась «самым мирным и прочным путем» «совершенного слития со всею Россиею» Западного края. Галаган предлагал такие границы левобережных, правобережных и новороссийских губерний, которые фактически разрушали восточную речьпосполитскую границу 1772 г., невольно конструируя, тем самым, новое пространство и новую историческую память не только поляков. Но, как бы там ни было, интеграционный по своей сути, проект Галагана в первую очередь интересен с точки зрения «собирания» Украины, своеобразным символом и возможностью которого стал для автора Николаевский мост через Днепр, заложенный в 1848 г. и освященный в 1853 г. в один день с памятником князю Владимиру Великому в Киеве¹.

И в этом смысле национальную политику российской власти можно считать вполне продуктивной. Да, русификация всего пространства империи не совсем получилась. Но эта политика во многом сыграла роль национальной мобилизации для всех участников «игры». Польская шляхетская нация, преодолевая сословные границы, постепенно превращалась в этническую нацию, в борьбе разных национальных проектов сформировалась модерная украинская идентичность, как, впрочем, и русский национализм. Расшатал ли «польский вопрос», а также разные «измы» империю? Во всяком случае, как заметил А. Каппелер, к 1900 г. Российская империя, как и Габсбургская, представляла собой по-настоящему стабильное государственное образование, несмотря на растущее национальное движение и социальные противоречия [12, с. 56].

Как говорилось выше, последние годы многое сделано в изучении «польского» региона Украины. Но, к сожалению, конфронтационный дискурс тут преобладает. Магическое влияние на украинских историков творчества Д. Бовуа все еще подталкивает их настаивать на актуальности проблематики «этносоциального конфликта» в изучении Правобережья [8, с. 585]. Поэтому, воспринимая как методологический ориентир мысль Д. Бовуа о первоочередности в исследовании украинско-польских отношений XIX - первой половины XX вв. определения масштабов страданий украинцев в крепостнической неволе, даже в докторских работах, несмотря на предостережения некоторых украинских историков, пока что повторяются давно знакомые положения и о жестоком угнетении крестьян, отвечавших бунтами, крупнейшим из которых было восстание У. Кармалюка, и о сохранении государством за поляками-землевладельцами всей полноты власти над крепостными, и о лицемерии российской администрации, представлявшей себя защитником крестьян и одновременно неафишированно способство-

¹ Показательно, что первый от правого берега пролёт моста был взорван по приказу генерала Э. Рыдз-Смиглы отступавшими польскими войсками 9 июня 1920 г., что и привело к разрушению всего сооружения [15, с. 28–29].

вавшей обострению конфликта между крестьянами-украинцами и землевладельцами-поляками, и об исторической укорененности, непримиримости украино-польского конфликта [см.: 9].

Однако при таком подходе, думаю, всегда неизбежен поиск ответа на вопрос: кто виноват? Думаю, подобный взгляд на историю может порождать комплекс неполноценности, второсортности, а также собственной безответственности, как за прошлое, так и за сегодняшнее и будущее. Демонизация соседа как врага приводит к соблазну переложить вину на кого-то - на кочевников, на поляков, россиян, империи, коммунистов и т.д. Мне же представляется необходимым, не забывая о конфликтологии, отойти от изучения процессов социального и этнического/национального взаимодействия в этом сложном регионе под углом зрения трехстороннего противостояния и исторической ответственности. Кажется, пора уже несколько выровнять этот перекос. Если же рассуждать в таких категориях, за то, что происходило на Правобережье (как и в других украинских регионах) в XVIII-XIX вв., украинцы несут не меньшую ответственность. Это разносторонне активный игрок, несмотря на отсутствие «поддержки» со стороны несуществующего тогда собственного государства. Отказ от жесткого противопоставления, может быть, упростит написание нормальной истории взаимодействия по разным линиям. Работы же Д. Бовуа, которые будят мысль и дают почву, несомненно, останутся классикой украинской историографии. Но хотелось бы, пожелать историкам соотечественникам, встав «на мощные плечи» французского метра, серьезно раздвинуть горизонты в изучении Правобережья, облегчая, таким образом, возможность и для дальнейшего синтеза.

Библиографические ссылки

- 1. [Костомаров Н.] Мысли об истории Малороссии / Н. Костомаров // Библиотека для чтения. 1846. Т. 78. Отд.: Науки и художества.
- 2. *Балушок. В.* «Непомічена» соціальна верства (доля української шляхти після Хмельниччини в працях сучасних дослідників) // УГО. 2006. Вип. 12.
- 3. *Бовуа Д*. Битва за землю в Україні. 1863—1914. Поляки в соціоетнічних конфліктах. К., 1998. 334 с.
- 4. *Бовуа Д.* Гордиев узел Российской империи: Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914). М., 2011. 1008 с.

- 5. *Бовуа Д*. Російська влада і польська шляхта в Україні. 1793—1830 рр. Л., 2007. 296 с.
- 6. Бовуа Д. Шляхтич, кріпак і ревізор. Польська шляхта між царизмом та українськими масами (1831–1863). К., 1996. 415 с.
- 7. *Вушко I.* Данієль Бовуа і його польське питання: рец. на кн.: Beauvois D. Pouvoir russe et noblesse polonaise en Ukrain 1793–1830. Paris, 2003. 240 р. // УМ. 2006. Ч. 10.
- 8. Гудь Б. Міф «східних кресів» у сучасній польській історіографії // Historia-mentalność-tożsamość: Miejsce I rola historii oraz historykow w zyciu narodu polskiego I ukrainskiego w XIX i XX wieku. Rzeszow, 2008.
- 9. *Гудь Б.* Українсько-польські конфлікти XIX першої половини XX ст.: етносоціальний аспект: автореф. дис. ...д-ра істор. наук: 07.00.02. Л., 2008.
- 10. Дашкевич Я. Даниель Бовуа та вивчення історії польськоукраїнських відносин / Я. Дашкевич // Бовуа Д. Шляхтич, кріпак і ревізор. Польська шляхта між царизмом та українськими масами (1831–1863). – К., – 1996.
- 11. Журба О. І. «Представьте вы себе, какой зверь был Гетман! Это были пренечестивые деспоты!» (з листа свідомого українського патріота, автономіста та традиціоналіста початку XIX століття) / О. І. Журба // ДІАЗ. 2009. Вип. 3.
- 12. *Каппелер А*. Центр и элиты периферий в Габсбургской, Российской и Османской империях (1700–1918 гг.) / А. Каппелер // Ab Imperio. -2007. -№ 2.
- 13. *Карліна О*. Даніель Бовуа проти «спокуси красивих історій»: рец. на кн.: Бовуа Д. Російська влада і польська шляхта в Україні. 1793—1830 рр. Л., 2007 / О. Карліна // УГО. 2008. Вип. 13.
- 14. *Карліна О*. Кінець міфові про Україну-Аркадію: рец. на кн.: Бовуа Д. Шляхтич, кріпак і ревізор. Польська шляхта між царизмом та українськими масами (1831–1863). К., 1996; Бовуа Д. Битва за землю в Україні. 1863–1914. Поляки в соціо-етнічних конфліктах. К., 1998 / О. Карліна // УГО. 1999. Вип. 1.
- 15. *Карпинский М*. Восстановление цепного моста в Киеве / М. Карпинский // Строитель. 1923. № 4.
- 16. *Касьянов Г*. Україна в російському історичному дискурсі: проблеми дослідження та інтерпретації / Г. Касьянов, В. Смолій, О. Толочко. К., 2013.
- 17. *Кравченко Я*. Проблеми польської та української історії кінця XVIII–XIX ст. у працях французького історика Даніеля Бовуа [Електронний ресурс] Режим доступу: http://vuzlib.com/content/view/1734/52/.
- 18. *Литвак Б. Г.* Сословно-групповые особенности крестьянского движения в период кризиса крепостничества / Б. Г. Литвак // Социально-

- экономические проблемы российской деревни в феодальную и капиталистическую эпохи: матер. XVII сессии симпоз. по изучению пробл. аграрной истории. Ростов, 1980.
- 19. *Литвинова Т. Ф.* «Поміщицька правда». Дворянство Лівобережної України та селянське питання наприкінці XVIII— в першій половині XIX ст. (ідеологічний аспект) / Т. Ф. Литвинова. Д., 2011.
- 20. Литвинова Т. Ф. «Прогресивний консерватизм» випадкове словосполучення, чи факт української суспільної думки другої половини XVIII століття / Т. Ф. Литвинова // ДІАЗ. 1997. Вип. 1.
- 21. *Миронов Б. Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII начало XX века / Б. Н. Миронов. –М., 2010.
- 22. *Мицкевич А*. Пан Тадеуш, или Последний наезд на Литве / A. Мицкевич. М., 1985.
- 23. *Портнов А*. Изобретая Речь Посполитую / А. Портнов // Ab Imperio. 2007. № 1.
- 24. *Портнов А.* Уявляючи Річь Посполиту / А. Портнов // Критика. − 2006. № 9.
 - 25. Рассказ казака Моисея Осьмака. СПб., 1845.
- 26. *Соколов Б. В.* Расшифрованный Гоголь. Вий. Тарас Бульба. Ревизор. Мертвые души. / Б. В Соколов. М., 2007.
- 27. *Толочко А*. Киевская Русь и Малороссия в XIX веке / А. Толочко. К., 2012.
- 28. Треугольник раздоров: Польша-Россия-Украина [Електронний ресурс] Режим доступу: http://polit.ru/article/2011/12/20/Beauvois
- 29. Яковенко Н. Від редактора / Н. Яковенко // Бовуа Д. Російська влада і польська шляхта в Україні. 1793—1830 рр. Л., 2007.
- 30. Яковенко Н. Дзеркала ідентичності. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI початку XVIII століття / Н. Яковенко. К., 2012.

УДК 930:821.09

Д. В. Шаталов

Днепропетровский национальный университет им. Олеся Гончара

ТУТ, ВНУТРИ: КАК ФИЛОЛОГИ ПИШУТ ИСТОРИЮ...

(размышления над и по поводу образа украинского казака в современной российской гуманитаристике)

Рец. на кн.: Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 960 с.

На прикладі збірки статей «Там, внутри» розглядаються деякі аспекти сприйняття історії України та українського козацтва в сучасній гуманітаристиці. Актуалізується питання щодо етики міждисциплінарного дослідження.

Ключові слова: історія України, козацтво, Малоросія, внутрішня колонізація, літературознавство, міждисциплінарність.

На примере сборника статей «Там, внутри» рассматриваются некоторые аспекты восприятия истории Украины и украинского казачества в современной гуманитаристике. Актуализуется вопрос об этике междисциплинарного исследования.

Ключевые слова: история Украины, казачество, Малороссия, внутренняя колонизация, литературоведение, междисциплинарность.

In the review some aspects of the perception of the history of Ukraine and the Ukrainian Cossacks in modern humanities are scrutinized on the example of the collection of articles «There, inside» («Tam, vnutri»). The applicability of the concept of internal colonization, used in this collection, is put under question. Its use seems unproductive due to the extreme simplicity of the historical process pictures created and reduction of all its actors to the opposition pair – colonized-colonizers. The concept of «internal colonization» can be replaced by «modernization». Analyses of the texts of articles in the collection, devoted to the history of Ukraine, shows that empirically authors do not use the concept of internal colonization, or it also can be expressed in terms of modernization. At the same time, these texts show poor acquaintance of their

[©] Шаталов Д. В., 2014.

authors with researches of historians on the subject. This leads to misunderstanding of differences in various groups of Ukrainian Cossacks and their specifics regarding different variations of the Russian Cossacks, and as the consequence – to an incorrect understanding of sources. The question of ethics of interdisciplinary research is also actualized: how possible and productive is the study of problems that lie at the intersection of literary criticism and history only by methods of literary criticism. The second question is how Ukrainian past can be studied without involvement of Ukrainian authors works. As the result, reasoning about important and voluminous issues hang in the air, finding no support in the concrete historical material, that puts the conclusions of their authors under question.

Key words: history of Ukraine, the Cossacks, Little Russia, internal colonization, interdisciplinarity.

Сборник статей «Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России», редакторами которого выступили А. Эткинд, И. Кукулин и Д. Уффельманн, увидел свет в 2012 г. [13]. Судя по количеству рецензий и обсуждений, сборник не остался незамеченным [3, 8, 10, 14]. Равно, незамеченными не остались и другие работы А. Эткинда, в которых автор выдвигает и пропагандирует свой концепт внутренней колонизации. Но откликнулись на них в основном российские специалисты, высказывая мысли об актуальности предложенного познавательного инструмента для российского читателя. Украинскую тему книги они оставили без внимания (впрочем, «игнорирование Украины» уже можно назвать характерной чертой современной российской гуманитаристики [3, 7]).

Главной идеей сборника является взгляд на историю России сквозь призму внутренней колонизации. Редакторы определяют её как «применение практик колониального управления и знания внутри политических границ государства» [15, с. 12]. Поскольку Российская империя — империя сухопутная, то установить границы между внешним и внутренним в ней, по мысли редакторов, не представляется возможным. Однако, различия эти, вероятно, и не важны — т. к. «российское государство... осуществляло экспансию колониальных методов в собственных внутренних областях» [15, с. 15], а кроме того и сопровождало это «искусственным производством культурных различий» между колонизаторами и колонизуемыми в велико-

русских областях — «чтобы дисциплинировать и эксплуатировать подчиненные группы населения» [15, с. 14]¹.

Идея такого взгляда на историю России вызвала разные оценки. После прочтения сборника я вполне солидаризовался с представителями «критического лагеря» рецензентов. Как отметили едва ли не все кто включился в дискуссию, концепт внутренней колонизации и его применение вызывает больше вопросов, чем дает ответов. Для меня главный из вопросов: что этот концепт нам дает и нужен ли он вообще? В. Малахов в своей рецензии вполне убедительно показывает, что легко можно обойтись и без него. С одной стороны, из-за его неопределенности (неясным все же остается, кто и кого колонизировал); с другой стороны, – из-за того, что описываемые через внутреннюю колонизацию процессы намного больше походят на модернизацию (и, добавлю, процессы построения модерной нации) [8]. О подобности внутренней колонизации и модернизации при обсуждении книги высказался также А. Храмов. Особо интересны его мысли о необходимости сравнительного момента: «...был всплеск интереса к этому понятию в 1970-е, о внутреннем колониализме везде писали, но потом это всем надоело, потому что стало понятно, что его везде можно найти, а это делает понятие бессмысленным. ... Чтобы понять, что в Российской Империи внутренняя колонизация была, надо показать на те страны, где её не было» [10].

Актуальным видится и замечание В. Малахова об упрощении взгляда на исторический процесс и сведению всего разнообразия вариантов взаимодействия к бинарной оппозиции. По его мнению: «...представление о российской истории как истории «внутренней колонизации» сводит многообразие агентов социального действия к противостоянию двух искусственных сущностей: колонизирующей власти, с одной стороны, и колонизируемого народа — с другой. Хотелось бы все же разглядеть за этими конструктами действительных

¹ Но использование словосочетания «внутренняя колонизация» в таком значении сразу вызывает некоторое неприятие, поскольку накладывается на традиционное восприятие этого термина, подразумевающего хозяйственное освоение пустующих земель в пределах государства. Про «неудобность» данного термина в этом значении ведет речь также В. Бобровников [10].

акторов. Кто выступает субъектом «внутренней колонизации» России? Если такой субъект — власти, то власти какого уровня? Если такой субъект — элиты, то о каких конкретно элитных группах идет речь?» [8].

При этом рецензент напоминает про внутреннюю разнородность как культурных, так и политических элит.

О. Журба, затронув вопрос о применимости концепта, отметил, что при наличии в картине лишь двух действующих лиц «возможность представить ситуацию нормального, разностороннего, разноуровневого взаимопроникновения, взаимной «интеграции», при которой все стороны способны слушать и слышать или же, во всяком случае, пытаются прислушиваться друг к другу, растворяется и исчезает в блестящих лучах модной теоретической конструкции, ориентированной на поиск «жертв и агентов» [3, с. 58].

Замечание на эту тему прозвучало и в размышлениях Е. Корчминой: «Возможно, что внутренняя колонизация... — это процесс, идущий не только из метрополии в провинцию, но и из провинции в метрополию, причем учитывая, что нас [провинциалов] больше, то масштабы обратной колонизации или провинциализации могут быть значительно серьезнее, да и последствия тоже» [10].

Украинский материал только усиливает все эти наблюдения. Включение в список действующих лиц национальных элит, причем элит разнородных, представляющих разные версии национальной идентификации и лояльности к государству, существенно усложнит картину взаимодействия колонизаторов и колонизуемых. Аналогично, интеллектуальная экспансия малороссов, начавшаяся с петровских времен, заставляет задуматься, кто был колонизатором, а кто колонизуемым.

Редакторы сборника отвели украинским землям особое место в процессе внутренней колонизации. С одной стороны, Украина перечислена в ряду прочих периферийных колоний, куда также отнесены Крым, Новороссия, Кавказ, Сибирь, Центральная Азия [15, с. 16]. С другой же, «самым ярким примером неразграничения внешнего и внутреннего, «исконного» и экзотического в истории России является история управления Украиной и её восприятия в культуре» [15, с. 25]. Таким образом, Украина одновременно и своя и чужая. Но при этом границы её для редакторов простираются не далее пределов бывшей Гетманщины (это объясняет «оторванность» от Укра-

ины Крыма и Новороссии, заодно снимая с редакторов подозрения в их экспансионистских амбициях). Правда, такое определение места Украины в процессе внутренней колонизации подвергла критике Т. Гундорова, которая предпочитает видеть в данном случае вариант колонизации внешней [2].

Но, кроме географии, хватает и других вопросов. Редакторы сборника определили понятие внутренней колонизации как «применение колониального управления и знания внутри политических границ государства». При этом они ведут речь о таких методах управления как, например, взятие заложников и о вариантах взаимодействия имперских властей с инородцами в спектре от ассимиляции до геноцида [15, с. 13–14]. Касательно внутренних великорусских областей набор этих методов почему-то ограничился лишь «раздачей латифундий и подавлением восстаний», а также замечанием что «миссионерство, этнография и экзотические путешествия, характерные феномены колониализма, в России чаще всего были обращены внутрь своего народа» [15, с. 15]. Мне видится тут некоторая подмена понятий: ведь сами редакторы показали разные методы для внутренних областей и окраин. Возникает вопрос: а могут ли в принципе считаться колониальными практики управления центральными областями государства? Или же мы вправе говорить только о своеобразии внутреннего управления? Где направленность – колониальные методы переносятся внутрь страны или внутренние переносятся на колонии? Добавлю, что пассаж про путешествия и этнографию вызывает категорическое неприятие. Фактический материал – травелоги – свидетельствуют о том, что экзотические путешествия российских авторов были обращены как раз наружу (их тексты, кстати, могут быть источником для изучения восприятия границ внешнего и внутреннего; но редакторам оказалось проще

¹ Редакторы сборника утверждают, что крестьянская реформа 1861 г. была актом деколонизации [15, с. 27]. Чем же тогда считать отмену крепостного права в «колонизованной» Эстляндии в 1811 г.? Проявлением колониальной политики, а реформу 1861 г. перенесением колониальных методов внутрь страны? Или проведением колонизационной политики актами деколонизации? Сибирь — регион, колонизированный в прямом значении слова, крепостных порядков не знала. Или же реформы 1811 и 1861 гг. вообще несоотносимы?

заявить о неразграниченности, чем попытаться уловить границы¹). Для первой половины XIX в. главными их объектами были Крым и Кавказ, Малороссия, равно как и северо-восточные окраины империи. С этнографией встает другой вопрос: кого, к примеру, колонизовали украинофилы? (равно как и чешские будители, Руська трийця). Наличие всего двух действующих лиц на картине (колонизаторов/колонизуемых) не оставляет там места для подобных деятелей.

Но, как бы то ни было, прочитав вступительную статью, методологически вооруженный читатель может переходить к изучению публикаций, посвященных конкретным аспектам внутренней колонизации (такой подход работы со сборником можно назвать дедуктивным). Однако, присутствует полная уверенность, что индуктивный метод при прочтении сборника не сработает — вряд ли у читателя, изучившего все конкретно-проблемные публикации, таким путем сформируется более-менее четкое понятие о том, что имеется в виду под внутренней колонизацией. Авторы — «кто в лес, кто по дрова» — вложили в концепт свои, причем предельно широкие, смыслы. В итоге возникает ощущение, что внутренней колонизацией России можно смело называть любой процесс, явление или событие в истории этого государства, в которых хоть как-то были затронуты взаимоотношения центра и периферии.

В связи с этим считаю вполне справедливым замечание Е. Корчминой, которая «не уверена, что этот термин (внутренняя колонизация — \mathcal{A} . III .) можно использовать при исследовании частных вопросов, скорее, он может быть применим для осмысления проблем на более высоком уровне. И если «опустить» его на уровень конкретных прикладных исследований... это даст скорее отрицательный результат» [10]. Посмотрим, какой результат дает применение концепта на конкретных сюжетах с «украинской стороны». Так или иначе, украинскую тематику затронули статьи В. Киселева и Т. Ва-

¹ В тоже время, место украинских земель в воображаемой географии Российской империи, вполне убедительно, на мой взгляд, определяет А. Миллер. См. статью «Империя и нация в воображении русского национализма» в книге: Миллер А. Украинский вопрос в Российской империи. – К.: Laurus, 2013. – С. 285–308.

сильевой, Э. Киршбаума, М. Лекке, М. Рябчука (сами редакторы также считают этот набор текстов «украинским» [15, с. 49, прим. 32]).

Статья В. Киселева и Т. Васильевой посвящена конструированию образа Украины в российской словесности конца XVIII - начала XIX вв. [5]. Для этой работы неотрефлексированное обращение с географической номенклатурой характерно еще более чем для редакторской статьи. Не оговорив терминологии, В. Киселев и Т. Васильева заставили читателя уже с заглавия гадать, о какой Украине пойдет речь – в современном её понимании, Слободско-Украинской губернии, Правобережной Надднепрянщине или каких-то еще землях. Как выясняется далее, гадать приходится в каждом конкретном случае. По большей части, слово «Украина» используется ими как аналог «Малороссии», хотя «Малороссия» для авторов, в одном случае, совпадает со старой Гетманщиной, а, в другом, - распространяется на все Левобережные земли и Запорожье. Последствия такой неопределенности с терминами являются весьма печальными - источники авторы трактуют также в соответствии со своими географическими воззрениями, без всяких колебаний относя написанное о Запорожье к Малороссии и наоборот. Как несложно догадаться, это существенным образом искривляет представляемую ими картину.

Одновременно, для В. Киселева и Т. Васильевой образ Украины (в широком смысле) фактически сросся с образом казачества. Опуская вопрос, насколько это вообще справедливо для восприятия конца XVIII – начала XIX вв., акцентирую внимание на другом моменте – отождествлении казачества запорожского и малороссийского. Судя по всему, В. Киселев и Т. Васильева исходили из того, что раз все явления названы казачеством, то они имеют и одинаковые характеристики, которые можно смело переносить с одного казацкого сообщества на другое. Украинское казачество для них – явление полностью однородное. Но такое видение относительно справедливо до 1648 г., когда казачество, хотя и делится на низовое и городовое, реестровое и нереестровое, образует в целом гомогенный социальный организм («казацкую гидру»?). После Хмельниччины, в период Руины, оно уже выступает раздробленным на несколько разнородных образований: Запорожье, Гетманщину, правобережные и слободские полки. Хотя, исключая Запорожье, эти казацкие структуры и демонстрируют более-менее однородное устройство и статус казака, – это уже разные образования. Запорожье же уже в этот период

имеет отличный статус, организацию, традиции, не позволяющие смешивать запорожцев с прочими казаками. В «позднеказацкий период» различия лишь нарастают, хотя и сохраняется сходство статуса казаков всех автономных образований, предусматривающего отбывание нерегулярной воинской повинности в качестве условия землевладения и экономических привилегий. В «послеказацкий период» понятие «украинское казачество» (в единственном числе) превращается в полную абстракцию. Под маркой казачества в то время существуют очень разнородные явления: сословие малороссийских казаков, утративших свою военную организацию и по статусу фактически бывших привилегированным государственными крестьянами; казачьи Войска – наследники традиций Запорожья (Черноморское, Усть-Буджацкое, Задунайская Сечь), Войска, образованные по «общероссийскому образцу» из украинского казацкого населения (Азовское и Дунайское), а также Войска, имевшие очень мало общего с предыдущей казацкой традицией украинских земель – Екатеринославское и Бугское, Чугуевский полк, Украинское казачье войско, собранное в 1812 г. из населения Киевской и Подольской губерний. Это «материальное» существование казачества дополнялось еще сохранением памяти о существовавших ранее казацких организациях. Таким образом, употребление понятия «украинское казачество» теряет для этого периода какой-то методологический смысл, поскольку оно не фиксирует, кроме названия, никаких общих черт всех этих форм казацкого бытия.

Вышеуказанные проблемы данной публикации (непонимание регионализма истории украинских земель и отождествление казаков Гетманщины и запорожцев), равно как и слабые представления об украинской истории в целом, не позволяют согласиться с выводами авторов. Удачно подмеченные отдельные характеристики образа запорожцев или левобережных казаков нивелируются смешением этих двух образов. Показательно, что авторам наиболее удалась последняя часть статьи, в которой они касаются формирования образа Малороссии в начале XIX в. Причина проста: здесь они обошлись без смешения регионов и явлений. Сложно рассматривать, кстати, эту статью и как пример применения концепта «внутренней колонизации» относительно истории Украины. Само понятие внутренней колонизации употреблено лишь два раза во вступительной ее части. Причем, там это словосочетание можно без всякого ущерба для со-

держания статьи заменить «инкорпорацией» или же «освоением». Таким образом, внеконтекстуальное использование понятия «внутренняя колонизация» оказалось лишь данью общей теме сборника.

Второй статьей на казацкую тематику стала публикация Г. Киршбаума [4]. Автор затронул проблему двойной ориентализации казаков в творчестве А. С. Пушкина. Однако, статья эта вряд ли может быть признана, с точки зрения историка, даже частично удачной. И не только из-за присущей автору внеисторичности мышления. В один ряд, им без особых сомнений, ставятся украинское казачество, прекратившие свое «активное» бытие, яицкие (уральские) и сибирские казаки (описывается их прошлое) и современное Пушкину, «живое», Донское войско. Разница между сибирскими и малороссийскими казаками лишь в том, что первые для К. Рылеева «интегрированы в колониальные структуры», в то время как вторые являлись «носителями революционного духа» [4, с. 266]. Автор при этом, похоже, не чувствует, что для современников это были разные явления. Но непонимание отличий казачьих войск кажется мелочью после следующих сравнений: «(Само-)ориентализация казачества, как нам представляется, усиливалась еще и потому, что казаки после Отечественной войны ассоциативно связывались с наполеоновскими мамелюками. Мамелюки и казаки сходны не только своим экзотическим ориентальным внешним видом и не только приписываемыми им свойствами – жестокости, мужества и т. д., и мамелюки, и казаки являются своего рода имперской гвардией. В данном контексте, возможно, имеет смысл говорить о «мамелюкизации» казачества в начале XIX века» [4, с. 248].

Даже при желании сохранить научную корректность, сложно подобные выводы охарактеризовать иначе как неадекватные. Перед тем как «ассоциативно связывать», господину Киршбауму не помешало бы изучить источники о восприятии российским обществом казаков и мамелюков и то, насколько вообще последние были представлены в общественной мысли. Едва ли не единственным, кто сопоставлял казаков (украинских) с мамелюками, был О. Сенковский (правда, делал он это в 1843 г. и не в связи с Отечественной вой-

ной). Ни первых, ни вторых он отнюдь не считал «гвардейцами»¹. Но, полагаю, от «мамелюкизации» есть и своя польза - морально подготовленный такими приемами читатель уже спокойнее воспримет метод исследователя. Метод этот воспринимается как жонглирование словами: вряд ли можно строить какие-то серьезные выводы на основе употребления схожих оборотов, а то и отдельных слов поэтом в разновременных стихотворениях, или даже в произведениях разных авторов. Не кажется странным, что Пушкин описывал схожими словами схожие явления - восстание Мазепы, Польское восстание 1831 г. и бунт Пугачева, странно, что за этими совпадениями отдельных слов и выражений Г. Киршбаум нашел какой-то более глубокий смысл в их восприятии Пушкиным. Еще удивительнее отысканная связь между несхожими предметами: «пылкость сердца» и «жар деятельности» из «Полтавы» названы «пожарной метафорикой» и на этой основе проведены параллели с пожаром Москвы, упомянутом в «Евгении Онегине» [4, с. 261]². Складывается впечатление, что автор не достаточно ориентируется в метафоричности русского языка, по крайней мере, для работы с поэтическими произведениями.

¹ «Во всей истории человечества нет двух фактов более похожих друг на друга как малороссийское «казачество» и египетское «мамлюкство», как состояние Украйны под правлением Запорожскаго Войска и состояние Египта под управлением Мамлюков. Нам еще не случалось читать ни одного египетскаго писателя, который бы проливал слезы о миновании тех блаженных времен и делал из грабительств, разбоев и набегов мамлюкских статью местнаго патриотизма, предмет любви к своей родине». Зато малороссийские писатели, по мысли О. Сенковского, как раз и сожалеют о подобных явлениях, репрезентованых казачеством [12, с. 28]. При этом немаловажно учитывать, что для ориенталиста О. Сенковского подобные сравнения вполне естественны, исходя из сферы его интересов.

² Подобный метод работы с источниками заставляет вспомнить слова Д. Панченко: «Сколько концепций построено на принятии жанровых конвенций за особенности мышления, особенностей выражения — за особенности восприятия действительности! В результате оказывалось, что многие книги, которыми мы зачитываемся, созданы людьми, не ведавшими ни любви, ни дружбы, которые, сочиняя целые поэмы, не догадывались о том, что они — сочинители, и которые употребляемые ими метафоры воспринимали не в переносном, а в буквальном смысле» [9, с. 20].

Статью другого немецкого автора, Мирьи Лекке, посвященную изображению Украины и Белоруссии в творчестве Куприна можно признать наиболее удачной работой иностранных авторов сборника на «украинскую тему» [6]. (Показательно, что в отличие от предыдущих статей, Украина как «другой» регион для конца XIX - начала XX вв. представлена Юго-Западным краем, а не Левобережьем. Однако, похоже, редакторы сборника не задумывались об изменчивости со временем границ внутреннего/внешнего). Но, хотя многие её выводы и наблюдения являются оригинальными и интересными, далеко не со всеми из них можно согласиться. В первую очередь, сложно солидаризироваться с одним из ключевых положений статьи – о колониальном дискурсе Куприна в изображении им Полесья и Западного края. Возможно, такой взгляд по отношению к еврейской теме в творчестве писателя не лишен справедливости, хотя картина тогда напоминает больше как раз случай внешней колонизации - с присутствием иноэтничного населения и колониальных чиновников³. Но выводы касательно полесских текстов и «Ямы» можно принять, лишь заменив в данном случае «колониальность» «модернизацией». Полесье в рассказах Куприна выступает глухим краем, где сохранился старинный, если не сказать, древний, традиционный уклад жизни. Рассказчик же презентует мир модерный, что и определяет ракурс изложения. Проблемы у полесских героев связаны именно с вторжением в их жизнь нового мира, конфликтующего с традиционным укладом бытия.

Для меня весьма иронично, что в описании результатов своего путешествия в прозу Куприна автор сама воспользовалась колониалистскими приемами — выдавая встреченные ею единичные описа-

³ Однако полное мое недоумение вызывает увиденные в «Жидовке» за эротическими мечтаниями военного врача (а не просто военного, как пишет М. Лекке) по отношению к красивой еврейке ассоциации с колонизационным покорением края. Автор, похоже, не учла, что в русском языке женщин и женские сердца — безотносительно к их этнической и государственной принадлежности — покоряют, пленяют, завоевывают. В таком случае, любые подобные мысли или действия по отношению к русским женщинам следует считать попытками внутренней колонизации? Почему бы не видеть за мечтаньями Кашинцева лишь мужские мечтанья, а за всем эпизодом лишь рассуждения о женской красоте?

ния за типичные и характерные и строя на этом какие-то «всеобщие» выводы. Подобные приемы активно употребляли британские путешественники по Африке в викторианскую эпоху [1, с. 173]. Так, на примере попа-стяжателя из «Запечатанных младенцев», М. Лекке заявляет, что «в фокусе критического внимания писателя — православное духовенство и через него — церковь в целом, идеологическая и политическая опора имперской власти на западной периферии страны» [6, с. 570]. Обобщение, на мой взгляд, довольно смелое и довольно безосновательное.

Статья М. Лекке представляет наиболее последовательное воплощение концепта внутренней колонизации по отношению к украинским землям. Эта последовательность приводит к тому, что здесь на эмпирическом материале проявляются те же претензии, которые предъявляются рецензентами к теоретической части сборника. Иначе говоря, «колонизация» здесь вызывает неприятие, но без особого труда воспринимается «модернизация».

Работа Мыколы Рябчука, единственного украинского автора сборника, представляет попытку анализа русско-украинских отношений через взгляд на них как на отношения колониальные [11]. Эта статья, хотя в ней и затронута историческая тема, имеет вполне злободневный характер. Её серьезным недостатком как текста о внутренней колонизации России и украино-российских отношениях в этой связи, является то, что она не о внутренней колонизации (в понимании редакторов сборника). М. Рябчук, конечно, отметил, что «Украина... принципиально отличается от колонизированных стран Азии, Африки и Америки тем, что различие между господствующей группой имеет здесь языко-культурный, а не расовый характер. Черной кожей для украинцев всегда был их «рабский»... язык; сменив этот «черный» язык на «белый», приняв предложенную им идентичность «хохла», они могли сделать какую угодно карьеру в Российской, а потом и Советской империи» [11, с. 452]. Но на этом отличия с классическими колонизированными странами закончились. И далее мы имеем, хотя и блестящий, но выполненный вполне в рамках традиционного подхода к колонизации, анализ взаимоотношений двух народов. В итоге, данная статья нам тоже ничем не может помочь в определении действенности и потенциала концепта внутренней колонизации России относительно украинской истории.

Таким образом, на уровне конкретных исследований внутренней колонизации (в понимании Эткинда) или не видно, или, в текстах, где она присутствует, можно легко обойтись и без нее. Украинский материал подтверждает выводы рецензентов о почти полном тождестве «внутренней колонизации» и «модернизации». Как мне кажется, главную ценность концепта для исследователя-историка хорошо подметила Е. Корчмина: «методом «от противного» он сработал: мое нежелание воспринимать этот термин порождает большое количество вопросов для моих собственных исследований» [10].

Однако, для историка неприятие данного концепта обуславливается скорее не «нежеланием», а невозможностью. Все рассмотренные статьи являются творчеством литературоведов в области истории и представлений о ней. С их результатами (исключая статью М. Рябчука, однако её сложно назвать полностью исторической) согласиться непросто. Непросто потому, что они не соответствуют прикладной истине цеха историков (в понимании её определения В. Вжосеком). Одна из причин этого несоответствия — отсутствие у авторов историчного мышления, альфой и омегой которого является контекстуальность и историчность. Данные работы стали подтверждением необходимости междисциплинарного подхода при изучении предметов, лежащих на стыке дисциплин — в данном случае истории и литературоведения. Одних литературоведческих методов оказалось явно недостаточно для изучения поставленных авторами проблем.

Все это ставит более широкий вопрос — об этике междисциплинарного исследования. Филологи вторглись на «чужое» поле. Плохого, естественно тут ничего нет, тем более поле истории широкое и места хватит всем. Однако, при «вторжении» они не вооружились соответствующим познавательным инструментом. И, вторгшись, не заметили распаханности поля: оторванность от контекста продемонстрировала незнакомство коллег-гуманитариев с основной исторической литературой. Об этом же свидетельствуют и списки использованных ими печатных текстов. Так, Г. Киршбаум, рассуждающий о казачьей теме, основой своих воззрений имеет учебные пособия М. Астапенко «Донские казаки 1550—1920» и «Казачий Дон. Очерки истории. Часть І» под ред. А. П. Скорика (объемом — 141 и 192 страницы соответственно), а также монографию Т. Барретта о терском казачестве. И с этим багажом, им без всяких сомнений

и оговорок, рассматривается проблема изображения и восприятия А. С. Пушкиным украинских казаков! Аналогично, В. Киселев и Т. Васильева, изучая образ Украины, а вместе с ним и образ местного казачества, из работ по казацкой истории ссылаются лишь на труд Н. Стороженко про малороссийских казаков-крестьян XIX в. (1897) и англоязычное издание книги 3. Когута (1988). Не мудрено при таких «широких знаниях» спутать запорожца с малороссийским казаком, а Гетманщину смешать воедино со Слобожанщиной и Запорожьем. М. Лекке для изучения истории Юго-Западного края хватило трилогии Д. Бовуа (который, между прочим, специально оговорил свой отказ от изучения еврейской проблематики в книге) и коллективного труда под редакцией М. Долбилова и А. Миллера «Западные окраины Российской империи»¹. Кроме такой «обширной» историографической базы бросается в глаза и другое: работая с украинским материалом, авторы сборника совершенно игнорируют вопрос о том, как сами украинцы видят свою историю; демонстрируют полное равнодушие к серьезным наработкам современной украинской гуманитаристики. Чем не колонизаторский подход, когда мнение туземцев в расчет не принимается совершенно!

И сам концепт внутренней колонизации России, и его воплощение в «украинских» статьях напоминают колос на глиняных ногах. Рассуждения о важных и пространных проблемах повисают в воздухе, не находя опоры в конкретно-историческом материале. Более того, авторы почти и не пытаются опереться на этот материал. Метафора превращается лишь в игру слов². В итоге, «историческая

¹ Без сомнения, эти две работы вполне презентабельны. Однако, показательно, что автор из «Западных окраин» сослалась лишь на раздел «Политика «русского дела» в западных губерниях в 1863—1868 гг.». Это при том, что Куприн в своем творчестве изображает более поздние времена.

² То, о чем говорил В. Бобровников: «Внутренний колониализм, по признанию редакторов сборника – не просто концепция, но и метафора жестокого, бесчеловечного отношения к подчиненным общественным группам со стороны государства. Метафоричность — это хорошо, но и опасно. Я хорошо понимаю, как можно работать с метафорой в качестве объекта изучения, но метафора как научный метод исследования мне неясна. Особенно если метафоричность уходит в игру слов — тогда это уже никуда не годится» [10].

некомпетентность» филологов заставляет задуматься — а не является ли сам концепт «внутренней колонизации» также всего лишь её результатом. Ведь у историков получается результативно изучать процессы и явления, внимание на которых фокусирует сборник, и без него. А у литературоведов — с ним — не вышло.

Библиографические ссылки

- 1. *Афанасьева А. Э.* Африканцы в отчетах викторианских врачей и путешественников: «научное знание» и культурные мифы / А. Э. Афанасьева // Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики / Отв. ред. Л. П. Репина. М.:, 2006.
- 2. *Гундорова Т.* «Внутрішня колонізація» повторна колонізація / Т. Гундорова // Критика, 2011 N = 9 10.
- 3. Журба О. И. «Внутренняя колонизация» и освоение прошлого имперских регионов / О. И. Журба // Российская империя в исторической ретроспективе Белгород, 2013. Вып. VIII.
- 4. *Киршбаум Г.* Двойной ориентализм казачьей темы в творчестве А. С. Пушкина / Г. Киршбаум // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России. М., 2012.
- 5. *Кисилев В*. «Странное политическое сонмище» или «народ, поющий и пляшущий»: конструирование образа Украины в русской словесности конца XVIII— начала XIX века / В. Кисилев, Т. Васильева // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России.— М., 2012.
- 6. Лекке М. Внутренние колонии пестрые окраины: Украина и Беларусь (Малороссия и Белороссия) в произведениях А. И. Куприна / М. Лекке // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России. М., 2012.
- 7. *Литвинова Т.* «Глобус России» не должен превратиться в историографическую реальность / Т. Литвинова // Российская история. -2013. -№ 4.
- 8. *Малахов В*. Бритые и бородатые [рец. на: Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России. М., 2012.] / В. Малахов // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.strana-oz.ru/2013/5/britye-i-borodatye# ftnref4
- 9. *Панченко Д. В.* Личности свойственно некоторое благородство / Д. В. Панченко // Одиссей: Человек в истории. 1990 М., 1990.
- 10. Россия как колония [стенограмма обсуждения книги «Там, внутри: практики внутренней колонизации в культурной истории России»] // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://polit.ru/article/2013/01/03/colonization/

- 11. *Рябчук М.* Русский Робинзон и украинский Пятница: особенности «ассиметричных» отношений / М. Рябчук // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России. М., 2012.
- 12. Сенковский О. Рец. на кн.: История Малороссии Николая Маркевича. М., 1842. Четыре части / О. Сенковский // Библиотека для чтения СПб., 1843. Т. 56.
- 13. Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России. M., 2012.
- 14. *Храмов А.* Империя, свались с наших плеч [рец. на кн.: Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России.— М., 2012.] / А. Храмов // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.russ.ru/pole/Imperiya-svalis-s-nashih-plech
- 15. Эткинд A. Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением / A. Эткинд, Д. Уффельманн, И. Кукулин. // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России. M., 2012.

УДК 930.25

О. І. Журба

Дніпропетровський національний університет ім. Олеся Гончара

РЕЦЕНЗІЯ НА РЕЦЕНЗІЮ, АБО АРХІВОЗНАВЧЕ КІЛЛЕРСТВО

(з приводу рецензії К. Климової на книжку І. Матяш)1

В центрі уваги — проблеми етики і професійної культури рецензування наукової продукції. На прикладі гострокритичної рецензії К. Климової на книжку І. Матяш представлені і проаналізовані можливі стратегії та прийомі заангажованого рецензування, серед яких важливе місце посідає нав'язування автору дослідницької програми рецензента, небажання уявити цільову аудито-

[©] Журба О. І., 2014.

 $^{^{\}scriptscriptstyle 1}$ Написано у жовтні 2012 р. Вперше опубліковано 30 вересня 2013 р. на сайті http://historians.in.ua

рію видання, позаконтекстуальна критика тексту, безапеляційна впевненість у правильності власного мислення. Особлива увага приділена представленню і легітимації ролі і місця історіографічного методу у репрезентації наукового, в тому числі й архівознавчого знання.

Ключові слова: архівістика, архівознавство, архівна думка, професійна етика історика, культура рецензування, історіографічний метод.

В центре внимания — проблемы этики и профессиональной культуры рецензирования научной продукции. На примере острокритической рецензии Е. Климовой на книжку И. Матяш представлены и проанализированы возможные стратегии и приёмы заангажированного рецензирования, среди которых важное место занимает навязывание автору исследовательской программы рецензента, нежелание представить целевую аудиторию издания, внеконтекстуальная критика текста, безапелляционная уверенность в правильности собственного мышления. Особенное внимание уделено представлению и легитимации роли и места историографического метода в репрезентации научного, в том числе и архивоведческого знания.

Ключевые слова: архивистика, архивоведение, архивная мысль, профессиональная этика историка, культура рецензирования, историографический метод.

The article focuses on issues of ethics and professional culture of scientific production reviewing. The example of very critical review of I. Matias` book by E. Klymova is used to present and analyze the possible strategies and techniques of biased reviewing. Among them an important place belongs to imposing of the research program of the reviewer to the author, the reluctance of the critic to submit the target readership, out of context critics of the text, peremptory believe in correctness of own ideas and thinking. Particular attention is paid to the representation and legitimation of the role and place of the historiographical method in representation on scientific (including archive studies) knowledge.

Key words: archive studies, archivistics, archival thought, professional ethics of the historian, culture of reviewing, historiographical method.

Підготовка кваліфікованих фахівців за спеціальністю «архівознавство», як і кожної галузі знань і практичної діяльності потребує відповідного, в тому числі й методичного забезпечення. Поява на межі XX–XXI ст. серії архівознавчих видань для вищої школи (підручник, хрестоматія та нариси з історії архівної справи) знаменувала створення дидактичного каркасу підготовки вітчизняних архівістів. Не вдаючись до детального огляду достоїнств та прорахунків проекту, зазначу, що вони на українському освітньому просторі зробили

доступними для широкого зацікавленого загалу рідкісні і малотиражні тексти, узагальнили і представили рівень уявлень вітчизняних фахівців щодо предмету, завдань, структури, теорії та історії архівної науки, організації системи архівів і технологій архівної праці. Проте, серед невирішених завдань репрезентації архівознавства залишилися проблеми теорії та методології наукової дисципліни, історії архівної думки та осягнення міжнародного архівознавчого контексту. Саме на їх висвітлення і націлена книжка І. Б. Матяш, яку 2012 р. випустив Видавничий дім «Києво-Могилянська академія» [2]. Видання було прихильно зустрінуто архівною громадськістю і, починаючи з презентації 17 травня 2012 р., відправилося у самостійне, незалежне від авторської волі життя, очікуючи зустрічей з читачами, їх уявленнями, професійними запитами, морально-етичними настановами, художніми смаками.

Але, ще не встигли викладачі і студенти з початком навчального року взяти до рук нову книжку, як вже у вересневому числі «Архівів України» з'явилася надто специфічна рецензія колишньої колеги і підлеглої І. Матяш по УНДІАСД К. Климової [1], до речі, одного з учасників (разом з І. Матяш) проекту створення згаданої серії підручників.

Ознайомлення з текстом К. Климової здатне заінтригувати, бо рецензент з перших же рядків демонструє безкомпромісність своїх підходів, націленість на прискіпливу і непримиренну критику, повне несприйняття авторських позицій, змістовного наповнення, способів і стилю викладу. Все це не може не привернути увагу тим більше, що з рецензійним жанром на українських гуманітарних просторах далеко не все гаразд через його майже повну неспроможність виконувати експертні та прогностичні завдання, через острах фахівців порушувати власний і чужий спокій і комфорт, потрапити в конфліктну ситуацію, небажання висловлювати і відстоювати власну позицію. Але зовсім не завжди жорсткість у підходах до рецензованого тексту тотожна принциповості, самовпевненість сміливості, а суперкритичність науковості.

Сказати, що рецензія К. Климової жорстка – нічого не сказати, бо справа не в жорсткості. Рецензія вбивча (й не лише для книжки І. Матяш, але й для самого рецензента) через прокурорський тон, безапеляційні судження, неадекватну впевненість і віру у володіння сакральним знанням, яке недоступне іншим, через численні пере-

смикування і підміни понять, логіки викладу автора, приписування йому того, що хоче почути рецензент. Нарешті через ту вихідну позицію, яка декларується з першої ж сторінки: «Зазвичай кожна рецензія на наукову працю розпочинається з характеристики позитивних аспектів, окреслення особистого внеску (тут і далі всі підкреслення і курсиви, окрім оговорених спеціально, належать К. Климовій) Автора у дослідження теми. Ми свідомо залишаємо за рамками нашої рецензії глорифікаційні моменти і віддаємо їх на відкуп вправним рецензентам, які нерідко пишуть на замовлення лише схвальні відгуки».

Як правило, добросовісний рецензент намагається як у критичній, так і у «фанфарній» частині виходити із розуміння задуму автора. Для К. Климової ж, як бачимо, це завдання знято, причому знято і декларативно, і свідомо. Це маніфест: «Авторський задум нас не цікавить!» В такому випадку, як же бути з дослідницькою програмою, яку рецензент нав'язує автору навчального посібника, вимагаючи від нього представлення «власної системи поглядів, новаторських методологічних підходів до висвітлення теоретичних засад архівістики» (с. 197)?

Що ж до замовлення, то замовними можуть бути не лише схвальні писання. Різниця лише в тому, що в першому випадку їх автор нагадує придворного підлабузника, а в іншому — кіллера. Яку роль добровільно взяла на себе К. Климова здогадатися не важко. Важко лише буде переконати читача у тому, що рецензована рецензія має якесь відношення до академічної дискусії, навіть не зважаючи на слушні зауваження, вірно підмічені помилки, змістовні спостереження.

Але спочатку придивимося до «зброї», з якою відважний рецензент нещадно нищить свого навіть не опонента, а, здається, особистого ворога.

Протягом всієї більш ніж двадцятисторінкової рецензії з наполегливою послідовністю відмовляючи авторові в найменшій самостійності аж до радісних відкриттів його плагіаторських схильностей, рецензент раптом приписує І. Матяш оригінальні відкриття з історії архівної думки Франції і Росії одночасно. З урахуванням того, що автор послідовно вказує на джерела своєї поінформованості, ми спостерігаємо унікальний феномен, коли у процесі пристрасного конструювання рецензованого тексту, К. Климова опинилася в ролі (гадаю, несвідомої і неочікуваної для неї самої) плагіатора текстів відомих архівознавців на користь обвинувачуваної І. Матяш, за що остання, навряд чи повинна бути їй вдячною.

К. Климова

С. 199–200. «Може викликати подив і той факт, що історію архівістики Франції *Автор починає* (курсив мій – *О. Ж.*) з 14 ст..., витоки архівної науки в Росії окреслює початком 17 ст., разом з тим, формування і розвиток архівної науки на українських теренах пов'язує з початком 20 ст.».

I. Матяш

С. 189. «Перші вказівки щодо організації королівського архіву та каталоги і реєстри документів державного значення з'явилися ще у XIV ст. ...Тим самим було зроблено перший крок до наукового осмислення діяльності архівів» [посилання на роботи О. Водолажченко і Н. Бжостовської].

С. 262. «Існують версії датування витоків архівної науки (в Росії. — О. Ж.) часом укладання перших описів архівних документів... у 1614—1615 рр.» [посилання на роботу Т. Хорхордіної].

Природа цього феномену проникливо сформульована самим рецензентом у вигляді назви одного з сюжетів свого тексту: «Передбачувані очікування». Той, хто знайомий з механізмами сприйняття мандрівниками інших країн, культур, народів, розуміє, що оптика спостереження нового нерідко фокусується на знаходженні знайомого, підтвердженні освоєного, впізнаванні вже прочитаного, очікуванні очікуваного. Одначе, в такому разі виникає цілком природне запитання: «Наскільки такі спостереження адекватні, та чи можна їм безумовно довіряти?».

Порівняймо:

К. Климова

С. 200: «...невеликий абзац відведено діяльності губернських учених архівних комісій, які, на переконання Автора, заклали «підґрунтя для зародження архівознавства» і з діяльністю яких пов'язує імена корифеїв історичної науки: М. Владимирського-Буданова», М. Іванишева, В. Іконникова, І. Каманіна, О. Левицького, I. Новицікого та ін. Виникає питання: з якими ГУАК «тісно пов'язана» діяльність Миколи Дмитровича Іванішева (1811-1874) та Івана Петровича Новицького (1844–1890), якщо вони померли до створення цих комісій?

І. Матяш

С. 347: «Підгрунтя для зародження українського архівознавства було закладено діяльністю губернських учених архівних комісій щодо збирання, упорядкування і публікації архівних документів, з якою тісно пов'язані імена корифеїв історичної науки: M. Владимирського-Буданова», M. Іванишева, В. Іконникова...».

Справді, можливо І. Матяш, варто було б чіткіше побудувати складне речення, особливо передбачаючи такого «доброзичливого» рецензента, певним чином налаштована оптика якого не змогла чи не захотіла зрозуміти авторського змісту, де імена корифеїв пов'язуються з діяльністю «щодо збирання, упорядкування і публікації архівних документів», властивою й губернським ученим архівним комісіям. Рецензент же вирішив, що текст краще переказати по-своєму, змінивши зміст і акценти так, щоб він працював на «генеральну лінію».

Рецензенту здається, що він переконливо доводить суперечливість позицій автора щодо пріоритетів у визначенні поняття «архів» (с. 201). І. Матяш в цьому питанні підтримала думку Т. Хорхордіної, що перша наукова дефініція належить В. Татіщеву (1740-х рр.), але, дещо пізніше, в розділі про розвиток архівної науки у Франції зазна-

чила, що Б. Боніфацій століттям раніше дав дуже схоже визначення. Якось незручно нагадувати, що мова йшла про різні країни з різними темпами розвитку архівної думки, а тому пріоритети можуть мати не лише глобальний, але й національний та регіональний вимір, що цілком зрозуміло з контексту, з якого рецензент старанно вилучає фрагменти авторського тексту.

Одним з, треба погодитися, ефектних і ефективних прийомів критики, стало нав'язування книжці невластивих їй видових особливостей. Точніше, небажання рецензента зрозуміти специфіку видання, яке автор виконала у вигляді навчального посібника для студентів вузів (що й зазначено на титульному аркуші поряд із грифом МОНмолодьспорту), але поряд з тим поставила перед своєю працею низку цілком дослідницьких завдань, притаманних монографічному твору. Саме тому книжка не вписується в прокрустове ложе стереотипних уявлень про те як треба писати (виходить щось трохи більше ніж посібник, але дещо недомонографія), не відповідає, як на тому наполягає рецензент, і «канонічним вимогам до такого специфічного виду видань як навчальні посібники» (с. 198).

Я, щиро заздрю К. Климовій, яка не має сумніву, бо оволоділа, опанувала, засвоїла і, треба думати, невдовзі реалізує це сакральне знання в чомусь, що, безумовно, перевершить всі зусилля І. Матяш. У впевнених людей немає сумніву з приводу своєї поведінки і способу життя, у впевнених науковців – в правильності мислення й писання. Заздрю щиро і по-білому, але наслідувати не прагну і нікому не раджу... Проте, наважуся нагадати, що ми живемо у часи дисциплінарної кризи образів традиційних, що оформилися наприкінці XIX – на початку XX ст., галузей знання, що між-, інтер-, трансдисциплінарність стають нормою і наукового мислення, і стилю писання. А тому, вимога до автора притримуватися «канонів» і не виходити за їх межі звучить, щонайменше як суворий оклик ігумені, схвильованої життєвими проявами серед своїх підлеглих. До речі, про які «канони» може йтися, коли український освітній простір намагається орієнтуватися на світові освітні стандарти, на стандарти Болонського процесу, де серед пріоритетів – авторський, творчий підручник, в якому дослідницька компонента повинна займати помітне місце?

Порушення канонів, «усталених традицій» (с. 210), «некодифікованих правил» (с. 209), які інкримінуються тексту І. Матяш, спираються ще на одну підміну, яка проводиться через усю рецензію.

На самому початку К. Клімова (с. 197), зазначила суперечливість видової визначеності книжки. З цим, певною мірою, можна було б і погодитися, але не лише як з інвективами на адресу автора, який, обираючи стратегію, виконав текст на межі видової належності, що, зрозуміло, й визначило не лише розширення можливостей, але й певні обмеження й ризики.

А тому до розгляду книжки рецензенту варто було б обирати оптику, прилаштовану для аналізу видань як дослідницького, так і дидактичного характеру, не говорячи вже про складність розбору тексту, де видова приналежність синтетична.

К. Климова ж послідовно, протягом всієї рецензії вибудовує шерег вимог, претензій до рецензованої книжки, виходячи виключно з її монографічної, академічної природи. Саме тому, вона, як переконує нас рецензент, повинна вирішувати суто дослідницькі завдання. Це дуже яскраво простежується у видовому номінуванні посібникамонографії. К. Климова в своєму тексті немовби гіпнотизує читача, 16 разів називаючи текст «монографією» (с. 197, 198 (3), 201, 204 (2), 205 (2), 206, 208, 209 (2), 210, 211, 217), тричі — «академічним виданням» (с. 203 (2), 206), двічі — «дослідницьким текстом» (с. 209). Лише двічі, на першій і останній сторінках рецензії книжка названа так, як її замислив сам автор — посібник, розрахований насамперед для студентів вузів. Мета такої, якщо не підміни, то штучно вибудуваної оптики рецензента очевидна.

Підсумовуючи сказане, рецензент робить не висновок, а виносить вирок, який сам і виконує. Апеляції не приймаються. Задля впевненості звучить контрольний постріл: «дане видання є «найнепотрібніший» посібник для студентів вищих навчальних закладів» (с. 219).

Категорично не погоджуюся з рецензентом, насамперед тому, що українське архівознавство, стаючи на ноги і потроху набираючи сили, не може собі дозволити громадянської війни, яку розпочала редколегія «Архівів України». Крупних, серйозних, оригінальних праць, орієнтованих на продукування теоретико-методологічного архівного знання — обмаль. Однією з причин цього є герметичність вітчизняної архівної думки, а одним з виходів — засвоєння світового досвіду, вивчення історії, в тому числі теорії і методології архівознавства, нарощування теоретичних м'язів кадрового потенціалу. Продуктивним і перспективним для вирішення цих завдань пред-

ставляється історіографічний підхід, який став основним інструментом для написання книжки І. Матяш, коли формування архівної думки і становлення архівознавства як галузі знань, в таких значних масштабах ефективно можна було представити тільки через архівістичну історіографію другого рівня. Більше того, вважаю такий підхід не лише ефективним дослідницьким, але й дидактичним прийомом, коли студенти не стільки одержують готові для використання положення, принципи, методи та прийоми архівознавства, скільки набувають можливість спостерігати архівну думку у динаміці, занурюватися в процес її вироблення, включатися у наукові суперечки щодо неї. Мабуть в цій площині й знаходиться відповідь і на питання щодо виду видання: воно на перехресті дидактичного та монографічного характеру. Про це автору варто було б заявити відверто і голосно. Така книжка передбачає наявність достатньо підготовленої аудиторії, яка, щонайменше розуміє завдання історіографії архівознавства не лише як складання переліків відповідних праць, не лише як аналіз творів, присвячених вивченню архівознавства, але й як важливий інструмент репрезентації та вивчення самої дисципліни.

Такий історіографічний підхід, який, до речі, чітко задекларований автором (с. 13), викликав у рецензента зливу звинувачень у монтуванні книжки із різних текстів, у плагіаті, у компілятивності, у відсутності власної думки. Безумовно, не викликає сумніву, що «усталеною традицією, якою дотримуються дослідники, є подача в тексті і примітках лише тих праць, які особисто опрацьовані автором» (с. 210). Але, розширю професійні горизонти рецензента, історіографічний метод дозволяє вирішувати завдання не лише у звичний спосіб.

Особливо продуктивними і перспективними історіографічні підходи можуть бути в дидактичних працях та великих дослідницьких проектах, де осягнути проблематику вдається лише історіографічним методом. На мій погляд, книжка І. Матяш значно виграє у порівнянні із підручником з архівознавства 2002 р., (одним з його авторів була й К. Климова), де знання надавалися студентам у готовому вигляді, без історіографічної проробки. Тут же бачимо намагання автора представити процес у динаміці пошуку вирішення нагальних проблем, становлення і розвитку архівної думки, наукових дискусіях.

Історіографія другого рівня, генерує таку пізнавальну ситуацію, коли розгляд, представлення, дослідження об'єкта відбуваються під кутом зору історії його вивчення, що, з одного боку, створює можливість відсутності безпосереднього вивчення об'єкта, а з іншого, дозволяє уявити як, в нашому випадку, історію архівної думки, так і історію її вивчення. Таке складне завдання, не обтяжені історіографічною культурою письменники, нерідко сприймають за компілятивністю, підтримуючи таким чином стереотипи щодо дивної простоти проблемної історіографії. До речі, ці уявлення знаходять свою реалізацію у бурхливому зростанні дисертацій з проблемної історіографії, яка багатьом здається комфортним порятунком від копіткої архівної роботи та від прискіпливих, які вимагають високої професійної підготовки, студій з історії, теорії, методології галузей наукового знання.

Значно простіше все це оголосити компіляцією, не замилюючись над призначенням такого підходу. Причому, намагаючись бути максимально жорсткою у формулюваннях, К. Климова втрачає елементарне відчуття, не такту навіть (про це й не йдеться), а простої міри адекватності власних оцінок. Підсумовуючи розгляд другого розділу книжки, присвяченого зародженню європейської архівної думки та її розвитку в п'яти обраних автором національних архівознавчих регіонах, рецензент зазначає: «Історико-компаративний підхід у вивченні зарубіжного та вітчизняного архівознавства підмінений коротким реферуванням праць архівістів та висвітленням подій архівного життя... окремо взятої країни (с. 189–384)» (с. 199). Придивіться уважніше до вказаних сторінок. Навіть якщо це й реферування, то назвати його «коротким», коли розмова про 200 сторінок тексту, можна тільки при наявності дуже великої фантазії.

Емоційний вплив на читача (цікаво для якої цільової аудиторії створювався текст рецензії), який шукає підтверджень численних обіцянок викривання плагіату, повинні відігравати парні таблички, в яких зазвичай наводяться випадки повної тотожності текстів різних авторів (с. 212–217). Але, елементарна перевірка змісту цих табличок засвідчує, що ситуація плагіату створюється рецензентом цілком штучно. По-перше, І. Матяш посилається на використані праці, але рецензент приховує цей факт, створюючи враження суцільної глухоти запозичень. По-друге, у випадку використання робіт О. Кальсіної, для представлення розвитку французького архівознавства заува-

жу, що автор заздалегідь, іще у передмові говорила про це (с. 8–9). По-третє, навряд чи можна вважати плагіатом використання нами кириличних літер, або банальної, засвоєної інформації, яка втрачає авторство у перенасиченому науковому інформаційному просторі. Тому не можна без іронії сприймати звинувачення в плагіаті на тій підставі, що фраза: «Коронну метрику було вивезено до Росії, у XX ст. повернуто до Польщі» майже повністю співпадає з відповідним фрагментом з «Української архівної енциклопедії» (с. 217). Таку відповідь К. Климова могла б почути навіть від своїх студентівзаочників, які складають іспит з історії архівної справи.

Поява книжки І. Матяш, безумовно, вже стала подією в науковому житті. Подією не безспірною, дискусійною, сміливою, трохи поспішно зробленою, бо з низкою зауважень рецензента важко не погодитись, але **першою** крупною вітчизняною роботою такого масштабу на такому незасвоєному просторі.

Книжка І. Матяш розпочала жити і як підручник, вводячи в світ архівної науки студентів, розширюючи ерудицію та уявлення викладачів. Звичайно, такій книзі потрібен свій рецензент, але зацікавлений не в знищенні опонента, а у зміцненні і розвитку вітчизняного архівознавства.

За наявністю представленого і систематизованого матеріалу з проблем теорії і методології архівознавства, розвитку світової архівної думки та висвітленні ролі міжнародних архівних установ у розвитку цієї сфери життя і наукової галузі ця праця не має рівних на архівознавчих полях України. Книжка дуже корисна за своїм інформаційним бібліографічним потенціалом, бо переважна більшість профільної літератури малотиражна і стає бібліографічної рідкістю майже відразу по виході. Нема чого говорити й про те, що ознайомлення з іншомовною літературою буде корисним і з дидактичних, і з науково-еврістичних міркувань.

Саме тому, що книжка І. Матяш має претензію стати і стає важливим архівознавчим та історіографічним фактом, вона привертає до себе особливу увагу і, звичайно, потребує і глибокої концептуальної дискусії, і суворої критики, і альтернативних наукових пропозицій, і уважного редакторського ока.

Але, на жаль, рецензія К. Климової з її критичним запалом, порушуючи важливі питань (від коректності інтерпретацій текстів до проблем українського перекладу архівознавчих праць зарубіжних

фахівців), на мій погляд, знаходиться поза межами академічного дискурсу, насамперед, через неготовність її автора (професійну чи особистісну) враховувати морально-етичну складову професійної діяльності, в тому числі, а можливо й особливо, експертно-рецензійної.

Бібліографічні посилання

- 1. Климова К. І. Архівна наука в Україні: «період випробувань» / К. І. Клімова // АУ. – 2012. – № 5.
- 2. Матяш І. Б. Архівознавство: методологічні засади та історія розвитку / І. Б. Матяш. – К., 2012.

УДК 930.1 (42+47)

Т. В. Войнеховська

Дніпропетровський національний університет ім. Олеся Гончара

МОЖЛИВОСТІ ПОРІВНЯЛЬНОЇ ІСТОРІОГРАФІЇ В ДОСЛІДЖЕННІ СЕРЕДНЬОВІЧНОГО ІСТОРІОПИСАННЯ

Рец. на кн.: Гимон Т. В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование / Т. В. Гімон. - М.: Русский Фонд содействия образованию и науке, 2011. - 696 с.

Розкрито ключові ідеї монографії Т. В. Гімона «Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование». Історик обгрунтовує системну і типологічну подібність анналів та літописів, які ϵ фактично одним видом історичного джерела. Підкреслено важливе місце представленого дослідження у розвитку компаративної історіографії та джере-

[©] Войцеховська Т. В., 2014.

лознавства, у поглибленні розуміння особливостей роботи середньовічного книжника.

Ключові слова: компаративістика, Т. В. Гімон, історіописання, аннали, літописи, англо-саксонська Англія, Давня Русь, книжна культура.

Раскрыты ключевые идеи монографии Т. В. Гимона «Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование». Историк обосновывает системное и типологическое сходство анналов и летописей, которые являются фактически одним видом исторического источника. Подчеркнуто важное место представленного исследования в развитии компаративной историографии и источниковедения, в углублении понимания особенностей работы средневекового книжника.

Ключевые слова: компаративистика, Т. В. Гимон, историописание, анналы, летописи, англо-саксонская Англия, Древняя Русь, книжная культура.

The article is the review of T. Gimon's work «The Writing of History in Early Medieval England and Ancient Rus: The Comparative Study», it discloses key ideas and specific methodology of this research. The historian justifies systematic and typological similarity of English annals and chronicles of the Rus – their comparison allows him to claim that actually they represent one kind of historical source. Two main problems, successfully studied in the work of Gimon, are the role of writing and historical knowledge in medieval societies at one side, and methods and techniques of medieval scribes work at other side. T. Gimon also claims that knowledge about British chronicles can enrich rather scanty information about practices of Rus history-writers. The importance of research of T. V. Gimon in the development of comparative historiography and source study, and in deepening of understanding of the work of a medieval historian are underlined.

Key worlds: comparative studies, T. V. Gimon, historical writing, annals, chronicles, Anglo-Saxon England, ancient Russ, the book culture.

Компаративістика є досить перспективним та популярним напрямом дослідження в гуманітарних науках. Сутність компаративного аналізу полягає в формулюванні загальної характеристики об'єктів які порівнюються, виділенні критеріїв порівняння, пошуку спільного/відмінного і пояснення виявленої специфіки. Завдяки подібному методу, дослідження стають більш продуктивними, а сама форма вивчення привертає увагу нестандартним та оригінальним підходом до справи.

«Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси» ϵ одним з перших досліджень у форматі компаративного джерелознавства та історіографії. У книзі Т. В. Гімона, спеціаліста з середньовічної історіографії, текстології і кодикології, співробітника

історичного факультету університету Д. Пожарського представлена спроба систематичного, фронтального зіставлення пам'яток історіописання Давньої Русі та англо-саксонської Англії. Це дослідження є по суті узагальнюючим підсумком попередніх робіт автора з середньовічного літописання і займає важливе місце у його творчому доробку.

Автор поставив за завдання порівняти форми історичних творів двох різних культур, створених синхронно. Часом відліку обрано дату християнізації Англії та Київської Русі (597 р. та 988 р. відповідно), що пояснюється зародженням і поширенням письмової культури. Кінцевою хронологічною межею для Англії є 1066 р. – рік норманського завоювання, що традиційно вважається важливою віхою в історії країни, яка безпосередньо вплинула на централізацію політичної влади, будову державного апарату, а також визначила абсолютно новий виток розвитку книжної культури. Для Давньої Русі 1400 р. – це умовне закінчення пергаментного періоду писемності.

Робота Т. В. Гімона базується на двох популярних сюжетах дослідження в сучасній медієвістиці: з одного боку, розглядається роль писемності в середньовічних суспільствах та соціальні функції конкретних видів текстів, а з іншого — детально реконструйована робота середньовічних книжників. Методологічною основою роботи стало залучення палеографічних, текстологічних, кодикологічних, лінгвістичних та інших підходів.

Особливість монографії – прагнення знайти відповіді на складні питання історіописання Давньої Русі за допомогою співставлення з корпусом англійського матеріалу, який краще зберігся. Звісно, пряма екстраполяція суджень, отриманих з дослідження англійської історіографії неможлива, проте, здобуті висновки щодо типологічно схожого комплексу давньоруського літописання є досить важливими. На думку автора, порівняння коректне з ряду причин: жителі англо-саксонської Англії і Давньої Русі сприйняли писемність і ряд богослужебних та літературних текстів ззовні (від Римської церкви та кельтів і Візантії та Болгарії відповідно); після прийняття християнства в Англії та Русі склалася розвинута писемність на мові, близькій до розмовної; через географічне розташування прямий вплив однієї традиції на іншу є малоймовірним. Отже, виявлення паралелей в корпусі письмових пам'яток ранньосередньовічної Англії

та Русі стає одним з можливих шляхів для порівняння власне самих суспільств, які створили ці тексти.

В монографії Т. В. Гімона до «історіописання» віднесені будьякі тексти, в яких у хронологічному порядку розповідається про події — від простого їх переліку до розгорнутих і літературних розповідей. Такі типи пам'яток, як агіографічна література, біблейські тексти і коментарі до них, поминальні джерела, зразки героїчної та іншої поезії, синодики, актові і законодавчі матеріали залишаються поза увагою дослідження, оскільки їх розгляду доцільно присвятити окремі роботи.

Текст монографії складається двох частин: форми історіописання в Англії та на Русі та середньовічний літописець за роботою. В першій частині автор ставить задачу виявити подібне та відмінне в самому комплексі пам'яток. Перший розділ знайомить читача з загальним контекстом — політичним, церковним, початками письмової культури, мовною ситуацією та матеріалами для письма в Давній Русі та Англії до 1066 р. Наведений огляд конкретних видів текстів свідчить про те, що давньоруська і англо-саксонська письмові культури мають подібний жанровий репертуар, а число рукописних книг, які збереглися є коректним для порівняння.

Другий розділ присвячений порівнянню англійських анналів та давньоруських літописів за такими критеріями: внутрішня форма (структура тексту), зовнішній вигляд рукописів, тематика повідомлень і статус та особа автора. Розпочинається розділ із визначення термінів «аннали», «хроніки» та «літописи». Англійські аннали як форма історіописання є відповідниками давньоруським літописам, тоді як хроніка - вища форма історіографії, характерна для пізнішого історіографічного періоду. Т. В. Гімон приходить до висновків, що в основі анналістики\літописання лежав зв'язний текст по «вітчизняній історії», який не мав порічної розбивки та короткі аннали, які виникли як приписка до цього тексту («Церковна історія народу англів» Беди Вельмишановного та Найдавніше сказання). Особливістю англо-саксонського історіописання, порівняно з давньоруським, ϵ те, що хронологічна, мовна, текстологічна і стилістична дистанція між « Церковною історією» Беди та Початковими анналами набагато більша чим між Найдавнішим сказанням і ПМЛ.

Третій та четвертий розділи присвячені конкретному зіставленню, більш ширших ніж аннали та літописи, так званих розлогих

текстів. Це спроби створення всесвітньої історії шляхом компіляцій чи перекладу зарубіжних історичних творів, твори про початкову історію держави та її християнізацію, місцеву церковну історію та біографії правителів. Окреме місце займають інші спроби писання «зв'язної» історії, проаналізовані на прикладі хроніки Етельвеарда, історичної компіляції Бірхтферта та Галицько-Волинського літопису. Вид цих пам'яток значно відрізняється від анналів та літописів і більше наближається до хроніки. Автор вважає, що так звані «малі» форми історіописання є майже повністю тотожними, за винятком літописних записів на сторінках книг та стінах соборів, що є характерним лише для Давньої Русі.

Друга частина монографії розповідає про процес роботи середньовічного книжника на англійських (розділи 5–8) та давньоруських (розділ 9) матеріалах. Для дослідження роботи англійського анналіста Т. В. Гімон використовує палеографічні і кодикологічні (аналіз зовнішньої форми), порівняльно-текстологічні (подібне і відмінне між текстами, які збереглися) методики, які основані на внутрішньому аналізі тексту літописних статей. У розділах 6 – 8 досліджується питання роботи літописця, зокрема: ведення порічних записів, складання зводів, редагування і копіювання, внесення виправлень в уже написаний текст. Автор вивчає особливості зміни почерку, стиль написання (що разом складають поняття «палеографічна межа»), розліновування рукопису, спосіб оформлення заголовків річних статей, виявлення замовчувань, порівнюючи з іншими типологічно і хронологічно близькими джерелами.

В дев'ятому розділі розглядається робота давньоруських літописців, у світлі англо-саксонських паралелей. Адже на вітчизняному матеріалі таке дослідження зробити досить важко, через гірший стан збереженості комплексу текстів та малої кількості «живих рукописів». В цьому ж розділі розглядається процес створення Новгородського літопису (ХІІ–ХІІІ ст.). Завдяки ретельному вивченню цієї пам'ятки, при читанні книги може скластися враження, що дослідник знаходиться за спиною давньоруського книжника, настільки детально та яскраво описані всі види трансформацій, що відбувалися з рукописом. Т. В. Гімон приходить до висновків, що Новгородський літопис являє собою типовий «живий літопис», який час від часу поповнювався новими записами. Книжники порівняно небагато запозичували з зовнішніх джерел, а процес підбору та висвітлення ін-

формації безпосередньо залежав від замовника, тобто князя, який знаходився при владі.

Важливою проблемою, яка піднімається в монографії є пошук протографів тих пам'яток, які збереглися. На їхній основі стає можливим складання схеми розвитку історіописання англо-саксонської Англії. Також друга частина монографії дозволяє більш уважно поглянути на зовнішню форму давньоруського літописного тексту, а точніше — як виглядали рукописи, які не збереглися до наших днів, як у них розміщувався текст відносно років, що писав книжник спочатку: текст чи колонки нумерації років. Т. В. Гімон не обмежився історіографічним оглядом вже наявної інформації щодо певного рукопису, а провів ретельну роботу, спираючись на методи палеографії та кодикології.

Особливістю даної монографії є складання порівняльних таблиць щодо зовнішнього вигляду та текстового матеріалу рукописів обох культур. Читаючи цю книгу буде цікаво простежити як змінювалася інформація у тексті рукописів C, D і W Англо-Саксонської хроніки, текстологічне дослідження, яких дозволяє зробити висновок про їхній спільний протограф та процес редакторської роботи анналіста.

Монографія також вартісна тим, що в ній наявний ряд додатків, що вміщує перелік рукописів, які містять пам'ятки історіописання Англії та Давньої Русі; переклад Англо-Саксонської хроніки; покажчик найважливіших центрів книжності ранньосередньовічної Англії.

Читаючи цю книгу «очима студента», надзвичайно цікаво слідкувати за методами та підходами, які використовує автор в ході свого дослідження, як складає типологічні схеми та порівняльні таблиці. Подібно до того, як читач монографії «спостерігає» за ходом роботи середньовічного книжника, так студент може «стежити» за думкою Т. В. Гімона при аналізі давньоруського та англо-саксонського історіописання. Фактично монографія — чудовий приклад дослідження у форматі компаративного джерелознавства та історіографії, одна з перших крупних праць, написаних у даному ключі.

Прочитавши дану роботу можна дійти до висновку про вражаючу системну і типологічну подібність англійських анналів та давньоруських літописів, яка скоріш за все свідчить про єдність шляхів розвитку історіописання в ранньосередньовічній, нещодавно хрис-

тиянізованій державі. Цим текстовим пам'яткам властива практично ідентична структура. Паралелі також можна простежити, аналізуючи статус і авторство анналів та літописів, тематику їхніх повідомлень. Можна сказати, що і аннали, і літописи — це один вид історичного джерела, властивий різним народам.

Інші розлогі тексти, відмінні від анналів та літописів не демонструють настільки яскравих тотожностей, але ряд системних співпадінь в них теж присутній. По-перше, це наявність текстів по всесвітній історії, початковий текст по «вітчизняній» історії, що не являвся анналами чи літописом, наявність пам'яток місцевої церковної історії та жанру світської біографії, а також створення розлогих текстів, написаних поза анналістичною (літописною) традицією.

Автор не намагається давати остаточні відповіді на складні питання давньоруського літописання, а прагне звернути увагу на можливі риси подібності в роботі англо-саксонського анналіста та давньоруського літописця і, в зв'язку з цим, намітити подальші шляхи вивчення вітчизняної історіографії. Монографія Т. В. Гімона суттєво поглиблює знання про розвиток форм історіописання середньовічної Русі та Англії, а також дає уявлення про особливості роботи тогочасних книжників.

УДК 930.25 (477.63)

К. О. Тележняк

Дніпропетровський національний музей ім. Д. І. Яворницького

ВІДРОДЖЕННЯ ЛІТОПИСУ КАТЕРИНОСЛАВСЬКОГО КРАЮ

Рец. на кн.: Летопись Екатеринославской учёной архивной комиссии: в 11 вып. – Д.: Герда, 2010. – Вып. 1 [Репринтное издание]. - 336 с. (Серия «EDITIO PRINCEPS»).

Розглянуто перевидання «Летописи екатеринославской учёной архивной комиссии» (1904–1915) з точки зору історіографічної та джерелознавчої значимості иього проекту. Представлені головні напрямки діяльності установи в галузі виявлення архівного потенціалу нашого краю, обробки, введення до наукового обігу і дослідження його інформативного потенціалу.

Ключові слова: джерельна база, краєзнавство, катеринославські архіви, «Летопись Екатеринославской учёной архивной комиссии», професійне середовище істориків.

Рассмотрено переиздание «Летописи екатеринославской учёной архивной комиссии» (1904-1915) с точки зрения историографической и источниковедческой значимости этого проекта. Представлены главные направления деятельности учреждения в области выявления архивного потенциала нашего края, обработки, введения в научный оборот и исследования его информационного потенциала.

Ключевые слова: источниковая база, краеведение, екатеринославские архивы, «Летопись Екатеринославской учёной архивной комиссии», профессиональная среда историков.

The re-edition of «Letopis of Yekatyroslav archive commission» (1904–1915) and the his-toriographic and source-study significance of this project are described. Main directions of the commission activity and its role in opening of the archive potential of our region are studied: archive search, scientific description of archive documents, their publication and research of their informational potential.

Key words: source base, local studies, archives of Yekaterynoslav, «Letopis of Yekaterynoslav archive commission», professional community of historians.

[©] Тележняк К. О., 2014.

«Летопись» – головне видання Екатеринославской ученой архивной комиссии (1903–1919), що виходило з 1904 по 1915 рр. Головним редактором всіх десяти випусків «Летописи» і фактичним керівником установи був відомий історик і географ, учень В. Б. Антоновича – А. С. Синявський [3].

Загальновідомо, що це серійне видання вже давно стало неодмінним елементом джерельної бази досліджень з історії Степової України. А тому розпочатий за ініціативи дніпропетровського видавництва «Герда» (директор Ольга Винниченко) і підтриманий Вченою радою Інституту української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського проект за рахунок множення тексту, що давно вже став бібліографічною рідкістю, може створити нову науковоінформаційну ситуацію у вивченні регіональної історії України, суттєво помноживши дослідницькі ряди й зусилля вітчизняних фахівців.

Особливо варто відзначити, що за останні два десятиліття, коли системна робота вітчизняних істориків примусила глибоко переусвідомлювати минуле Південної України, інтерес до матеріалів «Летописи» неодмінно зростав. Насамперед це пов'язано з тим, що саме на її сторінках розпочалося систематичне і професійне вивчення минулого Катеринославщини як на дослідницькому, так і на археографічному, археологічному та архівознавчому рівнях. А тому сучасному науковцю не обійтися без врахування результатів обстежень місцевих приватних та державних архівів, зібрань, рукописних колекцій, які друкувалися на початку XX ст., без публікацій численних документів XVIII–XIX ст. з історії краю, без використання розвідок з історії козацтва, місцевих дворянських родів, заселення регіону, історії його культури та освіти. Їх вартість збільшується в рази, якщо згадати, що більшість описаних, опублікованих та використаних тут джерел загинули у вирі бурхливих подій XX ст. А тому початок реалізації рецензованого проекту може розглядатися й під кутом зору створення додаткових гарантій щодо збереження як документальної інформації, так і суспільної пам'яті в цілому.

Републікація «Летописи» надає нові можливості щодо вивчення ролі і місця Катеринославської ученої архівної комісії у формуванні і розвитку в Катеринославі нового історіографічного середовища, тобто уважніше поглянути на процес становлення тут професійного історичного середовища як невід'ємної частини історичної культури

краю, яка до створення Комісії не набула ще організаційних форм і була представлена в основному на аматорському рівні [2].

Імена відомих учених дійсних членів Комісії Д. І. Дорошенка, В. О. Біднова, А. С. Синявського, В. І. Пічети, В. В. Данілова, почесних членів Д. І. Яворницького, В. Б. Антоновича, М. С. Грушевського засвідчували появу на карті нового осередку історичних досліджень.

Насправді, Комісія не обмежувалася суто науковою роботою, вона гуртувала, мобілізовувала навколо себе і свого друкованого органу численний загін любителів старовини, які не лише надавали цінну евристичну інформацію, але й самі виступали з розвідками, публікаціями джерел, результатами архівних та археологічних розшуків.

Безумовний інтерес в історіографічному та історикоархеографічному плані представляє неодмінна увага членів Комісії до власної історії, фіксації поточної роботи, планування наукової діяльності, яка відбилася на сторінках «Летописи» у вигляді публікацій протоколів засідань, звітів керівництва, аналізу складу власної бібліотеки, грошових витрат, які надають важливі відомості щодо вивчення громадської та науково-дослідної активності гуманітарної інтелігенції регіону початку XX ст., їх духовно-культурних орієнтирів, механізмів науково-просвітницької праці.

Створення Комісії ставало важливим виявом соціокультурної «підготовленості» Катеринослава до інституалізації історичних та археографічних студій. І не лише тому, що тут зібралися фахові історики, але й тому, що на початок XX ст. «визрів» відповідний тип читача, споживача історичної продукції. А тому, перевидання «Летописи» стане у нагоді тим, хто зацікавлений і націлений на вивчення інтелектуальної історії, особливостей менталітету того нового соціального середовища, яке на межі XIX — на початку XX ст. формувало обличчя південноукраїнського міста, що переживало бурхливі і драматичні модернізаційні процеси.

Докладний огляд змісту «Летописи» та діяльності Катеринославської комісії в цій рецензії втрачає сенс, бо після вступного слова видавця, всі ці аспекти розкриті у статті одного з найбільших знавців катеринославської історії кінця XVIII— початку XX ст. С. В. Абросимової, де крім відповідної інформації вміщені майже вичерпні відомості з історії дослідження установи [1, с. 6–15].

Проект видавництва «Герда», на мій погляд, окрім наукового має також суттєвий суспільний та дидактичних потенціал, виявлення яких пов'язано із розвитком краєзнавчого руху на Дніпропетровщині та з можливостями застосування перевидання «Летописи» у навчальному процесі, насамперед, на історичному факультеті Дніпропетровського національного університету.

Відзначу також деякі особливості проекту. Насамперед, дбайливе ставлення до художнього оформлення, націленого, навіть на зовнішнє відтворення вигляду оригінального видання. Важливим вважаю й застосування подвійної (оригінальної та сучасних видавців) пагінації книжки, що читачу полегшить вирішення евристичних завдань. Схвалення заслуговує й націленість видавців на створення 11-го додаткового тому, в якому планується розмістити науководовідковий апарат, біоісторіографічні статті про діячів Комісії, наукові коментарі. У зв'язку з цим не можу не зауважити, що якщо науковий апарат та біоісторіографічна інформація в багатотомному проекті можуть розміщуватися у останньому томі, то відкладати наукові коментарі в даному випадку було явно недоцільно, що засвідчує деяку поспішність авторів проекту, який претендує, бо виходить під маркою Інституту археографії, джерелознавства та археографії ім. М. С. Грушевського, на статує наукового видання.

Сподіваюсь, що вихід репринтного видання першого тому «Летописи Екатеринославской ученой архивной комиссии» стане запорукою успішного завершення проекту в цілому, буде прихильно зустрінутий науковою громадськістю й, можливо, надасть поштовх до перевидання пам'яток історіографії та археографії не лише загальнонаціонального, але й регіонального масштабу.

Бібліографічні посилання

- 1. Абросимова C. B. «Летопись» екатеринославских архивистов / C. B. Абросимова // Летопись Екатеринославской учёной архивной комиссии: в 11 вып. Д., 2010. Вып. 1 [Репринтное издание].
- 2. Журба О. И. Сто лет днепропетровскому «цеху историков» / О. И. Журба // Грані. 2013. № 8 (100).
- 3. «Летопись Екатеринославской ученой архивной комиссии» (1904–1915): бібліогр. довідник / укл.: С. В. Абросимова, О. І. Журба, М. В. Кравець. К., 1991.

Додатки

Додаток 1

2013, травень. — Інформаційний лист щодо проведення Наукових читань, присвячених пам'яті професора Миколи Павловича Ковальського.

Днепропетровский национальный университет им. Олеся Гончара Кафедра историографии, источниковедения и архивоведения

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

Уважаемые коллеги! Кафедра историографии, источниковедения и архивоведения исторического факультета Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара сообщает, что 18–19 октября 2013 г. планируется проведение научных чтений, посвященных памяти профессора М. П. Ковальского «Профессиональная этика историка в пространстве междисциплинарности».

На обсуждение предлагаются следующие вопросы:

- I. Междисциплинарность в системе научно-исторического познания:
- специфическая этическая составляющая отдельных исторических дисциплин;
 - «слова» и «вещи» в работе историка этические аспекты;
- «теоретики» и «эмпирики»: конфликтогенность во взаимодействии;
- историографические и источниковедческие стили мышления: общее и отличное в этическом измерении;
- этос историка: проблемы консолидации в условиях междисциплинарности.

II. Внешняя междисциплинарность:

- интеллектуальная экспансия историка и профессиональная этика;
 - вызовы историкам от ученых-неисториков.

Проблемно-тематическая ориентация конференции связана с продолжением обсуждения этических проблем в современном научно-историческом познании, начатых на XII Астаховских чтениях в Харьковском национальном университете в октябре 2012 г. (см.: Харьковский историографический сборник. Вып. 11. — Харьков, 2012).

Оргкомитет конференции просит Вас к 1 сентября 2013 г. подать заявку на участие в конференции, а к 20 сентября 2013 г. сообщить название выступления для формирования программы. Публикация материалов конференции планируется в 2014 г.

Оргкомитет оставляет за собой право обоснованно отклонять представленные тексты. Проезд, проживание и питание — за счет участников, но при наличии помощи спонсоров, Оргкомитет компенсирует расходы на проживание и питание. Адрес Оргкомитета: 49050, г. Днепропетровск-50, проспект Гагарина, 72, Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара, исторический факультет, заведующему кафедрой историографии, источниковедения и архивоведения Олегу Ивановичу Журбе.

Контактные телефоны: (056) 374-98-62 — кафедра историографии, источниковедения и архивоведения; (056) 374-98-60 — деканат исторического факультета. E-mail: zhurba.oi@mail.ru

Оргкомитет.

Додаток 2

2013, жовтень. — Програма наукових читань, присвячених пам'яті професора Миколи Павловича Ковальського.

Програма конференції

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара Історичний факультет

Кафедра історіографії, джерелознавства та архівознавства

Всеукраїнські наукові читання

«Професійна етика історика у міждисциплінарному просторі», присвячені пам'яті професора Миколи Павловича Ковальського (18 – 19 жовтня 2013 р.)

Регламент

18 жовтня

(Палац студентів ДНУ, Гетьманська зала)

 10^{00} – 11^{00} – Реєстрація учасників у Палаці студентів ДНУ (проїзд від центрального залізничного вокзалу трамваєм № 1 до зупинки «Парк Т. Г. Шевченка»).

1100 – 1400 – Відкриття конференції, пленарне засідання.

 $14^{00} - 14^{30} - Обід.$

 $14^{30} - 18^{00} -$ Продовження пленарного засідання.

 $18^{00} - 20^{30} -$ Дружня вечеря.

19 жовтня

(корпус ДНУ № 1, історичний факультет)

 $10^{00} - 12^{00} - 3$ асідання секцій.

 $12^{00} - 12^{30} - \Pi$ ерерва на каву.

12³⁰ – 14³⁰ – Засідання секцій.

 $14^{30} - 15^{00} - Перерва$ на каву.

 $15^{00} - 17^{00} - \Pi$ ідсумкове пленарне засідання.

Виступи на пленарному засіданні – до 20 хв.

Виступи на секційних засіданнях – до 15 хв.

Презентації – до 30 хв.

Робочі мови – українська і російська.

Кафедра історіографії, джерелознавства та архівознавства висловлює щиру вдячність випускнику історичного факультету 1992 р. Олександру Городецькому за багаторічну безкорисну підтримку.

18 жовтня

Відкриття конференції – 1100

Вітальне слово голови Оргкомітету, ректора Дніпропетровського національного університету ім. Олеся Гончара, професора *Миколи Вікторовича Полякова*

Пленарне засідання

Головуючі — проф. С.І. Світленко, проф. С.І. Посохов, проф. О.І. Журба

Світленко Сергій Іванович (д.і.н., професор, Дніпропетровський національний університет ім. Олеся Гончара).

Етичний ідеал джерелознавства/джерелознавця у науковопедагогічному доробку М. П. Ковальського.

Швидько Ганна Кирилівна (д.і.н., професор, Національний гірничий університет, м. Дніпропетровськ).

Професор М. П. Ковальський як науковий керівник: етична складова.

Журба Олег Іванович, Портнова Тетяна Володимирівна, Чернов Євгеній Абрамович (д.і.н., професор; к.і.н., доцент; ст. викладач, Дніпропетровський національний університет ім. Олеся Гончара).

Этос историка в идеалах и условиях междисциплинарности.

Куделко Сергій Михайлович (к.і.н., професор, Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна).

Внешняя междисциплинароность: интеллектуальная экспансия неисториков: этический аспект.

Савчук Варфоломій Степанович (д.і.н., професор, Дніпропетровський національний університет ім. Олеся Гончара).

История науки: ее самоопределение в «рафинированном» научном сообществе.

Румянцева Марина Федорівна* 1 (к.і.н., доцент, НДУ «Высшая школа экономики», м. Москва).

От источниковедения vs историографии к источниковедению историографии: этическая составляющая классической и неклассической моделей науки.

Болебрух Анатолій Григорович (д.і.н., професор, Дніпропетровський національний університет ім. Олеся Гончара).

Объективная тайна и субъективная истина.

Толочко Олексій Петрович (д.і.н., член-кореспондент НАН України, Інститут історії України НАН України).

«Жандармы» и «жертвы»: дискуссии в позднесоветской научно-гуманитарной среде.

Посохов Сергій Іванович (д.і.н., професор, Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна).

Етичні аспекти історичної імагології.

Стельмах Сергій Петрович, Косенко Марія Сергіївна* (д.і.н., професор; аспірантка, Київський національний університет ім. Тараса Шевченка).

Між історією і політикою: професіоналізм і легітимаційна функція німецької історичної науки в оцінках британських і російських вчених XIX — початку XX ст.

Мчедлов-Петросян Микола Отарович (д.х.н., професор, Харківський національний університет ім. В.Н. Каразіна).

Этический аспект научных публикаций в условиях информационного взрыва.

Маловичко Сергій Іванович (д.і.н., професор Московського державного обласного гуманітарного інституту).

Этическая составляющая проблемы классификации историографических источников.

 $^{^{1}\,}$ Тут і далі зірочкою відмічені ті, хто з різних причин не зміг безпосередньо взяти участь у Читаннях.

Презентація нових наукових видань.

19 жовтня

Секція І

Етичні аспекти у системі науково-історичного пізнання (корп. 1, аудиторія 611)

Співголови секції: Толочко Олексій Петрович (д.і.н., член-кореспондент НАН України, Інститут історії України НАН України; Маловичко Сергій Іванович (д.і.н., професор Московського державного обласного гуманітарного інституту; Виноградов Геннадій Миколайович (к.і.н., доцент, Дніпропетровський національний університет ім. Олеся Гончара).

Литвинова Тетяна Федорівна (д.і.н., професор, Дніпропетровський національний університет ім. Олеся Гончара).

Дисертаційне дослідження у професійному етичному вимірі: досвід самоспостереження.

Булигіна Тамара Олександрівна* (д.і.н., професор, Північнокавказький федеральний університет, м. Ставрополь).

Источниковедческие тексты В.О. Ключевского и научный стиль историка.

Колесникова Марина Євгеніївна (д.і.н., професор, Північнокавказький федеральний університет, м. Ставрополь).

Этический подход к изучению трудов северокавказских историописателей второй половины XIX – начала XX вв.

Богдашина Олена Миколаївна (д.і.н., професор, Харківський національний педагогічний університет ім. Г. Сковороди).

Профессиональная этика М. М. Ковалевского в зеркале самооценки и оценках окружающих.

Козлова Марія Ігорівна (к.і.н., ст. викладач, Сиктивкарський державний університет).

Историописание XVIII в. в этическом измерении современной истории истории.

Руднєв Михайло Альбертович (к.і.н., доцент, Дніпропетровський національний університет ім. Олеся. Гончара).

История русской общественной мысли как междисциплинарное пространство: этологический аспект.

Кісельова Юлія Анатоліївна (викладач, Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна).

До питання про етичне значення історіографічної критики (на матеріалах імператорського Харківського університету).

Чухлій Світлана Олександрівна (пошукач, Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна).

Історіографічний концепт «історик другого плану»: етичний аспект.

Виноградов Геннадій Миколайович (к.і.н., доцент, Дніпропетровський національний університет ім. Олеся Гончара).

Професійне «невігластво» як етична складова сучасної славістичної медієвістики.

Леонова Олександра Володимирівна (к.і.н., науковий співробітник Українського інституту вивчення Голокосту «Ткума»).

Формирование дискурса социально-ориентированного и научно-ориентированного исторического знания (вторая половина XIX – начало XX в.).

Секція II **Етичні проблеми міжнаукової взаємодії/експансії** (корп.1, аудиторія 613)

(корп.1, аудиторія 613)

Співголови секції: Венгер Наталя Вікторівна (д.і.н., професор, Дніпропетровський національний університет ім. Олеся Гончара; Куделко Серей Михайлович (к.і.н., професор, Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна; Воронов Віктор Іванович (к.і.н., доцент, Дніпропетровський національний університет ім. Олеся Гончара).

Венгер Наталя Вікторівна (д.і.н., професор, Дніпропетровський національний університет ім. Олеся Гончара).

Историческая идентичность этнической группы и постсоветская историография: проблемы санкционированного вторжения.

Савченко Сергій Володимирович (к.і.н., доцент, Національна металургійна академія України, м. Дніпропетровськ).

Девіантна та імітаційна наука у просторі історичного знання.

Посохов Іван Сергійович* (к.і.н., доцент, Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна).

«Я сам обманываться рад...»: исторические реконструкции в политике памяти.

Павлова Ольга Григорівна (к.і.н., доцент, Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна).

Історик і колекціонер А. Ф. Луньов: комунікація і конфлікти.

Вакулик В'ячеслав Володимирович (к.і.н., доцент, Дніпропетровського державного аграрного університету).

История ветеринарной медицины в системе клинических дисциплин: вынужденный компромисс или необходимый симбиоз.

Воронов Віктор Іванович (к.і.н., доцент, Дніпропетровський національний університет ім. Олеся Гончара).

«Нова історична хронологія» як міждисциплінарний виклик історикам.

Бунакова Ірина Вікторовна* (к.ф.н., доцент, Дніпропетровський національний університет ім. Олеся Гончара).

Преподаватель философских дисциплин на историческом факультете.

Бондаренко Станіслав Костянтинович (аспірант, Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна).

Образи та імажинізм: Оптика читання як етос.

Усенко Павло Сергійович* (к.і.н., с.н.с., Дніпропетровський національний історичний музей ім. Д. І. Яворницького).

Музеологія очима історика: етичний аспект.

Додаток 3

Список скорочень

АУ – Архіви України

ВЕ - Вестник Европы.

Вісник КНУ – Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Історія.

ДІАЗ – Дніпропетровський історико-археографічний збірник.

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения.

ИВ – Исторический вестник.

КС – Киевская старина; Київська старовина.

НЛО – Новое литературное обозрение.

УІЖ – Український історичний журнал.

УМ – Україна модерна.

XI3 – Харківський історіографічний збірник.

Наші автори

Болебрух Анатолій Григорович – д. і. н., професор, почесний професор кафедри історіографії, джерелознавства та архівознавства Дніпропетровського національного університету ім. О. Гончара.

Бондаренко Станіслав Костянтинович – аспірант історичного факультету, старший лаборант Центру краєзнавства ім. П. Т. Тронька Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна.

Булигіна Тамара Олександівна – д. і. н., професор кафедри історії Росії факультету історії, філософії та мистецтва Гуманітарного інституту Північнокавказького федерального університету, м. Ставрополь.

Вакулик В'ячеслав Володимирович – к. і. н., доцент кафедри хірургії і акушерства сільськогосподарських тварин Дніпропетровського державного аграрного університету.

Венгер Наталя Вікторівна – д. і. н., завідувач кафедри всесвітньої історії Дніпропетровського національного університету ім. О. Гончара.

Войцеховська Тетяна Вікторівна – студентка 4 курсу історичного факультету Дніпропетровського національного університету ім. О. Гончара.

Воронов Віктор Іванович – к. і. н., доцент кафедри історіографії, джерелознавства та архівознавства Дніпропетровського національного університету ім. О. Гончара.

Грищенко Катерина Станіславівна – аспірантка кафедри історії України Дніпропетровського національного університету ім. О. Гончара.

Журба Олег Іванович – д. і. н., завідувач кафедри історіографії, джерелознавства та архівознавства Дніпропетровського національного університету ім. О. Гончара.

Ільїна Кіра Андріївна – к. і. н., с. н. с. Інституту гуманітарних історико-теоретичних досліджень ім. А. В. Полєтаєва Національного дослідницького університету «Вища школа економіки», м. Москва.

Кіселева Юлія Анатоліївна – викладач кафедри історіографії, джерелознавства та археології Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна.

Козлова Марія Ігорівна — к. і. н., ст. викладач кафедри економіки та менеджменту сервісу Сиктивкарський державного університету.

Косенко Марія Сергіївна – аспірантка Київського національного університету ім. Тараса Шевченка.

Куделко Сергей Михайлович – к.і.н., професор Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна.

Литвинова Тетяна Федорівна – д. і. н., професор кафедри історії України Дніпропетровського національного університету ім. О. Гончара.

Лихацький Андрій Андрійович — магістрант Національного дослідницького університету «Вища школа економіки», м. Москва.

Маловичко Сергій Іванович – д. і. н, професор Московського державного обласного гуманитарного інституту.

Мчедлов-Петросян Микола Отарович – д. х. н., завідувач кафедри фізичної хімії Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна.

Портнова Тетяна Володимирівна – к. і. н., доцент кафедри історіографії, джерелознавства та архівознавства Дніпропетровського національного університету ім. О. Гончара.

Посохов Сергій Іванович – д. і. н., завідувач кафедри історіографії, джерелознавства та археології, декан історичного факультету Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна.

Румянцева Марина Федорівна – к. і. н., доцент кафедри соціальної історії факультету історії Національного дослідницького университету «Высшая школа экономики», м. Москва.

Савченко Сергій Володимирович – к. і. н., доцент Національної металургійної академії України, м. Дніпропетровськ.

Савчук Варфоломій Степанович – д. і. н., професор кафедри теоретичної фізики Дніпропетровського національного університету ім. О. Гончара.

Світленко Сергій Іванович – д. і. н., професор кафедри історії України, декан історичного факультету Дніпропетровського національного університету ім. О. Гончара.

Стельмах Сергій Петрович – д. і. н., професор кафедри історії Росії Київського національного університету ім. Тараса Шевченка

Тележняк Катерина Олексіївна – с. н. с. Дніпропетровськог національного історичного музею ім. Д. І. Яворницького.

Чернов €вген Абрамович – ст. викладач кафедри історіографії, джерелознавства та архівознавства Дніпропетровського національного університету ім. О. Гончара.

Чухлій Світлана Олександрівна – пошукач кафедри історіографії, джерелознавства та археології Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна.

Шаталов Денис Валерійович — аспірант кафедри історії України Дніпропетровського національного університету ім. О. Гончара.

Швидько Ганна Кирилівна – д. і. н., професор кафедри історії та політичної теорії Національного гірничого університету, м. Дніпропетровськ.

Зміст

Від редколегії	3
Історик у професійно-етичному вимірі	
Журба О. И., Портнова Т. В., Чернов Е. А. Этос историка	
в идеалах и условиях междисциплинарности	6
Zhurba O. I., Portnova T. V., Chernov Ye. A. The ethos of histor	rian
in ideals and conditions of interdisciplinarity	16
Світленко С. І. Етичний ідеал джерелознавця	
у науково-педагогіч-ному доробку професора М. П. Ковальського	24
Швидько Г. К. Професор М. П. Ковальський як науковий кері	вник:
етична складова	30
Ильина К. А. Корпоративная солидарность vs лояльность	
(случай научной аттестации С. П. Шевырева (1835–1837)	
Булыгина Т. А. Источниковедческие тексты В. О. Ключевског	O
и научный стиль историка	65
Грищенко Е. С. Штрихи к историографическому образу	
екатеринославского публициста середины XIX века Н. Б. Герсеванова	
(этические проблемы героя и его исследователя)	72
Лихацкий А. А. Сообщество «Одиссеев»	
(этос профессионального историка в альманахе «Одиссей»)	88
Етичні аспекти у системі науково-історичного пізнанн	RI
Болебрух А. Г. Объективна тайна и субъективная истина	
Посохов С. И. Этические проблемы исторической имагологии	115
Румянцева М. Ф. Источниковедение историографии:	
дисциплинарные основания и этический выбор	131
Маловичко С. И. Этическая составляющая проблемы	
классификации историографических источников	143
Чухлій С. О. «Історик другого плану» як історіографічний	
концепт	158
Козлова М. И. Историописание XVIII века в этическом	
измерении современной истории истории	167

Венгер Н. В. Историческая идентичность этнической группы и	
постсоветская историография: проблемы санкционированного	
вторжения	
Косенко М. С., Стельмах С. П. Професіоналізм і легітимаційна	
функція німецької історичної науки в російській та англомовній	
історіографіях XIX – початку XX століття	. 196
Киселева Ю. А. К вопросу об этическом измерении	
историографической критики (на матералах Императорского Харьковск	
университета)	. 211
Етичні проблеми міжнаукової взаємодії/експансії	
· · · · · · · · · · · · · · · · · · ·	
Мчедлов-Петросян Н. О. Этический аспект научных публикаци	
в условиях информационного взрыва(опыт работы химика)	. 223
Савчук В. С. История науки: её самоопределение в «рафини-	
рованном» научном сообществе	. 241
Вакулик В. В. История ветеринарной медицины в системе	
клинических дисцплин: вынужденный компромисс или необходимый	2.40
симбиоз	. 248
Бондаренко С. К. Образи та імажинізм: оптика читання як етос	262
і антропологія погляду в історіописанні	. 262
оселедці	272
Воронов В. І. «Нова хронологія» як міждисциплінарний виклик	. 213
історикам	288
теторикам	200
Рецензії/дискусії/огляди	
Литвинова Т. Ф. Взгляд изнутри, но с другого берега	
(размышления над «малой украинской трилогией» Даниэля Бовуа)	302
Шаталов Д. В. Тут, внутри: как филологи пишут историю	
(размышления над и по поводу образа украинского казака в современно	й
российской гуманитаристике)	. 333
Журба О. І. Рецензія на рецензію, або архівознавче кіллерство	
(з приводу рецензії К. Климової на книжку І. Матяш)	348
Войцеховська Т. В. Можливості порівняльної історіографії в	
дослідженні середньовічного історіописання	. 359
Тележняк К. О. Відродження літопису катеринославського	
краю	366
Додатки	
Наші автори	379

Наукове видання

ІСТОРІОГРАФІЧНІ ТА ДЖЕРЕЛОЗНАВЧІ ПРОБЛЕМИ ІСТОРІЇ УКРАЇНИ

Професійна етика історика у міждисциплінарному просторі

Міжвузівський збірник наукових праць Українською, англійською та російською мовами

Свідоцтво про Держреєстрацію Серія КВ № 15462–4034 Р від 5 червня 2009 р.

Редактор В. П. П и м е н о в Технічний редактор В. А. У с е н к о Коректор В. П. П и м е н о в Комп'ютерна верстка та дизайн Л. Ю. Ж е р е б ц о в а Дизайн обкладинки Л. Ю. Ж е р е б ц о в а

Підписано до друку 19.12.2014. Формат 60х84/16. Ум. друк. арк. 22,32. Наклад 100 пр. Зам. № 409.

Видавництво і друкарня «ЛІРА» 49000, м. Дніпропетровськ, вул. Наукова, 5 Свідоцтво про внесення до Держреєстру ДК № 188 від 19.09.2000.